

ФЕНИМОР КУПЕР

КОЛОНИЯ НА КРАТЕРЕ — МОРСКИЕ ЛЬВЫ

ФЕНИМОР КУПЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РОМАНОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. МОГУЧЕГО

ТОМ XIII

«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ФЕНИМОР КУПЕР

КОЛОНИЯ НА КРАТЕРЕ

РОМАН

МОРСКИЕ ЛЬВЫ

РОМАН

«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

J. FENIMOR COOPER

THE CRATER OR THE
VULKAN'S PEAK

THE SEA LIONS OR
THE LOST SEALERS

Переплет и обложка по рис. худ. А. Могилевского
Отпечатано в типографии Госиздата
«Красный Пролетарий». Москва,
Пименовская улица, 16,
в колич. 7000 экз., 15 л.
Главлит № А — 14008
MCMXXVIII

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
КОЛОНИЯ НА КРАТЕРЕ.....	8
ГЛАВА I.....	8
ГЛАВА II.....	10
ГЛАВА III.....	12
ГЛАВА IV.....	15
ГЛАВА V.....	18
ГЛАВА VI.....	21
ГЛАВА VII.....	23
ГЛАВА VIII.....	25
ГЛАВА IX.....	27
ГЛАВА X.....	30
ГЛАВА XI.....	32
ГЛАВА XII.....	37
ГЛАВА XIII.....	40
ГЛАВА XIV.....	43
ГЛАВА XV.....	45
ГЛАВА XVI.....	49
ГЛАВА XVII.....	51
ГЛАВА XVIII.....	54
ГЛАВА XIX.....	58
ГЛАВА XX.....	61
ГЛАВА XXI.....	63
ГЛАВА XXII.....	66
ГЛАВА XXIII.....	67
ГЛАВА XXIV.....	68
ГЛАВА XXV.....	71
ГЛАВА XXVI.....	73
ГЛАВА XXVII.....	75
ГЛАВА XXVIII.....	79
МОРСКИЕ ЛЬВЫ	81
ГЛАВА I.....	81
ГЛАВА II.....	82
ГЛАВА III.....	83
ГЛАВА IV.....	86
ГЛАВА V.....	87
ГЛАВА VI.....	91
ГЛАВА VII.....	94
ГЛАВА VIII.....	95
ГЛАВА IX.....	98
ГЛАВА X.....	100
ГЛАВА XI.....	102
ГЛАВА XII.....	105
ГЛАВА XIII.....	107
ГЛАВА XIV.....	110
ГЛАВА XV.....	112
ГЛАВА XVI.....	113
ГЛАВА XVII.....	116
ГЛАВА XVIII.....	118
ГЛАВА XIX.....	120
ГЛАВА XX.....	122
ГЛАВА XXI.....	124
ГЛАВА XXII.....	126
ГЛАВА XXIII.....	130

ΓΙΑΒΑ XXIV	132
ΓΙΑΒΑ XXV.....	133
ΓΙΑΒΑ XXVI	135
ΓΙΑΒΑ XXVII.....	136

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Колония на кратере» — соединение своеобразной робинзонады с увлекательным повествованием о зарождении нового общества. Новым, однако, общество колонии на кратере является лишь в географическом смысле, в смысле переселения обитателей Соединенных Штатов на необитаемые острова. По своей социальной сущности это общество на самом деле является точным слепком с любого товарного общества. Фенимор Купер отражает психологию капиталистических и землевладельческих классов в своей совсем не утопичной утопии. Его фантазия никак не может выйти за узкие пределы понимания общественных отношений его собственным классом. Марк и Боб — герои романа — имеют максимум экономических и политических прав, потому, якобы, что они открыли острова, и их энергии колония обязана своим существованием. Вокруг Марка и Боба создается группа привилегированных, связанных семейными отношениями, т.-е. отношениями частной собственности. К ним примыкают капитаны, квалифицированные ремесленники и земледельцы — все, имеющие в своем владении те или другие средства производства. Прочая масса населения колонии, правда, получает участки земли и кое-какую помощь со стороны организаторов колонии, но отнюдь не с целью подъема ее благосостояния. Во-первых, «помощь» идет за счет общественных богатств. Колониальное сырье отправляется на рынки и благодаря специфическим условиям его добычи (дешевизна рабочих рук, особенные неистощенные богатства) обменивается с лихвой на нужные потребительные стоимости. При этом значительная доля поступает в собственные магазины Марка Вульстона и других новоиспеченных буржуа. Естественно, что это позволяет им на весьма и весьма выгодных условиях сосредоточивать в своих руках значительную долю труда колонистов. Независимость колонистов, таким образом, мнимая. Правда, они еще не лишены своих личных средств производства. Но, видимо, недалеко было то время, когда Марк Вульстон «с товарищи» начали бы уже и прямо покупать рабочую силу. Организация заводов по переработке жиров, весь китобойный промысел, судостроительство — все это уже организация на началах промышленного капитализма.

Фенимор Купер глухо сообщает о каком-то недовольстве населения создавшимися порядками. Появилась газета. Общественное мнение колонии, видимо, выразилось не в пользу Вульстона. Вполне понятно, что в столь молодом обществе формы экономической эксплуатации еще не успели опереться на войско, на чиновников, на церковь и изобретенную для послушания историю (история была на глазах у всех). Вот почему Марку Вульстону пришлось покинуть колонию и поискать почву для эксплуатации в старых странах. Здесь Фенимор Купер закрывает завесу над возможными изменениями общественных отношений в колонии. Романист находит выход в уничтожении колонии вулканическим извержением. Другой «романист» — общественная история — показывает другой выход. Социальное извержение уничтожает капиталистические производственные отношения и ставит на месте анархического общества эксплуататоров ассоциацию сознательных и действительно равных производителей, работающих и распределяющих блага на коммунистических началах. В этом подлинно новом обществе не будет места Маркам Вульстонам и эксплуатации индейцев. Народы всех рас и всех национальностей сольются в общую семью.

Осудить прошлое, между тем, не означает, что надо отвернуться от него, что в нем нечему учиться. Человек не только продукт истории, сила её созидания. Роман Купера как капиталистическая романтика советскому читателю не нужен, но как яркая страница величайшей активности человека, как отображение мощной борьбы человека с природой — он нам должен и не может не быть близким.

Вся история жизни Марка Вульстона и Боба на голой вулканической скале, вся история разумного использования возможностей, которые может дать природа при приложении человеческого труда, — представляет в нашей борьбе за трудовую культуру полезный и важный урок. В равной мере это относится к оживленной трудовой деятельности позднейших колонистов.

Труд общественного человека необходим во все времена. Коммунисты борются за изменение его социальной формы, за то, чтобы работали все люди в меру их сил и способностей, чтобы в обществе не было двух полюсов, чтобы одна часть человечества не пользовалась чрезмерным трудом других. С этой решающей поправкой, которая для советского читателя очевидно ясна, роман Купера безусловно, может считаться полезной книгой.

Вслед за «Колонией на кратере» в этом томе читатель найдет другой роман «Морские львы». И в этом романе ценна для нас картина героической тяжелой работы моряков-промышленников в скованных льдами пространствах полярных стран. Другая сторона романа, рисующая социальные симпатии автора, должна быть предметом критического отношения нашего читателя. Накопительство для себя, религиозное ханжество и другие «прелести» разрушенного у нас общественного строя являются для каждого подлинно-советского гражданина предметом действительной ненависти. И трудно сомневаться, чтобы в фигуре Пратта он не узнал наших собственных городских и деревенских буржуа.

КОЛОНИЯ НА КРАТЕРЕ

ГЛАВА I

Отец Марка был врач и, по тогдашнему времени, врач незаурядный. Жил он в маленьком городке Пенсильвании — Бристоле. У доктора Вульстона был тут же, в Бристоле, коллега, по фамилии Ярдлей. Этот Ярдлей имел над Вульстоном то преимущество, что он был материально более обеспечен. Кроме того, у доктора Ярдлея была только одна дочь, а Вульстон был отцом многочисленного семейства.

Марк был старшим из детей Вульстона, и, вероятно, этому счастливому обстоятельству он был обязан тем, что получил более тщательное образование.

В восемнадцатом столетии высшие учебные заведения, или коллегии, в Америке были детскими школами: по части словесности преподавалась одна грамматика, а по другим наукам там можно было нахвататься только обрывков знания. Как бы то ни было, но каждый окончивший курс этой коллегии получал громкое звание бакалавра, и Марк Вульстон получил бы его, без сомнения, наравне с другими своими товарищами, если бы на шестнадцатом году его жизни не случилось одно событие, которое окончательно изменило все его планы и виды на будущее.

Хотя большие суда редко поднимаются по Делавару выше Филадельфии, однако, река эта доступна даже и для самых крупных судов вплоть до самого Трэншон-Бриджа. Однажды, — это было в 1793 году, когда Марку Вульстону едва только исполнилось шестнадцать лет, — большое вооруженное судно бросило якорь в конце набережной Берлингтона, маленького городка, расположенного на противоположном берегу Делавара, почти как раз против Бристоля. Судно это тотчас же сосредоточило на себе внимание всей местной молодежи.

Марк поминутно переправлялся на своей маленькой шлюпке на другую сторону реки. Красивый корабль произвел на него сильное впечатление, с той поры он не помышлял ни о чем другом, кроме океана. Ничто не могло поколебать принятого им решения. Все шесть недель его каникулярного времени ушли на всестороннее обсуждение этого важного вопроса, и в конце концов доктор Вульстон сдался; его согласию, вероятно, немало содействовала мысль, что сбережения, которые будут у него оставаться в том случае, если старший сын его начнет самостоятельно зарабатывать себе кусок хлеба, окажутся отнюдь не лишними для образования младших детей.

В 1793 году торговля Америки шла уже бойко, и Филадельфия была одним из ее важнейших пунктов. Особенно оживленные сношения поддерживал этот порт с Восточной (Ост-Индией¹).

Доктору Вульстону был хорошо знаком капитан одного из крупных коммерческих судов; к нему он и решил обратиться за советом в этом деле. Капитан Кретшли согласился принять Марка на свое судно и обещал его отцу сделать из этого юноши хорошего моряка.

Марк был бойкий, толковый и для своих лет рослый, сильный и здоровый мальчик. Едва только его судно успело сняться с якоря, как Марк почувствовал себя на «Ранкокусе» так же хорошо и свободно, как у себя дома. В тот же день капитан Кретшли сказал о нем своему помощнику:

— Этот парень далеко пойдет: из него будет прок.

Несмотря на то, что Марк быстро освоился с судном и чувствовал себя счастливым в своем новом звании моряка, у него не легко было на душе, когда он впервые в своей жизни потерял из виду родной берег. Он любил своего отца, мать, братьев и сестер, а кроме того, было еще одно лицо, занимавшее в его сердце и воображении несравненно больше места, чем все остальные: это была Бриджит Ярдлей, единственная дочь собрата его отца.

Взаимные отношения двух коллег были далеко не из лучших, но слишком часто приходилось сталкиваться у постели различных больных, чтобы вести открытую войну. Зато жены явно враждовали между собой. Даже встречаясь у общих знакомых, они делали вид, как будто не замечают друг друга.

Но взаимные чувства их детей были совершенно иного характера: Анна Вульстон, старшая из сестер Марка, и Бриджит Ярдлей были почти однолетки; они посещали одну и ту же школу и были лучшими друзьями. Следует отдать справедливость матерям: они не противились взаимной привязанности своих детей.

Девушки были милы и хороши собою, но каждая из них была мила и хороша по-своему. Анна отличалась красивыми чертами и ярким румянцем лица. Бриджит обладала, кроме того, красивыми, вдумчивыми глазами, которые придавали ее лицу особенную выразительность. Марку часто случалось заходить

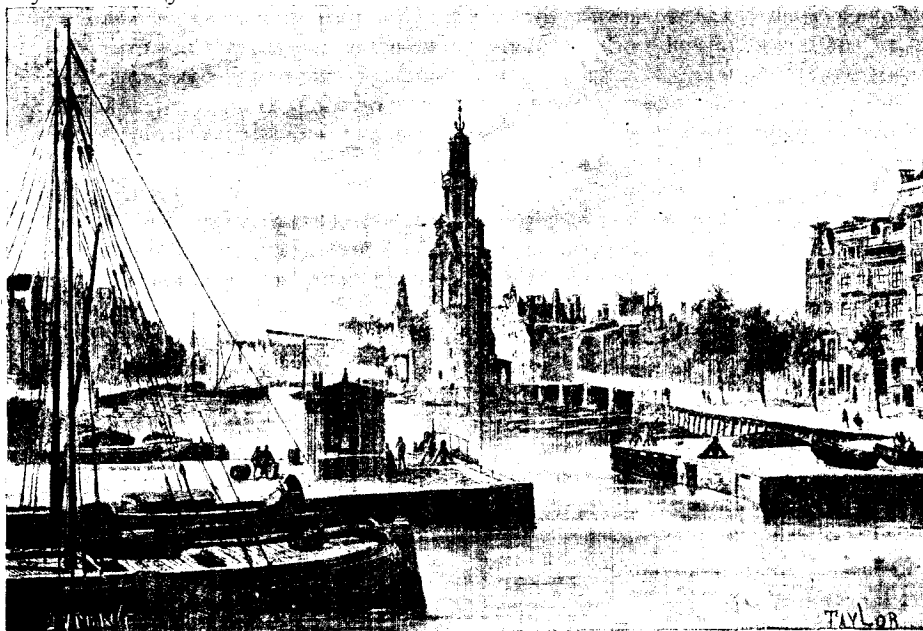
¹ Ост-Индия — в широком смысле слова — вся передняя и задняя Индия с Малайским архипелагом. (Прим. ред.)

к доктору Ярдлею за сестрой, когда та была в гостях у своей подруги, чтобы проводить ее домой; благодаря этому обстоятельству он вскоре был принят в качестве третьего лица в их тесный дружеский кружок.

В результате душевных бесед и частых свиданий в душе Бриджит зародилось к Марку чувство, гораздо более глубокое и серьезное, чем то можно было ожидать от девочки в ее возрасте. С Марком случилось то же самое, но он понял всю силу своей привязанности лишь в ту минуту, когда родной берег стал уходить у него из глаз.

Служба молодого моряка шла очень успешно; своему делу он обучался под руководством одного старого, опытного матроса, и когда судно вошло в китайские воды, он уже был назначен рулевым.

Через год «Ранкокус» вернулся из плавания. Красивый, ловкий юноша, повидавший далекие страны и моря, выглядел щеголем в своей синей куртке тончайшего сукна, с небрежно повязанным вокруг шеи настоящим индийским фуляром. Он едва успевал отвечать на сыпавшиеся на него со всех сторон вопросы о Китае и о волнах океана величиною с горы. Жители Бристоля, никогда не видавшие океана, были почти уверены, что в открытом море волны «вышиною с горы»; впрочем, о горах они имели такое же представление: в этой части Пенсильвании нет даже бугра, который был бы настолько высок, чтобы можно было поставить на нем ветряную мельницу.

Amsterdam.

Двенадцать месяцев разлуки прошли не даром для Марка и Бриджит: оба они развились, расцвели и возмужали за это время. В течение месяца, который Марк провел в родительском доме в Бристоле, он, конечно, не раз успел повидаться с любимой девушкой. Мало того, он признался ей в своей любви и выманил у ней признание во взаимности.

Родители не замечали того, что происходит между их детьми, точно так же, как и дети, с своей стороны, не подозревали, до чего возросла взаимная вражда и ненависть их отцов и матерей. Теперь уже коллеги не встречались даже у изголовья больных; если же им когда-нибудь приходилось сталкиваться друг с другом, то каждая такая встреча неизбежно оканчивалась более или менее крупной ссорой.

Быстро промелькнули для Марка четыре счастливые недели отпуска; по окончании этого срока он обязан был снова вернуться на свое судно. Надо было проститься с родными и с Бриджит. Анна, ставшая поверенной влюбленной пары, сделалась вместе с тем и хранительницей весьма важной тайны их взаимного обещания стать мужем и женою.

Марк уезжал с сокрушенным сердцем, но, тем не менее, полный надежд на будущее. Несмотря на то, что образ подруги не выходил у него из головы, не прошло и недели со дня отплытия судна, как он уже снова был первым весельчаком и затейником из всего экипажа.

Путь их лежал теперь не прямо на Кантон, как в первое его плавание; «Ранкокус» должен был предварительно сдать в Амстердаме груз сахара и затем уже, занявшись некоторое время каботажем¹ в Европе, направиться в Кантон. Из Амстердама «Ранкокус» зашел в Лондон, где забрал товары для доставки в Кадикс². По пути приходилось заходить то в тот, то в другой порт, и Марк знакомился с чужеземными странами, народами и обычаями. Он приобрел громадный запас всевозможных сведений, которые ему впоследствии

¹ Каботаж — прибрежное плавание с грузом товаров.

² Кадикс — портовый город в Испании, на берегу Атлантического океана.

очень пригодились. Перед отправлением в Кантон Марк был произведен в младшие помощники капитана, хотя ему еще не было и восемнадцати лет.

Плавание от Лондона до Кантона и от Кантона до Филадельфии продолжалось около десяти месяцев. По прибытии на место своей сто янки капитан Кретшли дал Марку торжественное обещание сделать его в следующее плавание своим старшим помощником, и счастливый Марк, не теряя времени, поспешил в Бристоль.

Бриджит Ярдлей была тогда в полном расцвете своей красоты; Марк застал ее в трауре по матери; эта утрата только еще более сблизила двух приятельниц. Однако, на частые посещения молодого моряка отец Бриджит взглянул совершенно другими глазами. Не прошло и двух недель со дня его возвращения, в течение которых Марк чаще, чем когда-либо, посещал подругу своей сестры, как старик Ярдлей без всякой уважительной причины попросил его не бывать более у него в доме.

После смерти госпожи Ярдлей Бриджит получила совершенно независимое и довольно большое состояние, и при одной мысли о том, что это состояние может перейти в руки сына его врага, доктор Ярдлей готов был рвать на себе волосы. Поэтому-то он и воспользовался первым попавшимся случаем, чтобы сделать молодому человеку сцену в присутствии смущенной и озадаченной его выходкою Бриджит. Старик не поспешил на всякого рода обидные инсинуации по адресу всех Вульстонов, за исключением Анны, которую, как он выразился, «не смешивает с остальными».

Во все время этой тяжелой и неприятной сцены молодой моряк вел себя безукоризненно: он ни разу не забыл, что имеет дело со стариком, да к тому же еще с отцом Бриджит. Выслушав до конца речь доктора Ярдлея, Марк поспешил схватил свою шляпу, и по тому, как он вышел из комнаты и из дома ее отца, Бриджит поняла, что он уже никогда более туда не вернется.

ГЛАВА II

Тяжелая, неприятная сцена, происшедшая в доме доктора Ярдлея, очень скоро стала известна доктору Вульстону, и хотя он довольно благосклонно относился к Бриджит, конечно, настолько благосклонно, на сколько это ему было возможно по отношению к дочери Ярдлея, но оскорбление, нанесенное его семье в лице сына, было так велико, что он в свою очередь запретил всякие сношения между молодыми девушками. Бриджит, любившая Анну почти так же сильно, как и ее брата, положительно не могла свыкнуться с этой разлукой: она загрустила до того, что это отозвалось даже на ее здоровье.

С целью развлечь и рассеять ее отец решил отправить ее погостить к тетке в Филадельфию, совершенно упустив из виду, что именно там находилось в то время судно, на котором служил Марк, и что там молодым людям легко будет встречаться.

Понятно, что едва только Марк успел вернуться на свое судно, на котором он уже стал старшим помощником капитана, как стал искать удобного случая видеться с Бриджит. Он начал с того, что прямо явился в дом ее тетки. Та вздумала было воспротивиться этим посещениям молодого моряка, но ведь теток молодежь не особенно слушается, и наши влюбленные часто назначали друг другу тайные свидания. Так прошло недели две; Марк положительно не мог решиться снова уйти в море, оставив свою Бриджит в руках врагов, как он мысленно называл ее отца и тетку. Бедный юноша, казалось, был до того удручен этою мыслью и до того красноречиво высказывал свои опасения и страхи, что Бриджит согласилась на тайное венчание.

В числе бывших школьных товарищей Марка был один молодой священник, простодушный, бесхитростный малый. Возмущенный поступками старика Ярдлея по отношению к Марку, он охотно согласился совершить обряд венчания. Однажды утром Бриджит, выйдя из дому с одной из своих приятельниц, чтобы совершить, как полагала тетка, свою обычную дообеденную прогулку, направилась на «Ранкокус»; там их уже ожидал молодой священник.

Свидетелями этого брака были: подруга Бриджит, совершавший обряд священник и матрос, участвовавший во всех плаваниях, которые совершил Марк, и который был назначен капитаном хранителем судна в его отсутствие. Звали его Роберт Бэтс, или, для краткости, просто Боб Бэтс. Он был родом из Нью-Джерсея; в ту пору ему было около тридцати пяти лет. Казалось, Боб был обречен на вечное безбрачие и принадлежал весь и телом и душой морю. С восьмилетнего возраста он поступил юнгой на судно и с тех пор ни на час не расставался с морем. Во все время войны за независимость Боб служил на военных судах, а по заключении мира в 1783 году поступил на службу к капитану Кретшли, с которым и не расставался с тех пор. Этот самый Боб был учителем и наставником Марка, когда тот только что вступил в морскую службу, и под его руководством Марк сделал свои первые шаги на этом новом поприще.

Боб был рослый мужчина, необычайной силы. Марка он любил и радовался его успехам.

Хотя, кроме священника, было всего только двое свидетелей, тем не менее, были составлены по всем правилам два брачных свидетельства, из коих одно было вручено Марку, а другое Бриджит. Через десять минут после брачной церемонии наши новобрачные расстались: молодая вместе со своею подругой вернулась домой к

своей тетке, а оба моряка остались на судне и, стоя на палубе, провожали глазами быстро удалявшиеся женские фигуры. Когда они скрылись из виду, Боб счел нужным сказать что-нибудь.

— А славный у вас теперь фрегатик, славный! — заметил он по адресу Бриджит. — А есть ли у нее кое-какие деньжонки? Я слыхал, что в этих водах нередко попадаются золотые рыбки.

— Не знаю, Боб, я думаю, что у нее столько же денег, как и у меня, то-есть ровно ничего, но что за беда!

Марк не лгал. Он действительно ничего не знал о том, что у Бриджит были свои тридцать тысяч долларов; узнал он об этом лишь спустя несколько дней после свадьбы из уст самой Бриджит, умолявшей его бросить службу и остаться жить с нею в Бристолле. Но Марк уже успел полюбить море и свою службу, да и к тому же, несмотря на всю свою любовь к молодой жене, ему не хотелось жить на ее хлебах.

Марк отправился в Бристоль и чистосердечно признался во всем отцу. При первых словах этого неожиданного признания доктор Вульстон даже привскочил на своем стуле; однако, в этом деле было и нечто та кое, что могло казаться утешительным даже старика. В глубине души он испытывал некоторую злобную радость при мысли, что все состояние покойной жены его ненавистного коллеги перейдет к его сыну.

Вульстон известил доктора Ярдлея о случившемся письмом, которое было написано в очень деликатном и вежливом тоне, и благодаря которому, при желании, можно было бы уладить это дело полюбовно. Но у отца Бриджит не было ни малейшего желания к примирению; он пришел в такую ярость от полученного им известия, что его хватил паралич, который чуть было не свел его в могилу. Однако, старик оправился, и едва только успел стать на ноги, как поспешил в Филадельфию с тем, чтобы увезти оттуда свою дочь.

Марк, конечно, был в праве потребовать к себе свою жену и водворить ее в доме своего отца, но старик Вульстон воспротивился этому и повел дело гораздо разумнее и успешнее. Один из общих друзей устроил у себя в доме свидание двум враждующим коллегам, здесь они объяснились и пришли к обоюдному соглашению почти по всем пунктам. Было решено, что новобрачные останутся на прежнем положении еще года два или три. Доктор Вульстон не коснулся вопроса о приданом, что чрезвычайно порадовало алчного Ярдлея; благодаря этому обстоятельству он мог пользоваться процентами с капитала дочери еще в течение двух-трех лет. Марк должен был продолжать свою службу на «Ранкокусе» и, следовательно, в скором времени опять отправиться в плавание.

На этот раз его судно отправилось на острова Тихого океана за сандалным деревом¹ для китайских рынков.

Вернувшись из этого плавания, Марк будет уже совершеннолетним и сумеет получить командование судном в том случае, если он не пожелает расстаться со своей карьерой моряка. Таково было решение обоих отцов, а пока Марк получил разрешение посещать время от времени свою жену и писать ей, сколько его душе будет угодно. Прежние дружеские отношения Анны с Бриджит возобновились. Марк посылал своей молодой супруге письмо за письмом, исполненные самых нежных и страстных выражений его чувств.

Тем временем судно Марка готовилось к отплытию, и молодому офицеру можно было отлучаться с него только раз в неделю. Воскресные поездки к жене стали для него истинными праздниками: молодые супруги

¹ Сандалное дерево — тропическое растение, имеющее цветную древесину и дающее краски.

Рейд Рио-Жанейро.

гуляли, катались, ездили за город в сопровождении Анны и возвращались домой совершенно довольные и счастливые, с тем, чтобы снова расстаться на целую неделю.

Не прошло и месяца со дня свадьбы Марка Вульстона и Бриджит Ярдлей, как «Ранкокус» снялся с якоря, намереваясь плыть в Тихий океан, а оттуда далее в Кантон. Перед самым отплытием Марк ухитрился вырваться на денек в Бристоль, а доктор Ярдлей, тронутый горем своей дочери, согласился свезти ее вместе с Анною в Филадельфию для последних проводов молодого моряка.

Когда, наконец, наступил момент окончательной разлуки, сердце моряка болезненно сжалось, а Бриджит громко рыдала. Два года разлуки — ведь это целая вечность!

В своей каюте Марк нашел много следов заботливости и предусмотрительности своей молодой жены: все, что только могло ему быть нужно или приятно в пути, было приготовлено и припасено для него.

Художники в то время были редкостью в Америке, и заказать портрет было делом не легким; но Бриджит все же заказала свой силуэт и повесила в хорошенькой рамке в каюте мужа. Этот темный профиль слегка склоненной головки, чрезвычайно живо напоминавший оригинал, был самым трогательным знаком ее внимания.

Жизнь на судне с самой минуты отплытия пошла своим обычным порядком: и в праздники, и в будни, и днем, и ночью, и в бурю, и вовремя шторма все были заняты работой. Согласно заведенному порядку, капитан Кретшли зашел в Рио-Жанейро, чтобы возобновить и пополнить свои запасы. Простояв с неделю на этом живописном рейде, «Ранкокус» продолжал свой путь.

Обогнув мыс Горн¹ зашел в Вальпарайзо и здесь сделал новый запас воды и всяких припасов на случай заболевания кого-либо цынгой, затем, приблизительно через две недели, «Ранкокус» снова пустился в море.

Всего лет за двадцать до времени нашего рассказа знаменитый Кук совершил свои путешествия и описал их в своих донесениях, но и после него осталось еще очень много неисследованных мест, и карты были далеко не совершенны.

Тихий океан, если принять во внимание его громадную величину и те ветры, которые там преобладают, не может быть назван бурным; но стоит только взглянуть на карту, чтобы тотчас же убедиться, что в нем островов, рифов, скал и отмелей всякого рода несравненно больше, чем в Атлантическом океане. В продолжение двух месяцев после того, как «Ранкокус» вышел из Вальпарайзо, капитан Кретшли крейсеровал в водах Тихого океана в поисках за намеченными в его инструкциях островами.

ГЛАВА III

День был туманный; дул ост-зюд-ост, что было весьма благоприятно для «Ранкокуса», который шел на зюд-вест².

К сожалению, за капитаном Кретшли водился большой недостаток: он слишком усердно тянул за обедом грог.

¹ Мыс Горн — южная оконечность Америки.

² Ост — восток; вест — запад.

Во всякое другое время дня это был человек трезвый, но в обеденный час он залпом выпивал три-четыре стакана рома с очень незначительной примесью воды.

Тот день, о котором идет речь, был как раз днем рождения супруги капитана Кретшли, а капитан был слишком хорошим мужем, чтобы не отпраздновать этот день еще более усердными возлияниями. Марк, никогда не употреблявший спиртных напитков в таком количестве, с прискорбием смотрел на своего командира, тем более, что только что спустившийся с марса³ матрос уверял, будто в момент, когда погода немного прояснилась, он видел впереди на море белую полосу. Марк сообщил об этом капитану и сказал, что, быть может, было бы не лишнее убрать часть парусов, лечь в дрейф⁴ и бросить

лот⁵. Но капитан не обратил никакого внимания на его слова, уверяя, что матросы вечно придумывают разные ужасы. Если их слушать, — говорил он, — то ни одно судно не достигло бы места своего назначения. На беду второй помощник был очень пьян и с своей стороны поддержал капитана. Поневоле Марку пришлось замолчать.

Однако, он не мог на этом успокоиться; он знал, что матрос, сообщивший ему весть, человек надежный и знающий свое дело. Пробило шесть часов вечера, Марк сменился с вахты и, пользуясь своею свободою, поднялся на мачту с целью воспользоваться последними минутами дневного света для личных наблюдений. Сперва он не мог ничего различить на расстоянии более мили благодаря туману; но в тот момент, когда солнце стало садиться, на западе вдруг прояснилось, и Марк сразу признал рифы¹, тянувшиеся на протяжении нескольких миль прямо перед носом судна. Пораженный такого рода неожиданностью, Марк, не долго думая, крикнул:

— Впереди подводные камни!

Этот возглас старшего помощника вывел капитана из полусознательного состояния.

Он вызвал всех людей наверх и приказал убрать часть парусов. Тем временем Марк спустился вниз, а капитан занял его место, желая лично проверить наблюдения своего помощника. По пути он отдал приказание взять курс на юг, вследствие чего преграждавшая путь подводная гряда оказалась теперь с правой стороны. Однако, оставаясь под ветром, она еще представляла некоторую опасность. Капитан решил выяснить положение корабля и поднялся на мачту с Бобом Бэтсом.

Оба они внимательно вглядывались в море с подветренной стороны. Младший помощник, с насмешливой улыбкой на лице, поджидал, когда они спустятся. Но капитан объявил, что собственно подводных камней он не видал, но что раза два, в тот момент, когда горизонт прояснился, ему показалось, что он видит что-то не совсем ладное; впрочем, то, что он видел, могло быть как беловатою пеной на поверхности моря, так и отблеском последних лучей заходящего солнца на воде. Боб точно так же не мог сказать ничего определенного.

— Неужели и вы, Боб, ничего не видали? — спросил Марк, делая особое ударение на слове вы, как бы для того, чтобы дать понять, что нет ничего удивительного, если капитан ничего не видал, но что Боб, по его мнению, должен был видеть то же, что видел он сам.

— Нет, мистер Вульстон, — отвечал Боб; — хотя я зорко смотрел вперед, но ничего особенного не видал.

Это было веское свидетельство против Марка, потому что Боб считался непогрешимым в подобного рода вопросах.

Капитан приказал подать себе карту и принялся вместе с Хильсоном, — так звали младшего помощника, — рассматривать ее.

По карте море было свободно во всех направлениях, но так как Марк еще с большею настойчивостью утверждал, что они идут прямо на подводные камни, то капитан согласился приказать бросить лот. Это требовало времени. Надо было лечь в дрейф, разместить людей и разложить лот.

Между тем день угасал с минуты на минуту; моросил мелкий дождичек, еще более увеличивая окружавшую темноту. Исследование доказало, что на глубине четырехсот футов нет дна. Впрочем, это обстоятельство еще ничего не доказывало: хорошо известно, что коралловые рифы в океане часто вырастают совершенно отвесной стеной, так что в нескольких саженях от них нельзя даже подозревать их существования.

После нового совещания со своими помощниками капитан Кретшли решил, что судно будет продолжать свой путь в том же направлении, на всякий случай уменьшив парусность. Такого рода полумера, конечно, делала грозившую опасность менее ужасной, но далеко еще не устраняла ее окончательно. Тем не менее опасения Марка не улеглись. Что его особенно смущало, так это непроницаемая мгла, которая окружила их со всех сторон, не позволяя различать поверхность моря даже в расстоянии нескольких саженей от судна. Не имея возможности что-либо видеть, он жадно прислушивался к отдаленному шуму волн и старался уловить в

³ Марс — вышка на мачте для наблюдения.

⁴ Лечь в дрейф — прекратить движение вперед.

⁵ Лот — прибор для измерения глубины.

¹ Риф — мель, покрытая белой пеной прибоя. (Прим. ред.)

этом шуме признак близости подводных рифов и камней. В нем почему-то упорно держалась уверенность, что «Ранкокус» бежит прямо на рифы. Время подходило к полуночи, и Марк с ужасом помышлял о том, что сейчас вместо него встанет на вахту Хильсон, который после вторичного усердного возлияния в честь жены капитана Кретшли стал совершенно не способен к исполнению своих обязанностей.

И вдруг до его слуха донеслись глухие удары волн обо что-то твердое, неподвижное. Шум этот доносился не спереди, а с правого борта. Опасность была настолько велика, что Марк счел себя в праве, помимо полученных им приказаний, положить руль право на борт и повернуть на другой галс, уходя в противоположную сторону. Долг повелевал ему тотчас пойти и дать отчет о случившемся капитану, но на минуту у него мелькнула мысль никому ничего не говорить, не будить младшего помощника и остаться наверху до утра. Но сознание той страшной ответственности, какую он должен будет принять на себя в случае несчастья, заставило его одуматься, и он, неохотно, с тяжелым сердцем, направился в каюту.

Разбудить собутельников было не так-то легко, но положение было слишком критическое, чтобы много церемониться, и Марк принялся трясти Хильсона изо всей силы.

— Что там еще? — досадливо спросил капитан, протирая глаза.

— Я слышал шум, указывающий на присутствие рифов и подводных камней на правой стороне. Я дал поворот и взял курс на юг.

В ответ капитан издал какой-то странный звук, который Марк не знал, как истолковать; неизвестно, было ли то удивление, или неудовольствие. Но видя, что капитан уже совершенно очнулся и готовится итти наверх, Марк счел свое дело сделанным и вернулся к своим обязанностям. Боб также был на вахте, и Марк тотчас же позвал его к себе.

— Боб, друг мой, у вас ухо чуткое и привычное, скажите, неужели вы ничего не слышите?

— Прошу извинить, мистер Вульстон, ведь я и тогда, как был с капитаном наверху, тоже видел что-то такое, что очень походило на белую пену, но капитан так громко уверял, что там впереди нет ровно ничего, что я не посмел ему перечить.

— А знаете ли, Боб, что когда вы стоите на вахте, то не сказать того, что вы видите, — большое преступление? — заметил ему Марк.

— Ваша правда, мистер Вульстон, я и сам сознаю, что нехорошо поступил, да что прикажете делать? Ведь с капитаном спорить также дело не пустое...

— Ну, будет об этом... А теперь скажите, Боб, вы ничего не слышали?

— Как же, мистер Вульстон, я слышал плеск воды о подводные камни, сперва под кормою, затем у носа; а сейчас, когда вы меня кликнули, я слышал этот самый плеск с наветренной стороны.

— Неужели это правда, Боб?

— Самая истинная правда, мистер Марк, и если вы мне хотите по верить, то вот сию минуту мы плывем над этими подводными камнями и каждую секунду можем разбиться.

— Что за чорт! — вскричал капитан Кретшли, который как раз в это время подходил к ним и слышал последние слова Боба. — А я так решительно ничего особенного не слышу и готов поклясться, что в таких потемках ни одна кошка ничего не увидит, не только человек!

Едва успел он произнести эти слова, как плеск волн о подводные камни раздался совсем близко и так явственно, что уже не могло быть никакого сомнения. Марк своим разумным распоряжением на время отклонил опасность, но не в его власти было окончательно устранить ее.

Не тратя понапрасну слов, капитан вызвал всех людей наверх и скомандовал громовым голосом:

— Поворот направо!

В то время, как судно поворачивало, медленно подаваясь вперед под малыми парусами, все вокруг осветилось каким-то странным фосфорическим светом, а море кругом забелело, и плеск волн стал походить на шум водопада. Это уже несомненно были рифы; они обступали судно со всех сторон, — и минуту спустя «Ранкокус» коснулся дна. Непроницаемый мрак ночи еще более увеличивал весь ужас этой минуты.

С первого момента катастрофы капитан совершенно протрезвился и сразу выказал себя тем беззаветно смелым, решительным и опытным моряком с удивительною силою самообладания, каким он и был на самом деле.

Все приказания его, точные, ясные и определенные, исполнялись немедленно и дружно привычными и опытными матросами, сознавшими всю опасность. Толчки были не особенно сильными, и вскоре благодаря дружным усилиям команды и разумным распоряжениям командира белые пенящиеся волны остались позади; при чем ни одна волна не перекатилась через палубу, что служило прямым доказательством того, что даже в том месте, где судно коснулось, было довольно глубины, чтобы поднять его. Глубина двенадцати футов была совершенно достаточна для «Ранкокуса», а лот местами показывал и более значительную глубину. Однако, на баке дело шло плохо, и капитан Кретшли кинулся туда. Младший его помощник едва сознавал, что он делает, и капитан увидал, что ему следует немедленно занять его место. При виде таких оплошностей, да еще в такую

критическую минуту, гнев невольно овладевает человеком; взбешенный капитан сам подскочил к якорям и крикнул Хильсону, чтобы он убирался вон.

В это время внезапный толчок заставил дрогнуть все судно, подводные камни вдруг снова показались со всех сторон; целый каскад белой пены поднялся до высоты борта; когда волны отхлынули, капитана уже не было. Волна, поднимавшаяся выше палубы, смыла несчастного и увлекла его в подветренную сторону.

Едва это несчастье стало известно Марку, он тотчас же понял, что на него выпала громадная ответственность. Нельзя было терять ни минуты, надо было попытаться спасти капитана.

Марк приказал спустить шлюпку и посадил на нее шесть лучших матросов. Стоя у бушприта¹, Марк видел, как она промелькнула вдоль борта и скрылась в ужасающей мгле этой страшной ночи; больше ее не видали.

Несмотря на эти тяжелые утраты, работа на судне шла своим порядком. Теперь и Хильсон понял, наконец, что дело идет о его собственной шкуре, и при этой мысли весь рассудок вернулся к нему. Как он ни был пьян, а все же успел изготовить и спустить вторую шлюпку, приказав матросам перенести в нее все припасы. В капитанской каюте имелось немного звонкой монеты, которая тоже снесена была на шлюпку по приказу младшего помощника.

Занятый распоряжением на баке² судна, Марк не замечал, что творилось на юте³, где Хильсон оставался полновластным хозяином, имея в своем распоряжении нескольких матросов.

Судно, получив несколько последовательных толчков, почти миновало риф; теперь «Ранкокус» лишь чуть-чуть задевал за дно килем, и Марк выжидал только момент, чтобы бросить якорь на таком месте, где была достаточна глубина. Послав осмотреть трюм, Марк убедился, что воды в трюме не прибыло, и что подводная часть судна не получила никаких серьезных повреждений.

Наконец, настала желанная минута: судно очутилось на достаточной глубине, и Марк приказал отдать якорь. В этот момент Хильсон и его товарищи уже были в шлюпке; и снесло ли шлюпку волной, вдруг неожиданно окатившей всю палубу, или же кто-нибудь в суматохе, царившей тогда повсюду на судне, по неосторожности отвязал ее, только Марк, стоявший как раз у шпиль⁴ в тот момент, как нахлынула волна, обдав его целым облаком тонких брызг, видел, как сквозь туман, злополучную шлюпку на гребне огромной волны; через минуту она скрылась в непроглядном мраке, царившем вокруг. Всякая помощь несчастным была немислима! Сердце Марка болезненно сжалось, но что мог он сделать?.. В эту минуту Марк и не подозревал всего ужаса постигшего его несчастья. Только после того, как он обошел каюты, помещение матросов и бак, ему вдруг стало ясно, что из всего экипажа на «Ранкокусе» остались только два человека: он и Боб Бэкс.

Погода улучшалась с часу на час; перед рассветом небо совершенно очистилось, и туман рассеялся.

Тогда Марку пришло на мысль, что если они находятся вблизи какого-нибудь берега, то судно должно будет непременно подвергнуться влиянию прилива, и может случиться, что приливом его снова бросит на подводные камни... Во избежание этого нового несчастья Марк решил бросить еще один якорь, что они и привели в исполнение вдвоем с Бобом.

ГЛАВА IV

Усилия, потребовавшиеся для того, чтобы спустить якорь, были так велики, что совершенно истощили силы Марка и его единственного товарища и помощника Боба. Трудно себе представить, с каким нетерпением они ждали рассвета. Но вот первые лучи нарождающегося дня, осветившие восточную часть горизонта, дали им возможность начать наблюдения. Наши моряки, конечно, прежде всего обратили свои взгляды на подветренную сторону, но так как это был запад, то понятно, что там еще было почти совершенно темно. Они надеялись увидеть там если не целую группу островов, то хоть один какой-нибудь одинокий островок, но земли нигде не было видно. Правда, там было еще настолько темно, что можно было ошибиться. Марк спросил Боба, что он об этом думает?

— Подождать надо, мистер Вульстон, пусть немного посветлеет. Вот там, по левую сторону судна, как будто виднеется что-то. Ох, уж мне эти подводные камни! У меня просто в глазах рябит от них. Всюду стоит тьма-тьмуша!.. Просто даже понять не могу, как это мы пробрались сквозь эту чашу.

Действительно, хотя волнение теперь совершенно унялось, и подводные камни и рифы казались теперь менее грозными и ужасными, чем в темную беспросветную ночь, все же не было никакой возможности обманываться относительно своего положения. При том состоянии, в каком теперь находилось море, было ясно, что повсюду, где только белела и пенилась вода, были рифы и скалы.

¹ Бушприт — выдающаяся вперед часть носа судна.

² Бак — носовая часть судна.

³ Ют — кормовая часть верхней палубы.

⁴ Шпиль — вертикальный ворот для скатывания каната.
(Прим. ред.)

Большинство из них так мало выдавалось над водою, что волны перескакивали через них, оставляя после себя лишь едва заметную беловатую черту на поверхности моря. Эти подводные камни выростали из-под воды во всех направлениях, и глаз не мог обнять их крайнего предела. Было непонятно, какими судьбами «Ранкокус», врезавшийся в самую середину этого лабиринта утесов, не разбился о них вдребезги.

— Да, мистер Вульстон, — сказал Боб, — что против этого все наши Делаварские пороги? Сущие пустяки!

— Да, положение затруднительное, — со вздохом отозвался Марк, — я, право, не вижу, как мы можем отсюда выбраться.

— Гм, да!.. Если только с подветренной стороны нет какой-нибудь земли, то ничего не будет удивительного в том, если нам придется стать Робинзонами на весь остаток дней наших, — заметил Боб.

На западе над морем расстилался густой туман, но теперь под влиянием солнечных лучей туман этот быстро рассеялся, и Бобу показалось, что он видит в двух милях землю. Взобравшись на мачту, Марк в подзорную трубу увидел бесплодную скалу, густо населенную птицами, но без всяких признаков человеческого существования; и эта скала была единственной точкой земли на всем горизонте. Теперь они поневоле пришли к печальному убеждению, что все их товарищи погибли. Они поняли, что и их положение почти безвыходное. Однако, как истые моряки, они не стали предаваться отчаянию. Сильный голод давал себя знать, и они присели закусить.

Но пища как-то не шла в горло.

— А как вы думаете. Боб, — спросил вдруг Марк, — смогли бы мы вдвоем с вами управиться с этим судном в том случае, если бы нам удалось выйти в открытое море?

— Об этом следует подумать, мистер Вульстон! — отозвался Боб. — Конечно, и вы, и я, мы оба парни сильные и здоровые, да и не робки, а все же до берегов Америки ух как далеко!.. Да и не об этом нам теперь думать надо, мистер Марк!

— Как не об этом? Ведь раз нам удастся выйти в открытое море, нам надо будет постараться встретить какое-нибудь судно или же самим плыть как-нибудь обратно.

— Эх, эх! Вот то-то же оно и есть! Ведь раньше-то всего нам надо выбраться отсюда, а в этом вся и штука!

— Ах, Боб, так неужели вы думаете, что мы здесь окончательно засели?

— Да что таиться, мистер Вульстон! Я думаю, что если бы здесь даже был сам наш покойный капитан Кретшли и весь наш экипаж, то и тогда все они, вместе взятые, ничего тут поделывать не могли бы.

— Мне грустно слышать то, что вы говорите. Боб, а вместе с тем и я в душе того же мнения.

— Да, сударь, дело это пропащее! И рифы-то эти! Хоть бы они в каком-нибудь порядке тянулись в ту или другую сторону, а то ведь нет! Их тут точно пригоршнями насыяно. Сунься-ка с судном тут, так только и услышишь, как у него бока трещать будут. А все же надо будет попытаться, Боб!

Да что и пытаться-то, если надежды никакой нет? Ведь мы с вами люди, и то, что выше сил, сделать не можем.

— Но что же делать, в таком случае?

Что делать? Да вот, поробинзонствуем немного, а там и кости на покой!

— Поробинзонствуем? — повторил Марк, невольно улыбаясь этому выражению хотя на душе у него было далеко не весело. — Прекрасно, но ведь у Робинзона был хоть остров, а у нас и того нет!

Вон там, с подветренной стороны, есть какая-то скала, на ней, мне кажется, можно будет прожить как-нибудь, — заметил Боб с таким невозмутимым равнодушием, что во всякое другое время оно могло бы показаться в высшей степени комичным. — К тому же ведь у нас есть еще судно! — добавил он.

— А как вы думаете, Боб, долго ли могут выдержать пеньковые канаты, на которых теперь держится «Ранкокус», если при каждом малейшем движении судна они трутся о подводные камни? Нет уж, как хотите, Боб, а на месте оставаться тоже не можем; здесь нас ежеминутно ждет верная гибель. — Что правда, то правда! А уж коли так, мистер Вульстон то если позволите, вот вам мой совет: там, на корме, у нас еще осталась маленькая шлюпка, вдвоем сесть в нее можно, и парус при ней есть; так вот, возьмем эту шлюпку и отправимся поближе посмотреть ту скалу. Можно будет захватить с собою и лот, и по пути измерить глубину, чтобы узнать, нет ли тут где-нибудь прохода. Исследуем фарватер¹, осмотрим ту скалу и уж тогда решим, что надо делать; тогда оно виднее будет. А так-то что?!

Совет был разумный, и Марк согласился. Спустив шлюпку, моряки заняли в ней каждый свое место. Боб отпихнулся, установил парус, и легкий попутный ветерок быстро погнал маленькую шлюпку. Надо заметить однако, что этот попутный ветер, столь благоприятный в настоящую минуту, мог оказаться менее благоприятным для обратного пути.

Как только шлюпка отчалила от судна, Боб принялся измерять глубину. Но измерение было крайне затруднительно при быстром ходе шлюпки, и волей-неволей нашим морякам пришлось отказаться от

¹ Фарватер — проход для судов. (Прим. ред.)

систематического промера, который они первоначально имели в виду. Но, опуская время от времени лот, они все же могли убедиться, что в пространстве между подводными камнями почти повсюду было достаточно воды, чтобы поднять «Ранкокус», но над камнями ее было, конечно, слишком мало для такого большого судна. При этом лавировать между рифами и скалами оказалось гораздо труднее, чем предполагал Марк. Если они благополучно шли на шлюпке, то этим они были гораздо более обязаны случаю, чем своей опытности, ловкости и искусству.

Не трудно себе представить, с каким живым интересом приближались моряки к той скале или островку, который они избрали целью своего осмотра; этот единственный клочок суши должен был стать их местопребыванием, быть может, на многие годы, быть может, на всю жизнь. При виде всего этого бесчисленного множества подводных скал, камней и рифов, между которыми им только что пришлось проплыть, у Марка почти окончательно исчезла всякая надежда вывести когда-нибудь из лабиринта скал злополучное судно.

Он едва смел надеяться, что ему удастся привести его хотя бы только туда, куда они в настоящее время направлялись сами.

По мере того, как моряки приближались к острову, они все более убеждались в безошибочности своих предварительных наблюдений и предположений: этот риф, или остров, на самом деле не имел одной мили в длину и около полумили в ширину и тянулся в направлении от востока к западу; скалистые берега его возвышались всего на несколько футов над водой; только в части острова, обращенной к востоку, берег был вдвое выше. Середину острова занимала гора, имевшая от шестидесяти до восьмидесяти футов вышины и заканчивавшаяся обширным горным плато, что придавало возвышенности форму правильного усеченного конуса. Здесь, на этом острове, было далеко не так много птиц, как на всех остальных островках, или, вернее, голых рифах и скалах, теснившихся со всех сторон вокруг главного острова; там этих птиц было множество.

Наконец, шлюпка пристала к острову. Трудно себе представить то чувство, с каким Марк высадился на пустынный берег. Присмотревшись к характеру местной почвы, Марк вскоре убедился, что остров отнюдь не представляет собою кораллового рифа, а все указывает на несомненное вулканическое происхождение.

Это открытие было далеко не утешительно для Марка и его товарища. Безмолвие пустынных берегов нарушали одни только птицы, кружившиеся над головами пришельцев с громкими криками; их доверчивость, отсутствие у них всякого страха и робости доказывали, что они еще не видали человека.

Возвышенность, занимавшая всю средину главного острова, естественно, прежде всего остановила на себе внимание прибывших; моряки первым делом направились к ней в надежде, что с вершины горы им откроется более обширный горизонт.

Но, дойдя до подошвы этой возвышенности, они убедились, что взобраться на нее не так легко, как они полагали. С виду гора эта казалась положительно неприступной; однако, после долгих стараний им, наконец, удалось найти одно место, где с трудом можно было добраться до ее вершины. Здесь их ожидал новый сюрприз: вместо предполагаемого плоскогорья перед ними зияло, точно разинутая пасть, темное, глубокое жерло, которое Марк, не задумываясь, должен был признать за кратер потухшего вулкана.

Наружные стены кратера представляли собою правильное кольцо, а образовавшаяся из застывшей лавы и шлака кора достигла необычайной толщины. С внутренней стороны эта стена шла совершенно отвесно и лишь в нескольких местах имела небольшие выступы, по которым, и то не без риска, можно было спуститься внутрь кратера.

Внутренность кратера представляла собою совершенно гладкую равнину, поверхностью, приблизительно, около ста акров¹. Самая стена кратера достигала почти всюду высоты двадцати метров. Только с наветренной стороны она была немного ниже и в одном месте образовала небольшую брешь, представлявшую собою как бы вход в громадную чашу кратера.

Этот увенчанный естественно аркой вход имел около семи метров высоты и около четырех метров ширины. Вся поверхность этого потухшего вулкана была покрыта довольно твердою, но хрупкою корою; Марк, пробывавший в нескольких местах пробивать ее ногою, заметил, что при этом сапог его каждый раз покрывался микроскопической тонкой, необычайно легкой пылью, или, вернее, налетом, похожим на самый тонкий пепел с примесью песка, гравия и мелких известковых или меловых ракушек.

Кроме того, почти повсюду встречались явные следы того, что море временами, вероятно, в сильную бурю, навещало эти места: черту его вторжений ясно обозначали оставленные на земле густые слои соли. Этим присутствием осадков морской соли можно было отчасти объяснить отсутствие здесь всякой растительности. Марк заметил также, что птицы боязливо обегали кратер вулкана, точно они инстинктивно чуяли здесь опасность. Они сотнями кружились по соседству, и даже вокруг самого вулкана, но ни одна из них никогда не перелетала через его кратер и никогда не пересекала его.

¹ Акр — английская и американская мера поверхности, равная приблизительно трети десятины, (Прим. ред.)

ГЛАВА V

Окончив беглый осмотр кратера, Марк и Боб снова взобрались на обрыв вулкана. Отсюда открывался вид на остров и на значительное пространство океана. Теперь Марку становилась понятной геологическая формация этих рифов: очевидно, они находились теперь на высшей точке горы вулканического происхождения, единственными выдающимися над водою пунктами которой являлись этот остров с кратером потухшего вулкана и небольшая группа окружавших его скал, служивших приютом мириадам птиц.

Окидывая взглядом пространство океана, Марк старался определить хотя бы приблизительно протяжение, занимаемое подводными скалами, принимая в соображение и то, что ему удалось видеть с своего судна. Он пришел к заключению, что площадь, занимаемая подводными отрогами вулканической группы гор, равняется, приблизительно, двенадцати морским милям¹.

— Гм, да-с, мистер Марк, нас таки порядком позатерло здесь, — заметил Боб. — Мы здесь словно Робинзон на своем острове. Разве только то, что он, бедняга, был один-одинешенек, а нас с вами двое.

— Я бы от души желал, чтобы это была единственная разница между ним и нами, Боб, но, к сожалению, это не так: у Робинзона был остров, а у нас — неприглядная голая скала; у него был источник пресной воды, а у нас его нет; у него был лес, а у нас ни травинки. Все это весьма неутешительно.

— Вы красно говорите, мистер Вульстон, но вы забываете, что у нас есть «Ранкокус», образцовое судно, которое и сейчас еще так же цело и невредимо, как в тот день, когда мы вышли из Филадельфии; а пока есть на воде хоть одна доска, истый моряк никогда не теряет надежды!

— В этом я с вами согласен. Бэте! Но судно наше только тогда может быть годно на что-нибудь, если мы сумеем вытащить его оттуда.

— Что и говорить, неважную стоянку себе выбрал наш «Ранкокус», но даже и там, где он теперь стоит, проку нам от него много: во-первых, там у нас такой запас пресной воды, что на нас двоих ее хватит на круглый год, а наступят дожди, так эти запасы и возобновить можно будет. А кроме того, наше судно может служить нам жильем, да еще каким! Вы будете жить в капитанской каюте, а я подвешу свою койку на баке, как будто ничего не случилось.

— Бросьте вы эти различия, милый Боб, и не будем никогда более говорить о них. Но вы забыли упомянуть еще об одной важной услуге, которую нам может оказать «Ранкокус»: ведь мы можем разобрать его и воспользоваться материалами для сооружения нового судна, надежного для плавания по этим морям и вместе с тем такого, которое можно было бы провести между этими рифами и даже над ними. Тогда нам удастся, быть может, вернуться в Америку и увидеть наших близких друзей.

— Не робейте, мистер Марк, не робейте! Я хорошо понимаю, что когда неотступно стоит перед глазами образ милой женушки, которая со слезами зовет вас в свои объятия, тогда грешно было бы не стараться придумать какого-нибудь средства, чтобы вернуться к ней. Ведь душа-то у человека не камень. Так пусть уж будет по-вашему, и когда вы приметесь за дело, я не пожалею рук, чтобы помочь вам.

— А знаете ли, Боб, — продолжал Марк после некоторого молчания, — я думал сейчас о возможности привести сюда наше судно. Если нам удастся привести его в эту бухту, оцепленную подводной стеной скал, то здесь, за ветром, оно простоят многие годы. К тому же, если мы вздумаем строить новое судно, то нам понадобится более обширная верфь¹, чем палуба «Ранкуса», да надо будет подумать и о возможности спустить новое судно на воду. В виду всего этого нам прежде всего следует попытаться привести сюда «Ранкокус».

Боб, конечно, не замедлил согласиться, имея в виду также и то, что здесь его запасы пресной воды со всем тем, что имелось на судне, будут в целости и сохранности, тогда как там, окруженное со всех сторон подводными скалами и рифами, злополучное судно неминуемо должно будет разбиться вдребезги при первой буре.

Придя к соглашению относительно этого важного вопроса, Марк и Боб спустились с вершины кратера и вернулись к своей шлюпке. Море все еще было спокойно, а потому Марк не особенно спешил возвращением. Он посвятил еще около получаса на измерение глубины природной бухты, огражденной подводною грядой скал, едва заметных над поверхностью моря, но прекрасно преграждавших путь морскому волнению. На поверку оказалось, что здесь достаточная глубина, а дно заливчика чистое, песчаное, как нельзя более благоприятное для будущей стоянки «Ранкуса».

Покончив с этим делом, наши моряки пустились в обратный путь. Марк не выпускал из рук лота, тщательно изучая фарватер. Ему пришлось убедиться, что выполнению их замысла мешают два серьезных препятствия. Первое состояло в том, что путь, по которому они теперь следовали, ясно лежал на одном месте между двумя грядами подводных скал, тянувшихся на протяжении более четверти мили, почти параллельно друг другу, на расстоянии всего каких-нибудь ста двадцати пяти метров одна от другой.

¹ Морская миля — 1,8 километра. (Прим. ред.)

¹ Верфь — место постройки судов. (Прим. ред.)

В промежутке между ними глубина была вполне достаточная, но пространство между ними было слишком незначительно, чтобы могло пройти беспрепятственно такое большое судно, как «Ранкокус». Шлюпка четыре раза прошла этот кусок пути, и Марк каждый раз внимательно изучал фарватер, измеряя его глубину чуть ли не на каждом метре, и усердно вглядывался в воду. К счастью, она была прозрачна, и при дневном свете можно было прекрасно видеть на глубине от четырех до шести метров. Наши моряки могли убедиться, что если «Ранкокус» не будет ни на йоту уклоняться ни в ту, ни в другую сторону и пройдет прямо, как стрела, через эту теснину, то никакая иная опасность не будет ему грозить. Вторым же, более серьезным препятствием на пути к упомянутой бухте был большой подводный утес, хотя и находившийся на весьма значительной глубине, но все же не достаточной для судна с таким водоизмещением и так глубоко сидевшего в воде, как их «Ранкокус».

За исключением только одного места, более тридцати трех метров шириною, представлявшего собою, невидимому, глубокую расщелину подводного утеса, судно никоим образом не могло бы пройти в этом месте, в расщелине же было достаточно воды, и только тут можно было с большою осторожностью провести «Ранкокус». По обе стороны этого узкого прохода необходимо было поставить вежи или буйки, так как малейшее уклонение вправо или влево повлекло бы за собою неминуемую гибель судна.

Марк и его товарищ вернулись к себе на «Ранкокус» лишь около трех часов пополудни. Бедные животные — свиньи, птицы и козочка — со вчерашнего дня ничего не ели. Накормив животных, друзья присели за свою скромную трапезу, состоявшую, главным образом, из холодного мяса. Окончив свой обед, Марк снес на шлюпку два буйка и необходимые для их установки небольшие якоря и затем немедленно отправился вместе с Бобом к опаснейшему месту пути.

Им пришлось целый час отыскивать это место, и затем они более часа провозились с установкой буйков. Окончив эту работу, наши приятели вернулись, не теряя ни минуты, на судно, так как погода должна была, повидимому, измениться к худшему. Теперь следовало решить, попытаться ли им немедленно тронуть судно с места, чтобы укрыть его в надежной бухте, прежде чем успеет налететь буря и пока только что пройденный путь еще свежо сохранился у них в памяти, или же положиться на выносливость и прочность якорных канатов и верить им свою судьбу. Несмотря на свою крайнюю молодость, Марк был очень смышлен в своем деле, и на этот раз он решил, что тронуться сейчас же будет все же менее рискованно и опасно, чем при наличии данных условий оставаться на месте. Раз было принято это решение, терять время нельзя было; каждая минута была дорога. Ветер уже начинал давать себя чувствовать порывами, солнце уходило в облака, и на всем горизонте с подветренной стороны небо приняло какой-то зловещий вид. С минуту Марк колебался, но в этот момент Боб Бэте крикнул ему, что все уже готово, и, высоко подняв над головою топор, Марк ударил им по канату. То был решающий удар.

В такого рода плавании малейшая ошибка могла бы стать гибельною, а потому Марк настоятельно приказал Бобу зорко смотреть вперед. Он раз десять окликал его, справляясь, не видит ли он буйков. Наконец, он услышал желанный ответ:

— Вот они! Славно! Так, так, командир! Разве вы их все еще не видите? Вон, вон!

Минуту спустя и Марк увидел сперва один буюк, а затем и другой; они показались ему на этот раз как-то страшно близко один от другого.

— Руль по ветру! Будь, что будет! — крикнул он. А сам, затаив дыхание, следил за малейшим движением судна, которое легко и свободно направилось между двумя роковыми значками. С замиранием сердца ждал он с секунды на секунду, что оно вот-вот взроет носом землю. Но буйки остались за кормою судна. Первая, страшная опасность миновала. — Смелей вперед!

Оставалась еще вторая половина пути; отыскать узкий проход между двумя грядами скал было не легко; а тем временем ветер уже настолько усилился, что море повсюду бурлило и клокотало, дробясь о подводные камни. Но когда, наконец, удалось распознать проход, Марк уже более не страшился ни волнения, ни ветра. Отсюда уже был виден кратер, и ошибиться в направлении не было никакой возможности. Гордо вздымаясь на волнах, «Ранкокус», как стрела, пронесся через узкий проход между скалами и камнями. Теперь осталось только обогнуть северную часть «Рифа», как окрестил Боб главный остров, войти в бухту, выбрать наиболее удобное место, чтобы стать на якорь.

Когда «Ранкокус» встал, наконец, на лучший из своих якорей, плавно покачиваясь посреди хорошо защищенной бухты, где волнение было почти не чувствительно, всего в каких-нибудь полтора футах от острова, Боб высоко подбросил в воздух свою шапку и тремя радостными возгласами торжествовал победу.

Будущие обитатели острова не могли даже желать лучшего якорного места для своего судна. Вскоре Марку и Бобу пришлось от души порадоваться принятому ими решению. В эту ночь не раз налетал шквал, и навряд ли судно могло бы уцелеть, если бы оно оставалось на своем прежнем месте.

Даже здесь, в закрытой бухте, море бурлило и пенилось, и разбивавшиеся о природную преграду волны обдавали своими брызгами плавно колыхавшийся «Ранкокус». Марк оставался на палубе до полуночи и затем спустился в каюту, где проспал до утра. Боб, отстояв свою вахту, с вечера забрался на свою койку и появился снова на палубе лишь поздно утром. Марк, вставший ранее его, еще раз осмотрел со всех сторон окружающую

их местность и затем спустился в каюту, где уже был накрыт и подан приготовленный Бобом завтрак на обеденном столе капитана. За завтраком завязался между Марком и Бобом обычный дружеский разговор.

— А что вы думаете. Боб, ведь, если бы мы остались на нашем прежнем месте, едва ли бы мы с вами сегодня имели такую столовую и такой завтрак!

— Да, пора было выбраться оттуда, а все-таки хотя я первый стоял за то, чтобы уйти оттуда, сознаюсь по совести, я не надеялся добраться сюда.

— Да, Боб! При всем постигшем нас несчастье, наша участь много отраднее участи наших товарищей и других моряков, суда которых разбивались и шли ко дну.

— Да, мистер Марк, ведь много значит, что наше судно уцелело! У нас громадные запасы пресной воды, солонины, свинины и всяких других припасов лет на шесть хватит, муки и хлеба — на целый век, а, кроме того, и лакомств разных немало.

— Да, наше судно имеет прекрасные запасы, но вот беда: мы уже полтора месяца питаемся исключительно соленым мясом, и если это будет продолжаться так еще хотя дней пять, то нам не миновать заболевания цингой.

— Ну, уж это лишнее! Здесь должно быть рыбы вволю, хлеб у нас есть, и, отказавшись хоть на время от солонины и свинины, мы избежим этой беды.

Что и говорить! Свежая рыба весьма полезна в таких случаях, а черепахи были бы еще полезней; но главным образом поддерживает в таких случаях здоровье человека разнообразие в пище; надо чередовать почаще мясо, овощи, рыбу и плоды. Что нам здесь не достает, так это хотя бы только небольшого клочка земли, пригодной для того, чтобы развести здесь нечто в роде огорода. Я не видал вчера здесь клочка травы. И даже морских трав самых обычных я не встречал нигде. А в здешнем климате все овощи и фрукты пошли бы превосходно.

— Да, это так, и я-то в этом деле мог бы вам кое-чем служить: есть у меня в одном мешечке отборнейшие семена тех дынь, что мы ели с вами на Востоке. Вот если бы их здесь посеять, так славные бы фрукты были у нас к столу!

— Да, это мысль прекрасная, добрейший Боб, тем более, что теперь как раз удобное время для посевов. Думаю, у нас на судне найдется и несколько картошек для посадки.

— Картофель у нас есть, я это знаю, да и других семян немало.

— Во все время завтрака приятели беседовали на ту же тему, и едва они встали из-за стола, Марк, не медля ни минуты, принялся сортировать различные найденные им семена, покуда Боб перемывал и прибирал посуду. На судне жило несколько свиней; эти животные избрали для себя жилищем одну из больших шлюпок, которые были спущены с судна в эту роковую ночь. С тех пор, лишившись избранного ими хлеба, они бродили по всей палубе, ютясь то тут, то там, вследствие чего, понятно, порядок и чистота на палубе немало пострадали, и Боб решил спустить этих свиней теперь же прямо в море, будучи уверен, что они вплавь достигнут берега. Так и случилось.

Очутясь на суше, эти четвероногие с большим усердием принялись взрывать землю, по-видимому, вполне довольные своею участью, а Марк стал собирать в небольшой боченок оставленные ими нечистоты с целью воспользоваться ими в качестве удобрения для будущего огорода. Заметив это. Боб сказал, что знает несравненно лучшее удобрение, которого к тому же здесь должно быть вволю: в Перу или Чили жители почти исключительно пользуются для этой цели птичьим пометом, который собирают на всех прибрежных скалах и утесах. Птичий помет стал даже немаловажным предметом экспортной торговли под наименованием «гуано». При своих прекрасных качествах это гуано имеет еще и то значительное преимущество, что его надобно сравнительно немного; испанцы, по преимуществу, пользующиеся этим прекрасным удобрением, обкладывают им свои посадки и растения по мере надобности или же сообразно росту и развитию растений. В заключение Боб предложил отправиться сейчас же на один из ближайших островов, кишевших птицами всех величин и видов, чтобы добыть там гуано.

Марк с радостью принял это предложение; забрав с собою корзину и лопаты, они отправились вдвоем на один из островков. Не более, как в полчаса они собрали изрядные запасы удобрения и отправились к рифу. Они пристали близко у входа, ведущего во внутрь кратера.

Свиньи в нескольких местах уже взрыли почву; присмотревшись внимательнее к их работе, Марк убедился, что под верхним слоем коры лежит довольно рыхлая и крупная зола, которая, будучи подвергнута непосредственному влиянию воздуха, с примесью гуано и возможного мелкого сора, кухонных отбросов и т. п., могла бы дать, быть может, почву, достаточно пригодную для скромных огороднических целей.

Еще накануне, будучи на вершине кратера, Марк заметил там два-три местечка, показавшиеся ему наиболее подходящими для первого посева, тем более, что на вершину уж никак не могли взобраться четвероногие обитатели Рифа, а следовательно, ни грядкам, ни ожидаемым всходам не предстояло от них никакой опасности.

ГЛАВА VI

Взбираясь на вершину кратера, Марк по пути вырубал в стене выступы наподобие ступеней, которые должны были впредь значительно облегчить этот подъем. Добравшись до вершины, Марк отыскал заранее намеченные им места и, размотав имевшийся при нем обрывок снасти, бросил один конец этой веревки вниз, внутрь кратера. Боб, остававшийся внизу, сейчас же привязал к нему корзинку с гуано, а Марк проворно втащил ее наверх. Повторив эту операцию несколько раз, товарищи перетаскали на вершину все, что им было нужно; после этого Боб повернулся к своей шлюпке, чтобы прикатить оттуда боченок со свиным пометом и разным другим мусором, который они захватили с судна. Втащив и это на вершину кратера, Марк принялся усердно вскапывать землю и перемешивать ее тщательным образом с имеющимися у него различными отбросами. Боб также не терял даром времени; и на одном из островков, ближайших к Рифу, отыскал изрядное количество различных морских водорослей. Он сделал шесть рейсов на своей шлюпке туда и обратно и каждый раз привозил огромную охапку этих водорослей, которые затем были доставлены при помощи каната на вершину и поступили на удобрение почвы для посева. Вслед за последнею охапкой этих трав Боб сам отправился туда же и присоединился к Марку.

Они проработали около часа, после чего рискнули приступить к посеву. Для опыта они избрали дыни, бобы, горох и кукурузу; кроме того, посеяли огурцы и лук. Все эти семена были припасены судовладельцем «Ранкокуса», принадлежащим к секте квакеров, известной под названием «Друзей». Учение «друзей» являлось странной смесью проповеди филантропии и алчности к наживе; вот почему судовладелец в числе массы других полезных и необходимых предметов сделал большой запас всяких дешевых семян, которые предназначались для раздачи туземцам островов, куда шел на этот раз его корабль для своих хищнических и торговых операций.

Когда приятели спустились вниз с «Вершины», — как решил назвать весь верхний край возвышенности кратера Боб, — наступил уже час обеда. В долине кратера Боб устроил род навеса с помощью обрывков старых парусов. Здесь наши друзья обсудили все, что им предстояло сделать для своего удобства и благополучия. Между прочим, было решено на случай беды еще прочнее укрепить «Ранкокус» при помощи надежных канатов.

Проснувшись около двух часов пополудни, Боб прежде всего позаботился о свиньях: он накормил их и думал было напоить, но Марк нашел это совсем излишним в виду того, что надвигались тучи: можно было ожидать дождя с часа на час. Заметив между тем, что один борювок усердно взрыл почву у самого основания кратера, при чем провел довольно правильную борозду, усеянную на известном расстоянии друг от друга маленькими кучками рыхлой золы, Марк возымел желание воспользоваться этою работою борювка для нового посева горсточку семян лимонов, апельсинов, винограда, смоковниц, померанцев¹ и других плодов.

По окончании посева Марк стал думать и о том, как оградить его от всяких злоключений, и с этой целью он, выходя из кратера, выгнал оттуда свиней, а самый вход загородил старым парусом, надежно укрепив его.

Тем временем гроза надвигалась: в виду этого наши приятели поспешили вернуться на свое судно, чтобы не промокнуть до костей. Действительно, едва успели они укрыться в каюте, как полил дождь.

Благодаря изменившемуся ветру судно прибывало слишком близко к подводной стене, служившей оградой маленькой бухте. Это еще более убедило наших моряков в необходимости прочно утвердить «Ранкокус». Боб подал блестящую мысль свезти на берег наиболее крупный и надежный из якорей, утвердить его в скалах так, чтоб он зацепился за них и сидел неподвижно, а затем притянуть к нему надежными канатами судно.

Но так как для перевозки якоря понадобился бы плот, — маленькая шлюпка была не пригодна для этой цели, — то все предприятие было отложено до следующего дня.

Марку очень хотелось взглянуть на молодые посадки и посевы после ливня. Было важно также выяснить количество воды, оставленное дождем на рифе. Друзья решили отправиться на часок-другой на остров перед наступлением сумерек. Отправляясь в путь, Боб вдруг вспомнил о проживавших на судне домашних птицах, курах и утках, имевших до крайности жалкий вид; это было не удивительно, если принять в соображение, что эти несчастные пернатые находились уже более пятидесяти дней в открытом море. Боб предложил поселить их на острове, предоставив им самим отыскивать себе пищу, при чем намеревался, с своей стороны, по мере надобности подкармливать их и приглядывать за ними.

Таким образом куры и утки были выпущены на волю. Завидя сушу, они направились, одни — вплавь, другие — летом, к острову, где тотчас же и принялись что-то поклевать с такою жадностью, как будто перед ними было рассыпано самое отборное зерно. К немалому удивлению Марка, оказалось, что и вся палуба усыпана какими-то мелкими слизистыми шариками, которые выпали, очевидно, вместе с дождем и пришились, как видно, очень по вкусу не только всем птицам, но также и свиньям.

¹ Померанец — горький апельсин. (Прим. ред.)

Теперь на судне из всех животных оставалась только коза, и хотя от нее едва ли можно было ожидать какой-либо пользы, да и кормиться-то ей здесь на острове было положительно нечем, все же Марку казалось бесчеловечным зарезать или заколоть это животное. Поэтому было решено свезти на остров и ее. Прибыв туда, Марк убедился, что все, даже малейшие углубления скалистой почвы, было наполнено дождевой водою, и что самая почва впитывала в себя лишь очень малое количество. Воды было так много, что ее хватило бы теперь на то, чтобы наполнить все бочки и боченки, имевшиеся на судне.

Что же касается посевов, то дождь нимало не повредил им. Хотя каждая лунка, вмещавшая в себе зерно или семя, вплоть до краев была наполнена водою, тем не менее ни одна из них не была размыва ливнем. Марк опасался, что запоздал посадкой и что вскоре наступит засуха, которая погубит его всходы. Поэтому неожиданная поливка оказалась весьма кстати. Принимая в соображение могучее влияние солнца в этих широтах, Марк был уверен, что потребуются лишь немного дней для того, чтобы иметь возможность безошибочно судить о результатах смелой попытки оплодотворения мертвой почвы острова. Осмотрев свои посевы и посадки, Марк и Боб вернулись на «Ранкокус».

И в эту ночь оба они спали так сладко и крепко, как не спали уже давно на «Ранкокусе». Два последующих дня были употреблены ими на укрепление судна на якорю. Старания их, наконец, увенчались успехом. Теперь «Ранкокус» находился всего на расстоянии тридцати метров от берега; с помощью досок, надежно укрепленных на козлах, получился род длинного трапа или мостков, благодаря которому во всякое время можно было сухим путем сообщаться с островом, не имея надобности прибегать для того каждый раз к шлюпке.

На другой день после окончания этих работ Боб отправился ловить рыбу на один из соседних утесов, которых тут, на пространстве какой-нибудь полумили, было около двадцати. Некоторые наиболее крупные из этих скалистых островов имели до шести акров поверхности, большинство же из них не имело, пожалуй, даже и полсотни метров площади.

Боб Бэкс был страстный любитель рыбной ловли; он готов был проводить за этим занятием целые дни напролет, но с условием иметь при себе достаточный запас табаку. Большою для него утехой в настоящем горе было то обстоятельство, что на «Ранкокусе» имелись громадные запасы табаку, оставшегося от погибших товарищей.

Марк любил охоту, но здесь ружье было почти совсем не нужно, так как из миллионов птиц, кишевших всюду, не было ни одной, пригодной для стола. Хуже всего было, конечно, то, что на рифе не было растительности или хоть воды для орошения посевов на случай, если бы показались всходы. Правда, теперь почти ежедневно выпадал дождь, но со дня на день дожди могли прекратиться, и тогда моряков ожидала страшная засуха. Риф к тому же был до крайности однообразен и очень невелик. Кроме кратера, ничто не нарушало его унылого однообразия.

Хорошо еще, что на судне был небольшой запас дров! Ведь здесь нигде нет ни сучка, ни кустика!

С заходом солнца вернулся Боб. К немалому удивлению Марка, маленькая шлюпка почти по борт сидела в воде; он поспешил на помощь товарищу, направлявшемуся к входу в кратер. Улов Боба состоял из десяти или двенадцати штук крупной рыбы; некоторые из них были даже весьма значительной величины и внушительного вида, но все были совершенно не знакомы морякам. Отобрав наилучшую из них, Марк выбросил остальных свиньям и птицам. Свиньи тотчас же с жадностью накинулись на это угощение; сперва куры немного пожеманились, вероятно, вследствие того, что раньше уже успели утолить свой голод насекомыми и слизняками, но потом в свою очередь налегли на остатки этого еще совершенно нового для них угощения. Теперь морякам нечего было заботиться о пропитании своих животных и птиц; только для козочки такого рода корм был не пригоден.

Но не одна рыба составляла груз маленькой шлюпки Боба; он нагрузил ее по самые борты илом, который он нашел в расщелине одной из скал, где тот образовался, вероятно, из перегной разных морских водорослей.

— Да ведь этот ил как нельзя более похож на прекрасный чернозем! — воскликнул обрадованный Марк, предварительно испробовав его на вкус и помяв в пальцах. — И много его там?

— О, сколько угодно, мистер Марк! Пространство, занимаемое этим илом, ничуть не меньше площади нашего кратера.

— Прекрасно, с будущей недели мы займемся им; благоразумие требует от нас, чтобы мы не пренебрегали ничем, что может способствовать нашему благополучию, даже и в том случае, если сможем вернуться в конце-концов на родину.

— Вернуться вновь на родину! А вы все еще думаете туда вернуться? Нет, мистер Марк, уж лучше нам совсем не говорить об этом! А вот насчет ила, так я вам доложу, что спаржа, наверное, хорошо бы на нем уродилась; семена спаржи у нас ведь тоже должны быть где-нибудь на корабле.

— Все семена, какие только есть, находятся в тех двух ящиках, которые стоят между деками¹. Пока я принесу лопату и выгрузу ваш ил, вы, Боб, займитесь приготовлением этой рыбы к ужину. Мы уже давно питаемся солониной, а свежая рыбка будет нам куда как полезна!

Затем и Марк и Боб занялись каждый своим делом: Марк, с помощью лопат и тачки, перевозил весь ил во внутрь кратера, где складывал его в одну большую кучу с намерением навалить впоследствии сюда отбросы, грязь и сор, какие встретятся в их обиходе. А Боб тем временем отправился на кухню на «Ранкокус» и занялся стряпней. Он приготовил к ужину прекрасное жаркое и на завтрак любимую им матросскую похлебку из той же рыбы.

ГЛАВА VII

Полуночью в воскресенье Марк и Боб отправились погулять на риф.

Они шли, дружески беседуя, как вдруг Боб вспомнил о том, что в трюме есть остов и все части разобранный пинасы².

— И если только память мне не изменяет, то судно это, кажется, приспособлено носить и паруса, и мачты, — добавил Боб.

Марк выслушал его спокойно, но в глубине души он был вполне уверен, что Боб жестоко ошибается на этот раз. Верно было только то, что всякого рода строительного леса и разного другого материала имелось на «Ранкокусе» вдоволь, и что построить из него со временем какое-нибудь судно было весьма возможно, хотя и не легко.

Ночью выпал сильный дождь, воды повсюду было очень много; Марк захотел взглянуть на запас ила в кратере, а Боб отправился опять ловить рыбу, при чем привез с собой еще немного того же ила. За одну эту ночь дождь до того промыл весь находившийся в кратере ил, что когда Марк попробовал его на вкус, то убедился, что он утратил значительную долю содержащейся в нем морской соли, что было весьма и весьма утешительно для его широких замыслов по части огородничества.

Весна была еще только в самом начале, и Марк мог надеяться успеть надлежащим образом подготовить достаточно большую площадь годной под огород земли, чтобы вырастить на ней кое-какие овощи.

Пока Боб был занят рыбной ловлей, Марк стал работать над настилкой пола на том плоту, который был ими изготовлен ранее для перевозки якорей на риф; теперь же Марк рассчитывал воспользоваться им для перевозки ила. Едва успел он окончить это дело, как возвратился Боб с новым запасом ила. Его тут же выгрузили и затем решили немедленно вновь отправиться на утес с плотом и с шлюпкой.

Первой заботой Марка тотчас же по прибытии на место было избрать удобное местечко, вскопать его, смешать с достаточным количеством гуано и засеять маленький участок спаржей. Пока Марк возился со своим посевом, Боб нагрузил и плот и шлюпку, и с этим драгоценным грузом они направились обратно к кратеру.

Последующие две недели прошли в подобных же занятиях; не проходило дня, чтобы друзья не побывали на Утесе Ила и не вернулись оттуда с полным грузом. Кроме того, за это время было сделано немало и других работ; так, например, они наполнили водою все имевшиеся на судне боченки для воды. Хотя запасы их еще не истощились и, по расчету Марка, имевшейся у них в наличности воды должно было хватить на целые два года, но следовало запастись ею вовремя, так как дожди могли со дня на день прекратиться. Когда все бочки и боченки были наполнены и тщательно размещены в порядке в трюме, их накрыли еще старой парусиной, чтобы предохранить от оседавшей пыли. До этого времени еще не было надобности раздавать воду птицам и домашним животным: они всегда имели ее в достаточном количестве в тех лужах, которые образовывались каждый раз после дождей во всех малейших углублениях почвы.

Бэтс не переставал усердно заниматься рыболовством, исправно поставляя рыбу не только к столу, но и на корм свиньям и курам. Кроме того, он часто отправлялся добывать гуано и привозил его всегда в большом количестве.

Однажды ему пришло на мысль отправиться подальше за черту подводной гряды. Прошло около двух часов с тех пор, как он уехал, как вдруг Марк, работавший в долине кратера, услышал крик товарища и тотчас догадался, что тот зовет его к себе на помощь.

Выбежав на берег, он был немало удивлен видом той громоздкой добычи, которую тащил Боб Бэтс.

Оказалось, что у того утеса, где удил Боб, образовалось громадное скопление плавучих морских трав; когда же эта громоздкая спутавшаяся масса не могла долее уместиться на том пространстве, где она ютилась до тех пор, то вдруг сама собою отделилась и, подгоняемая ветром, поплыла вниз по течению к южной части Рифа. Боб Бэтс не без труда заставил эту плавучую копну обойти южную конечность Рифа и старался направить ее теперь поближе ко входу в кратер. Поняв тотчас же чего от него требуют, Марк захватил веревку и перебросил ее Бобу, который в свою очередь закинул веревку на копну, с успехом подтянул ее туда, куда счел

¹ Дек — палуба.

² Пинас, пинаса или пинка — небольшое мореходное парусное судно. (Прим. ред.)

более удобным. Эта неожиданная находка пришлось теперь как нельзя более кстати. По своему объему эта плавучая копна не уступала двум большим возам сена; на этой траве засело множество ракушек и улиток, чему особенно обрадовались куры, как блюду, крайне лакомому для них, свиньям же пришлось по вкусу самая трава. Хотя время было уже позднее, наши друзья все же принялись поспешно убирать эту траву внутрь кратера, оставив на берегу лишь незначительную часть для кур и для свиней.

Первый месяц пребывания робинзонов на Рифе подходил уже к концу. Приятели решили наконец осуществить давно задуманную мысль, приняться за постройку нового небольшого судна, на котором можно было бы добраться до берегов Южной Америки или же хотя бы до одного из ближайших населенных островов.

На другой день все утро шел сильнейший дождь, вследствие чего наши приятели принуждены были остаться у себя на судне. Они воспользовались этим обстоятельством, чтобы хорошенько ознакомиться со всеми сокровищами и богатствами «Ранкокуса» и прежде всего с теми двумя-тремя ящиками, которые стояли между деками, и где должны были находиться все семена. Затем они спустились в трюм; всякого рода леса и досок здесь было очень много, но ничего похожего на остов или же составные части судна, в роде пинасы, не оказалось, но Боб остался при своем первоначальном убеждении. Различных инструментов и орудий тут было также очень много.

В числе семян Марк натолкнулся на семена клевера и других луговых трав в таком количестве, что ими можно было бы засеять сплошь весь кратер.

Тем временем погода прояснилась, и Марк и Боб отправились на Риф, забрав с собою полную корзину гуано и семян. Друзья не были там с тех пор, как Марк удобрил почву и сделал первые посевы. Марк приближался к месту, где были его грядки, почти без всякой надежды на успех. Ведь у него тогда не было даже ила, который бы он мог смешать с той рыхлой пепельной золой, какой являлась здесь повсюду нетронутая, девственная почва. Каково же было удивление и радость друзей, когда они увидели расстилавшиеся по земле зеленые всходы с чуть заметными завязями на тоненьких стеблях.

Итак, важный вопрос о пригодности почвы Рифа был решен в благоприятном смысле. Понятно, что радость Марка по этому случаю не знала границ. Какое счастье в самом деле, что козочка еще ни разу не была здесь в течение этих двух недель; как видно, безуспешность первых ее посещений отбила у нее охоту взбираться снова на вершину; теперь же если ей случится увидеть здесь хоть издали свежую зелень, то нарождающимся дыням наверно грозит беда. Поэтому Марк решил продержат козу взаперти на судне до того времени, пока не будет выстроена изгородь, достаточно прочная, чтобы прекратить козе доступ к драгоценной маленькой бахче; сделать это, в сущности, было совсем не трудно: с внешней стороны взобраться на вершину, хотя бы даже и козе, было возможно только в трех местах. Исключая эти три пункта, стена повсюду поднималась совершенно отвесно на высоту трех или четырех метров. Лишь в двух местах скатившиеся обломки скал и твердой лавы образовали нечто в роде ступеней, которые нетрудно было уничтожить и таким образом сделать и эти пункты недоступными; третий путь к вершине решено было временно загородить особой загородкой.

Озаботившись сохранением своего вновь приобретенного сокровища, Марк принялся засеять травой внешние скаты кратера. Понятно, что он не рассчитывал на то, чтобы все посеянное взшло; он счел бы свой труд далеко не напрасным даже и в том случае, если бы по склонам кратера засело хотя бы несколько кустиков зеленой травы, на которой мог бы отдохнуть утомленный однообразием глаз. Следом за ним шел Боб, разбрасывая гуано повсюду, куда Марк кидал семена. Выпавший вскоре дождь смочил последние посевы и принес этим немалую пользу будущей растительности.

Сделав все, что от них зависело, они спустились внутрь в «Долину кратера», где Марк намеревался разбить сравнительно обширный сад. На распланировку, удобрение и подготовку почвы для будущего сада ушло около двух недель; тем временем дожди стали выпадать уже реже; и лишь от времени до времени проливались над рифом сильные ливни; они еще более, чем постоянные дожди, способствовали произрастанию растений.

За эти две недели посевы, сделанные на вершине кратера, успели дать порядочные всходы благодаря влиянию тропического солнца. Но теперь следовало опасаться в близком будущем тех продолжительных засух, которые обыкновенно губят всякую растительность, и главную причину которых следует искать не в высокой температуре воздуха, а в других местных условиях климата.

По мере того, как дело подходило к лету, Марк начинал успокаиваться относительно ужасного, губительного влияния местной жары. Он убедился, что пассатные ветры, а быть может, и еще другие какие-либо неизвестные ему причины, постоянно нагоняли тучи, которые не только проливались благодатным дождем над посевами, но вместе с тем и умеряли нестерпимый зной солнечных лучей.

В виду приближения лета Марк и Боб озаботились устройством внутри вулкана палатки, не желая быть захваченными врасплох жарким временем года. При помощи нескольких старых парусов и мелких мачт здесь вскоре сооружено было довольно просторное и удобное жилье. Но они заботились не только о себе. Был выстроен еще другой навес для домашних животных и птиц, которые с необычайной радостью поспешили

укрыться от солнца. Но это простое сооружение оказалось более трудным, чем это предположили Марк и Боб. От него требовались особая прочность и устойчивость в виду того, что оно постоянно подвергалось влиянию сильных ветров. Внутри кратера, защищенного со всех сторон непроницаемой стеною, чувствовался уже недостаток воздуха, вследствие чего Марк решил построить небольшой павильон на самой вершине, где всегда была приятная температура.

Когда было избрано место для павильона, за материалами дело не стало, и вскоре строители имели еще новое жилище.

В этих хлопотах прошли еще две недели. Отшельники незаметно доживали третий месяц своего пребывания на Рифе. Они успели свыкнуться со своим одиночеством и урегулировали до известной степени свои работы и занятия.

ГЛАВА VIII

Как только новый павильон был готов, Марк перетащил туда значительную часть своих книг, которых у него было изрядное количество, свою флейту и письменные принадлежности. Там он проводил большую часть своих свободных часов. Боб посвящал почти все свое время рыбной ловле, соединяя приятное с полезным и доставляя обильную пищу домашним птицам и животным, не говоря уже о том, что к столу у них во всякое время была свежая рыба.

Между тем, первые посаженные овощи взошли превосходно. К концу следующего месяца все скаты кратера зазеленели, и даже на совершенно девственной, неподготовленной почве некоторых частей утеса стала, к необычайной радости и удивлению Марка, пробиваться местами зеленая трава. Количество рыбы, ежедневно приносимой Бобом, было так велико, что ему пришлось на мысль изготовлять и из нее удобрение.

С этой целью, пользуясь несколькими часами прохлады поутру и перед наступлением ночи, он принялся готовить место для свалки излишней рыбы. Тут же возвышались целые горы водорослей, смешанных с илом или с гуано.

Но по мере того, как весна подходила к концу, все работы должны были замедляться вследствие страшной жары, которая становилась положительно невыносимой, несмотря на постоянные ветры. Марк воспользовался этим временем для того, чтобы заняться судном. Пользуясь благоприятной погодой, они занялись просушкой парусов и уборкой их; палубы мылись теперь ежедневно утром и вечером не только в целях порядка и опрятности, но и для того, чтобы дерево не трескалось и не рассыхалось под влиянием непомерного зноя. В то же время они занялись тщательным осмотром трюма. Там оказалось очень много всякого рода полезных предметов: между прочим, два боченка уксуса для изготовления маринадов.

Однажды, когда Боб опять рылся в трюме, а Марк сидел тут же и наблюдал за ним, Бобу случайно попался под руку какой-то предмет; с большими усилиями его удалось вытащить из-под огромной кучи всякого рода леса и досок, сваленных на полу в самом темном углу трюма.

Когда Боб вытащил, наконец, эту, по его словам, «никуда не годную корявую дубину», Марк с первого же взгляда признал в ней одну из составных частей довольно крупного мореходного судна.

— Вот поистине чудо, Боб! — воскликнул он. — Ведь эта ваша негодная дубина не что иное, как одна из частей того пинаса, о котором вы мне говорили.

— А ведь и в самом деле так! И как это я, старый болван, сразу об этом не догадался? Ну, а если мы с вами наткнулись на эту оглоблю, так уж, верно и все остальные части пинасы сложены тут же.

И действительно, все составные части этого судна были отысканы одна за другой и снесены на палубу. Хотя ни Боб, ни Марк не могли назваться искусными строителями, тем не менее оба они прекрасно знали место каждой отдельной части и не были совершенными невеждами в деле кораблестроения.

Трудно себе представить, какой громадный переворот произвела эта неожиданная находка в душе молодого моряка. Хотя он до сих пор ни на минуту не терял окончательно надежды на свидание с Бриджит, но, тем не менее, надежда эта угасала в нем с каждым днем.

Теперь же, когда существование пинаса не было уже чем-то гадательным, когда он видел его своими глазами, он едва смог овладеть охватившим его чувством радости; вся кровь прилила разом к его сердцу, так что он принужден был прислониться к ящику, чтобы не упасть под влиянием охватившего его волнения.

В продолжение нескольких дней Марк находился в каком-то лихорадочном волнении, будучи положительно не в состоянии заняться каким-либо делом. Теперь он мог говорить только о Бриджит и думать исключительно о свидании с нею.

Боб отнесся к этому более спокойно. Он мысленно решил «поробинзонствовать» в продолжение нескольких лет и до того свыкся с этой мыслью, что она несколько не огорчала его.

Марк не захотел даже отложить работы по постройке судна до более прохладного времени года. Боб без возражений высказал полную готовность приступить к работе немедленно.

Однако, жара становилась до того сильной, что не было никакой возможности работать, не устроив защиты от солнца. К тому же остов пинаса необходимо было собрать где-нибудь на берегу, чтобы иметь впоследствии возможность спустить это судно на воду. По зрелом обсуждении, решено было избрать для верфи место на западной окраине рифа, где самый утес представлял наиболее благоприятные условия для спуска будущего судна. Хотя отшельники еще не видели здешней зимы, но, судя по тому, как в какой-нибудь час море подымалось на несколько футов, а во время бурь вода вторгалась и заливала даже часть долины кратера, — легко могло случиться, что пинас мог быть унесен в море прежде даже, чем его успеют окончить. На эту работу требовалось не менее шести или семи недель.

При закладке пинаса Марк назвал его «Нэшамони» в честь маленькой бухточки, лежащей почти напротив «Ранкокуса», другого небольшого залива, образуемого рекой Делавар и давшего свое имя доброму старому судну.

Два часа ранним утром и часы перед наступлением ночи, — вот все то время, которым могли располагать наши кораблестроители для своих работ по сооружению чего-то в роде навеса или сарая. Чтобы построить этот сарай, понадобилось прежде всего вырыть восемь ям глубиной около метра каждая. Это была бы гигантская работа, которая потребовала бы не менее года, если бы Марк не вздумал воспользоваться пушечным порохом. Он взорвал в восьми местах затвердевшую лаву, после чего оставалось лишь удалить находившиеся там обломки камня и утвердить столбы. Тем не менее, постройка верфи отняла у колонистов целый месяц. Боб был в восторге от своей верфи; Марк, с своей стороны, был не менее его доволен своим сооружением и на другой же день приступил к установке килевой части.

День этот ознаменовался еще одним немаловажным событием. Боб, отправившийся на вершину за каким-то инструментом, случайно взглянув на грядки, заметил, что дыни на них уже совершенно спели, и, сорвав три-четыре штуки, снес их Марку. Побывав в свою очередь на вершине, он увидел, что не одни дыни дозрели и стали годными для употребления: лук, огурцы, помидоры и некоторые другие овощи тоже уже были совсем готовы и пригодны для кухни. Теперь наши приятели ежедневно имели к столу свежую зелень. Это совершенно успокоило Марка, сильно боявшегося до сих пор заболеть цингой.

Осмотрев все составные части пинаса, Марк убедился, что каждый винт и каждая доска были тщательно помечены и занумерованы; оставалось только собрать их в должном порядке. За это кораблестроители и принялись с большим рвением: в одну неделю корпус был окончен, при чем ни разу не пришлось прибегнуть к помощи рубанка.

Измерив судно, Марк узнал, что килевая часть его имеет восемь метров длины при вместимости приблизительно в одиннадцать тон.¹

Собрать корпус «Нэшамони» было не трудно, но с конопаткой судна предстояло несравненно больше хлопот. Целых две недели провозился Боб с этим делом. В течение этих же двух недель, перебирая кое-что в трюме «Ранкокуса», Боб случайно набрел на сваленную в кучу старую медь; на одном из листов стояла надпись: «Медь для обшивки пинаса». Это была важная находка в виду того, что в этих низких широтах подводные части судов немилосердно разрушаются громадными массами червей. Труднее всего оказалась настилка палубы, тем более, что на корме были устроены две маленькие каютки.

Теперь оставалось только спустить пинас в воду. И Марк, и Боб, конечно, не раз присутствовали при спуске судов и видели, как это делается; тем не менее, это дело представляло немало затруднений. Марк имел предусмотрительность поместить судно как можно ближе к воде, что значительно облегчило их трудную задачу. Наконец, Марк объявил, что предварительные меры предосторожности приняты, и все необходимые для спуска судна приготовления сделаны; так что на завтра можно будет приступить к спуску. Боб был другого мнения: почему бы им было не воспользоваться тем временем, пока пинас стоит еще на месте, и доступ к нему со всех сторон одинаково удобен, для того, чтобы перенести на него все необходимые припасы? Согласно его плану, на пинас были перенесены несколько боченков пресной воды, боченок с солониной и приличный запас сухарей. Кроме того, были снесены на «Нэшамони» и найденные в числе запасных материалов для пинаса небольшие якоря. Оставалось только устроить парусность судна, чтобы потом в любую минуту поставить паруса. Когда все приготовления были окончены, было уже слишком поздно, чтобы в тот же день приступить к спуску судна, а потому эта процедура была отложена на следующее утро.

Остатком дня Марк воспользовался для того, чтобы посетить свои грядки на вершине кратера и в нижнем саду и выбрать несколько дынь к ужину. Большинство плодов и овощей совершенно спело; урожай был во всем чрезвычайно обильный, и — странное существо человек! — вид всех блестящих результатов их трудов породил в душе Марка нечто похожее на сожаление при мысли о том, что он должен будет оставить все это навсегда, предав все снова запустению.

Эту ночь и Марк и Боб провели на «Ранкокусе». Мысленно каждый из них говорил себе, что, быть может, это последняя ночь, которую им придется провести здесь, и в силу той привязанности, какую питает

¹ Тонна (грузовая) — около 1,2 кубич. метра. (Прим. пер.)

каждый моряк к своему судну, они решили перед разлукой торжественно проститься со старым, добрым товарищем их радостей и бед, их верным другом «Ранкокусом».

Здесь следует сказать, что отшельники давно уже подвесили свои койки под кровлей того сарая, который служил для них верфью, для того, чтобы быть поближе к своей работе и, встав поутру, иметь возможность тотчас же приняться за дело. Ранним утром следующего дня Марк был разбужен шумом ветра в снастях; в первую минуту этот знакомый шум, от которого он успел уже отвыкнуть за последнее время, был ему даже приятен. Он поднялся наверх, и ему стало ясно, что над ними была настоящая буря; ничего подобного он никогда еще не видал в Тихом океане. День только что начинал брезжить, но Марк разбудил Боба.

И море, и небо приняли такой грозный вид, что заставляли опасаться за судно. Им, конечно, было бы весьма прискорбно видеть, как разобьется о подводные камни их верный «Ранкокус», но все же опасность, грозившая пинасу, волновала их несравненно более. На берегу со вчерашнего вечера осталось много разных орудий и инструментов, и хотя они должны были остаться на острове, Марк и Боб поспешили на берег и убрали все во внутрь кратера. Козочке открыли доступ к вершине, а свиней пустили во внутрь кратера, где они с особым наслаждением принялись рыться в огромной куче водорослей, не обращая ни малейшего внимания на затейливо распланированный сад.

Буря тем временем все усиливалась. Вода прибывала с минуты на минуту, и вся низменная часть острова вокруг кратера была уже затоплена. Марк поспешно добежал до своего павильона на вершине, прибрал, укрыл и припрятал на всякий случай все свои книги и письменные принадлежности и затем бросил тревожный взгляд по направлению к тому месту, где стоял «Ранкокус». Величавое судно плавно вздымалось и опускалось вместе с грузной волной, но, невидимому, ему еще не грозило никакой опасности. Тогда он обошел вершину кратера, направляясь к тому месту, которое было в наиболее близком расстоянии от верфи, с тем, чтобы взглянуть на пинас. И каково же было его удивление, когда он увидел Боба, которого считал занятым уборкою внутри катера, по колена в воде спешившего к доку и затем взобравшегося на пинас...

Озабоченный сохранностью «Нэшамони», Боб хлопотал то тут, то там, он оживленно жестикулировал и призывал Марка к себе. В эту минуту Марк заметил, что пинас тронулся со стапели, и через мгновение подпоры, поддерживавшие его, были выбиты волнением, становившимся все сильнее и сильнее; вслед за тем пинас сдвинулся до половины всей своей длины. Марк кинулся вниз на помощь Бобу, но в тот момент, когда он добежал до воды, «Нэшамони», поднятая мощным гребнем волны, двинулась вперед и вышла в открытое море.

ГЛАВА IX

Понятно, Марк не кинулся в погоню за уносимым волнением пинасом. Он в изнеможении припал к скале в безграничном ужасе и страхе за несчастного товарища, сознавая, что никаких средств к спасению у него быть не могло.

Боб не пытался даже отдать якорь, зная наверняка, что всякая попытка такого рода опасна в данную минуту. Всего разумнее, конечно, было плыть по ветру до тех пор, пока пинас не вынесет за пределы подводных камней, и затем уже стараться удержаться на месте. У Марка сердце замерло, и, едва дыша, он следил, как пинас мчался над подводными скалами, подобно бешеному коню, который сам не видит и не знает, куда он мчится. Раз двадцать Марку казалось, что злополучное судно уже потоплено разъяренной стихией, но в тот момент, когда он считал его погибшим, оно снова, точно морская чайка, несло вперед, ныряя и скользя по волнам бурного и пенящегося моря.

В продолжение почти четверти часа Марк мог следить за «Нэшамони», хотя он несколько раз за это время терял ее из виду, частью вследствие отдаленности расстояния, частью вследствие полнейшего отсутствия на ней парусов.

Но вот бешеный порыв ветра заставил Марка пригнуться к земле, и когда он мог снова взглянуть на взбаламученное море, «Нэшамони» совершенно исчезла.

С той самой минуты, как почти на его глазах исчез капитан Кретшли, Марк еще ни разу не испытывал такой душевной муки. Когда из глаз его скрылась «Нэшамони», он вдруг сразу почувствовал весь ужас своего одиночества и отчуждения от мира.

Буря не утихала, но усиливалась. Вода с минуты на минуту прибывала: она проложила себе дорогу во внутрь кратера и затопила низменные части долины на протяжении двух или трех акров. Но «Ранкокус», несмотря на то, что его сильно покачивало из стороны в сторону, все еще держался на своем якорю и, повидимому, не получил никаких повреждений. Не будучи в состоянии что-либо сделать против бешеного своеволия разбушевавшейся стихии, Марк побрел в тот барак, который он вместе с Бобом построил себе в долине кратера, и кинулся в подвешенную койку, где провел весь остаток этого дня и всю следующую за ним ночь. Если бы не бешеный рев бури, доносившийся извне, и не порывы ветра, пронесившиеся по временам над его головой, трудно было бы подозревать, что за стеной разыгрывалась страшная буря. Так продолжалось до утра, когда вдруг полил проливной дождь. К счастью, предусмотрительный Марк устроил все крыши с

сильнейшим скатом, и потоки дождя сбегали по тенту, не застаиваясь на крыше. Разбитый телом и душою, Марк заснул тяжелым, крепким сном и беспробудно проспал несколько часов кряду.

Когда он проснулся и пришел в себя, то несколько минут сидел неподвижно на своем ложе, стараясь припомнить случившееся. Затем он стал прислушиваться к шуму бури, но за стеной все было тихо, и когда он вслед за тем встал и вышел из палатки, то увидел над своей головой ясное небо и солнце. Утки и свиньи купались в лужах, образовавшихся во всех выемках и углублениях почвы.

Сад, казалось, улыбался, омытый дождем, и допущенные во внутрь кратера четвероногие гости, как оказалось, ни до чего не дотронулись. Окончив свой утренний туалет, Марк выгнал свое маленькое стадо из кратера, опасаясь за целостность своих всходов. Выйдя за ограду кратера и убедившись, что вода уже убывла, и что, следовательно, домочадцам его не грозит никакой беды, он загородил вход, в кратер и затем уже взобрался на вершину.

Вместе с пассатными ветрами¹ вновь наступили тишина и спокойствие. «Ранкокус» неподвижно стоял на своем якоре, океан тихо дышал своею мощною грудью; весь берег Рифа был сплошь усеян громадным множеством рыбы, от которой Марк счел необходимым как можно скорее избавиться.

Куры и свиньи, как бы угадав мысль своего хозяина, с невероятным усердием принялись уничтожать это, как бы нарочно для них приготовленное угощение; но при всем их старании бедные животные никогда бы не справились с этою трудной задачей, и потому Марк, подкрепившись кое-какою пищею на «Ранкокусе», вернулся на берег и с помощью лопаты и тачки стал убирать эту рыбу, так как, если бы он оставил ее на берегу всего в течение нескольких часов, она разложилась бы под влиянием палящих лучей тропического солнца и заразила бы весь остров своими миазмами. Никогда еще в своей жизни Марк не работал с таким рвением и поспешностью.

Рыбу он свалил в раньше вырытую глубокую траншею и засыпал густым слоем пепла. Он понимал, что эта усиленная работа необходима ему и для того, чтобы забыть и уйти от мучивших его мыслей и ощущений. Двое суток проработал Марк почти без отдыха, отрываясь от работы лишь на несколько мгновений тогда, когда подымавшиеся отовсюду зловонные испарения не давали ему дышать. К счастью, тысячи слетевшихся сюда птиц помогали ему и работали едва ли не успешнее его.

Истошив все свои силы, Марк переселился, наконец, на судно и прожил там около недели, выжидая, пока ветры очистят воздух и унесут с собою все зловония.

По истечении недели он вернулся на Риф и решил, что в крайнем случае ему можно будет остаться и здесь, но только по прошествии целого месяца воздух на острове окончательно очистился от всяких миазмов.

Отражение палящих лучей солнца на скалах и красновато-бурых массах пепла кратера чрезвычайно раздражающе действовало на зрение Марка, причиняя порой такое болезненное ощущение, что ему не раз приходилось закрывать глаза; большим счастьем для него являлось то, что он мог отвести глаза и дать им отдохнуть на нежно-зеленой мураве, покрывавшей местами вершину. Частью из желания сберечь зрение, частью же из настоятельной потребности в лихорадочной деятельности Марк решил засеять травой всю долину кратера, за исключением того пространства, которое ему было необходимо под огород. Марк тотчас же принялся за дело. Тем временем зачастили сильные ливни, но и это не останавливало его, а напротив, как бы подгоняло. Увлажненная дождями почва становилась только еще более благоприятной для посева. На то, чтобы засеять громадную площадь долины кратера, ушел целый боченок семян, и Марк, окончив эту работу, вернулся в свой барак, промокнув до нитки и обливаясь потом.

Усталый до изнеможения, он бросился в свой гамак и заснул. Проснувшись поутру, он почувствовал, что его голова тяжела, как будто вся она налита свинцом, и в горле пересохло; во всем теле он ощущал сильный жар. Тут только он понял весь ужас своего одиночества. Он прекрасно сознавал, что захворал не на шутку; надо было пользоваться теми немногими минутами, которые ему еще оставались до того момента, когда он окончательно лишится сил и сознания. Только на «Ранкокусе» мог он найти все, необходимое для него в данном положении; а потому ему во что бы то ни стало следовало добраться до судна. Раскрыв зонт и опираясь на палку, он с трудом побрел, двадцать раз останавливаясь и отдыхая по пути или же падая в изнеможении на раскаленный утес, но тотчас же, сделав над собою невероятное усилие, он поднимался и брел дальше, подгоняемый ужасом и отчаянием, задыхаясь и почти теряя сознание. Наконец, он добрался до каюты.

Трудно описать то чувство наслаждения, которое овладело несчастным, когда он очутился вне палящих лучей солнца, под кровом прохладной каюты. В изнеможении опустился он на один из диванов, чтобы немного передохнуть и собраться с мыслями. Это было необходимо, пока он еще был в силах кое-как двигаться и отдавать себе отчет в своих действиях. Ящик с медикаментами находился тут же в каюте, и он сам не раз уже пользовался его услугами. Приготовив себе с помощью воды, взятой из фильтра, питье, он выпил его с жадностью и наслаждением. Тут он почувствовал себя настолько больным и разбитым, что не мог сделать ни малейшего движения, и только целый час спустя нашел в себе силу перебраться с дивана на кровать. Здесь он лишился сознания. Сколько времени пролежал в этом состоянии, он никогда не мог определить; быть может,

¹ Пассатные ветры — периодические ветры, дующие в определенных направлениях. (Прим. ред.)

несколько дней, быть может, несколько недель. Порою у него были минуты прояснения мыслей, и тогда он с особенной ясностью сознавал весь ужас своего положения. К счастью, в каюте и питья и пищи было вволю; фильтр находился у него как раз под рукою, и в минуты возвращавшегося сознания он почти каждый раз прибегал к нему. Мешок с сухарями лежал тут же около кровати, но он едва-едва мог проглотить самый крошечный кусочек сухаря даже и тогда, когда он был размочен в воде. Под конец он уже был не в силах сделать даже малейшего движения и более двух суток пролежал не шевелясь, в каком-то полусознательном состоянии, близком к летаргии.

Но вот жар спал, сознание вернулось, но болезнь приняла от этого, как тотчас же понял Марк, только еще худший, более опасный для него оборот. После лихорадочного жара и бреда наступило полнейшее истощение сил, расслабленность, усиливавшаяся с каждым днем. Марк сознавал, что если это продолжится, то он безвозвратно погиб. Он вспомнил, что на судне имелось несколько бутылок превосходнейшего портера; одна из этих бутылок оказалась как раз на полке над его головой. Увидав ее, он вздумал отведать немного этого напитка.

Достать бутылку было нетрудно, но как ее откупорить? Будь у него даже под рукою пробочник, то и тогда откуда было взять необходимую силу? Отбив горлышко бутылки, он налил себе стакан портера, который и выпил залпом. Напиток этот показался ему превосходным; он повторил прием, и действие не заставило себя долго ждать: едва успел он снова укрыться одеялом и зарыться в подушки, как почувствовал легкое и приятное головокружение и задремал. С полчаса он пролежал в этом полудремотном состоянии; очнулся он уже в поту, а минуту спустя заснул, но на этот раз уже крепким, подкрепляющим сном.

Когда он после того проснулся, прошло уже много времени, и Марк почувствовал себя здоровым, потому что он не мог дать себе надлежащего отчета в том, насколько он еще слаб. В первый момент ему казалось, будто стоит ему только встать и одеться, чтобы снова приняться за свои обычные работы и занятия, но при виде своих исхудалых ног и при первом усилии приподняться с постели он понял, что ему предстоит еще, быть может, долгие месяцы выздоровления, что прежние силы и здоровье еще не скоро вернуться к нему. Но уже большою для него утехой было то обстоятельство, что голова его была теперь совершенно свежа, и мысли в полном порядке.

Марк считал за доброе предзнаменование ощущаемое им чувство голода. Он не мог дать себе точного отчета в том, сколько именно времени он прохворал; тем не менее, было несомненно, что он уже много-много времени не принимал никакой пищи, кроме двух-трех глотков воды с небольшим количеством размоченного сухаря.

Марк стал соображать, насколько позволяла ему его слабость, что теперь ему следовало делать.

С кровати ему виден был большой обеденный стол каюты и на нем погребок с винами и ликерами. Марк знал, что в числе других дорогих вин там находилось и несколько бутылок портвейна, предназначавшегося специально для больных. Он решил, что ему следует вновь выпить несколько чайных ложек этого вина. Но ключ от погребка находился в бюро; надо было встать, добраться сперва до бюро и потом до того стола, на котором стоял погребок. Он сделал усилие для того, чтобы приподняться, и на этот раз ему удалось сесть и спустить ноги. Врывавшийся в каюту легкий морской ветерок живительно подействовал на него. Марк дотянулся до фильтра и сделал несколько глотков воды; это значительно подкрепило его; тут же, на столике у кровати, лежал остаток сухаря, который он съел, размочив в своем недопитом стакане воды. Тогда он попытался было встать на ноги, но голова его до того закружилась, что он почти без сознания упал на подушки. Несколько минут спустя он очнулся и повторил свою попытку, но уже с большим успехом. Цепляясь за перегородки и стулья, шатаясь из стороны в сторону, добрался он до бюро, взял ключи и добрался до стола, но тут силы окончательно истощились, и он упал бес чувств в кресло.

Под влиянием живительного притока свежего морского воздуха он мало-по-малу пришел в себя; собравшись с силами, он отомкнул и открыл погребок и с некоторым усилием достал бутылку, несмотря на то, что она была почти совершенно пустая. Налив несколько капель вина, он через силу поднес стакан ко рту, и один единственный глоток этой влаги произвел на бедного больного положительно магическое действие. Вскоре после того у него хватило силы дойти до фильтра, наполнить свой стакан водою и влить в него остатки вина.

Затем, со стаканом вина, он добрался до ближайшей кровати, на что ему потребовалось немало времени, все так же цепляясь за стулья и присаживаясь по несколько раз для того, чтобы вновь, собравшись с силами, продолжать путь. Наконец, он добрался до кровати, которая была приготовлена для Боба, но которою бедняга ни разу не пользовался. Наконец-то Марк очутился на белоснежном свежем белье, что было истинным наслаждением после столь продолжительного лежания все на тех же простынях и на тех же подушках, столько раз смоченных за это время испариной.

Отдохнув некоторое время, Марк съел крошечный кусочек сухаря, размоченного в воде с вином; и хотя эта пища и не утолила его голод, он все же воздержался от вторичной порции. Подкрепившись немного, он

дотащился до того ящика, в котором покойный капитан Кретшли хранил свое белье, достал оттуда чистую рубашку и колеблющеюся походкой вышел из каюты.

На палубе постоянно стоял большой бак для дождевой воды, служащей водопоем козочке, ежедневно по несколько раз навешавшей судно. Отсюда же бралась вода для стирки белья и для умывания. Бак этот оказался почти полным, и, сбросив с себя рубашку, Марк вошел в воду.

Он пробыл в воде всего несколько минут, несмотря на то, что испытывал громадное удовольствие от этой импровизированной ванны. Он опасался, что слишком продолжительное пребывание в воде может повлечь дурные последствия. Выходя из воды, он облекся в чистую рубашку и снова нетвердыми шагами направился в каюту. Очутившись в кровати, укрытый свежими простынями, он съел еще маленький кусочек сухаря и сделал несколько глотков воды с вином, после чего опустил голову на подушки и вскоре заснул крепким, здоровым сном.

Солнце едва только садилось, когда Марк вернулся в каюту; было уже не рано, так как он проспал более двенадцати часов под благотворным влиянием ванны и строгой диеты. Первым звуком, донесшимся до него, было блеяние козочки, просунувшей свою маленькую головку в двери каюты. Доброе животное усвоило привычку ежедневно навешать каюту. Марк протянул к ней руку и заговорил с ней, как с добрым другом, который мог понять его слова, и как бы в ответ на его слова коза подошла ближе и стала лизать его руки. Эта ласка животного возбудила в одиноком, больном молодом человеке чувство умиления. В этот день он чувствовал себя бодрым и почти счастливым. Он вторично принял ванну, допил стакан вина с водою и доел свой вчерашний сухарь.

Один сухарь и два-три стакана воды с вином составляли все его питание в течение целых суток. Но на завтра он уже нашел в себе силу пойти на кухню и приготовить себе чай; в последующие дни он разнообразил свой завтрак жиденьким какао.

Прошло дней пять. Марк уже мог подняться на ют осмотреть оттуда свои владения.

Вершина повсюду начинала покрываться травой; четвероногие домочадцы его, повидимому, здравствовали и казались вполне довольными своею участью. Но так как Марк еще и думать не мог о посещении Рифа, то ему, конечно, пришлось удовольствоваться только одним беглым обзором своего поместья. Домашняя птица тоже, как видно, чувствовала себя прекрасно, и он заметил, что около одной из кур теснилась целая гурьба хорошеньких цыплят.

Прошла еще неделя, прежде чем Марк решился испробовать свои силы и предпринять путешествие на остров. Здесь, как он и предполагал, свиньи взрыли добрую половину сада; коза была поймана на месте преступления в тот момент, когда она объедала бобы; куры не церемонились ни с кукурузой, ни с горохом; словом, оказалось, что домашние животные и птицы в отсутствие своего хозяина предавались обильному пиршеству.

Палатку свою или барак Марк нашел на своем месте целой и невредимой. С наслаждением кинулся он в свой гамак с тем, чтобы отдохнуть часок-другой после утомительного перехода, который он только что перед тем совершил. Отдохнув, он продолжал свой осмотр и, к немалому своему удивлению, увидел, что за свиньей следом бежало десять маленьких поросят. После болезни Марка часто мучил голод, и он не находил на судне ничего себе по вкусу; а солонина, рыба и копченая свинина не нравились ему.

В бараке под рукой находилось его охотничье ружье; при виде поросят ему пришло на мысль полакомиться свежим, нежным мясом; он выбрал удобный момент и застрелил одного из этих маленьких животных. Дотащив свою жертву с большим трудом до кухни, он изготовил из поросенка несколько вкусных блюд, которые немало поспособствовали восстановлению его сил. В течение следующего месяца та же участь постигла еще трех поросят и многих маленьких цыплят, несмотря даже на то, что они были еще очень молоды. Марку казалось, будто он мог проглотить и самый катер, хотя все еще не мог добраться до его вершины.

ГЛАВА X

Прошло целых два месяца, прежде чем силы и здоровье Марка восстановились настолько, что он мог приступить к необходимым работам. Его первую заботой было устроить в долину кратера ворота, которые могли бы помешать проникать туда козе и свиньям. Пока беда была еще невелика; свиньи, взрыв землю, только еще лучше взборонили почву, смешав ее с удобрением, и тем избавили его самого от этого труда. Бесцеремонные животные приготовили гряды для вторичного посева ничуть не хуже, чем если бы за это дело взялся сам Марк. Чтобы не дать огороду пустовать до будущей весны, Марк решил засеять его вторично в надежде на два сбора в течение одного года.

Марк уже окончательно утратил всякую надежду на возвращение Боба. Естественнее было предполагать, что бедный малый повстречался в море с каким-либо судном или же добрался до одного из островов.

Пинас был хорошо снаряжен и прекрасно мог держаться в море в тихую погоду; и, продолжая держать на запад, Боб мог легко достигнуть берегов Южной Америки. Но что могло это дать Марку? Кто поверит рассказу Боба настолько, чтобы решиться выслать судно для спасения Марка Вульстона?

Настала уже осень, в этих широтах представляющая собою не что иное, как продолжение того же лета... Овощи на огороде спели. Их было такое количество, что больше половины пришлось отдать в распоряжение животных и дворовой птицы. Марк понял, что настало время заняться вновь огородом; он сделал новые гряды и выбрал для посева семена лишь тех растений, которые были способны перезимовать в земле.

Затем он сделал самый тщательный осмотр всего своего «поместья», внимательно изучая состояние как каждого растения, так и самой почвы, принимая все это во внимание на будущее время. Апельсины, фиги и лимоны, посаженные в ряд под защитой стен кратера, росли на славу; результат этих насаждений превзошел даже все его ожидания. Вода, сбегавшая с вершины, постоянно поддерживала влагу, и кустики поднялись уже более чем на треть метра от земли. Обрадованный их хорошим видом, Марк окопал и обложил каждый отдельный куст гуано, а некоторые из них пересадил, стараясь выбирать наиболее подходящее для каждой породы место.

Большинство овощей уродилось прекрасно. Марк заметил, которые из них удались лучше других, с тем, чтобы заняться преимущественно их разведением. Дыни, томаты, лук, бобы и обыкновенный картофель принадлежали к числу наиболее удавшихся, тогда как ирландский картофель едва-едва дал маленькие клубни.

Благодаря гуано, водорослям и всякого рода удобрениям увлажненная бурями и дождями почва стала превосходной. Хорошо было бы вспахать землю перед наступлением зимы, тем более, что в распоряжении Марка были прекраснейшие работники, в способностях которых он успел уже убедиться; поэтому он возложил на них эту работу, и менее чем в трое суток свиньи исполнили свою задачу как нельзя лучше. Однако, эти четвероногие пахари ужасно размножились, и Марк увидел себя принужденным положить предел этому приросту четвероногого населения. Самый жирный кабан был заколот и посолен на зиму, пять других были также убиты и зарыты в землю для удобрения почвы.

Невольный отшельник предпринял также поездку на Утес Ила с тем, чтобы вновь запастись удобрением. Тут он особенно почувствовал, чего он лишился в своем товарище и помощнике Бобе. Тем не менее он справился с своею задачей, но, прежде чем вернуться на Риф, Марк вздумал взглянуть на посаженную им здесь когда-то спаржу. И что же? Весь его посев прекрасно взошел: из ила торчало множество стройных стеблей совершенно поспевшей спаржи. Это была самая излюбленная Марком зелень, и теперь он мог быть уверен, что в течение круглого года будет иметь это лакомое блюдо. Спаржа была еще новым предохранительным средством от цынги, не уступавшим по своим качествам дыням и другим овощам. А ведь, кроме того, Марк имел вволю и яиц, и цыплят, и свежей рыбы, последней даже более, чем ему было нужно. Кратер, как большинство потухших вулканов, обещал со временем стать необычайно благодарной и плодородной почвой, от которой можно было ожидать в будущем самых лучших урожаев.

Марк почти ежедневно отправлялся на какой-нибудь из соседних островков, населенных тысячами морских птиц, и ради развлечения присматривался к их нравам и привычкам. Но он не забывал соединять приятное с полезным и возвращался каждый раз на Риф с маленьким запасом водорослей и разных морских трав, которые складывал для удобрения.

Хотя мы и говорим здесь о зиме и о весне, но, собственно говоря, зимы в том смысле, в каком мы ее понимаем, на острове вовсе не было. В это время года травы зеленели даже ярче и росли еще лучше, чем летом, потому что жары становились не столь сильными, и солнце жгло меньше. В долине кратера раскинулись зеленые ковры, живо напоминавшие самые веселые улыбающиеся пейзажи швейцарских долин.

Приблизительно в половине зимы Марк приступил к новой работе, которая, служа ему вместе и развлечением, могла иметь для него громадные последствия. Давно-давно лелеял он надежду построить судно достаточно больших размеров, чтобы исследовать на нем всю эту подводную вулканическую гряду во всем ее объеме и во всех направлениях, если уже ему не суждено выйти с этим судном в открытое море. Сооружение этого предполагаемого судна давало одновременно работу и мысли, и мышцам, а это именно и требовалось Марку.

На «Ранкокусе» было так много всякого леса и досок, что всего этого могло бы хватить на постройку хоть целого десятка шлюпок. Кроме того, он почти каждый раз наталкивался на какую-нибудь неожиданность; так вместо досок, которых он искал, он находил то часть форштевня¹, то часть кия². Обрадованный этими находками, Марк перетащил все это на свою верфь и тотчас же принялся за работу. Целых два месяца трудился он над постройкой своего нового судна. Дело было не легкое, в особенности потому, что он теперь был один. Так, ему стоило невероятных трудов натянуть тент для крыши элингга. Много времени отняло у него также составление чертежей для судна; конечно, он отлично мог определить степень устойчивости судна, но что

¹ Форштевень — передняя оконечность судна.

² Киль — четырехгранный брус, проходящий по всей длине судна в середине днища и являющийся хребтом корабля, к которому прикрепляются его ребра-шпангоуты.

именно следовало сделать, чтобы придать ему эту устойчивость, он этого не знал. Единственным его руководителем в нелегком вообще и особенно для него деле кораблестроения являлся лишь привычный, верный глаз. Как бы то ни было, но спустя некоторое время Марк очутился счастливым обладателем полного остова судна. Теперь не подлежало уже сомнению, что труднейшая часть задачи им выполнена; но едва он успел справиться с этой работой, как наступило время распрощаться с верфью и заняться исключительно садом и огородом.

Марк более всего боялся заболеть, а потому поставил себе за правило строго следить за своей пищей, придерживаясь правил гигиены. Свежая зелень почти наполовину составляла его обед и ужин и летом, и зимой. Чаще всего являлась на столе у него спаржа, которая здесь достигала необычайной толщины, так что двенадцати головок спаржи было вполне достаточно для самого сытного ужина.

Куры неслись здесь всю зиму; запасы чая, сахара и кофе на «Ранкокусе» были так велики, что еще далеко не истощились, в свежей рыбе также не было недостатка.

Марк положительно не мог налюбоваться роскошной зеленою муравой которую покрывалась вся почти поверхность Рифа. И то была отнюдь не та чахлая, тощая трава, которая, едва лишь появившись, грозит опять пропасть без следа; нет, эта сильная, здоровая трава успела уже глубоко пустить свои корни в почву, так что могла служить пастбищем скоту.

Козочка давно уже беспрепятственно паслась на вершине, где находила себе полное раздолье, а вскоре к ней присоединились и свиньи. Марк сам показал им дорогу на вершину, куда он допустил этих животных, рассчитывая, что они помогут козочке немного вытравить слишком уж высокую траву. Само собой понятно, что, допустив к этим заповедным местам своих четвероногих приятелей, Марк вместе с тем должен уже был проститься с мыслью разводить там дыни и некоторые другие овощи; но, не желая окончательно забросить доставшиеся ему с таким трудом и превосходно удобренные гряды, он обнес их своеобразной изгородью, которую ему удалось устроить из кольев, вбитых в землю и переплетенных между собою обрывками старых снастей. Впоследствии он пересадил сюда несколько тутовых деревьев, несколько апельсинов, лимонов и других плодовых кустов и деревьев, которым было душно внизу, в ограде стены кратера.

Довольный своею изгородью, Марк решил обнести такую же веревочной решеткой свой огород и сад в долине кратера, на случай, если ему придется прибегнуть к помощи своих четвероногих косарей, чтоб выкосить и там свой новый луг.

Тем временем наступила пора посевов. На этот раз Марк решил не засеивать всех грядок сразу, а соблюдать постепенность: приготовив лишь одну грядку, он засеивал ее, и только потом, спустя несколько дней, Марк принимался за другую. Опыт убедил его, что в этом климате земля не нуждается в отдыхе и одинаково щедро наделяет человека своими дарами круглый год. Здесь следовало только, сообразуясь с тем, какие овощи или плоды лучше других родятся в известное время года, сажать и сеять их в этом порядке, после чего можно было рассчитывать иметь в течение всего года свежие овощи и плоды к столу.

Этот порядок работ на огороде имел еще то преимущество для Марка, что он предоставлял ему некоторую свободу, которою он пользовался для того, чтобы продолжать свои работы по сооружению судна.

Таким образом, и огородничество, и кораблестроение шли у него рука об руку; окапывая последнюю грядку, он вместе с тем вбивал последний гвоздь и в свое судно.

Теперь он мог сравнительно быть даже счастлив, но все же его огорчало полное отсутствие хорошей ключевой воды.

Весна прошла для Марка настолько хорошо, насколько это было возможно при постоянном горестном воспоминании об отсутствовавшей жене. Все посевы и посадки взошли и удались как нельзя лучше; луга не только радовали глаз своим прекрасным изумрудным убором, но весело запестрели цветами; случайно попались Марку на глаза и несколько кусточков земляники. Обрадованный этою находкой, Марк тотчас же пересадил их в одну из грядок огорода и принялся с особенным усердием разводить эту ягоду.

ГЛАВА XI

Наступило лето, а судно Марка все еще не было спущено на воду; Марку хотелось предварительно окончить его до самых мелочей. С целью предохранения судна от червей Марк не поленился обшить его оставшеюся от пинаса медью; затем он с особенным старанием и любовью окрасил его и снаружи, и внутри, при чем не забыл надписать на нем красивым четким шрифтом то имя, которое намеревался дать своему судну; имя это было: «Бриджит Ярдлей». Когда все работы были окончены, и паруса снасти прилажены на своих местах, Марк стал раздумывать, как бы спустить свое судно на воду.

Заранее предвидя, что, предоставленный лишь самому себе и своим силам, он никогда не будет в состоянии сдвинуть с места судно, Марк еще при постройке озаботился придать ему то же наклонное положение, какое имела и «Нэшамони». Соорудить полозья было не так трудно, и несколько дней спустя они

уже были готовы, после чего следовало лишь освободить «Бриджит» от окружавших ее со всех сторон подстав и затем уже предоставить самой себе.

В этот решительный момент Марк охватило сильное волнение. Он не в состоянии был справиться с нахлынувшими на него разнородными чувствами. Колени его подкашивались, голова кружилась, так что он принужден был присесть, чтобы не упасть. Каких только последствий не мог он ожидать от этого наступавшего события? Как знать, не суждено ли было этой «Бриджит» вернуть его той, имя которой она носила?! В этот момент ему казалось, что вся дальнейшая участь его зависит от спуска судна; сердце его замирало при одной мысли, что вдруг какое-нибудь непредвиденное препятствие может помешать этому великому событию. Ему пришлось переждать несколько минут, пока к нему вернулись необходимые в таких случаях хладнокровие и самообладание.

Наконец, успокоившись, Марк снова принялся за дело. Последние подпоры рухнули, но судно все еще оставалось на месте; тогда Марк ударил по нем мушкетел¹. На этот раз судно послушно подалось вперед, не останавливаясь, скользнуло вплоть до воды и, наконец, вошло в нее, рассекая голубую струю подобно утке, которая шевелит крыльями, сходя в пруд. Марк был в восторге от своей «Бриджит». Это было прекрасное, нарядное судно, устойчиво державшееся на воде. Излишне говорить, что он еще заранее прикрепил к судну канат, с помощью которого можно было бы причалить его к берегу. Затем Марк осторожно подтянул «Бриджит» в маленькую природную бухту, которая как раз имела надлежащие размеры.

«Бриджит» по размерам своим была в четыре раза меньше «Нэшамони», а по длине равнялась почти половине длины того судна. В общем же «Бриджит» было во всех отношениях прекрасное судно. Так как Марк мог рассчитывать только на паруса, то он настлал в носовой части небольшую палубу для того, чтобы судно не заливалось волнами, и чтобы иметь в своем распоряжении такое место, где бы он мог хранить свои съестные и всякие другие продукты и припасы. Несколько боченков свежей дождевой воды заменяли балласт. Они были внесены на судно, как и мачты, паруса и некоторые другие предметы, еще до спуска его на воду.

Так как было не поздно, то Марк не мог отказать себе в наслаждении теперь же предпринять маленькую прогулку вокруг острова. На всякий случай он снес туда немного провианта и, отвязав судно, поднял паруса. Как только «Бриджит» стала брать ход, охотно повинувшись рулю, душою Марка овладело такое радостное чувство, как будто он нашел нового Друга и товарища. Его новое судно живо напоминало ему его любимое занятие в дни юности, когда на Делаваре у него тоже было свое небольшое судно. Сколько приятнейших прогулок он совершил на нем!

Пользуясь благоприятным ветром, Марк прошел между Рифом и Утесом Ила, обогнув остров, и вошел в тот бассейн, где стоял на якоре «Ранкокус». Затем он обошел вокруг этого судна, как будто желая похвастать перед этим старым другом своим новеньким судном, и, держась круче к ветру, вышел в тот проход, которым он когда-то вместе с Бобом прошел на риф.

Оказалось, что обойти те рифы, которые могли бы представлять собою некоторую опасность для «Бриджит», было весьма не трудно, тем более, что белевшая на поверхности моря пена прекрасно обозначала их. Впрочем, для «Бриджит» даже и над рифами было довольно глубины. А вот и то опаснейшее место, означенное двумя буйками, которое так счастливо прошел «Ранкокус». «Бриджит», конечно, оказалась не менее счастливою, миновав это место. Марк стал держать в том направлении, где он надеялся найти памятный ему роковой утес, который был виновником злочлчений с тех пор, как о него так неожиданно ударился «Ранкокус».

Якорный буёк все еще был на своем месте, точно бессменный часовой на вверенном ему посту; Марк схватился за его канат и притянулся к якору, убрав, конечно, предварительно все паруса.

Теперь «Бриджит» стояла на прежней якорной стоянке «Ранкокуса», или в двух шагах от рокового места, а быть может, и над ним. Марку вздумалось попытать здесь счастья в ловле рыбы; с ним были рыболовные снаряды, и, закинув удочку, он тотчас же вытащил великолепную рыбу. И каждый раз повторялось то же. Здесь рыба была гораздо лучше и крупнее, чем вблизи Рифа. В какие-нибудь полчаса нетрудно было убедиться, что в один день здесь можно было наловить так много рыбы, что даже его судно не будет в состоянии свезти ее всю. Отвязав свое судно, Марк поднял паруса и стал маневрировать, чтоб выбраться на ветер. Вскоре он очутился уже в десяти милях на ветре у острова. Мачты «Ранкокуса» служили ему указанием, так как вершина кратера скрылась за горизонтом. Даже и мачты трудно было различать вследствие отсутствия на них парусов, и если бы не компас, то едва ли Марк мог бы безошибочно определить отсюда направление Рифа.

Что же касается подводных скал и камней, то хотя ни один из них не возвышался над поверхностью моря, но тем не менее, судя по явным признакам, доказывавшим повсюду их присутствие, Марк мог сказать, что они занимают пространство приблизительно до двадцати миль в окружности. Он уже сделал более чем пятнадцать миль, а все еще не мог выбраться из их заколдованного круга. Тут Марк лег в дрейф и приступил к скромному обеду. День начал уже клониться к вечеру, и потому он счел за лучшее вернуться к кратеру.

¹ Мушкель — род двухконечного молота или тяжелой деревянной колотушки. (Прим. ред.)

«Бриджит» шла очень ходко, и полчаса спустя Марк вновь стал различать верхушки мачт «Ранкокуса», а спустя еще немного стала довольно ясно вырисовываться на горизонте вершина кратера.

В этот момент небо приняло угрожающий вид, а самая атмосфера — какой-то зловещий красноватый оттенок, не на шутку испугавший Марка. Ему хотелось скорее добраться до острова, чтобы успеть загнать своих свиней и кур во внутрь кратера. Все предвещало бурю, сопровождаемую почти всегда сильнейшим наводнением, о котором Марк уже имел понятие.

В момент, когда «Бриджит» покойно проходила между двумя буйками, паруса ее стали вдруг полоскаться; то был, несомненно, зловещий признак перемены ветра. До Рифа оставалось около двух миль. Спустя немного подул противный ветер; морские чайки и другие птицы с тревожными, резкими криками целыми стаями сновали в воздухе взад и вперед, или описывали над головою Марка круги, спускаясь постепенно все ниже и ниже к воде. Солнце садилось в густых облаках огненно-красного цвета, обнимавших весь горизонт. Теперь до Рифа уже оставалось немного меньше миль, но, несмотря на то, в душе Марка родилось новое опасение: если буря вдруг разразится, и ветер повернет к западу, что было весьма возможно, то его легко могло унести прямо в открытое море. Даже если «Бриджит» и устоит против напора волн, то все же грозившая судну опасность была велика: его могло загнать так далеко, что самое возвращение на Риф, пожалуй, сделается невозможным. Тут только Марк почувствовал, каким великим счастьем являлось для него то, что судьба забросила его на этот остров, где теперь все способствовало его благополучию. Он понял, как было бы ужасно лишиться вдруг всего того, что он имел на Рифе, и быть оторванным от него навеки.

Как бы охотно отдал он теперь большую половину всех своих плантаций и урожаев, доставшихся ему без труда, лишь бы очутиться на Рифе, в полной безопасности от бури и других невзгод! Но вот, благодаря той ловкости и опытности, которыми он обладал в управлении судном. Марку удалось, наконец, счастливо достигнуть Рифа.

Часу в десятом вечера «Бриджит» вошла вновь в свою бухту; Марк позаботился о своем стаде и поспешил затем скорей укрыться в каюте старого «Ранкокуса».

Утомленный трудами и впечатлениями этого богатого для него событиями дня, Марк поспешил раздеться, лег в постель и заснул крепким сном.

Проснувшись, он вдруг почувствовал, что задыхается, и вслед за тем, раскрыв глаза, был поражен каким-то странным светом, наполнявшим всю его каюту. Сначала он думал, что горит «Ранкокус»; вскочив с кровати, Марк прислушался, но треска горящего дерева нигде не было слышно; он стал смотреть — огня нигде не видно! Одевшись, он выбежал на палубу и тут вдруг ощутил такой толчок, что лишь с большим трудом мог удержаться на ногах; сотрясение прошло по всему судну. Море кругом бурлило и шумело, точно готовясь выйти из берегов. До слуха Марка доносился какой-то небывалый резкий свист. Зловещие зигзаги пламени прорезали тьму.

Марк Вульстон сразу понял, что тут происходит; это было не что иное, как землетрясение; не подлежало сомнению, что вулкан вдруг пробудился и заговорил; пресыщенная смрадом атмосфера мешала видеть и дышать. Марк инстинктивно посмотрел в сторону, где находился кратер, но там все было тихо и спокойно. Очевидно, извержение происходило не там, а где-то в другом месте. Вдруг налетевший порыв ветра развеял и разнес все эти зловонные испарения и почти сразу вновь очистил воздух.

Марк с нетерпением ждал рассвета; минуты казались ему вечностью. Вот показались первые признаки постепенно нарождающегося утра. Марк поспешил на бушприт; глаза его были обращены на восток, и едва только солнце послало первые свои лучи на горизонт, как наш моряк был поражен происшедшей там переменой, ясно свидетельствующей о скрытых в недрах земли силах. Повсюду, где еще вчера красиво расстилалась морская гладь, торчали голые утесы; а та подводная гряда, которая оцепляла водяной бассейн, служивший стоянкою «Ранкокусу», и возвышалась над поверхностью моря едва на несколько лишь дюймов, теперь местами достигала от трех и до пятнадцати метров вышины. Природа вновь сделала несколько усилий и, так сказать, в одно мгновение ока создала новые утесы, скалы и острова.

Едва успел Марк убедиться в этом, как тотчас же поспешил на корму, чтобы посмотреть, какие перемены произошли на кратере. Оказалось, что весь он был как будто выпучен наверх, подобно большинству скал и островков, окружавших его на протяжении нескольких миль. Его поверхность не претерпела между тем никаких изменений. Только сходни, ведущие с кормы «Ранкокуса» на берег, вместо своего прежнего сильно наклонного получили горизонтальное положение.

Сгорая от нетерпения увидеть, что могло произойти за это время на его острове, Марк побежал туда. К этому времени уже совсем рассвело; он посмотрел во внутрь кратера, затем поднялся на вершину; здесь ровно ничто не изменилось. Стадо его беспечно разбрелось в разные стороны и преспокойно паслось на лугу. Однако, вся поверхность Рифа была осыпана пеплом, на котором каждый шаг оставлял глубокий след, точно на мягком снегу. Долина кратера также была засыпана все тем же пеплом на целый дюйм, не исключая сада, пастбищ и огорода. Но это несколько не беспокоило Марка: он знал, что первый дождь прибьет этот тонкий слой

серовато-беловатого пепла к земле, смешает его с почвой и превратит его в источник еще большего плодородия.

Взобравшись на самую вершину, Марк вдруг увидел, что вместо прежних пенящихся белых пятен все море вокруг усеяно скалами, рифами и песчаными мелями. Более всего преобладали песчаные мели; некоторые из них находились даже непосредственно около Рифа. Таким образом, Марк мог, прибегая к лодке или шлюпке, не замочив даже ног, прогуливаться целыми часами, — а как знать! — быть может, и целыми днями по суше, перебираясь с одного островка на другой, с одной песчаной мели или гряды на другую. Со всех сторон, на протяжении многих миль, поднимались из воды эти островки, отделенные друг от друга маленькими проливчиками.

Остров Кратера являлся как бы центром этого вновь возникшего архипелага. Хотя сквозь густое облако, которое точно туманом заволакивало горизонт, нельзя было рассмотреть ничего, тем не менее Марк был убежден, что среди этого густого тумана в небольшом расстоянии от Рифа подземные силы нашли себе новый выход, то-есть, пробив земную кору, образовали новый кратер; существование последнего казалось Марку столь же несомненным, как если бы он видел его своими глазами.

С первого взгляда Марку было довольно трудно определить характер всех тех маленьких озер и прудков, которые образовались кругом и которые, по его мнению, неминуемо должны были испариться, так как между ними и морем не было никакого связующего звена. Кое-где виднелись морские рукава и проливы, к числу которых принадлежало, очевидно, и то водное пространство, которое опоясывало Риф. Кругом ли оно опоясывало его или нет, об этом Марк теперь еще не мог судить, так как с того пункта, на котором он в настоящую минуту находился, ему невозможно было бы видеть, примыкает ли Риф непосредственно к той бесконечной цепи скал или мелей, которая тянулась по направлению к западу, или нет. Остров Гуано и Остров Ила, очевидно, примыкали к этой сплошной массе; это были уже не одиночные островки, а нераздельные части большой вулканической горы. Тем не менее рукав, который омывал и Риф, и эти два важные склада удобрений, остался, и это было приятно Марку, потому что позволяло ему продолжать перевозить эти удобрения прежним порядком—при помощи лодки или плота.

Затем Марк озаботился положением «Ранкокуса». Он еще, очевидно, держался на воде, находясь посреди бассейна, но, чтобы вполне удостовериться в настоящем положении дела, Марк вошел в свою лодку и объехал вокруг судна. Вода здесь была так чиста и прозрачна, что легко видно было дно на глубине нескольких метров. Марк увидел, что расстояние между дном бассейна и килем было не более метра. Но в данную минуту еще продолжалось время прилива, и потому было ясно, что доброе старое судно рискует сесть на мель. Что же касается возможности вывести его из бассейна, то о ней речи быть не могло в виду того, что судно стояло над глубокою впадиной дна, где воды было на два, на три метра больше, чем повсюду вокруг. Установив все эти факты, Марк отправился пешком, с ружьем за спиною, осматривать свои новые владения, так значительно увеличившие его территорию.

Прежде всего он направился к западной части острова, где, как ему казалось, тянувшиеся в атом направлении мели и рифы стали слитою, нераздельною частью его. Дойдя до одной из этих песчаных отмелей он заметил, что по песку бежит небольшая струя воды, вытекавшая, по-видимому, из-под слоев лавы. Марк вздумал попробовать ее на вкус и, зачерпнув воду рукою, поднес к своим губам. Какова же была его радость и удивление, когда вода оказалась не только пресной, но и чрезвычайно вкусной. Марк тотчас вырыл небольшое углубление и обложил его камнем. Не прошло и десяти минут, как ямка наполнилась чистой и светлой водой.

Дойдя до самой узкой и выдающейся части Рифа, лежавшей всего ближе к соседним утесам, Марк убедился, что предположение его было ошибочно. Риф остался попрежнему островом, хотя пролив, отделявший его от утесов, не имел и семи метров ширины, но, наверное, был вдвое

Новый кратер.

глубже. Вернуться к верфи, захватить там подходящую доску, перекинуть ее через пролив и с помощью этого импровизированного моста перебраться в свои новые владения было делом нескольких минут.

В углублениях утесов он нашел множество рыбы, выброшенной на берег морем. Кроме того, он сделал еще одно несравненно более важное открытие: вблизи моста он встретил второй родник, гораздо более обильный. Этот родник давал начало ручью, или, вернее, речке, орошавшей целую отмель на протяжении двадцати акров. Встретив на своем пути значительной величины бассейн, этот ручей или река образовала небольшое озеро, а весь избыток вод несла затем уже прямо в море. Обрадованный Марк не захотел быть эгоистом; он еще раз вернулся на Риф за своим стадом; дойдя до моста, он перебросил с берега на берег другую доску, захваченную по дороге с той же верфи, и перевел по этим двум доскам все свое стадо. И птицы, и четвероногие так знали голос Марка, что даже утки слушались его; о козочке и говорить не стоит: та бегала за ним, как собачонка, и была счастлива, когда ей разрешалось сопровождать его в прогулках. Оставив всех своих животных наслаждаться неожиданными благами, Марк приступил к более серьезной части своей экскурсии, которая продолжалась целый день.

Он отошел всего лишь на две мили от своего жилья, если считать по прямой линии, но если принять в соображение, сколько ему пришлось обходить стороною встречавшиеся на его пути значительной величины озера морской воды, то он, без всякого сомнения, сделал уже добрых четыре мили. Эти озера часто имели более

мили в окружности и отличались причудливыми контурами берегов, но вскоре все они должны были бесследно испариться под непосредственным влиянием палящих лучей солнца. Марк шел теперь вдоль узкого, длинного канала, впадавшего в пролив, который омывал кругом весь кратер. Достигнув предела, заранее намеченного им для этой первой прогулки, молодой человек поднялся на вершину одного утеса, который возвышался футов на сто над морем. Отсюда открывался обширный кругозор, и Марк невольно обратил свой взор на океан, который был ему теперь прекрасно виден на расстоянии нескольких миль на северо-восток.

Далее к западу виднелось множество водных пространств различной величины: бухт, заливов и проливов, глубоко изрезанных и живописных по своим очертаниям. И это множество внезапно и повсеместно образовавшихся речек, озер и ручейков сильно затрудняло наблюдение: на известном расстоянии весьма и весьма трудно было отличить проточные воды от вод стоячих или, что то же, постоянных от временных. Но самое интересное и привлекательное зрелище ожидало Марка в южной части горизонта. Туманная завеса, скрывавшая до настоящего момента всю эту часть горизонта, стала теперь постепенно приподниматься; стройный столб дыма, как бы выходявший прямо из воды, продолжал медленно и плавно выходить кверху, где упирался в густое облако, подобно шатру, нависшее над этим местом. Вначале Марк мог различить лишь темную бесформенную массу, когда же туман понемногу начал рассеиваться, он ясно увидел перед собою гигантскую сильно изрытую скалу, имевшую более трехсот метров вышины и занимавшую пространство около одной мили.

Расстояние, которое разделяло новый кратер от потухшего кратера на Рифе, Марк определил приблизительно в пятнадцать или двадцать миль, но, в сущности, оно равнялось полным пятидесяти милям.

Налюбовавшись вволю на происшедшие повсюду перемены, Марк, наконец, спустился с своего утеса и тронулся в обратный путь.

ГЛАВА XII

В продолжение десяти последующих дней Марк Вульстон исключительно занимался изучением и исследованием своих новых владений.

Переправившись через пролив, омывавший Остров Кратера и названный Марком «Браслет», он добрался до той лавовой стены, которая заграждала бассейн, избранный для стоянки «Ранкокуса». Отсюда Марк отправился пешком вдоль тех самых утесов, между которыми он еще так недавно плавал на «Бриджите». Впрочем, узкий проход, через который Марку удалось провести «Ранкокус», существовал еще и теперь, но буйки, обозначавшие это роковое место, были теперь на суше, на двух торчавших над водою небольших утесах.

Два дня сряду Марк продолжал подвигаться вперед все в том же направлении. И здесь почвенные изменения носили тот же характер чередующихся между собою водных пространств, песчаных мелей и зубчатых гребней скал.

На пятые сутки Марк снова предпринял маленькое путешествие на «Бриджит». Выйдя из «Браслета» через узкий проход, он вошел в небольшой пролив, направлявшийся прямо на северо-восток. Пролив этот, шириною около полумили, имел на всем своем протяжении достаточно глубины, чтобы поднять даже большое судно. И не было ничего невозможного в том, что какое-нибудь из проходивших мимо судов могло зайти этим путем на Риф. Марк охотно ухватился за эту мысль и находил в ней для себя большое утешение и самый пролив этот назвал «Каналом Доброй Надежды». В трех милях от кратера канал раздваивался: один из рукавов его шел к северу, а другой уходил куда-то вдаль, теряясь в юго-восточном направлении. Чтобы воспользоваться благоприятным ветром, Марк избрал последний путь.

Проплыв по каналу некоторое время, он вошел в другой канал, ведущий на северо-восток. Этот канал имел значительную глубину и при входе достигал более полумили ширины; затем он немного суживался и потом вливался в овальной формы бассейн, диаметр которого равнялся целой миле. Этот бассейн был огражден с восточной стороны как бы поясом, состоящим из гряд непрерывных скал, местами достигавших высоты в семь метров и более. Дно его было совершенно чистое, песчаное, а лот почти повсюду показывал глубину в двадцать брассов¹.

Это был прекраснейший природный порт, и ничто не могло быть более удобного, чем этот самобытный закрытый рейд.

Марк плавал уже более часа в «Овальной Гавани», как он назвал этот порт, когда заметил, наконец, что зеркальная гладь этих покойных вод кое-где слегка рябится чуть приметной зыбью, идущей от северо-восточной стороны бассейна. Марк тотчас же направил свое судно в ту сторону, откуда шла зыбь, и убедился, что там в одном месте скалы расступились, образуя удобный выход в океан. Ветер был попутный, и Марк, войдя в проход, очутился в открытом море. Проплыв еще немного, Марк очутился в полумиле на ветре у бесконечной каменной гряды. Поставив «Бриджит» в дрейф, Марк бросил лот, но и на сорока брассах он не

¹ Брасс — около двух метров. (Прим. ред.)

достал дна. Везде под ветром виднелись рифы, скалы, мели, тогда как с наветренной стороны и впереди повсюду был открытый океан.

Определить в точности протяжение канала от кратера в «Овальную Гавань» было довольно трудно. Но судя по времени, которое пришлось употребить на этот путь, Марк полагал его длину миль в двадцать пять.

«Бриджит» уже более часа находилась в открытом океане; между тем ветер начал свежеть, пришлось брать рифы, и Марк стал подумывать о возвращении на Риф. К сожалению, он не позаботился наметить на берегу приметных пунктов, по которым можно было бы найти тот путь, которым он шел сюда. Ему казалось это совершенно лишним. Но вышло иначе: тот выход из бассейна, которым «Бриджит» вышла в океан, снаружи был замаскирован скалами. Ему не оставалось теперь ничего, как только попытаться найти то место, где эта бесконечная цепь рифов прерывалась и открывала доступ в архипелаг. Подойдя к берегу насколько можно ближе, он все-таки нигде не мог найти желанного прохода; более часа он искал его в различных направлениях, но поиски его остались безуспешны. Провести ночь в открытом море да еще на ветре столь неприветливых берегов не представляло ничего приятного для Марка, и он решил итти на север, покуда не наткнется там на какой-нибудь другой проход.

В течение целых четырех часов «Бриджит», не останавливаясь, шла на север, вдоль бесконечной каменной гряды; угрюмое однообразие этих скал нарушалось лишь бурною пеною ударявшихся о них морских волн. Но и на всем этом громадном протяжении Марк не нашел не только прохода, но даже и такого места, где скалы расступались бы настолько, чтобы среди них могла укрыться хоть самая простая лодка. За это время, по расчету Марка, «Бриджит» прошла не менее тридцати миль; сообразуясь с этим, он мог определить до некоторой степени величину своих владений. Часов около пяти вечера Марк, наконец, достиг небольшого мыса или косы, вслед за которым берег вдруг круто заворачивал на запад. Марку стало ясно, что он достиг северной границы этой подводной группы вулканических гор. Мыс этот он назвал «Северо-Восточным мысом» и, обогнув его, пошел на запад, держась как можно ближе берегов.

Было уже слишком поздно, чтобы еще думать о возможности сегодня же вернуться до ночи на Риф; к тому же отважиться итти впотьмах этими не знакомыми еще ему проливами, каналами и рукавами было бы безумием; поэтому Марк счел за лучшее, выбрав небольшую бухту, стать в ней на якорь и переночевать с тем, чтобы поутру как можно раньше отправиться в обратный путь.

В тот момент, когда солнце скрывалось за горизонтом, и сильный томительный зной летнего дня сменился отрадною прохладой ночи, берег гостеприимно расступился, образуя нечто в роде узенького пролива, все же достаточно широкого для небольшого судна. Придерживаясь ветра, «Бриджит» вошла в пролив, который постепенно расширялся и в конце концов образовал глубокий и довольно обширный залив. Берег его со стороны ветра представлял собою песчаную отмель довольно значительной длины. Следуя вдоль этого берега, Марк увидел прекрасный ручеек и здесь решил причалить. Осторожно завернув, чтобы подвести свое судно ближе к берегу, Марк зацепился багром и соскочил на берег. Прибрежье это, столь недавно вышедшее из недр морских, казалось уже пережившим многие века: пески здесь были чисты и блестящи, с красивым бледно-золотистым оттенком; кроме того, весь берег был усеян роскошнейшими раковинами самых красивых форм и переливов и замечательной величины. Запах, который они издавали, свидетельствовал о том, что еще недавно они служили жилищем своим природным владельцам. Любуясь их затейливою красотою, причудливым разнообразием форм и цвета, Марк мысленно дал слово вторично побывать в этом заливе, прозванном им «Заливом Раковин», и увезти отсюда некоторые экземпляры этих раковин, чтобы украсить ими свою каюту.

Пожинав кое-чем из своих припасов у самого ручья, Марк разложил захваченный им на всякий случай тюфяк и вскоре заснул здоровым, крепким сном. Поутру, выкупавшись в заливе, он поспешил отправиться в обратный путь. Переплыв «Залив Раковин», «Бриджит» продолжала итти в юго-западном направлении по довольно широкому проливу; последний в конце концов привел ее к тому месту, которое Марк тотчас же признал за раздвоение канала «Доброй Надежды», прозванное им еще тогда же «Вилой».

Теперь стоило только следовать тем же путем, каким он шел вчера, чтобы вернуться к Рифу.

Около десяти часов утра Марк был уже дома; он тотчас же поспешил на «Ранкокус», где все было в прежнем порядке. Разведя огонь под плитою, он занялся изготовлением кое-каких блюд и запасов для следующего плавания, после чего взбежал на мачту с целью осмотреть еще раз, в каком положении находятся теперь дела на южной части горизонта.

Густое облако темного дыма, заволакивавшее до сих пор то место, где происходило извержение вновь появившегося над водой вулкана, теперь почти рассеялось. Лишь одна точка горизонта все еще скрывалась за тонкой струйкой дыма; остальное же пространство было совершенно чисто. Мгновенно выросший из недр океана гигантский пик представлял собою дивное и невиданное зрелище: вершина его возвышалась не на триста метров, как полагал ошибочно вначале Марк, а на семьсот. Пик этот получил название «Пик Вулкана», и Марк решил, что посетит его в самом непродолжительном времени.

Весь день был посвящен приготовлениям к предстоящему путешествию.

Глухие раскаты, еще не раз слышавшиеся ему в тишине предыдущей ночи, теперь уже не повторялись. Опасаться было нечего.

На этот раз ему пришлось плыть в совершенно ином направлении. Он миновал сперва несколько проливов и каналов, несколько не похожих друг на друга; из них одни были прямы и широки, другие же, напротив, были узки и извилисты. К полудню «Бриджит» достигла южной конечности архипелага. Марк полагал, что сделал по меньшей мере Двадцать миль, но Пик как-будто вовсе не придвинулся к нему; это заставило его задуматься; как видно, расстояние до Пика было еще весьма велико. Марк решил, что проведет остаток дня и ночи там, где он находился в данную минуту, с тем, чтобы на завтра иметь в своем распоряжении целый день. В то же время он был рад воспользоваться случаем и ознакомиться с этим побережьем и ближайшими островами, чтобы основательно изучить всю группу.

Он стал высматривать удобное местечко, чтобы причалить; высадившись на берег, он тотчас же отправился пешком с ружьем в руках осматривать ближайшую местность. Проход, открывавшийся в море, значительно отличался от прохода в восточной части группы: тот залив, которым оканчивался пролив, с наветренной стороны был огражден длиною косою, далеко вдавшеюся в море. И вход и выход здесь были удобны, а самая коса настолько возвышалась над морем, что могла считаться удобным путеводным пунктом.

В пресноводных источниках и ручейках и речках не было недостатка; между прочим, Марк нашел здесь небольшой, но чрезвычайно чистый и светлый ручеек, впадавший в ту губу, в которой стояла на якоре «Бриджит». Марк поднялся вверх по течению около двух миль и дошел до слияния десятка различных ручейков, бравших начало в большой песчаной отмели в несколько миль длиною. Новейшей ли формации была и эта мель или же она давно уже существовала, — этот вопрос трудно было решить с первого взгляда.

На следующий день Марк проснулся за два часа до рассвета и тотчас же стал собираться в путь. В хорошую погоду «Бриджит» делала по пяти узлов¹ в час; с попутным ветром она могла итти и до семи узлов; но при большом волнении ход ее сильно замедлялся.

В продолжении двух часов «Бриджит» шла все на юго-запад. С рассветом Пик показался на горизонте; все предметы стали явственно вырисовываться на темном фоне этой горы, хотя до нее оставалось еще не менее девяти миль. Начиная с этого момента Марка на каждом шагу ожидали новые открытия: солнце успело уже взойти и поочередно освещало то холмик, то обрыв, то голую скалу, придавая им удивительные колориты и оттенки. По мере приближения к Пика восторг и удивление Марка все более и более возрастали. Очутившись на расстоянии всего одной лишь мили от Пика, Марк убедился, что самый остров этот имел не менее восьми — десяти миль, хотя в ширину никоим образом не превышал двух миль. Тянувшийся с юга к северу остров был обращен своей узкой частью в сторону Рифа, и вот почему даже такой внимательный наблюдатель, как Марк, с высоты сторожевой площадки «Ранкокуса» мог ошибиться в размерах Пика, особенно за отдаленностью расстояния.

Под конец плавания ветер стал свежеть; Марк очень желал укрыть свое судно под защитой гигантской скалы, представлявшей собою северную конечность острова. Однако, прибой валов к этому берегу заставил его отказаться от своего намерения. С большим прискорбием он был готов уже повернуть назад, как вдруг совершенно неожиданно очутился против узкого прохода, образовавшегося между двумя утесами почти равной величины, при чем один из них настолько выдавался в море, что совершенно заслонял собою эту узкую щель. Проскользнув между этими двумя скалами, образовавшими род тесной арки, судно Марка очутилось в красивом замкнутом со всех сторон бассейне, имевшем около четырехсот локтей в диаметре.

Благодаря прекраснейшим песчаным берегам и такому же дну здесь, в любом месте, можно было причалить без хлопот, что Марк и не замедлил сделать. Убрав все паруса и захватив багор, он соскочил на берег. Оглядевшись, он увидел, что от бассейна кверху в гору идет громаднейший овраг, образовавшийся в расщелине гигантских скал; извиваясь змеею, он достигал до самой вершины Пика; по нем, клубясь и пенясь, с шумом мчался поток, вливавший свои воды прямо в бассейн. Сперва у Марка явилось предположение, что в этом потоке тоже соленая вода. Однако, отведав воды из ручья, он убедился, что это настоящий горный ключ.

С ружьем за спиною и сумкой за плечами Марк стал взбираться в гору вдоль оврага. На деле подъем этот оказывался менее тяжелым, чем то предполагал сначала Марк. К немалому благополучию своему он мог почти все время пути пользоваться отрадной тенью, так как солнце проникало лишь местами в это глубокое ущелье. Марку пришлось пройти не более двух миль, все время подымаясь в гору, прежде чем он достиг ровного места, так называемого горного плато. Еще на полпути характер местности вдруг резко изменился: то не была уже та мертвая, бесплодная природа угрюмых голых скал, так удручающая душу человека; нет, почва, по которой теперь ступали ноги Марка, как видно, не со вчерашнего лишь дня вышла из недр океана. Оглядываясь вокруг, Марк Вульстон с каждою минутой убеждался все более в том, что самая вершина Пика и эта горная равнина долгое время были прекрасным зеленым островком, прежде чем страшное по своей силе извержение вулкана преобразило его в этот гигантский Пик, подняв его высоко над морем.

¹ Узел равен одной морской английской миле, или 1,8 километра. (Прим. ред.)

Очевидно, этот островок тогда был слишком низменный, чтобы его можно было заметить на таком дальнем расстоянии, какое было от него до Рифа.

Невольный крик восторга вырвался из уст Марка при виде роскошной зеленеющей равнины Пика. Равнина эта была покрыта лесом; бананы и вся богатая тропическая растительность пленяли взор своею красотой. Яркая изумрудная трава еще носила на себе следы недавнего ливня. Марк видел этот ливень в тот момент, когда подходил к Пику; но, приглядевшись ближе к поверхности лугов и лужаек, он без труда нашел и здесь следы пепельного дождя, выпавшего во время извержения вулкана.

После продолжительной и быстрой ходьбы, очутившись вдруг под непосредственным влиянием солнечных лучей, Марк счел за лучшее лечь отдохнуть под тенью группы деревьев, где стоило протянуть руку, чтобы сорвать свесившийся чуть не до земли роскошный плод кокоса. Этот прекрасный плод заключает в себе вкусное, питательное молоко, которое является чудеснейшим напитком в жарком климате; а мякоть кокосовых орехов, когда они только что сорваны, представляет собою чрезвычайно сочную и вкусную пищу. Здесь этих кокосов можно было бы насчитать целые тысячи.

Отдохнув час в тени деревьев, Марк принялся знакомиться с равниной, чтобы судить не только о ее красотах, но и о протяжении. Между прочим, он заметил, что все деревья буквально усеяны всякого рода птицами с необычайно ярким и цветистым оперением, при чем ему показалось, что некоторые из этих птиц должны бы дать прекрасное жаркое. Большинство птиц с видимым наслаждением поклевывали дикие смоквы; эти плоды, не отличаясь особо тонким вкусом, прекрасно утоляют жажду и действуют освежающим образом.

Вскинув ружье, Марк одним выстрелом убил несколько птиц. С помощью своего кремня и небольшой горсточки пороха он без труда развел костер. Здесь лесу было вволю, и он невольно подумал, что на Рифе ему приходится скупиться на дрова, так как запас «Ранкокуса» уже начинал заметно подходить к концу. Из только что убитых птичек Марк изготовил тут же прекрасное жаркое, обернув каждую из них пучечком листьев подорожника; в его походной сумке имелись морские сухари и фляжка рома.

Благодаря возвышенному местоположению этой равнины воздух здесь был несравненно легче, прозрачнее и даже прохладнее, чем на Рифе; вдыхая этот горный воздух, Марк испытывал особенное наслаждение, нечто похожее на легкое опьянение. «Как жаль, — размышлял он, — что нет здесь со мною живого человека, с кем бы я мог делить это блаженство!»

ГЛАВА XIII

Собственно Пик, то-есть скала, — это наиболее возвышенное место острова, — находился на северной его окраине в двух милях расстояния от рощицы. Резко отличаясь по своему характеру от богатой растительностью природы всего нагорного плато, сам Пик не мог похвастать не только деревцом, но даже и кустиком; в самом начале подъема кое-где утес этот порос чахлой и жалкой травой, но и эта скудная растительность бесследно исчезала выше, в самом начале последнего подъема, ведшего вверх, на самую вершину.

Подкрепившись обедом и отдыхом в тени кокосовых пальм, Марк начал взбираться на вершину Пика. Употребив на этот подъем два часа, он очутился, наконец, на самой вершине этой внезапно выросшей горы.

Горная вершина развернула перед ним все богатства острова — луга, рощи и ручьи. Марк постоянно имел при себе одну из лучших зрительных труб, имевшихся на «Ранкокусе», и попеременно переводил ее с одного пункта острова на другой в надежде отыскать следы присутствия здесь человека. Но, очевидно, он был единственным человеческим существом на всем этом острове.

Марк продолжал дальнейший осмотр Пика. Тут было много гуано, которое, вероятно, немало способствовало плодородию долины. Кроме потока, который избрал своим руслом овраг, долина орошалась множеством маленьких ручейков, вливавших свои воды в тот же большой поток. Милях в двух от подошвы Пика все эти воды соединялись, образуя небольшое озеро; выйдя из озера, они бежали дальше извилистыми ручейками, впадавшими затем в море и спускавшимися каскадами по скату гор.

Марк направил свою трубу на север с целью отыскать те острова, которые служили ему сегодня пунктом отправления.

С той высоты, на которой он теперь находился, вся группа вулканических островов, к которой принадлежал и его Риф, была прекрасно видна; но за дальностью расстояния она представлялась как бы развернутой картой, нанесенной темными красками на поверхности океана. Простым глазом кратер нельзя было различить отсюда, а бедного «Ранкокуса» невозможно было разглядеть и с помощью трубы.

Осмотрев внимательно все свои владения, Марк обратил свой взор в другую сторону горизонта в надежде найти где-нибудь землю. Первый предмет, попавшийся ему на глаза, была земля. Земля, вне всякого сомнения, ясно виднелась на западе, на расстоянии, по крайней мере, миль ста; несмотря на значительность расстояния, Марк был убежден в том, что он не ошибается, и что в той стороне, наверное, находится остров, быть может, даже и обитаемый. Обрадованный этим неожиданным открытием, он более часа не мог отвести

глаз от этой точки горизонта и принужден был к этому лишь легким головокружением, явившимся у него от пристального и чересчур продолжительного рассматривания одного и того же предмета.

Марк прохаживался Теперь взад и вперед по небольшой площадке Пика с целью дать отдохнуть глазам, как вдруг появившийся в отдалении предмет сразу приковал его к месту и почти лишил способности дышать. Предмет этот был появившийся вдали парус.

Со дня исчезновения Боба Бэтса глаза Марка теперь впервые видели судно. Оно, казалось, направлялось как раз к этому острову, как будто намереваясь укрыться под защитой его скалистых берегов. То было парусное судно. Двух ли, трех ли мачтовое, — об этом Марк еще не мог судить.

У бедного отшельника тряслись колена, он весь дрожал так, что был принужден на время опуститься и сесть на землю, чтобы не упасть. Несколько минут он оставался неподвижно. Когда же к Марку вернулись силы, и он поднялся на ноги, им овладел невыразимый ужас при мысли, что, быть может, то была только игра его воображения.

Но нет! Он не ошибся: белая точка все еще виднелась на том же месте. Марк схватил свою подозрительную трубу, чтобы лучше рассмотреть это судно, и вдруг у него вырвался громкий возглас радости:

— Пинас! «Нэшамони»!

Как безумный он бросился вперед, махая платком, как будто его могли увидеть на таком расстоянии. Прошло четырнадцать месяцев с тех пор, как это маленькое судно было унесено бурей, и вот после такого промежутка времени оно, казалось, снова пыталось вернуться к тем берегам, которые служили ему колыбелью.

Как только к Марку вернулись самообладание и рассудительность, он тотчас же прибежал к наивернейшему способу, чтобы обратить на себя внимание: он дал два выстрела из своего ружья и затем повторил еще несколько раз тот же прием до тех пор, пока на пинасе подняли флаги. В тот момент пинас находился уже почти под самым Пиком. Но вот и с судна раздался ответный выстрел.

По этому сигналу Марк бросился бежать бегом навстречу судну; несколькими скачками спустился он к оврагу и, не переводя духа, как безумный, мчался все вперед и вперед, рискуя каждую минуту сломать шею. Менее чем в полчаса он добежал, едва дыша, до места, где стояла его «Бриджит», и вскочил на судно.

Когда Марк миновал последний выдающийся в море утес, выйдя из своей потайной бухточки, невольный крик радости и счастья сорвался с его уст: всего в каких-нибудь ста саженях расстояния его глазам предстала «Нэшамони»; судно шло, придерживаясь берегов и, очевидно, отыскивая удобное место для того, чтобы пристать к острову. С пинаса тоже отозвались: Марк и Боб узнали друг друга. Боб по старой матросской привычке подбросил в воздух свою шапку и издал три громких возгласа, тогда как Марк, совершенно обессилевший от волнения, принужден был опуститься на скамью, а вслед за тем он выпустил из рук и шкот¹ и потерял сознание. Очнувшись он в объятиях своего друга на палубе «Нэшамони».

Прошло более получаса, прежде чем Марк вполне овладел собой. Наконец, слезы облегчили его душу; он не стыдился этих слез, слез радости, при встрече со своим старым другом. Тут он заметил присутствие еще одного лица на судне, но так как человек этот был темнокожий, то Марк решил, что, вероятно, это какой-нибудь туземец с тех островов, где по пути остановился Боб, и потому не обратил на него должного внимания. Боб заговорил первый:

— Мистер Марк, вот ведь счастье-то! Мог ли я ожидать такую радость? Поверите ли, я дрожал от страха, пускаясь нынче в путь на нашей «Нэшамони»; ведь я ничуть не был уверен в том, что сумею найти вас.

— Спасибо вам, дорогой Боб, спасибо! Судя по тому, что я вижу, вы, верно, пристали к одному из населенных островов неподалеку отсюда. Но для меня является загадкой, каким путем вы, Боб, сумели отыскать Риф?

— Риф! Да разве это Риф? — с удивлением воскликнул Боб. — Должно быть, земля здесь кверху дном перевернулась с тех пор, как я расстался с вами!

Марк рассказал Бобу о том перевороте, который совершился в его отсутствие, и затем в кратких словах передал ему всю свою эпопею за это время. Бэтс весь превратился в слух, с жадностью слушая его рассказ.

— Так вот она причина-то всех тех землетрясений! — воскликнул Боб. — Поверите ли, в то время, как у вас все это здесь стряслось, я был более чем в полтораста милях от этих мест, но и у нас были такие землетрясения, что даже старому опытному матросу невозможно было устоять на ногах. Два дня спустя к нам присоединилось судно, которое в ту пору находилось без малого на сто миль ближе к северу, чем мы, и что же? Ведь весь экипаж рассказывал, что там, в открытом море, им казалось, что небеса с землею сошлись.

— Вы говорите о каком-то судне. Боб! Но разве возможно, чтобы вы где-нибудь повстречались с ним в этих местах?

— Нет, мистер Марк, напротив, это весьма возможно. Впрочем, самое лучшее, конечно, будет, если я расскажу вам все мои делишки по порядку. Однако, сойдем на берег.

Вход в маленькую бухту находился в двух саженях от них. Оба судна вошли в нее и причалили к берегу. Затем приятели в сопровождении того же туземца стали подыматься на гору. Выйдя на поляну, ни Боб,

¹ Шкот — снасть для растягивания паруса и управления им. (Прим. ред.)

ни его спутник не могли удержаться от шумного выражения радости и восторга при виде всех чудес этой долины. К немалому удивлению Марка, темнокожий говорил на том же английском языке, как и Боб. Желая ближе разглядеть этого спутника своего друга, Марк обернулся в его сторону и с первого же взгляда узнал в нем знакомое лицо.

— Боб! — воскликнул он, с трудом переводя дух. — Неужели это в самом деле Сократ?

— Да, сударь, это самый Сократ и есть, да и Дидона, его жена, тоже не за сто верст от вас.

Сократ и Дидона были слугами его жены, которых он оставил при ней. Тысячи мыслей, воспоминаний и предположений разом зашевелились в мозгу Марка; тем не менее он воздержался от всяких преждевременных вопросов. Собственно говоря, он в глубине души чего-то опасался, и потому какой-то безотчетный страх удерживал его.

Боб опасался за своего друга, предвидя слишком сильное для него волнение, и преднамеренно старался ослабить то впечатление, которое должен был произвести его рассказ на Марка.

Когда пинас, вместе с находившимся на нем Бобом, был унесен в море прошлогоднею бурей, то злополучному моряку не оставалось ничего более, как довериться произволу волн, которые, перекидывая его судно с утеса на утес и с рифа на риф, наконец, вынесли его часа три спустя совершенно невредимым в открытое море. Уцелел пинас среди подводных рифов и камней только потому, что буря вздымала волны высоко, и даже поверх скал и рифов для «Нэшамони» было достаточно воды.

В продолжение целой недели Боб всячески пытался вернуться вновь на Риф, но это ему не удалось.

По прошествии восьми дней под ветром показался берег; в надежде встретить там людей. Боб стал держать на этот берег, но ожидания его не оправдались. То была громадная гора вулканического происхождения, весьма схожая с Пиком, но только безусловно лишенная всякой растительности. Он назвал ее именем своего старого судна и прожил там несколько дней.

С наиболее возвышенной точки острова Ранкокуса видна была на севере и на западе земля. Боб решил идти на запад в надежде повстречать какое-нибудь судно и приблизительно в ста милях от острова Ранкокуса наткнулся на группу низких, плоских островов, которые оказались населенными. Туземцы этих островов были очень миролюбивы и, очевидно, привыкли уже видеть белых. Повидимому, неожиданное появление в их водах новенького судна с одним лишь человеком показалось им не совсем естественным событием, которое они, нимало не задумываясь, приписали вмешательству богов; поэтому они встретили Боба со всевозможным почетом. Сам предводитель племени этих островитян вступил в дружеские отношения с Бобом; они побратались, взаимно обменялись с ним именами и даже от души потерлись друг с другом носами.

Прожив около месяца под гостеприимным кровом радушного индейца, Бэтс вместе с ним отправился однажды на группу соседних островов, расположенных в трехстах милях далее на север. Там Боб рассчитывал встретить какое-нибудь судно, и оказалось, что на этот раз его расчет был верен; на самом деле там стояло большое судно под испанским флагом, пришедшее из Южной Америки для ловли жемчуга. Судно это возвращалось теперь обратно и в то время как раз уже готовилось к отплытию. Вследствие какого-то внезапного недоразумения, происшедшего между командиром бригаа¹ и темнокожим другом Боба, этот последний вдруг совершенно неожиданно уехал и даже не простился с ним. Теперь у Боба не было другого выбора как или оставаться на этих островах, или же плыть на том испанском бриге, который отправлялся на другое же утро. Понятно, что Боб избрал последнее.

Сойдя в Панаме на берег, Боб перебрался через этот перешеек и прибыл в Филадельфию менее чем пять месяцев спустя после того, как распростился с Рифом.

Судохозяева «Ранкокуса» категорически отказались от какой бы то ни было попытки вернуть вновь свое судно; они набросились на страховое общество, принудив Боба показать под присягою, что судно их погибло. Почти одновременно с владельцами «Ранкокуса» узнала также от Боба Бэтса о судьбе, постигшей мужа, и Бриджит. Не задолго до того времени Анна Вульстон вышла замуж за молодого симпатичного врача, недавно поселившегося в Бристоле.

Боб изобразил Бриджит в самых радужных красках прелести Рифа: и мягкость климата тех стран, и плодородие почвы, и вызвался лично сопровождать ее к мужу. Понятно, что первыми узнали о решении Бриджит ехать к мужу молодые супруги Хитон; они не только одобрили намерение Бриджит, но и сами высказали желание присоединиться к ней. Отъезд на Риф был, таким образом, окончательно решен.

Как раз в это время из Нью-Йорка отправлялось прекрасное судно. Взять тайным образом билеты на проезд было не трудно; все необходимые запасы и покупки уже были сделаны и тотчас же отправлены на судно. Перед уходом судна были отправлены в Бристоль к отцам весьма почтительно и даже трогательно написанные письма. Боб был уже на судне, где к нему присоединились Сократ с Дидоной и Юноной, бежавшие из дома Ярдлея по приказанию своей госпожи. Кроме того, к нашим переселенцам присоединилась некая Марта Уотерс, старинная приятельница Боба. Со времени своего возвращения с Рифа и встречи с Мартой Уотерс Боб сильно изменил свой взгляд на брак, и вскоре сама Марта Уотерс стала его женою.

¹ Бриг — двухмачтовое парусное судно с одними только прямыми парусами. (Прим. ред.)

С Мартой была еще ее сестра, молоденькая Дженни Уотерс, пожелавшая с своей стороны сопровождать сестру в далекие края.

Наконец, переселенцы, в числе девяти человек, отплыли. Вскоре благополучно высадились в Панаме. Здесь, на их счастье, тот же испанский бриг, с которым прибыл сюда Боб, готовился опять к отплытию в те же края, где встретил его наш приятель. Боб и его друзья без затруднений были приняты все на бриг, при чем к ним пожелал пристать один молодой корабельный плотник, по фамилии Биглоу, бежавший год назад с своего судна. Он с женою и ребенком были охотно приняты в число будущих сограждан далеких островов. Из Панамы до островов Жемчужин плавание продолжалось долго: лишь на шестьдесят первые сутки переселенцы высадились, наконец, на давно знакомых Бобу островах Жемчужин со всем своим громадным багажем. Тут были и коровы, и молодой бычок, и жеребята, и несколько штук коз, и множество орудий, и инструменты всех родов, каких не было в трюме «Ранкокуса».

На островах Жемчужин Боб отыскал своих прежних друзей, радушно встретивших его теперь, как и в первый его приезд на эти острова. Он привез им кое-какие пустые для европейца, но очень ценные для индейцев подарки, благодаря которым оказалось нетрудным убедить этих островитян перевезти всю маленькую общину со всем ее имуществом на острова Бэтто, того самого предводителя островитян, с которым Боб когда-то побратался и где оставил свой пинас. Острова эти находились на расстоянии приблизительно трехсот миль от островов Жемчужин. Путешественники, их скот и кладь были благополучно туда доставлены на «катамаранах» — нечто в роде громаднейших плотов, очень употребительных в этих морях.

На островах Бэтто Боб нашел свою «Нэшамони» совершенно в том же виде, как он ее оставил. В качестве священного предмета она оставалась для всех жителей этих островов неприкосновенной. Вождь Урууни получил в подарок от Боба ружье и несколько патронов, а лучше этого подарка для него не могло быть ничего: огнестрельное оружие у туземцев считается высшим из благ жизни; оно заменяло счастливому Урууни постоянную боевую армию; благодаря этому ружью давнишняя распря его с предводителем другого племени островитян благополучно разрешилась в его пользу. Здесь Боб без труда уговорил жителей доставить его со всеми его товарищами, животными и пожитками на остров Ранкокус.

Боб и Хитон сочли более благоразумным и осторожным окончательно распрощаться здесь со своими темнокожими друзьями и отпустить их с миром по домам. Так как нельзя было сказать, насколько можно положиться на дружественное расположение островитян, то они и сочли за лучшее не показывать им дорогу к самому Рифу.

Остров Ранкокус, как говорил Боб, во многих отношениях мог бы считаться лучше Рифа. Там, например, было немало разных плодовых деревьев, а также и прекрасные луга, но на Пике и деревья были лучше, и лесу было больше, и пастбище жирнее, а главное, долина Пика была доступнее.

Отправиться и далее всем вместе не было никакой возможности уже потому, что «Нэшамони» не могла вместить их вместе со всеми пожитками да еще со скотом; помимо того, случилось как раз одно событие, препятствовавшее дальнейшему путешествию некоторых из числа вновь прибывших друзей. Анна Хитон стала матерью, и муж ее, конечно, не согласился бы везти ее теперь или оставить ее одну в такое время. Присутствие Бриджит было почти так же необходимо для больной в данное время, как и присутствие ее мужа. Было решено, что Боб с Сократом отправятся отыскивать путь к Рифу.

Боб не мог со всею точностью определить настоящее местоположение Рифа, но он знал наверное и помнил превосходно, что Риф должен был находиться с наветренной стороны и в расстоянии приблизительно ста миль.

Бродя по вершинам утесов и гор острова Ранкокус, Боб не мог не заметить Пика; вид его одновременно вызвал в нем и радость, и недоумение. Боб не подозревал, конечно, великих перемен и тех переворотов, которые совершились здесь за последнее время, а потому не понимал, как мог он не заметить этого Пика в тот раз, когда впервые был на острове Ранкокусе, или когда они совместно с Марком так тщательно делали наблюдения и изучали эту часть горизонта; радовало же его то, что, глядя на этот Пик, он приходил все больше к убеждению, что Риф обязательно должен находиться на север от него и, вероятно, на расстоянии весьма значительном, иначе не могло случиться того, чтобы они не видели с вершины Рифа этого гиганта.

Отправившись на поиски. Боб стал держать прежде всего на Пик, насколько то позволял ему ветер. Десять часов спустя после того, как «Нэшамони» вышел в море. Боб, наконец, увидел Пик с палубы судна, а вслед за тем на горизонте показался и кратер нового вулкана. Сюда-то именно и пошел Боб. Проплыв несколько десятков миль в течение ночи, Боб и Сократ с рассветом увидели себя уже вблизи от Пика. Наш моряк прямо пошел к этому острову и вдруг услышал выстрел Марка.

ГЛАВА XIV

С закатом солнца «Нэшамони» вышла из маленького залива. Марк дал ему прозвание «Миниатюрная бухта», а овраг, ведущий в гору, назвал «Лестницею», потому что он действительно служил как бы лестницею

для того, кто хотел добраться до зеленой равнины Пика. Переезд от Пика на остров Ранкокус мог совершаться без труда во всякое время, потому что в этих морях для такого рода плаваний совершенно достаточно заметить лишь направление ветра. Он дует здесь в одном и том же направлении, за исключением каких-нибудь случайных шквалов.

Марк был счастлив, видя, как прекрасно «Нэшамони» служит в открытом море; особенно гордился этим Боб, уверявший, что он готов отправиться на этом судне до берегов какого-нибудь материка. «Бриджит» осталась на якоре в «Миниатюрной бухточке».

Солнце едва стало показываться на горизонте, как «Нэшамони» уже очутилась в виду острова Ранкокуса.

Приблизившись к берегу. Боб поднял на мачте небольшой флаг; то был условный знак, по которому ожидавшие возвращения Боба должны были узнать о том, что его поиски увенчались успехом.

В числе всевозможных предметов, какими предусмотрительный Хитон запасся перед своим отъездом из Америки, оказались и три палатки. Эти палатки и служили теперь жилищем для переселенцев. Они были раскинуты у подножия горы на прибрежной равнине; Боб указал их Марку.

Тут же, вблизи палаток, паслись козы, коровы, жеребята; на маленьком плоту, служившем пристанью, стояла молодая женщина; она протягивала руки, как-будто призывая к себе кого-то; вдруг ноги ее подкосились, и она опрокинулась навзничь, будучи не в силах справиться с охватившим ее радостным чувством. Боб так искусно сумел повернуть судно, что оно прошло вблизи самого берега, еще не доходя до пристани. Марк мог свободно соскочить на землю, что он и не замедлил сделать. Боб был настолько деликатен, что отошел опять от берега и пристал в другом месте, не желая нарушить своим присутствием трогательную минуту свидания молодых супругов. Полчаса спустя Марк и Бриджит присоединились к остальным. Марк обнял и поцеловал сестру и ее мужа, которого он еще не знал.

В течение всего дня происходили трогательные сцены. Марку пришлось пересказать все, что с ним было за все это время.

Переселенцы прожили целую неделю на острове Ранкокусе. Однако, осторожность не позволяла слишком полагаться на ту сомнительную безопасность, которою они временно пользовались здесь. В группе островов Ээтто, как и всюду, были враждующие между собой партии, и доброму Урууни стоило на этот раз немало труда принудить все эти враждующие между собой группы подвластных ему туземцев отпустить Боба и его друзей целыми и невредимыми. Вот почему переселенцам следовало немедленно покинуть этот остров и скрыть свои следы. С перевозкою коров, коз и жеребят им предстояло много затруднений: на пинасе не было помещений для четвероногих пассажиров, но все же для одного животного нашлось бы место, при чём возможно было поместить еще и шесть или семь человек.

Понятно, что прежде всего надо было увезти в надежное место всех женщин и наиболее ценные предметы; этот первый транспорт отправился под предводительством самого Марка, Хитона и Сократа, а Боб и Биглоу остались для присмотра за скотом и остальным имуществом.

По их расчетам выходило, что пинас может вернуться обратно не ранее восьми дней. Но на этот раз плавание оказалось более затруднительным, так как пришлось идти против ветра. «Нэшамони» вышла в море с закатом солнца, а на следующее утро находилась уже в виду вулкана. Вулкан был в этот день сравнительно спокоен; правда, по временам здесь слышался еще глухой подземный гул, и порою из его жерла вылетали громадные осколки камней; но это были уже последние прощальные ракеты гигантского фейерверка.

Ночь была очень темная, но около полуночи Марк заметил, что море стало спокойнее, из чего он заключил, что «Нэшамони» находится под ветром у острова и, вероятно, уже недалеко от него. Слишком уверенный в своей памяти, Марк не дал себе труда отметить или рассчитать по компасу место входа в Миниатюрную бухту, о которой он рассказывал своим спутникам, как о прекрасном и надежном убежище для их судов, совершенно скрытом от всяких посторонних глаз. На самом деле оказалось, что она так хорошо скрыта, что и сам Марк не скоро сумел отыскать ее, что подало, конечно, повод к некоторому подтруниванию на его счет. Наконец, «Нэшамони» благополучно вошла в бухту, где на своем месте стояла «Бриджит». Молодая женщина не могла удержаться от улыбки при виде этой хорошенькой шлюпки, носившей ее имя.

Потребовалось почти двое суток на то, чтобы перенести груз «Нэшамони» на горную равнину, прозванную Бриджит Эдемом. Две из палаток были также привезены сюда; они имели досчатый пол и были больших размеров, но, в сущности, в этом климате едва ли чувствовалась большая надобность в крыше над головою, так как непроницаемые шатры зеленой листвы деревьев с успехом заменяли ее в случае надобности. Рядом с двумя раскинутыми палатками устроили и для скота род навеса, крытого соломой, так что на третьи сутки переселенцы уже устроились отлично. Тогда Марк стал подумывать о второй поездке на остров Ранкокус, где его ожидали товарищи.

Плавание это от одного острова к другому становилось с каждым разом менее затруднительным для Марка, который с каждым разом лучше ознакомлялся с направлением морских течений, характером волн и силой ветра. На этот раз он вышел с рассветом и около полудня был уже на острове Ранкокус. Здесь, не теряя

даром времени, путники сразу же приступили к нагрузке пинаса. Одну корову и ее теленка также нашли возможным принять на борт «Нэшамони», и в тот же день под вечер судно опять отплыло на Пик. И это плавание совершилось вполне благополучно.

Следующая поездка на остров Ранкокус состоялась уже без участия Марка. Анна поправлялась с каждым днем и к тому времени была почти совсем здорова; а Хитон оставил на острове несколько ящиков с довольно ценными предметами и был не прочь сам лично присмотреть за их нагрузкой и выгрузкой. Он предложил отправиться на остров Ранкокус на этот раз вдвоем с Сократом.

Четыре дня спустя «Нэшамони» вернулась уже обратно; в числе ее пассажиров оказалась еще корова и ее теленок и несколько штук коз. Убедившись, что Хитон прекрасно управляется с пинасом, и что в его участии в поездках на Ранкокус нет необходимости, Марк, наконец, решил исполнить заветное желание своей жены и вместе с нею отправиться на Риф или, что то же, на Кратер. Ему и самому надо было взглянуть, что делается в прежних его владениях, а Бриджит уж давно сгорала нетерпением увидеть поскорее те места, где ее муж провел так много дней в полнейшем одиночестве.

Моментом отправления было избрано Марком раннее утро. Едва только «Бриджит» успела выйти из-под прикрытия утесов Пика и почувала под собой широкую волну открытого океана, как на дальнем горизонте поднялось солнце, окрасив волны в роскошный яркий пурпур, усеянный сотнями золотых блесток.

Очарованная этим зрелищем, Бриджит не могла отвести от него глаз и, обращаясь к мужу, сказала:

— Марк, я верю, что твой Риф прелестен, но посмотри на наш Эдем, взгляни кругом и скажи по совести, может ли у нас хватить духу покинуть Пик и поселиться совсем не здесь, а там, на Рифе, или в каком-либо другом месте?

— Можно совместить и то, и другое, мой друг! Конечно, Пик имеет немало преимуществ, но если мы серьезно задумаем основать здесь прочную колонию, то нам понадобится также и Пик и Риф, а быть может, даже и остров Ранкокус, который может служить пастбищем для нашего скота, а Риф будет доставлять нам рыбу и овощи.

После нескольких часов плавания они увидели сперва скалы и кратер, а затем и мачты «Ранкокуса». Лишь около полудня Марк пристал в обычной своей пристани и высадил на берег Бриджит. Он с первого взгляда убедился, что здесь все осталось в том же порядке, как было. Прежде всего они отправились на «Ранкокус»; посещение этого судна сильно взволновало молодую женщину: безлюдная палуба и голые мачты; мертвенное запустение судна произвело на нее удручающее впечатление. Та самая каюта, в которой происходило еще не так давно ее венчание, как-то сразу навяла на нее хотя сладостные, но тревожные воспоминания. Они на одну минуту положительно осилили ее. Однако, Бриджит скоро

овладела собой. Марк отправился взглянуть на свои огороды, она же занялась приведением в порядок всего, что находилось в его каюте. Каюта эта тотчас же приняла опрятный и уютный вид.

Когда солнце утратило уже отчасти свою гнучесть и начало клониться к закату, супруги отправились вместе осмотреть кратер и его вершину. Марк ввел жену в свой сад или, вернее, огород, где Бриджит на каждом шагу выражала восторг и удивление. На вершине Марк снял две превосходные дыни. Вершина чрезвычайно понравилась Бриджит; она решила, что это место станет излюбленным местом ее прогулок. Отсюда Марк указал ей на своих кур, число которых успело значительно возрасти со дня его отсутствия, так как прибавились еще два выводка. Все это маленькое пернатое население находило себе прекрасное пропитание на зеленеющих травую скатах кратера, вследствие чего и не пыталось отправляться на фуражировку в сад и огород.

ГЛАВА XV

Марк и Бриджит прожили на Рифе с неделю в полном одиночестве, и эта неделя показалась им одним днем. Когда же, наконец, наступило время вернуться, то Бриджит стала ласково протестовать, заверяя мужа, что она желала бы прожить здесь целый месяц, но «губернатор», как в шутку прозвал Марка Хитон, а потом не раз, шутя, приветствовала его Бриджит, объявил, что, несмотря на всю его любовь и привязанность к Рифу, он не считает себя в праве покинуть на Пике своих друзей.

Обратное путешествие свое они совершили, как и прежние, благополучно, при чем возвращение «Бриджит» случайно совпало с возвращением «Нэшамони», и оба судна почти одновременно вошли в Миниатюрную бухту пристани. Пинас вернулся с острова Ранкокус с последним грузом; теперь уж на этом острове не оставалось более ничего, кроме двух коз, которым предоставили остаться жить в горах. На этот раз приехал и Биглоу, так что теперь маленькая колония была уже в полном сборе.

Однако, Боб сообщил Марку такую новость, которая не на шутку встревожила его и заставила призадуматься. В тот момент, когда пинас с последним грузом выжидал удобного момента к отплытию, Боб вдруг заметил, что флотилия, состоящая из значительного числа лодок и плотов, плывет к Ранкокусу. Очевидно, флотилия эта шла с островов Бэтто. С помощью зрительной трубы Бобу удалось разглядеть, что впереди Других в качестве предводителя плыл на своей лодке один знакомый ему индеец Ваальди. Этот

Ваальди считался самым заклятым соперником Урууни, следовательно, если ему удалось появиться в этих местах и во главе такой значительной флотилии, то, очевидно, он каким-либо способом одержал верх над добродушным Урууни и замыслил теперь недоброе.

Бобу показалось, что в числе туземцев находились и двое белых. Присутствие этих людей не было утешительным. Боб понял тотчас, что ему следует быть настороже. Вместо того, чтобы выйти на ветер острова, что ему и следовало бы сделать в обычном случае, он избрал на этот раз почти противоположное направление, стараясь лишь держаться как можно дальше от берега, чтобы не попасть в затишье под прикрытие скал. Он знал, что в таком случае легкие лодочки туземцев с их длинными веслами непременно нагнали бы его.

Выйдя в море с закатом солнца. Боб не успел еще уйти далеко, как уже совсем стемнело; настала черная, безлунная тропическая ночь. Теперь он с полной безопасностью мог идти в каком угодно направлении, не опасаясь, что за ним будут следить. Пользуясь мраком ночи. Боб вернулся обратно к острову Ранкокусу, и около одиннадцати часов ночи «Нэшамони», обогнув северную часть острова, прошла вдоль берега и пристала к своей обычной пристани.

Туземцы не развели костров и не зажгли огней, а потому и не было никакой возможности определить, в каком именно месте они раскинули свой лагерь. Однако, Боб решил во что бы то ни стало добыть те сведения, которые были ему необходимы. Сойдя на берег, он ползком стал пробираться к тому месту, где, по его соображениям, должны были находиться в настоящую минуту туземцы.

Боб не подозревал, что и за ним могут следить, и в тот момент, когда он полз между кустами с тем, чтобы еще больше приблизиться к лагерю спящих туземцев, вдруг почувствовал на своем плече чью-то сильную руку. Боб уже готовился отправить дерзкого смельчака к праотцам, когда услышал следующие слова:

— Куда идешь, товарищ?

Слова эти были произнесены чуть слышным шепотом, и это успокоило Боба. Очевидно, то были те самые двое людей, которых видел Боб; они, наверное, притаились в кустах, чтобы проследить пинас. Уверив Боба, что в данную минуту нет надобности опасаться чего-либо, так как все спят, а отсюда до места их ночлега далеко, они пошли проводить Боба на «Нэшамони».

Здесь разыгралась весьма трогательная сценка свидания; оказалось, что эти два матроса служили раньше на том же китобойном судне, на котором служит Биглоу; кроме того, они еще были и земляками Биглоу, из одной с ним деревни. Оба они в разное время ушли с своего судна и затем Питере и Джонс встретились вновь случайно и вот уже более двух лет скитались вместе по разным островам, не зная, что с собою делать, когда Ваальди предложил им принять участие в той экспедиции, которую он задумал совершить.

Все, что им удалось понять из разговоров туземцев, было лишь то, что предполагалось ограбление, а в случае надобности, и избивание небольшой горсти белых. Они немедленно же согласились на предложение вождя в надежде сослужить каким-нибудь путем добрую службу своим соплеменникам и спасти их от грозящей им беды.

Пока Питерс рассказывал это, в лагере индейцев вдруг раздался крик. Медлить здесь далее было бы безумием. Джонс вскочил на «Нэшамони»; Питерс с минуту колебался, не решаясь последовать за ним (впоследствии выяснилось, что он был женат на индейке, к которой сильно привязался), но в тот момент, когда «Нэшамони» готова была уже тронуться, чтобы выйти в море, Питере, одумавшись, последовал за Джонсом. И только когда пинас успел уйти более полумили от острова, он высказал вслух раскаяние в своем поступке. Товарищи пытались его утешить, говоря, что, вероятно, ему представится случай послать весточку его Петрине, как назвал Питерс свою молодую индейку, что рано или поздно она непременно найдет случай свидеться с ним.

С таким прекрасным подкреплением, как эти два матроса, Боб, не задумываясь, вышел в море, предоставив Ваальди делать все, что ему угодно. Конечно, если эти туземцы взберутся на вершину главной горы, то неизбежно должны будут увидеть дым, выходящий из вулкана, а также и Пик; но Риф должен был остаться недостижимым для их взоров. Возможно было ожидать, что они решатся совершить переезд от одного острова к другому, но при наличных условиях такое предприятие было весьма рискованно, так как им пришлось бы все время идти прямо против ветра.

Переселенцы очень радушно приняли вновь прибывших матросов. Бриджит не могла удержать улыбки при намеке Марка относительно того, что Джонс, отличавшийся привлекательной наружностью, может стать прекрасным мужем для Дженни. Однако, в данную минуту им приходилось думать не о свадьбах, а о возможном нападении туземцев.

На совещании, состоявшемся по этому поводу под председательством Марка, как главы молодой колонии, было принято решение перевезти с «Ранкокуса», на котором было восемь коронад¹ с лафетами весьма несложной системы и у которого пороховая камера была отлично снабжена всем необходимым, — две коронады и надлежащее количество снарядов.

¹ Коронада — артиллерийское орудие. (Прим. ред.)

Так как овраг, прозванный Марком «Лестницей», являлся единственным путем к вершине горы, а также и к Эдему, то стоило укрепить лишь этот пункт, чтобы воспрепятствовать вторжению туземцев на Пик. Две коронады, установленные на утесах, господствовавших над самым входом в ров, не только преградили бы дорогу к Эдему, но допустили бы неприятеля в бухту, поражая каждое судно, которое появилось бы в проливе.

Оставалось еще подумать о Рифе, который был со всех сторон открыт для набегов туземцев. Оставив нескольких человек на «Ранкокусе» и предоставив в их распоряжение две-три хороших коронады, Марк рассчитывал удержать на должном расстоянии более пятисот туземцев.

Хитон привез с собою изрядный запас ружей и зарядов, но все это следовало собрать в надежное место, и притом так, чтобы оно всегда было под рукою. Питерс и Джонс получили приказание устроить для этой цели род погребца из пещеры, находившейся у входа в овраг. Затем Марк приказал сложить на самой возвышенной точке Пика громадные вязанки хвороста и бурелома, которые следовало немедленно зажечь, если туземцы дерзнут приближаться к Пику в его отсутствие ночью. Он не сомневался в том, что огни эти будут видны с Рифа, куда он намеревался отправиться. Отдав все необходимые приказания, Марк отплыл в сопровождении Боба, Биглоу и Сократа, Дидоны и Юоны. Остальные женщины, под охраню Хитона и двух вновь завербованных матросов, остались на Пике.

Боб Бэтс не мог надивиться переменам, происшедшим в его отсутствие на Рифе; теперь он шел пешком там, где прежде проезжал лишь а плоту. Поверхность кратера сплошь зеленела травой. Посетив долину кратера. Боб был не менее удивлен; не говоря уже о садах, где все произрастало, цвело на славу, там раскинулся громадный луг, который только ждал покоса. Заметив это еще в свой предыдущий приезд на Риф, Марк позаботился о том, чтобы Сократ захватил с собою косу.

На следующее утро все усердно принялись за работу. Мужчины занялись переноской коронад с «Ранкокуса» на «Нэшамони». Весь этот день грузили они пинас и занимались некоторыми другими хозяйственными делами. Между прочим, Марк пристрелил одного боровка для кухни, а Боб отправился на свое издавна излюбленное место ловить рыбу; менее чем через час Боб вернулся с целою сотней разного рода рыб. Около десяти часов вечера «Нэшамони» вновь вышла в море. Марк держал руль до тех пор, пока они не миновали проливы и каналы, и только выйдя в открытое море, он вручил его Бобу. Биглоу остался на «Ранкокусе» с тем, чтобы основательно ознакомиться с имеющимися в его трюме и между деками строительными материалами. Семья Сократа также осталась на Рифе, так как не успела управиться с работой.

Но, несмотря на то, что Марк чувствовал сильную усталость, он все же не решился итти отдохнуть, даже и после того, как поручил управление судном Бобу. С напряженным вниманием вглядывался он в южную часть горизонта, в ту точку, где должен был находиться Пик; он хотел убедиться, что огней не зажигали, и, следовательно, в течение дня вражеская флотилия не показывалась у берегов этого острова. Удостоверившись, что на Пике все обстоит благополучно, Марк, наконец, заснул крепким, спокойным сном. Поутру он был разбужен Бобом, который сообщил ему, что они подошли уже к самому Пику, но что найти вход в потайную бухту он положительно не в состоянии.

Марк помог горю, и вход в бухту был найден. Когда они были на Рифе, Марк, между прочим, пожелал на всякий случай вооружить и «Нэшамони» и с этой целью установил на ней два фальконета¹, взятые им с «Ранкокуса». Входя в Миниатюрную бухту, он дал из них по выстрелу с тем, чтобы известить товарищей на Пике о своем прибытии. По этому сигналу мужское население маленькой колонии мигом сбегалось к тому месту, где приставали суда; общими усилиями все приступили к подъему коронад на гору по оврагу до мест, заранее намеченных для установки этих орудий. Когда эта тяжелая работа была окончена, и коронады поставлены были на своих местах, Марк вздумал испробовать эти орудия, для чего зарядил их крупной картечью. Он лично навел ту коронаду, которая находилась над рвом, на вход в Миниатюрную бухту; прицел был верен: все снаряды ударяли в проход, падая в воду и обдавая скалы целым фонтаном брызг и пены.

Другая коронада была наведена под таким углом, чтобы снаряды ложились вдоль оврага, служившего лестницей для Пика. Найденные впоследствии следы картечи ясно доказали, что и на этот раз цель их была вполне достигнута. Близ каждого орудия устроили по небольшому магазину, или снарядному погребу с тем, чтобы запас снарядов всегда был под рукою. Покончив с этим, переселенцы решили, что на этот раз им можно ограничиться этими средствами для обороны Пика. Затем все занялись доставкой в Эдем привезенного с Рифа провианта.

Марк заметил нависшую под самой пристанью, на высоте более ста метров, огромную скалу, вершина которой представляла собою плоскость значительных размеров. Здесь он решил устроить для подъема тяжестей и грузов так называемую лебедку, с помощью которой все грузы без труда могли доставляться наверх. Это плато вместе с тем в случае надобности могло служить прекраснейшим местом для засады стрелков; кроме того, Марк вздумал поставить здесь еще одно орудие, так как эта позиция командовала над морем. Между тем

¹ Фальконет — малокалиберное орудие, стрелявшее свинцовыми ядрами. Прототип современного полевого орудия. (Прим. ред.)
Фальконет — малокалиберное орудие, стрелявшее свинцовыми ядрами. Прототип современного полевого орудия. (Прим. ред.)

прошло уже четверо суток, а флотилия туземцев все еще не появлялась вблизи острова. Пора было между тем вернуться и на Риф. На этот раз вместе с мужем и Бобом отправилась туда и Бриджит.

По прибытии Марк к немалой своей радости и удивлению увидел, что Биглоу уже соорудил в его отсутствие остов судна, которое обещало быть значительно больших размеров, чем пинас. Кроме того, роясь в трюме судна, Биглоу нашел совсем готовые материалы для другой шлюпки, немного больше «Бриджит».

В течение всего последующего месяца на верфи постоянно работало несколько человек до тех пор, пока оба эти судна не были окончены настолько, чтобы, в случае нужды, их можно было употребить в дело. Более значительное по своим размерам судно было названо в честь матери Хитона «Мария», тогда как маленькая шлюпка, выкрашенная, вся сплошь черною краской, к неимоверной радости всей семьи Сократа, была наименована «Дидоной».

Покуда продолжались все эти работы на верфи, «Нэшамони» исправно делала свое дело; за это время она уже раз шесть побывала на Рифе, привезя оттуда даже живого бора и свиней. Взамен этого она привозила на Риф битую дичь, кокосы и бананы да еще какой-то своеобразный плод, случайно найденный Хитоном и отличавшийся необычайно приятным вкусом, очень напоминавшим землянику с густыми сливками. Впоследствии Марк узнал, что это была шаррамойя, плод, не имеющий себе подобного по вкусу и аромату, когда он сорван во-время. Бриджит, чтобы не оставаться в долгу, набрала на вершине кратера корзиночку свежей крупной земляники и послала ее Анне. Тем временем Сократ управился со своим сенокосом, о чем свидетельствовали огромные стога сена, возвышавшиеся посреди луга.

На Пике Питерс тоже мог похвастать не меньшей деятельностью на пользу своей колонии; он задался мыслью дать Эдему свой огород и принялся усердно разрабатывать участок земли в две или три десятины, который он обнес живою изгородью из кустарников.

Губернатор с женою, как понемногу привыкали звать Марка и Бриджит, готовились сесть на «Нэшамони», когда отданное было приказание готовиться к отплытию было вдруг отменено по той причине, что состояние атмосферы предвещало несомненную близость урагана. Действительно, немного погодя вдруг разыгралась сильная буря, не имевшая, однако, на этот раз никаких серьезных последствий, кроме того только, что ознакомила новых переселенцев с особенностями здешнего климата.

Перед отъездом с Рифа Марк вздумал посетить ту «луговину», которая служила пастбищем для стада. Луговина эта могла бы дать богатые урожаи, так как имела не менее полуторы тысяч десятин прекраснейшей земли. Оградив этот полуостров от вторжения скота посредством изгороди, Сократ занялся посадкою здесь молодых древесных побегов.

Вернувшись на Пик, Марк нашел, что работы по огородничеству подвигались с чрезвычайной быстротой и успехом. Во многих отношениях Пик переставал уже нуждаться в помощи Рифа, у него были теперь и свои дынные бахчи, и почти все имевшиеся на Рифе овощи. Решено было даже так, что Пик уступит Рифу одну из двух коров с тем, чтобы и тут, и там не чувствовалось недостатка в молоке. Между тем Биглоу задался мыслью, которую отчасти он уже начал приводить в исполнение. В том лесу, который окаймлял Эдем, было немало прекраснейшего строевого дерева, и Биглоу задумал построить из него шунер¹ вместимостью в восемьдесят тонн. Имея в своем распоряжении такое судно, переселенцы получили бы возможность доступа к любой точке всего Тихого океана, и вместе с тем, будучи вооружено двумя или тремя коронадами, это судно могло дать им преобладание в этих водах, по крайней мере, по отношению к туземцам. Судно это Марк решил назвать в память бывшего своего судохозяина «Друг Авраам Уайт».

На сооружение остова шунера потребовалось около шести недель, и так как успеху этого предприятия не только Марк и Биглоу, но и вся колония придавала огромное значение, все принялись за дело с большим усердием и старанием. Хитон отличался необычайно деятельной фантазией; мысль его постоянно работала, изобретая все новые полезные проекты и планы. В том месте, где ручей, сбегая с равнины вниз, каскадами спускался в овраг, местность как нельзя более подходила для устройства лесопильного завода. Имея под рукою такие благоприятные условия, Хитон никогда не простил бы себе того, если бы не воспользовался ими. Ровно три месяца спустя после начала работ труды Хитона и Питерса увенчались полным успехом, и лесопильня была уже в полном ходу и работала на славу.

Приходилось уже подумывать и об устройстве настоящего жилья на дождливое время года, которое теперь было не за горами. Располагая лесопильней, не трудно было наготовить необходимое количество досок для постройки дома. Досчатые стены выстрогать недолго, и первый дом на Пике вырос с неимоверной быстротой. Особое внимание было обращено на полы; кроме того, переселенцы позволили себе немалую для здешних мест роскошь — устроили несколько окон; в них были вставлены стекла, привезенные Хитоном на всякий случай с собой из Америки. Единственным затруднением при постройке явились печи и дымовые трубы: ни кирпичей, ни глины, ни извести у строителей не было под рукой.

Кирпичи Хитон мог бы еще ухитриться сделать, но извести взять было решительно негде. Сократ посоветовал обжечь устричные раковины, чтобы добыть хотя немного извести. Явилась забота добыть

¹ Шунер — двухмачтовое судно. (Прим. ред.)

необходимое количество этих раковин. Отправляясь на рыболовство поочередно во все каналы и проливы по соседству с Рифом, Сократ совершенно неожиданно наткнулся на устричную мель значительных размеров, после чего с помощью лодок доставлено было на Пик громадное количество этих раковин, из которых и получилась необходимая известь.

Все члены колонии работали усердно. Все были счастливы и довольны своей участью, за исключением одного лишь Питерса. Бедняга все не мог забыть покинутой им индейки Петрины.

ГЛАВА XVI

Дом был построен и окончен еще до наступления дождей, но на верфи работы подвигались не так быстро. Пора дождей пришла, затем опять прошла, настало снова лето, а шунер все еще не был спущен на воду.

За этот год население колонии успело уже значительно увеличиться:

Марта подарила Бобу маленького Роберта Бэтса, и почти одновременно с ней Бриджит сделалась матерью прелестной девочки. Как то давно уже предвидел Марк, молодой Джон недолго тратил время в ухаживаниях за миловидною Джени Уотерс, и Марку, в качестве единственного официального лица, пришлось оформить этот союз молодой пары.

Тем временем Питерс, видя вокруг себя счастливые пары, все более и более страдал от одиночества и не мог примириться с отсутствием своей возлюбленной Петрины или Пэгги, как он любил ее называть. И вот он настоятельно стал просить Марка, чтобы тот доверил ему на время которую-нибудь из шлюпок с тем, чтобы он мог отправиться на ней на острова Ваальди за своей верной подругой и привезти ее сюда на Пик.

Марк сам слишком долго страдал от одиночества для того, чтобы не понимать и не сочувствовать горю своего товарища, но он не хотел отпустить его совершенно одного и решил поехать с ним сам. К тому же он желал взглянуть на остров Ранкокус, где уже давно не был и куда, кстати, хотел свезти несколько штук свиней для того, чтобы они развелись там в диком состоянии.

Жену и ребенка Марк перевез на Пик для того, чтобы во время его отсутствия она не оставалась одна, а жила вместе с Анной на равнине Эдема.

В назначенный день «Нэшамони» вышла в море и, согласно заранее условленному маршруту, направилась к новому вулкану. Несмотря на то, что для этого посещения приходилось сделать пятнадцать миль крюку, все же переселенцам не мешало поближе ознакомиться с таким грозным соседом.

Так как вулкан еще не потух, то приближаться к нему следовало с некоторой осторожностью. Пристав в том месте берега, где скалы образовали вогнутую линию, и сойдя на берег, Марк приблизился к кратеру вулкана настолько, насколько то позволяло все еще продолжавшееся извержение. Почва и здесь обещала стать со временем чрезвычайно плодородной.

Наши путешественники уже около часа бродили вокруг вулкана, когда вдруг совершенно неожиданно сделали такое открытие, от которого они невольно содрогнулись: Боб заметил под ветром привязанную между скал лодку и человека, возившегося около нее. В первую минуту у них мелькнула мысль о вражеском нападении, но затем они скоро убедились, что опасаться было нечего, и Марк решил подойти к хозяину лодки. Но Питерс успел опередить его. Он бросился с радостным криком навстречу своей Пэгги.

Посвятив некоторое время слезам радости и поцелуям, Питерс, довольно бойко владевший родным языком своей жены, перевел Марку, со слов Пэгги, следующие сообщенные ею сведения.

За последнее время Ваальди, давно уже враждовавший с Урууни, одержал верх над добродушным и честным вождем островитян и вытеснил его на самый маленький из островов, куда за ним последовала небольшая горсть его приверженцев. Ваальди же, став во главе почти всего населения острова Бэтто, снова задумал возобновить свои преследования белых. С этой целью он подготовил настоящую военную экспедицию и стал во главе флотилии в сто лодок, на которых находилось до одной тысячи хорошо вооруженных воинов. Брат Пэгги, Ункус, славный воин, должен был также присоединиться к своим товарищам, а сестра его в числе других пятидесяти женщин получила разрешение сопровождать эту военную экспедицию.

Ваальди предусмотрительно избрал для начала военных действий наиболее благоприятное время года: в этих краях летом ежегодно бывает известный период, в течение которого пассатные ветры дуют с наименьшей силой и когда нередко случается даже совершенная перемена направления ветров, которые по временам превращаются в легкий, приятный ветерок. Индейцы — смелые моряки, если принять в соображение дальность расстояния тех плаваний, какие они совершают на своих маленьких, легких лодках или досчаниках. Все благоприятные для плавания условия погоды были им хорошо известны.

До острова Ранкокуса индейцы добрались без всяких приключений и пристали к тому месту, где некогда раскинули свой лагерь Боб Бэтс и прибывшие с ним переселенцы. Изучая главную гору и другие возвышенности острова в течение почти целого месяца, индейцы не могли не увидеть Пика, а также и того столба дыма, который исходил из все еще курившегося вулкана. Понятно, что Пик стал предметом стремлений

индейцев; им тотчас стало ясно, что именно сюда, на Пик, переселились белые со всем своим богатством и сокровищами.

Как Ункус, так и Пэгги прекрасно знали все, что готовилось в отношении белых.

Бедная женщина, любившая мужа, решила присоединиться к нему, когда Ваальди со своим флотом пойдет дальше, чтобы с полной безопасностью продолжать свой путь; но, услышав случайно из уст самого Ваальди про страшные пытки, придуманные им для дезертиров, в том случае, если победа останется на его стороне, любящая Пэгги до тех пор не дала покоя брату, пока тот, наконец, не согласился отправиться с ней вместе на принадлежавшей ему пироге на Пик, чтобы предупредить белых о грозившей им опасности и, если можно, спасти Питерса. К этому его побудило еще и то, что Ункус в душе глубоко ненавидел Ваальди и втайне был сторонником Урууни.

И вот брат и сестра тайком покинули накануне свой лагерь и темной ночью отправились с острова Ранкокуса на Пик. На следующее утро они увидели струю густого дыма, обозначающую вулкан, но Пика нигде еще не было видно. Тем не менее Ункус и Пэгги продолжали без устали работать своими веслами, стараясь поскорей добраться до вулкана. После тридцатичасовой, почти непрерывной работы веслами они, наконец, высадились у подножия кратера. В тот момент, когда их увидели наши друзья, они готовились отплыть, чтобы продолжать свой путь, так как теперь местоположение Пика им было уже хорошо известно.

Марк подробно расспросил их о намерениях Ваальди. Ункус предположил, что индейцы, вероятно, воспользуются первым благоприятным для них ветром и пойдут к Пику. В распоряжении Ваальди не более двенадцати ружей, с которыми туземцы не умеют как следует справляться, но воинов у него очень много, и все они прекрасно вооружены всякого рода самодельным оружием. Кроме того, их всех воодушевляет желание поживиться богатою добычей. Ункус был того мнения, что белым следовало немедленно перебраться на какой-нибудь другой остров даже и в том случае, если бы им пришлось бросить на месте добрую половину своего имущества и богатств и предоставить все это разграблению индейцев. Но Марк не разделял такого мнения; он хорошо знал неприступную позицию своего Пика и вовсе не намеревался бросать его на произвол врагу.

Более всего тревожила в настоящее время Марка мысль о том, как бы ему обезопасить от погрома одновременно и Пик, и Риф, и старое судно, и новый, еще строившийся шуцер, и свое стадо, мирно пасущееся на громадном пространстве соседних с Рифом островов. Что мог он противопоставить силам Ваальди — его сотне лодок и тысяче отважных и привычных воинов? Ведь, даже считая в том числе и Ункуса, который охотно стал на сторону белых, Марк мог располагать всего восемью человеками, способными носить оружие. Конечно, в крайнем случае он мог призвать на помощь еще трех женщин, поручив остальным присмотр за детьми и за скотом. Но что значило все это против сил Ваальди?!

Необходимо было, однако, тотчас же принять какое-нибудь решение; плыть к острову Ранкокусу было бы положительным безумием, да к тому же главная цель этого путешествия была уже достигнута: Пэгги была с ними. До ночи оставался всего один лишь час, когда «Нэшамони» вновь вышла в море. Благодаря попутному пассату доброе судно, буксируя пирогу Ункуса, достигло Миниатюрной бухты в тот момент, когда солнце поднималось на горизонте, а немного спустя оно вошло и в бухту. Марк опасался главным образом, чтобы индейцы не увидели его парусов гораздо раньше, чем сам он заметит их ладьи, и потому спешил скорее укрыться в бухту. Никто из обитателей Эдема не видал, когда «Нэшамони» вошла в закрытый рейд потайной бухты, и Марк уж был почти у дверей дома, а Бриджит еще и не подозревала его возвращения.

Прежде всего Марк позаботился отправить Биглоу с подзорною трубою на самую вершину Пика, чтобы он наблюдал оттуда за приближением неприятельского флота. А между тем с помощью большой особой формы раковины, с успехом заменявшей рупор, был призван к месту сходимки Хитон и другие колонисты, находившиеся в это время в отсутствии в лесу или на рыбной ловле. Минут двадцать спустя все граждане Рифа и Пика были уже в полном сборе. Не тратя даром времени, мужчины готовили свое оружие и заряжали его. Питер и Джонс получили тут же приказание итти в оружейный склад, взять оттуда и раздать оружие тому, кто еще не имел, затем достать из магазинов необходимые заряды и патроны и тотчас же отправиться на батарею, забить заряды в коронады и заготовить запасные ядра.

Вскоре Биглоу дал знать через свою жену, которая, вся запыхавшись, прибежала к Марку, что на всем видимом пространстве океан покрыт лодками и катамаранами неприятельского флота, и что флотилия находится теперь на расстоянии не более, как в трех милях от острова. Это сообщение, хотя и ожидали с минуты на минуту, привело в ужас маленькую колонию; Марк более всего боялся за свой Риф. Там в настоящую минуту находились только две женщины, и при них не было даже никого, кто мог бы дать им некоторые указания на случай необходимости защиты Рифа от нападения врага. Правда, вся та группа островов была настолько низменна, что с океана их невозможно было видеть, но тут было другое обстоятельство, серьезно осложнявшее этот вопрос. Не проходило недели без того, чтоб та или другая из негрятенок, живших на Рифе, не побывала на Пике; никто не мог сравниться с молодой Юноной в умении управлять парусами, и она непрочь была похвастать этим своим умением. Весьма возможно было ожидать, что уже в данную минуту она находилась в

пути; шлюпка «Дидона» могла считаться во всех отношениях весьма надежным судном, но быстротою хода она похвастать не могла, а это увеличивало еще опасность в том случае, если бы ей пришлось выдерживать преследование индейцев.

Встревоженные этим обстоятельством, переселенцы собрались на вершине Пика, чтобы иметь возможность наблюдать за всем, что происходило в открытом море, и продолжали здесь свои совещания. Только Питерс и Джонс должны были остаться у своих батарей, да Биглоу в качестве часового остался на своем сторожевом посту.

Однако, пребывание людей на голой вершине Пика имело ту невыгоду, что на столь возвышенном и совершенно открытом месте их было ясно видно с моря. Когда наши друзья поднялись на вершину Пика, вражеский флот был уже виден простым глазом, но не это тревожило в данную минуту Марка; он все свое внимание обратил на север, в сторону Рифа. Жена только что сообщила ему, что она ожидает нынче Юнону, а Боб объявил, что в той стороне моря он видит парус; направленная Марком в указанную точку подзорная труба не оставила более на этот счет никакого сомнения; да, то была «Дидона», и часа через два, не позже, она могла быть здесь. Положение было поистине критическое: была в опасности не только шлюпка и бедная Юнона, но это могло разоблачить и вход в потайную бухту, и путь к Рифу. Так как враг был еще далеко, на расстоянии более мили от острова, то Боб предполагал, что он еще успеет на «Бриджит» выйти в море и поспешить навстречу «Дидоне» с тем, чтобы оба судна могли продержаться на ветре до глубокой ночи и затем, смотря по обстоятельствам, или войти в Миниатюрную бухту, или вернуться вновь на Риф. За неимением другого средства Марк был готов согласиться и на это, как Ункус предложил вновь отправиться навстречу черной шлюпке, чтобы предупредить Юнону об опасности и сообщить ей то, что Марк найдет необходимым.

Однако, несмотря на то, что Марк, Боб и Хитон и все присутствующие отлично знали, что уроженцы этих южных морей проводят половину суток в воде и часто по несколько часов плывут в открытом океане, предложение Ункуса показалось всем самоотверженным. Но Питерс, отлучившийся ради необходимости быть переводчиком слов шурина от своего поста на батарею, стал уверять, что Ункус не раз переплывал громадные пространства, отправляясь от одного острова к другому, и что, явись в том надобность, он мог бы легко доплыть даже до Рифа, а не только до этой шлюпки. Другое соображение против было то, что Ункус не знал ни слова по-английски, а Юнона, как девушка чрезвычайно смелая и энергичная, увидя, что незнакомый ей индеец пытается взобраться в ее лодку, начнет, пожалуй, отбиваться от него своим багром. Бриджит, хорошо зная доброе сердце девушки, тотчас же опровергла подобное предположение: напротив, она была уверена, что Юнона, увидя выбившегося из сил в открытом океане человека, сейчас же поспешит принять его на свою шлюпку; кроме того, девушка эта была грамотна, — Бриджит сама когда-то учила ее читать, — и потому ей можно было написать записку с объяснением дела. На этом было решено. Бриджит пошла писать записку, а Ункус стал готовиться в далекий путь. Когда все было готово, Ункус сошел на берег моря, сбросил одежду и, спрятав в свои узлы подобранные на макушке волосы записку, пустился вплавь с привычною уверенностью и проворством.

Проводив Ункуса, Пэгги побежала вместе с мужем на батарею, где его присутствие было необходимо; а Марк, также провожавший юного индейца, вернулся на вершину Пика и с первого же взгляда убедился, что роковой момент уже близок.

В данную минуту главное внимание колонистов обращено было на Ункуса. Он уже выплыл из-под прикрытия прибрежных скал и благодаря необычайной чистоте и прозрачности атмосферы виднелся еще маленькою черной точкой на поверхности океана. Ветер был не особенно силен, и волны не слишком высоки, но океан все же океан, и даже во время полнейшего покоя с ним шутить нельзя.

Тем временем Юнона доверчиво приближалась к Пику, ловко пользуясь ветром. Ункус, с своей стороны, тоже не плошал. Поравнявшись со шлюпкой, он ухватился рукою за корму и, прежде чем Юнона успела заметить его приближение, одним прыжком очутился в лодке. Не успела она открыть рот, чтоб крикнуть, как он сунул ей записку с добавлением слова «Вульто», которое он произнес со всевозможным старанием.

Пока Юнона пробегала глазами записку, Ункус принялся поспешно убирать все паруса, так как это было первое средство скрыть свое присутствие от неприятеля. Как только Марк, с помощью своей зрительной трубы, увидал этот разумный прием, он невольно воскликнул: — Теперь все хорошо! — и с этими словами он проворно сбежал вниз, туда, где было всего удобнее наблюдать за движением неприятельской флотилии.

ГЛАВА XVII

Флотилия Ваальди представляла живописное и величественное зрелище: военные ладьи его все до единой были разукрашены с обычной пестротой, соответствующей вкусу индейцев. Перья, знамена, различные эмблемы войны, могущества и славы красиво развевались на носу каждой отдельной лодки. На индейцах были

надеты самые богатые праздничные наряды. Боевой флот этот двигался в строгом порядке. Туземцы были уже очень близко, и, очевидно, неприступный вид острова приводил их в смущение.

Это было нечто совсем иное, чем остров Ранкокус; там всюду расстилалось пологое песчаное побережье, там можно было пристать и выйти на берег в любую минуту, а здесь море разбивалось о неприступную гранитную стену, на которой волны прибоя не оставляли никакого следа, кроме больших черных и влажных пятен от брызг и пены на скале. Ваальди, за которым зорко наблюдал Хитон, очевидно, раздумывал теперь, какое направление ему избрать и с какой стороны подступить к Пику.

Марку пришло на мысль дать всего хоть один выстрел из орудия; он рассчитывал, что необычайный грохот и раскат от выстрела, а главным образом разные отголоски горного эхо породят панику в войсках Ваальди. После непродолжительного обсуждения этого вопроса было решено испытать это запугивающее средство. Боб Бэкс, которому прекрасно были известны те места, где страшные раскаты эхо были особенно гулки и оглушительны, принял на себя заботу навести орудие в надлежащую точку, чтобы произвести как можно больше шума и треска.

И вот когда Ваальди собрал вокруг себя, очевидно, для совещания, своих военачальников, раздался вдруг, как гром, оглушительный выстрел из орудия. Эхо подхватило звук выстрела, и раскат с страшным гулом начал отдаваться во всех утесах, скалах и ущельях острова; гремящие, как гром, раскаты с грохотом и шумом перекатывались с утеса на утес на протяжении более мили.

Пораженные внезапным ужасом, индейцы долгое время не могли притти в себя и понять случившееся, а потом вдруг со всех сторон поднялся крик: десятки голосов кричали разом, что эта скала заговорила грозным голосом, грозя погибелью им всем, что, очевидно, божества разгневаны на то, что люди дерзнули подступить к их избранному владельцам. И этот крик как будто был сигналом ко всеобщему бегству туземцев; казалось, что люди эти состязаются в том, кому из них скорей посчастливится избежать грозящей опасности. В продолжение более получаса был слышен только плеск весел, погружаемых в воду и подымавших клубы пены и мириады брызг неистовыми ударами по поверхности моря.

Успех выстрела был полный. Пока Марк и Хитон радовались благополучному исходу этого предприятия, с наблюдательного пункта Пика, где оставалась Бриджит, прибежал посол с известием, что «Дидона» приближается к острову и в настоящую минуту находится уже у северного побережья Пика. Теперь необходимо было немедленно выкинуть

условный знак, по которому Юона должна была узнать, можно ли ее судну войти в Миниатюрную бухту. Марк приказал тотчас же подать сигнал; на «Дидоне» тотчас же подняли паруса, и минут двадцать спустя она была уже у пристани.

Благополучное возвращение Юоны чрезвычайно обрадовало всех переселенцев; индейцы, очевидно, не видали шлюпки, и можно было рассчитывать, что они долго не вернутся к Пику, приписав каменный дождь и дым вулкана, неприступность скалы, а также и раскаты эхо, словом, все внешние эффекты места действию какой-то сверхъестественной силы. Ункуса вновь сердечно благодарили, и он, чувствуя себя счастливейшим из людей, поручил своей сестре высказать это своим новым друзьям. Тем временем вся неприятельская армия уже скрылась в юго-западном направлении.

Однако, Марк был почти уверен в том, что если Ваальди останется на острове Ранкокусе, то не пройдет и полгода, как он снова возобновит свои враждебные попытки, а потому теперь же приходилось решить вопрос, что лучше: начать ли, пользуясь первым удачным шагом и суеверным страхом туземцев, наступательные действия и заставить их вернуться на их острова, или же продолжать укрываться за той таинственной завесой, которая скрывала их до настоящей минуты? Вопрос этот был решен скорее силою самих обстоятельств, нежели путем доводов и рассуждений. При тех условиях, в каких находилась в данное время колония, немислимо было и думать о наступательных действиях. К тому же Ваальди располагал слишком многочисленным войском, чтобы его можно было атаковать какому-нибудь десятку смельчаков. Необходимо было дожидаться хотя бы того времени, когда «Друг Авраам» сумеет поразить их зычным голосом своих орудий. Обладая таким внушительным судном, Марк не терял надежды не только разбить наголову Ваальди и заставить его вернуться на свои острова, но, быть может, и совершенно низвергнуть его и возратить власть предводителя на островах Бэтто доброму и честному Урууни.

Итак, прежде всего следовало докончить и спустить на воду судно. Однако, при настоящих условиях даже и это было довольно затруднительно. Отправляя рабочих на Риф, Марк тем самым лишал колонию на Пике содействия этих людей в случае вторичного нападения. Решиться же на морское сражение с наличным составом судов наши переселенцы, конечно, не могли, а следовательно, необходимо было во что бы то ни стало иметь в своем распоряжении судно. Для этого пришлось прибегнуть к такого рода мере: Хитон, Питерс и Ункус должны были остаться на Пике для охранения этого важного укрепления, а Марк со всеми остальными членами колонии переселялся на Риф. Биглоу был отправлен туда несколькими днями раньше, чтобы докончить там еще некоторые необходимые работы.

Десять дней спустя после отступления Ваальди маленькая эскадра Марка, состоящая из пинаса «Бриджит» и йолы¹, вышла в море.

В виду значительного расстояния между Пиком и Рифом, не позволявшего сообщаться обитателям того и другого с помощью каких-либо сигналов, Марк придумал другое средство, которое могло до некоторой степени заменить сигналы. На вершине Пика росло одинокое громадное дерево, чрезвычайно ясно выделявшееся на светлом фоне неба, так что было далеко видно с моря. Было условлено, что как только на Пике заметят приближение Ваальди с войском, Хитон тотчас же срубит это дерево; а Марк с своей стороны должен был ежедневно высылать кого-нибудь в открытое море с тем, чтобы узнавать, стоит ли на своем месте дерево.

Благодаря попутному ветру переезд совершился довольно быстро; подъезжая к Рифу и минув прилегающие к нему острова, Марк не мог налюбоваться успешным произрастанием всех своих посевов. Сократу пришла остроумная мысль: он распустил две-три ивовых корзины и, нарезав из этих еще зеленых прутьев саженьки, посадил в землю; все они, за очень немногим исключением, принялись и теперь уже были почти в рост человека, обещая со временем стать если не особенно полезными, то, во всяком случае, весьма красивыми деревьями. Тут же неподалеку Марк заметил посаженные им самим года три назад кокосовые пальмы, которые теперь достигали уже десяти метров вышины.

Кокосовая пальма — в высшей степени полезное дерево: плод его отличается сочностью, имеет прекрасный вкус и чрезвычайно полезен для здоровья; скорлупа легко поддается полировке и пригодна для выделки красивых чашек и различной домашней посуды; волокна годны для витяя веревок, а листва служит прекрасным материалом для плетенья цыновок, корзин, гамаков, тогда как ствол этого дерева может считаться прекраснейшим строевым лесом: лодки, шлюпки, корыта, желоба и прочее выделываются из этого дерева без особого труда.

Кроме того, Хитон научил Марка еще одному мало известному употреблению кокоса; однажды он угостил свою жену прекраснейшим на вкус блюдом из какой-то зелени; оказалось, что оно было приготовлено из молодых побегов кокосового дерева.

Когда маленькая эскадра пристала к Рифу, остров тотчас же ожил от присутствия счастливых, довольных и дружных между собою людей. Биглоу за дни своего пребывания на Рифе заметно двинул вперед работы по постройке судна, а теперь все дружно и усердно принялись за работу, так что на другой день мог состояться торжественный спуск судна «Друг Авраам Уайт».

Пользуясь последними часами дневного света, Марк предложил своей жене проехаться на «Бриджит» по морю и кстати посмотреть, стоит ли еще на вершине Пика дерево. Благополучно достигнув того места, откуда это дерево было видно, Марк увидел, что оно по-прежнему горделиво высится на своей скале; тогда он, повернув назад, направился обратно к кратеру.

В тот момент, когда, «Бриджит» вошла в канал, ведущий прямо к Рифу, солнце уже совсем закатилось. Марк обратил внимание своей подруги на красивую окраску горизонта, как бы исполосованного огненно-яркими лучами только что закатившегося светила, на чудные луга и многочисленное стадо, мирно покоившееся на берегу канала. Плеск волны, рассекаемой кормою судна, встревожил мирно спавших животных: они вскочили и с ворчливым хрюканьем трусцой побежали в разные стороны.

— Смотри, мой друг, как мы их напугали: все стадо разбежалось! — весело заметил Марк.

— Нет, дорогой мой! Взгляни туда, вон на том конце луга их еще много; там они даже не тронулись с места.

— Не может быть! Наверно, ты ошиблась!

— А разве ты не видишь их вон там, на берегу того канала?

— Во-первых, это вовсе не канал, это залив, а во-вторых... Ах, боже! Да ведь это индейцы, Бриджит!

Действительно, ошибиться было невозможно; то, что молодая женщина приняла за спящее стадо свиной, были головы и плечи человек двадцати индейцев, залегших для того, чтобы удобнее наблюдать за маленькой шлюпкой. При них были и две значительной величины лодки, других же лодок или людей нигде не было видно.

Открытие было чрезвычайно важное. Марк надеялся, что существование Рифа навсегда останется тайной для индейцев; доступ к нему со всех сторон был совершенно открыт и удобен, и оборона этого острова представляла немало затруднений. Беда нагрянула неожиданно; и теперь надо было немедленно принять какие-нибудь меры.

Так как индейцы все равно успели уже заметить судно, тем более, что на нем были паруса, то менять направление было бы бесполезно. Кратер также был отлично виден индейцам; что же касается «Ранкокуса» и строящегося судна, то и они, вероятно, были видны им, хотя, быть может, и не совсем ясно, так как находились приблизительно в двух милях расстояния от того места, где сейчас расположились краснокожие.

¹ Йола — маленькая лодочка у индейцев. (Прим. ред.)

День угасал, когда Марк с Бриджит и ребенком вернулся на Риф. Прошел час после того, как они впервые увидели индейцев. Переселенцы только что кончили свои дневные работы и сели ужинать под палаткой неподалеку от верфи. Не желая нарушать их мирную трапезу, Марк обождал, когда они окончат ужин, и затем, отозвав в сторону Боба Бэтса, сообщил ему важную весть.

— Так уж, верно, нам сегодня ночью придется их ожидать, — заметил

Боб.

— Не думаю, — возразил Марк. — Ведь тот канал, куда они забрались в своих лодках, никоим образом не может привести их к Рифу; им придется вернуться к западной окраине нашего архипелага для того, чтобы выбраться в открытое море и затем отыскать один из тех проливов, которые ведут сюда. Сделать это ночью им, конечно, не удастся, потому что они, наверно, заблудятся в этом лабиринте каналов, проливов и заливов.

— Беда, право, что они нашли сюда дорогу!

— Это действительно беда! Я совсем не ожидал ее; до этой минуты нам с вами, Боб, больше везло, чем кому-либо из всех наших бедных товарищей; быть может, и на этот раз судьба еще будет к нам милостива.

— Вот кстати вы упомянули о наших товарищах: хотите, я скажу вам о них нечто, что я узнал недавно от Джонса? Вы, конечно, знаете, что он долгое время жил среди этих индейцев. Так вот он говорит, что года три тому назад к островам, называемым у них землей Ваальди, пристала шлюпка, в которой находилось семь белолицых. Кто они были такие, этого Джонс не знал, и сам он их никогда не видал, потому что жестокий Ваальди заставлял этих несчастных работать день и ночь; но все же Джонсу удалось собрать кое-какие сведения о них, а также о той шлюпке, на которой они прибыли.

— Неужели вы думаете, Боб, что эти люди — наши бывшие товарищи?

— Да, мистер Марк, я в этом даже убежден; по словам индейцев, на корме шлюпки есть изображение птицы, а ведь вы, наверно, помните, что на нашей шлюпке был изображен орел с распростертыми крыльями? Затем, по слухам, дошедшим до Джонса, один из этих людей имеет красный шрам на щеке; вы, наверно, не забыли, что Билль Броун имел именно такой шрам. По-моему, мистер Марк, это, вне всякого сомнения, наши товарищи.

Марк призвал Джонса и стал подробно расспрашивать его о всем, касающемся тех людей. Джонс рассказал, что половина людей, бывших в шлюпке, погибла от голода прежде, чем они добрались до этой группы островов; что все они представляли собою уцелевшую часть экипажа коммерческого судна, потерпевшего крушение; что человек с шрамом на лице весьма искусен в кораблестроении, и что ему Ваальди поручил изготовить для себя шлюпку, которая не боялась бы ни бури, ни ветров.

Эта последняя подробность подтверждала уверения Боба, так как Билль Броун был корабельным плотником на «Ранкокусе». Все, очевидно, говорило в пользу того, что некоторые из матросов «Ранкокуса» уцелели и что они находились в неволе у предводителя индейцев, грозившего теперь гибелью и всей колонии переселенцев. Но сейчас не время было рассуждать, как освободить этих людей из плена, так как в данную минуту все внимание Марка было обращено на способы самозащиты и на средства обороны Рифа и его обитателей.

ГЛАВА XVIII

Когда весть о приближении индейцев распространилась среди переселенцев, ими вдруг овладел какой-то безотчетный ужас; однако, вскоре все они настолько успокоились, что стали прилагать все свои старания к тому, чтобы обеспечить себе некоторую безопасность хотя бы только на первое время. Кратер со своими неприступными с внешней стороны стенами был естественною цитаделью Рифа. Легче всего, конечно, было отстоять «Ранкокус», но кратер, являвшийся, так сказать, житницей и сокровищницей наших переселенцев, Марк никогда не согласился бы оставить на произвол судьбы.

Слабейшим местом кратера являлся, безусловно, вход; на эту точку направили одно из более крупных орудий «Ранкокуса» с тем, чтобы преградить вход в кратер; со всех остальных сторон кратер спускался отвесными скалами вниз и потому являлся неприступным.

Две коронады были втащены на вершину. Две другие находились на только что достроенном судне «Друг Авраам Уайт», а остальные орудия, кроме трех, отвезенных на Пик, оставались на старом судне.

На «Ранкокусе», в его удобной каюте, остались Бриджит с ребенком и семья Сократа и Биглоу, а в качестве экипажа и защитников этого форта — Биглоу и Сократ. Бобу Бэтсу было поручено командование на кратере, при чем ему был дан в помощники Джонс.

Так как Риф представлял собою остров, то было ясно, что никто не мог приблизиться к нему иначе, как морем, или же посредством того моста, который был перекинут через маленький пролив, отделявший луговину от Рифа. Кроме того, Марк был уверен, что лодки индейцев никоим образом не могут добраться до Рифа раньше рассвета. Но ни Бобу, ни Марку не спалось и они, сойдясь вместе у судна, предпочитали душевную беседу, прислушиваясь в то же время к малейшему шуму, доносившемуся до их слуха.

— Воля ваша, а только мне кажется, что маловато у нас народа, чтобы тягаться с этими негодьями: ведь их-то точно саранча, целая туча налетела; как смотрел я на это войско тогда с Пика, так их, наверное, было до полуторы тысячи, да и судов-то более ста я тогда насчитал.

— Да, правда, Боб, но что нам делать? Если бы даже их было не полторы тысячи, а целых пятнадцать, тогда нам все же пришлось бы вызвать их на бой; ведь в этом все наше спасение.

— Да, да, подражаться надо, а главное, надо их порядком проучить! — воскликнул Боб. — Вот оно, как времена-то переменчивы! Вчера здесь были мир и тишина, а сегодня война, тревога; недавно здесь царило полнейшее спокойствие и беззаботность, а вот теперь суматоха, и страх, и опасения...

— Оохэ!.. Судно!.. — раздался в нескольких шагах от разговаривавших чей-то голос. Эти слова были произнесены на английском языке, да еще с ударением, свойственным только морякам.

Возглас раздался со стороны узенького пролива, отделявшего Риф от луговины, почти с того самого моста, где был перекинут досчатый мостик.

— Что это значит? — воскликнул Боб.

— Мне этот голос как будто знаком, — возразил Марк, — мне кажется, что я его узнал... Оохэ!.. Кто окликает «Ранкокус»?

— Как! Это судно — «Ранкокус»?! — воскликнул голос.

— Да, «Ранкокус», а вы не Билль Броун, корабельный плотник?

— Он самый! Да это никак мистер Вульстон! Ведь я вас узнал по голосу. Не можете ли вы мне указать, как пробраться через этот пролив?

— А вы одни, Билль Броун? Кто еще с вами?

— Нас двое: Джим Уаттельс и я; нас было девять человек на шлюпке, но Хильсон и наш матрос умерли с голода в пути, а семеро из нас остались живы.

— Тут с вами нет никого из темнокожих?

— Нет никого! Мы им откланялись уже часа два назад: как только мы увидели мачты судна, то сговорились тотчас же удрать от них. Сейчас вам нечего их бояться, а завтра поутру вам того не миновать! Теперь примите нас на ваше судно, мистер Вульстон, сжальтесь над беднягами, примите прежних своих товарищей, вызвольте из беды!

Марк, не задумываясь, указал пришельцам то место, где находился мост. Вновь прибывшие старые матросы «Ранкокуса» были действительно одни. Марк тотчас же свел их в палатку и предложил им поужинать.

Рассказ матросов во всем согласовался со сведениями, полученными Марком от Джонса. В последнее время Билль Броун настолько сумел завладеть расположением свирепого Ваальди, что тот позволил ему сопровождать его в походе вместе с Джимом Уаттельсом, считавшимся его помощником в качестве корабельного подмастерья.

Броун и Уаттельс находились в одной лодке с Ваальди в тот момент, когда с Пика вдруг раздался пушечный выстрел, так поразивший всех краснокожих. Даже Броун и тот не сразу сообразил в чем дело, а потом понял, что белые дали выстрел из орудия, при чем воспользовались для своих целей и горным эхо. Будучи в душе сторонником тех неизвестных бледнолицых, он умолчал о своей догадке и задумал направить Ваальди в противоположную сторону от Пика. Имея некоторое представление о направлении тех рифов, о которые разбился «Ранкокус», он решил завести его в эту сторону, рассчитывая здесь найти необходимый материал для сооружения хотя бы небольшого судна. Таким путем он рассчитывал вырваться из рук краснокожего тирана.

Ваальди, прельстившись добычей от остатков большого судна, на другой же день поутру вышел в море со своим флотом. Вскоре они достигли Пика, а двадцать четыре часа спустя уже очутились под ветром у Рифа. Эта удача наполнила сердце честолюбивого завоевателя Ваальди гордостью и радостью. Здесь не было ни неприступных скал, ни тех таинственных, грозных утесов, и ничто, очевидно, не могло здесь служить преградой его завоевательным целям. Правда, природа этих мест не представляла ничего заманчивого: повсюду виднелись лишь голые скалы, песчаные мели, да залежи морской соли; но при всем том он здесь надеялся на нечто лучшее.

Главная честь открытия земли в этом направлении принадлежала Броуну. Ваальди с этой минуты во всем следовал исключительно его советам и указаниям; по его мнению, надо было плыть вдоль всей линии острова до тех пор, пока не найдется удобного места для стоянки, чего-нибудь в роде гавани или порта для всей его флотилии. Согласно этому плану, лодки индейцев вошли в первый достаточно обширный залив, и так как тут же была большая песчаная мель, по которой протекали ключи пресной воды, то индейцы и решили расположиться здесь лагерем на всю ночь. Затем Броун предложил Ваальди послать на рекогносцировку две самых ходких лодки, что и было исполнено. Именно этих-то людей, отправленных на разведки, и видел Марк со своей шлюпки, что и послужило ему своевременным предостережением.

Но замечательнее всего было то, что Броуну ни разу даже в голову не приходило, что эти мачты, которые он видит там вдали, могли быть мачтами их бывшего судна «Ранкокуса». Для них довольно было

знать, что тут, наверное, они и встретят белых. И едва только Броун и Уаттельс успели убедиться в том, что индейцы, посланные на разведку, попали не туда, куда им было надо, а заблудились среди этих бесчисленных проливов и заливов, так что не могли двинуться дальше, как они тотчас же приняли решение бежать и укрыться у обитателей кратера. Они, понятно, рассчитывали встретить прекрасно вооруженное судно, вполне снаряженное и готовое в каждую минуту выйти в море при первом же известии о грозившей ему опасности.

Узнав от Марка в свою очередь о настоящем положении судна и о средствах обороны, имеющихся теперь в распоряжении колонии, они как будто приуныли и опечалились. Кроме того, и Марк, и Боб заметили, что они были очень высокого мнения о военных талантах и способностях индейского вождя.

Броун сообщил Марку, что число воинов, сопровождавших Ваальди, едва ли простирается свыше девяносто человек. Затем он предостерег Марка, сообщив, что Ваальди имеет в своем распоряжении и кое-какое огнестрельное оружие, а в том числе и одну четырехфунтовую пушку, но что снарядов к ней всего лишь только три. К тому же, по совести говоря, Броун знал, что ядра эти большого вреда принести никому не могут, так как обращаться с орудием и навести его надлежащим образом индейцы не умели. Узнав о том, что судно уже почти готово, с минуты на минуту может быть спущено на воду, Броун стал упрашивать Марка разрешить ему тотчас же приняться вместе с Биглоу за работу, с тем, чтобы спустить судно теперь же, до рассвета. Все необходимое, в том числе даже съестные припасы и вода, уже имелось на «Аврааме»; спустить его намеревались с полной оснасткой и всеми парусами, так что, раз очутившись на воде, судно это становилось весьма значительным пособником при обороне, а на плохой конец оно могло стать и убежищем для всех переселенцев. Раз выбравшись в открытое море, они могли быть в полной безопасности от преследования Ваальди и всего его флота.

Но Марк Вульстон смотрел на это дело иначе. Прежде всего он очень любил Риф, где столько выстрадал и столько пережил. Дорог был ему также и старый «Ранкокус»; отдать его индейцам, и отдать без боя, он никак бы не решился. Решено было предпринять спуск судна с рассветом. Дело было немаловажное, и в ночной темноте легко могло случиться несчастье или недосмотр, который мог вконец испортить все дело. Приняв затем все меры предосторожности, защитники Рифа отправились на покой, а женщины были расставлены в качестве часовых: одна — на вершине кратера, другая же — на судне.

Едва только забрезжил день, как все население Рифа уж было на ногах. За ночь ничего не случилось. Лишь только Марк с вершины успел убедиться, что неприятель еще далеко, он тотчас же распорядился спуском судна «Друг Авраам Уайт». Двух часов было вполне достаточно, чтобы успеть окончить все необходимые работы; тем временем никто на Рифе не сидел без дела, не исключая и женщин: одни из них занялись приготовлением завтрака, другие усердно подвозили на тачках и тележечках необходимые снаряды, складывая их подле орудий, а Боб заряжал их одно за другим.

Для большей надежности Марк вздумал преградить вход в кратер сетями, которых на «Ранкокусе» имелось очень много и с помощью которых он мог надеяться удержать индейцев от вторжения в долину кратера.

Работа эта живо была исполнена, затем все обитатели Рифа собрались к завтраку. «Авраам» был уже совсем готов, но все еще не спущен на воду; некоторых это обстоятельство немало волновало. Марк, однако, объявил, что спешить спуском не было никакой надобности, так как неприятельских лодок еще не видно на горизонте. Все, кроме тех, кто находился на сторожевых постах, сидели за завтраком в палатке, которая была раскинута около верфи, вблизи моста, соединявшего Риф с большою луговиной, служившей пастбищем скоту.

Позавтракав в каюте на «Ранкокусе» вместе с женой и ребенком, Марк едва только успел вернуться в палатку, как вдруг воздух огласился страшными криками, и банда туземцев выбежала из-за расщелины скалы на луговину и устремилась к кратеру.

Однако, Марк не растерялся; он тотчас же призвал Джонса и Биглоу и приказал им снять скорее мост, что было тотчас же исполнено, так что осаждающие оказались отделенными от кратера проливом: хотя для островитян этих южных морей было бы сущей безделицей переплыть пролив, все же ими вдруг овладело какое-то смущение; повидимому, они не предполагали существования здесь пролива и потому бежали к верфи напрямик.

В этот момент Ваальди дал залп из всех имевшихся у него ружей. И в то же время с пироги, являвшейся плавучей батареей, раздался пушечный выстрел, не оказавший никакого действия, кроме пустого шума.

Теперь черед остался за переселенцами. При первых звуках тревоги все они кинулись к оружию и в мгновение ока все, в том числе и жен-щины, уж были на своих местах.

Находившаяся на корме судна пушка, заряженная крупною картечью, была наведена так, чтобы преградить доступ к мосту, а две другие коронады на вершине были направлены на луговину, как раз туда, где теперь толпилась масса индейцев. Сам Ваальди был во главе своих воинов; теперь он, очевидно, отряжал уже людей, которые должны были вплавь перебраться на Риф. Защитникам нельзя было терять ни минуты. Юнона, держа в руках дымящийся фитиль, стояла у затравки пушки, на корме «Ранкокуса»; Дидона с таким же

фитилем ждала условного знака у коронады на вершине кратера. Марк подал сигнал, и выстрел прогремел; картечь ударила в кучку толпившихся на берегу индейцев; одни из них упали замертво, другие получили раны; в тот же момент один молодой вождь кинулся вплавь через пролив, с пронзительным криком, воодушевляя им своих товарищей; его примеру последовало еще около сотни молодых воинов.

Марк снова подал знак, и негритянка невозмутимо поднесла дымящийся фитиль к запалу; раздался новый выстрел; и на этот раз снаряд попал в самую середину толпы осаждающих, из которых оказалось много убитых и очень много раненых. Ваальди понял, что наступил критический момент; он сам рванулся вперед и одним мановением руки двинул вперед толпы своих воинов; сотни пловцов кинулись в воду, а он все еще не переставал возбуждать их и голосом, и жестами.

Переселенцы все до одного были на своих постах; Джонс и Биглоу стояли на палубе «Авраама», две коронады судна были наведены на ту же луговину. Очевидно, этот пункт должен был стать главным театром сражения, так как луговина была ближайшим к рифу островом, и только оттуда можно было подойти к кратеру почти по суше. Между тем Марк, в сопровождении двух хорошо вооруженных людей, изображал собою резервный корпус своей армии, который, по мере надобности, переносил свои действия с одного боевого пункта на другой. При виде грозной толпы индейцев, запрудившей почти весь пролив между рифом и луговиной и готовой с минуты на минуту достигнуть берега и кинуться на кратер, Марка вдруг осенила блестящая мысль: ведь «Авраам» был готов и мог быть спущен в любой момент. Подставы еще поддерживали киль судна; как только их выбьют, судно двинется вперед; Марк и Броун стояли как раз около подстав. Марк командовал: — Вали подставу, руби канаты! Эй, вы, там, берегитесь! Мы вас спускаем в воду! — С этими словами он сам схватился за подставу, подле которой стоял, и свалил ее.

Едва успел он выговорить последние слова, как «Авраам» колыхнулся. Все переселенцы приветствовали первое его движение громкими радостными возгласами, и в тот же миг «Авраам», с плеском и шумом рассекая волны, врезался в самую среду ошеломленных и напуганных пловцов и преградил им путь к берегу Рифа. Одновременно с этим Биглоу и Джонс открыли огонь из обеих коронад «Авраама», и под свистящими ударами градом рассыпавшейся кругом картечи все водное пространство вокруг запенилось и забурлило.

Этот маневр решил исход битвы. Поражение индейцев было полное. Все воины Ваальди, как обезумевшие, кинулись к бухтам, где они оставили свои пироги, между тем как пловцы, ныряя и топя друг друга, спасались кто как мог. Тем временем, не теряя ни секунды, колонисты тотчас же поспешили причалить судно обратно к берегу при помощи каната, и Марк с Броуном и Уаттельсом вошли на судно; на «Аврааме» образовался экипаж уже из пяти опытных моряков, умевших прекрасно управлять судном. Боб остался главнокомандующим на Рифе, во главе остальных боевых сил колонии. Для установки парусов потребовалось лишь две минуты, и «Авраам» двинулся в бой, направляясь к тому месту, где Ваальди сумел уже собрать вокруг себя главные силы; то был достаточно широкий морской проход, в котором можно было маневрировать даже и большому судну. Однако, Марк в тот момент был далек от мысли атаковать врага и сначала удовольствовался тем, что проделал различные предварительные маневры, во время которых экипаж непрерывно обстреливал индейцев. Выстрел за выстрелом следовал с необычайной быстротой. Индейцами овладел панический ужас, и всей силы и авторитета Ваальди оказалось недостаточно для того, чтобы остановить всеобщее смятение. Осторожность требовала от Марка, чтобы он не очень теснил своих врагов до той минуты, пока они не выйдут в открытое море, а потому он решил преследовать их на некотором расстоянии; пока «Авраам», подгоняемый ветром, плавно шел на своих парусах, индейцы принуждены были без отдыха работать своими длинными веслами. Их паруса, сотканые из кокосовых волокон, были весьма неплотны и не представляли собою достаточного сопротивления ветру, а потому мало могли способствовать скорости хода; вот почему их лодки в этом отношении, конечно, не могли соперничать с «Авраамом». Выбравшись, наконец, в открытый океан, Ваальди полагал, что здесь погоня должна прекратиться, но оказалось, что теперь только она и начиналась.

Нагнав три лодки, богаче разукрашенные, Марк захватил их в плен вместе со всем экипажем; в числе пленников оказался, между прочим, и один юный воин, в котором Биль Броун и Уаттельс тотчас же признали любимого сына Ваальди. Добыча оказалась чрезвычайно удачной, и Марк решил ею воспользоваться как можно лучше. Выбрав одного из своих пленников, он послал его к Ваальди с предложением обмена пленников. С помощью Броуна и Уаттельса Марку не трудно было вести переговоры с индейцами, так как за три года своего плена эти матросы прекрасно изучили родной язык островитян.

Ваальди не сразу согласился довериться честности своих победителей. Однако, родительское чувство взяло верх, и вождь индейцев явился на судно. Перед Марком стоял теперь его противник. То был бесспорно умный, хитрый индеец. Он предложил было для выкупа и лодки, и одеяния из цветных перьев, китовые зубы — вещи, весьма ценные для этих народов; но не такого выкупа требовал Марк; в обмен он требовал пятерых своих товарищей, бывших в плену у индейцев; в противном случае он грозил возобновить против индейцев военные действия.

В душе Ваальди происходила сильная борьба, ему очень не хотелось упустить из своих рук бледнолицых пленников, но любовь к сыну взяла верх.

После двухчасовых переговоров и препирательств, всевозможных хитростей и изворотов между двумя воюющими сторонами был заключен такого рода договор: «Авраам» будет сопровождать индейский флот до группы островов Бэтто; по прибытии Ваальди должен будет послать кого-нибудь из своих приближенных за пятью матросами, а сам остаться на судне «Друг Авраам Уайт» до той минуты, пока не состоится обмен пленными. Хитрый Ваальди хотел включить в этот же договор еще пункт, обязывающий колонистов содействовать намерениям вождя низвергнуть окончательно ненавистного соперника его Урууни (последний был скорее лишь временно принижен, чем покорен). Марк, конечно, отказался принять на себя такое обязательство. Все граждане Кратера и Пика были гораздо более расположены оказать Урууни посильную поддержку, нежели содействовать его окончательной гибели. Марк даже намеревался лично увидеться с этим благородным изгнанником перед своим отплытием с островов Бэтто.

Пускаясь в путь вслед за индейским флотом, Марк, вероятно, не смог бы даже известить свою жену о своем отъезде на дальние острова, если бы ему в этом не помог заботливый Боб Бэтс.

Заметив, что «Авраам» скрылся из вида под ветром, Боб поспешил снарядить «Нэшамони» и издала последовал за «Другом Авраамом Уайтом», рассчитывая в случае беды быть ему чем-нибудь полезным. В тот момент, когда уже договор был заключен. Боб подошел к судну и, повидавшись с Марком, успел получить от него все сведения.

ГЛАВА XIX

Прошло дня три прежде, чем «Друг Авраам Уайт» и флот Ваальди очутились в виду островов Бэтто. Лодки индейцев возвратились к своим обычным стоянкам, а «Авраам» остался в открытом море. На следующий день на судно прибыли пленные: Диккинсон, Харрис, Джонсон, Эдварде и Брайт. Индейский вождь с большою неохотой расставался со своими пленными, которыми он чрезвычайно дорожил как людьми, от которых можно было многому научиться. Вместе с тем такое усиление экипажа «Авраама» делало это судно немалой силой в этих морях.

Двенадцать матросов, все сильных, ловких и здоровых парней, привычных к делу, да еще две исправных коронады и шестифунтовая пушка с большим запасом снарядов представляли действительно такую силу, с которой туземным племенам приходилось считаться. Ваальди понял это с первого же раза и потому вторично сделал попытку заручиться содействием переселенцев против Урууни. Хитрый индеец предложил Марку взамен ожидаемой от него поддержки признать остров Ранкокус собственностью белых. Марк поблагодарил своего нового «приятеля» за щедрый подарок, но при этом заметил, что остров Ранкокус он давно считает собственностью колонии. Марк предупредил Ваальди, что если он посмеет предъявить на Ранкокус свои права, то колонисты вытеснят его силою своего оружия даже и с этих островов. Вследствие такого рода переговоров Марк и Ваальди расстались не совсем дружелюбно. Затем Марк начал обсуждать с товарищами настоящее положение дел. Джонс хорошо знал Урууни, с которым он прожил довольно долго до того времени, когда этот честный вождь был побежден своим соперником. Все признали необходимой поездку Джонса к Урууни.

Часов шесть спустя Марк имел удовольствие принимать у себя благородного Урууни. Марк в теплых, сердечных выражениях благодарил индейца за его радушие и гостеприимство по отношению к его жене, сестре, Бобу и другим его единоплеменникам и предложил ему свою помощь и содействие в случае надобности.

Почти все присутствующие матросы знали Урууни если не лично, то по слухам за человека честного и добродушного. Тут же на юте и состоялось совещание, на котором обсуждали все нужды Урууни и все грозившие ему опасности, при чем разбирали взаимные соотношения отдельных островов между собою. Хотя значительная часть населения примкнула в момент переворота к энергичному и предприимчивому Ваальди и тем содействовала его возвышению, но теперь большинство уже раскаивалось в своей ошибке.

В группе островов Бэтто был один главный остров, служивший центром для всех остальных островов. Урууни родился и жил там всю свою жизнь до того момента, когда Ваальди удалось изгнать оттуда его и всю его семью и запугать злополучное население этого острова угрозами и казнями. Эти люди большею частью против воли должны были признавать в нем своего вождя и повелителя. Если бы Урууни теперь вновь удалось овладеть этим островом, то одного этого было бы уже вполне достаточно для того, чтобы уравнивать шансы двух враждующих вождей и даже вполне обеспечить преобладание Урууни до тех пор, пока он будет находиться под покровительством переселенцев.

Прежде всего Марку хотелось, если возможно, избежать в этом деле кровопролития, и потому он решил более всего действовать страхом и угрозой. С этою целью он подошел на расстояние пушечного выстрела к главной крепости Ваальди и предложил ей сдаться, а командиру гарнизона приказал не только немедленно очистить крепость, но и совершенно удалиться со своими людьми с этого острова.

Предложение это было встречено самым решительным отказом. Но у Марка имелся довольно веский аргумент. В то же время Урууни высадился на берег; при его появлении все тайные и явные приверженцы его схватились за оружие как один человек; заранее уверенные в поддержке грозного судна, они мгновенно образовали вокруг своего бывшего вождя такую военную силу, с которой он легко бы мог побросать в море сторонников Ваальди. Но тем не менее эта горсть людей оказала самое энергичное сопротивление до той минуты, покуда Марк не дал по ним меткого выстрела из своего шестифунтового орудия. Картечь, пробив ограду крепости и, к счастью, не ранив никого, наделала много шума и произвела страшный переполох в крепостном гарнизоне, после чего начальник крепости послал Марку пальмовую ветвь в знак покорности. Весть об этой победе Урууни произвела громадное впечатление на всех островитян, так что менее чем в двое суток прежний вождь получил прежнюю силу и власть, и свержение Ваальди произошло почти без всякого кровопролития.

Со дня начала военных действий на Рифе прошло уж около недели, и так как Марк знал, что о нем беспокоятся дома, то он не воспользовался любезным приглашением погостить подольше на островах Бэтто. Убедившись, что эта группа островов изобилует очень редким сандалным деревом, Марк воспользовался случаем и заключил с туземцами договор, в силу которого те обязывались вырубать и поставлять на берег известное количество этого дерева. По истечении трехмесячного срока «Друг Авраам Уайт» должен был зайти сюда вновь и забрать этот груз. Покончив с этими делами, «Друг Авраам Уайт» отплыл в обратный путь.

С Рифа «Авраама» увидели почти за час до того, как он вошел в порт; все обитатели Рифа вышли навстречу победителям и шумно приветствовали их возвращение.

Счастливая успехом колония могла теперь надеяться на полное спокойствие и безопасность в будущем.

Однако, с присоединением еще пяти матросов, составлявших некогда часть экипажа «Ранкокуса», положение колонии значительно изменялось, и у Марка явился вопрос о том, каковы теперь его обязанности в отношении к его судовладельцам.

Для обсуждения этого важного вопроса он решил вновь собрать совет, и с этой целью на другой же день поутру, забрав с собою всех своих матросов и почти всех переселенцев мужского пола, Марк вместе с женой и ребенком отплыл на Пик.

Спустя шесть часов «Друг Авраам Уайт» входил уже в Миниатюрную бухту. После взаимных приветствий и радостных поздравлений вновь прибывшие матросы ознакомились со своими новыми товарищами; четверо из них, в том числе Билль Броун, тут же записались в постоянные члены колонии и были приняты в число сограждан Рифа, так как они имели желание провести остаток своих дней в этом благословенном краю. Остальные трое обязались на известный срок остаться на службе у Марка с тем, чтобы по прошествии этого срока им было предоставлено право вернуться вновь на родину.

На совете Марк изложил свои сомнения относительно судна. Долгое время он думал, что «Ранкокус» навсегда прикован к месту; со времени последнего землетрясения он очутился в яме, где под ним едва хватало воды. Но присутствовавший при спуске «Ранкокуса» Боб знал, что его осадка равняется всего пяти метрам, а Билль Броун брался дать судну еще от шести до семи метров воды для того, чтобы вывести его из западни.

Раз являлась возможность вывести «Ранкокус» в море, отсюда сам собою вытекал вопрос: не следовало ли теперь вернуть это ценное судно тем, кому оно принадлежит? Но кому? Хотя Авраам Уайт и его компаньоны были давно уже вознаграждены за свои убытки страховой премией, но теперь на «Ранкокус» имели неоспоримое право страхователи. Нагрузив здесь судно сандалом и обменяв его в Кантоне на груз чая, можно было получить такие барыши, которые могли с избытком покрыть все затраты и расходы на судно.

Однако, Марк не хотел расстаться с мыслью о дальнейшем существовании и процветании основанной им колонии, и потому перспектива покинуть эти края на целые двенадцать месяцев, а может быть, и более страшила его. Он сознавал, что если он и Бриджит с ребенком уедут, то остальные разбредутся в разные стороны, полагая, что они более не вернуться, и столь успешно начатое им дело колонии рухнет неизбежно.

Решено было сделать прежде всего попытку извлечь судно из его тесного места заключения, а затем уже обсудить и дальнейший образ действий. Одновременно с этим решением к Урууни и Ваальди были посланы весьма ценные для них подарки, в роде стеклянных бус и ожерельев, ножей, топоров и тому подобных вещей, составлявших часть груза «Ранкокуса»; взамен этого колонисты просили их вновь распорядиться заготовкою возможно большего количества сандала. Для выполнения этого поручения были посланы Боб и Джонс на «Нэшамони». По исполнении возложенного на них поручения они немедленно вернулись на Риф, где их помощь была нелишняя для работы на «Ранкокусе».

Хитон и Ункус остались на Пике для охраны этой части колонии и для работы на лесопильне, а все остальные мужчины вернулись на Риф, где тотчас же приступили к работам на судне. Очистив трюм от всего, что там было свалено, наши колонисты перетащили на берег все бочки и боченки с пресной водой, которые служили вместе и балластом для судна. Когда весь этот груз был удален с корабля, наши приятели с радостью убедились, что судно поднялось, а после того, как с «Ранкокуса» были сняты все остатки парусов, снастей и мачт, его корпус подняло еще больше. По прошествии недели дело с выгрузкою и уборкой всего, что можно

было снято с судна, уже значительно двинулось вперед и подходило к концу. Однажды под вечер, во время прилива подул сильный и свежий ветер, и Марк решил воспользоваться им для того, чтобы вывести «Ранкокус» из его тесного бассейна. И вот, при громких кликах радости всех присутствовавших, судно колыхнулось и тронулось вперед; первый трудный шаг был сделан, и всем было ясно теперь, что нелегкая задача переселенцев увенчалась полным успехом.

В тот же день «Ранкокус» подвели к берегу, и он стал на якорь так же надежно, как если бы находился у набережной порта в Филадельфии. Затем колонисты приступили к конопатке судна и принялись подчищать и починять его паруса, мачты и снасти. Все было приведено в должный порядок; не забыты были и пресная вода и съестные припасы, и всякого рода инструменты и орудия. Оставалось только позаботиться выбором экипажа. Боб давно уже успел вернуться с вестью, что туземцы на самом берегу главного острова заготавливают громадное количество сандала, и по прошествии месяца «Ранкокус» может принять свой груз и плыть в Кантон.

Понятно, что в число экипажа прежде всего попали те трое матросов, которые высказали желание вернуться на родину, а именно: Джонсон, Эдвардс и Брайт; Боб был назначен старшим помощником капитана, а Биглоу — младшим. Билль Броун остался комендантом на Рифе, Уаттельс пожелал остаться с ним, но Диккинсон и Харрис, хотя намеревались вернуться в колонию, все же непрочь были отплыть на судне. Подобно Биллю Броуну, они также мечтали о женитьбе; разница была лишь в том, что Броун поручил Марку выбрать для него подходящую во всех отношениях невесту, а Диккинсон и Харрис предпочитали избрать себе жен по своему личному вкусу. Только один Уаттельс совсем не высказался по этому поводу.

Пока готовились к отплытию, в среде переселенцев состоялся еще один счастливый брак: Ункус соединил свою судьбу с судьбою Юоны; он построил хорошенькую хижинку на Пике и зажил очень счастливо своим хозяйством.

Настал момент отъезда. Бриджит долго рыдала в объятиях своего мужа; Марта, повидимому, спокойно рассталась с Бобом, но на душе у ней было также нелегко.

С рассветом «Ранкокус» вышел в море; Броун и Уаттельс сопровождали его на «Нэшамони» до группы островов Ээтто. Тотчас же по приезде на остров Марк попросил Урууни созвать всех своих старшин, данников и в присутствии жрецов торжественно воспретить всякого рода общение с переселенцами в течение года. По прошествии этого срока Марк обещал снова вернуться к ним с многочисленными и ценными подарками.

Нагрузив изрядное количество сандала и получив от Урууни восемь ловких, способных индейцев в состав экипажа «Ранкокуса», Марк пошел в Кантон. Пятьдесят дней спустя «Ранкокус» входил в порт города Кантона, где без труда выгодно продал свой груз, после чего, забрав груз чая, он остался с крупным барышом. Как раз в это время продавался небольшой американский бриг. Марк приобрел его за весьма сходную цену, нагрузил всякими полезными товарами и провиантом, в том числе несколькими английскими коровами, богатым запасом железа, снарядов и разного рода оружием. Бриг этот оказался очень быстроходным и легким судном; киль его был обит медью, хотя и не новой, но достаточно прочной. Вооружен он был десятью шестифунтовыми пушками и обладал вместимостью в двести тонн. Все бумаги его были в полном порядке, а назывался он «Сирена». Конечно, Марку пришлось бы отказаться от этой покупки, если бы ему не посчастливилось встретиться в Кантоне с одним из своих прежних друзей, который женился здесь на англичанке и был поставлен поэтому в необходимость отказаться от морской службы ради спокойствия своей жены.

Приятель этот, по фамилии Саундерс, был всего года на три старше Марка и отличался прекраснейшим характером. Узнав историю вновь образовавшейся колонии, Саундерс захотел стать ее гражданином и предложил набрать экипаж из американцев, как и он, очутившихся без дела в данный момент. С ними он брался довести «Сирену» до Рифа. Порешив на этом, «Сирена» ушла в море накануне того дня, когда «Ранкокус» вышел из Кантона в Филадельфию. Биглоу перешел на «Сирену» в качестве старшего помощника командира, а вместе с тем и лоцмана. Его место на «Ранкокусе», по приглашению Марка, занял другой молодой офицер.

День прибытия «Сирены» на Риф был великим событием для всех переселенцев, и так как, согласно распоряжениям Марка, это новое судно не должно было отлучаться из колонии до конца года, то присутствие судна столь внушительных размеров могло служить переселенцам гарантией полнейшей безопасности.

Нет надобности останавливаться на всех подробностях плавания «Ранкокуса». Довольно сказать, что он в надлежащее время вошел еще раз в Делавар, к немалому удивлению всех заинтересованных в нем лиц. Авраама Уайта в это время уже не было в живых, и все товарищество судовладельцев распалось; однако, право собственности на это судно по закону перешло к страховщикам. К ним-то и явился по своему приезду Марк с подробным отчетом обо всем случившемся. Привезенный чай ему удалось продать очень выгодно, о чем он также сообщил страховой компании, которая, обсудив это дело, решила, по вычете суммы, равной сумме выплаченной ею страховой премии, и следуемых ей с нее процентов, самое судно и остаток суммы, вырученной Марком от продажи груза, предоставить добросовестному и честному капитану Вульстону в полное его владение в благодарность за оказанные им обществу услуги. Не только вся его семья встретила Марка с

распростертыми объятиями, но и сам доктор Ярдлей переменил о нем свое мнение и соблаговолил протянуть ему руку в примирение. Вслед за тем Марк приступил к разным приготовлениям для скорого отплытия на остров Кратера, который он с Бриджит втайне решили сделать своим основным местопребыванием, предпочитая его всем красотам Пика. На кратере Марк прожил столько тяжелых дней, дней одиночества, отчаяния и муки, что он невольно стал как-то особенно близок обоим супругам.

ГЛАВА XX

В числе знакомых Марку людей был один молодой человек, по фамилии Пэннок; женившись очень рано, он успел стать отцом троих детей; человек весьма небогатый, он уже не на шутку начинал ощущать в своем домашнем обиходе бремя многочисленной семьи. Пэннок был прекрасный фермер, человек очень работящий и смолоду привыкший к труду.

Марк в минуту откровенной беседы предложил ему ехать вместе с собою, захватив также и семью, состоявшую из жены, троих детей и двух его сестер, молодых девушек. После некоторого размышления Пэннок принял предложение.

Марк поручил ему вербовку добровольных переселенцев для формирования экипажа, а сам занялся закупкой всего необходимого и приготовлениями к скорейшему отплытию в обратный путь. Двое братьев Марка — Чарльс и Абрам Вульстон — также выразили желание переселиться на остров; кроме того, к ним присоединились еще пятьдесят других эмигрантов. Все это делалось под величайшим секретом, с целью не привлекать общественного внимания на новую колонию, потому что это могло пагубно отозваться на ее процветании и благосостоянии.

По прошествии некоторого времени «Ранкокус» снова ушел в море с полным грузом разнообразного товара. Между прочим, он вез немалое количество всякого рода орудий и инструментов, множество различных семян, штук шесть коров и несколько пар улучшенной породы свиней, двух кобылиц и запряжку волов; всевозможные тележки, тачки и т. п. также имелись здесь в значительном количестве. Кроме того, он вез большой запас железных прутьев, брусьев, гвоздей всякого сорта и других металлических изделий и, наконец, несколько тысяч долларов, преимущественно мелкой медной монетой. Кроме того, и все переселенцы везли с собою в большем или меньшем количестве звонкую монету. В трюме был сложен значительный запас строевого леса, а магазин был полон вооружения для «Ранкокуса». Марк приобрел еще четыре полевых орудия небольшого калибра, две трехфунтовых пушки, две гаубицы двенадцатифунтового калибра, с лафетами, и несколько дальнобойных орудий.

Помимо артиллерии, Марк вез с собою еще двести штук мушкетов и пятьдесят пар пистолетов. Однако, наибольшее значение Марк придавал не столько предметам, сколько людям, которых он увозил с собою на Риф. Все до единого переселенцы принимались им с большим разбором; при этом особое внимание было обращено на нравственные качества каждого человека. Кроме того, Марк позаботился и о том, чтобы в числе переселенцев были представители различных профессий, и, главным образом, разный ремесленный и мастеровой народ: плотники, каменщики, слесари, сапожники, портные и тому подобное. Почти все они были люди семейные, за исключением нескольких молодых людей и девушек, братьев или сестер кого-либо из эмигрантов. Все пространство между деками было предоставлено в распоряжение переселенцев, число которых достигало двухсот семи человек, не считая детей.

Судно находилось уже сто шестьдесят дней в море, считая в том числе два дня стоянки в Рио-де-Жанейро, и все с нетерпением ожидали окончания плавания; некоторые даже опасались, что капитан не достаточно хорошо знаком с этими морями, чтобы отыскать острова, о которых он говорил им; однако, в существовании этих островов никто не сомневался. Но вот находившиеся на судне краснокожие стали вдруг уверять, что они чувствуют близость земли; это уверение подействовало успокоительно на всех.

Вскоре после того, около полудня, Марк взшел на палубу с своим квадрантом и немного спустя объявил о результатах своих наблюдений; по его мнению, их судно должно было вскоре войти уже в воды Кратера. Одно из многочисленных морских течений отнесло их немного дальше к северу, чем он предполагал; по его вычислениям выходило, что они теперь находятся всего в тридцати милях на север от желанных островов. Это известие было встречено всеобщими криками радости и восторга. Но часа три спустя матрос, стоявший на вахте, объявил, что земли еще не видно. Страшное подозрение проснулось на минуту в душе Марка: неужели новое конвульсивное движение недр земли поглотило опять все то, что оно так недавно вызвало к жизни? Но вот сверху кто-то крикнул:

— Парус! — а уже час спустя оба судна были настолько близко друг от друга, что с помощью зрительной трубы прекрасно можно было различать предметы.

— Это «Сирена»! — воскликнул Марк. — Но что она здесь делает, на ветре у островов?

— Быть может, это готовится для нас торжественная встреча, — заметил Боб. — Теперь как раз то время, когда они должны нас ожидать, и я готов побиться об заклад, что ваша супруга и Марта пожелали выехать навстречу своим мужьям.

Слова эти вызвали невольную улыбку на устах Марка, продолжавшего между тем свои наблюдения.

— Там, на «Сирене», творится что-то странное. Взгляни же, Боб, ведь она рыскает из одной стороны в другую, шатается и кренится, как хмельной матрос! Как видно, там никого нет у руля!..

— Да, да, смотрите, как парус-то полощет!

— Да что же это такое?!

Марк с озабоченным лицом расхаживал теперь взад и вперед по палубе, приостанавливаясь лишь по временам, чтобы взглянуть на постепенно приближавшееся судно.

Оно теперь было уже на расстоянии не более одной мили от «Ранкокуса».

Вдруг Марк позвал к себе Боба, чтобы отдать приказ снять койки. Это сигнал ужасной, решительной минуты перед сражением.

— Все наверх и по местам! — вдруг крикнул Марк. Все бывшие на судне всполошились, забегали, готовясь к сражению; откатывали орудия, заготавливали снаряды, ядра. Тем временем «Ранкокус» подошел к «Сирене» на расстояние пушечного выстрела; теперь уже можно было ясно видеть, что творилось на «Сирене». Никто из присутствовавших не мог понять столь странных эволюций брига. Очевидно, там имели намерение уменьшить ход, но вместо того бриг ежеминутно рыскал то в одну сторону, то в другую, а некоторые менее тяжелые паруса почти все время бились о стеньги¹. Марк внимательно следил за всем, происходившим на бриге, а также приглядывался и к людям экипажа, которые суетились у парусов.

— Готовь одну из пушек! Случилось какое-то несчастье; наш бриг в руках индейцев, но они не могут с ним справиться.

Можно себе представить впечатление, какое произвели эти слова на всех присутствующих; если индейцы овладели бригом, то, следовательно, они овладели и Рифом, и Пиком; что же, в таком случае, ожидало переселенцев? Прошло еще около четверти часа страшного ожидания для экипажа и беспредельной муки для Марка. Боб также был встревожен. Случись теперь Ваальди подвернуться ему под руку, индейцу бы несдобровать. Неужели Урууни мог изменить им, нарушить свои обещания? Нет, этого ни Боб, ни Марк не могли допустить.

— Орудие в порядке? Готово оно к бою? — спросил вдруг Марк.

— Да, капитан, совсем готово, по первому сигналу будем палить.

— Ну, так открой огонь! Да целься выше! Попробуем сперва только пугнуть их. И горе им, если они не сдадутся!

Раздался выстрел, но, к немалому удивлению всего экипажа, бриг отвечал тотчас же залпом с целого борта; но эта энергичная демонстрация оказалась единственной попыткой сопротивления со стороны судна. Несмотря на то, что бриг открыл огонь из всех пяти орудий борта; ни один снаряд не причинил вреда «Ранкокусу», потому что индейцы стреляли, не наводя орудий, а просто наугад, и сами же пострадали при этом; три-четыре человека из их экипажа были опрокинуты и зашиблены откатом орудий. Приняв этот неизбежный факт за проявление гнева своих богов, весь экипаж и все присутствующие пришли в какой-то дикий ужас и смятение; они сбились в кучу, кричали, воздевали руки вверх, совершенно забыв о судне; никем не управляемое, оно вышло из ветра, но и этого никто не заметил.

«Ранкокус» между тем приближался с очевидным намерением итти на abordаж. Марк, в сущности, вовсе не желал, чтобы дело дошло до рукопашной, и приказал стрелять в неприятеля картечью. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы решить битву. Двенадцать краснокожих были убиты или ранены, многие поспешили спрятаться в трюм, другие взобрались на мачты, но большинство, нимало не задумываясь, прыгнули за борт и бросились спасаться вплавь. К немалому удивлению зрителей, эти пловцы направились в сторону ветра; это, без сомнения, означало, что в этом направлении они надеялись встретить землю или лодки. Марк, придерживаясь кормы брига, закинул abordажные крюки и во главе двадцати человек из своих людей вскочил на палубу «Сирены» и беспрепятственно овладел судном.

Отдав матросам необходимые приказания как командир судна и восстановив надлежащий порядок в снастях и парусах, Марк тотчас же спустился во внутренние помещения брига. В каюте он нашел мистера Саундерса (или, как его называли все переселенцы, капитана Саундерса), связанного по рукам и ногам, комиссара и Биглоу постигла та же участь; они были найдены в помещении матросов также связанными. За исключением этих трех человек, весь экипаж «Сирены» состоял еще из двух человек в тот момент, когда она была захвачена индейцами. Саундерс положительно не мог сообщить Марку никаких подробностей о всем случившемся.

Марк узнал от него, что «Ранкокус» теперь находится не на ветре у кратера, а под ветром, и если бы он продолжал итти в том направлении, в каком шел, когда встретился с «Сиреной», то он к восходу солнца

¹ Стеньга — верхняя часть мачты. (Прим. ред.)

пристал бы к острову своего имени. Кроме того, Саундерс успокоил Марка относительно участи женщин и детей; все они находились на Пике, и ни одна из них не отлучалась из Эдема уже более шести месяцев, то есть с тех пор, как смерть Урууни развязала руки Ваальди. Тотчас же после смерти отца сын Урууни, наследовавший от него власть, был свергнут Ваальди, который, нимало не стесняясь заклятиями и торжественным воспрещением своих жрецов, стал убеждать своих единоплеменников пойти против белых. Наобещав им полный разгром всего имущества переселенцев и груды столь драгоценного для них железа и меди, якобы, имевшихся на судне, Ваальди собрал вокруг себя немалое число соратников. Однако, как хитрый и предусмотрительный политик, он не сразу двинулся войной на белых. После того, как ему удалось захватить верховную власть, Ваальди стал преднамеренно осыпать переселенцев всевозможными доказательствами своего благорасположения и внимания к ним. Он заготовил громадные запасы сандалового дерева, которые обещал перевезти на Риф, и первый большой транспорт был действительно им доставлен; одним словом, не было такой дружественной услуги, которую бы он не постарался оказать переселенцам с целью ослабить их бдительность и осторожность. Никто на кратере не ожидал нападения; все готовились к встрече Марка, и возвращение «Ранкокуса» ожидалось со дня на день.

«Сирена», забрав громадный груз сандала на островах Бэтто, выгрузила его на кратере и затем вышла в море навстречу «Ранкокусу» с тем, чтобы поскорее доставить Марку сведения о делах колонии. Это было как раз поутру того дня, когда произошла встреча «Сирены» и «Ранкокуса». Экипаж «Сирены» состоял на этот раз из капитана Саундерса, Биглоу, комиссара, повара и еще двух людей, нанявшихся в Кантоне. Двое последних стояли, как на беду, на вахте, когда, пользуясь предрассветною мглою, к судну подкрались индейцы. Будучи пьяны, матросы даже не заметили приближения неприятельской флотилии и заплатились жизнью за свое небрежное отношение к долгу службы. Остальные находившиеся на бриге люди были обязаны своей жизни только тому счастливому обстоятельству, что все они спали крепчайшим сном в момент нападения индейцев на их судно. Не видя в них помехи своему разбою, индейцы не нашли нужным их убивать. Завладев бригом, они решили отвезти свою спавшую добычу на острова Бэтто, и бог весть, что случилось бы с злополучным экипажем «Сирены», не повстречай ее «Ранкокус».

Саундерсу ничего не было известно относительно численности неприятельского флота или дальнейших намерений врага. Он полагал, что судно его было атаковано весьма незначительной частью войск Ваальди, с их грозным вождем во главе. По некоторым словам и жестам, подмеченным Саундерсом в то время, когда его вязали, он полагал, что остальная, более многочисленная часть войск Ваальди проникла в каналы, ведущие к Рифу, понятно, с целью разграбления острова. В настоящее время на кратере пребывали Сократ, Ункус и Уаттельс с их женами и семьями; других защитников там не было. На вершине кратера еще перед отъездом Марка был построен довольно просторный и красивый дом, и хотя он еще не был вполне закончен, но все же имел громадную цену в глазах переселенцев; на луговине повсюду разбрелись стада свиней, число которых достигало в настоящее время двухсот голов; тут же было и несколько штук рогатого скота и большие запасы железа, привезенного из Кантона и сваленного в груды на кратере.

Выслушав рассказ Саундерса, Марк тотчас же составил план действий. Прежде всего он приказал держать как можно ближе к ветру, с тем, чтобы подойти к индейцам, спасавшимся вплавь. Марку не хотелось бросить их на произвол судьбы в открытом океане. Врезавшись в самую середину пловцов, Марк приказал спустить несколько шлюпок, к которым индейцы, несмотря на внушаемый им судном и его экипажем ужас, все же с радостью поплыли со всех сторон, ища спасения. Затем Марк стал раздумывать уже о дальнейшем. Три различных канала вели на Риф;

Марк избрал из них северный, так как то был ближайший путь, а также и потому, что тут не было надобности постоянно лавировать. Оставив на «Сирене» двенадцать человек экипажа, Марк послал ее к западному рейду, чтобы запереть всякое отступление флоту Ваальди, если он успел проникнуть к кратеру и вздумает бежать с захваченной добычей. Что же касается «Ранкокуса», то он час спустя был уже в виду берега, а перед закатом солнца вошел в северный рейд и бросил якорь на достаточной глубине в месте, прекрасно защищенном от ветра; здесь Марк провел всю ночь, не желая рисковать, забираясь темною ночью в узкие, извилистые рукава и проливы.

ГЛАВА XXI

Бросив якорь на ночь, Марк не пренебрег сделать маленькую рекогносцировку. Это поручение было возложено на Боба. Согласно инструкциям, данным ему, он должен был проникнуть как можно ближе к Рифу, и если возможно, то даже постараться переговорить с Сократом.

Имея в своем распоряжении двухпарусную шлюпку, Боб до полуночи очутился в виду Рифа, но, к немалому удивлению, он увидел, что все здесь спало спокойным сном. Боб не удовольствовался рекогносцировкой, сделанной издали, а продолжал свой путь до тех пор, пока не достиг скалистой набережной Рифа; здесь он сошел на берег и пешком, не торопясь, направился в кратер. Вход в него оставался открытым;

войдя туда. Боб и его товарищи повсюду застали полнейшую тишину, без всяких признаков недавнего разгрома. Зная, что жители Рифа предпочитали для ночлега вершину, Боб поднялся туда и, зайдя в один из построенных там домов, он, к немалой радости, застал там весь маленький гарнизон кратера спящим сном праведных, не чующим над головою никакой беды. Боб понял, что индейцы еще не появлялись здесь, и что Сократ не знает ничего о том несчастье, которое постигло бриг.

Негр несказанно обрадовался возвращению Боба и Марка; даже весть о близости индейцев не смутила его, когда он услышал, что великан «Ранкокус» со столь многочисленным подкреплением находится так близко. Впрочем, Марк дал Бобу двадцать вооруженных человек для сопровождения его во время рекогносцировки, а с таким войском можно было рассчитывать, что кратер будет в безопасности. Боб отослал шлюпку обратно к Марку и поручил четверым человекам, возвращавшимся на судно, подробно сообщить самому капитану обо всем, что им пришлось увидеть и услышать на Рифе.

У деревянного мостика Боб распорядился поставить несколько вооруженных человек для охраны этого прохода; все имевшиеся здесь коронады были заряжены, и всюду расставлены часовые. Приняв все эти необходимые меры предосторожности, Боб разрешил своим людям заснуть, и сам первый подал им пример.

Вдруг совершенно неожиданно раздались крики индейцев. Прежде всего Ваальди атаковал маленький мост, рассчитывая завладеть им без сопротивления. Зная, что судно находится в отсутствии, он полагал, что теперь нечего уже опасаться его страшного огня.

Но Ваальди знал также, что на вершине кратера имеются орудия, и ими-то он и рассчитывал овладеть с самого же начала сражения. Эти смертоносные машины пугали всех индейцев, и Ваальди отлично сознавал важность обладания хотя бы только одним из таких орудий. Для этого надо было лишь действовать с большой быстротой. Собрав предварительно подробные сведения о положении дел на Рифе, он думал, что не встретит никакого сопротивления. К тому же, после захвата брига, по его расчетам, на Рифе должно было оставаться всего-на-всего шесть защитников.

Крики индейцев раздались как раз в этот момент, когда они увидели, что мост был снят. Люди, охранявшие мост, дали тотчас же залп из нескольких ружей. Таково было начало этого сражения, сопровождавшегося бешеными криками и возгласами. Несколько сот человек бросились в плавь и, переплыв пролив, устремились на кратер. Ожидавший этого Боб приказал своим людям отступить и не препятствовать врагу вступить на почву Рифа. Индейцы толпами взбирались на берег и бежали, перегоня друг друга, с разных сторон ко входу кратера. В этот момент Боб со своими товарищами вошел в ворота, ведущие во внутрь кратера, и, захлопнув их за собою, решил во что бы то ни стало воспрепятствовать вторжению краснокожих.

Боб отлично знал, что другого пути в кратер, кроме ворот, не было. Ему не трудно было организовать их защиту, поскольку помещавшаяся на вершине коронады была наведена так, чтобы преградить доступ ко входу. Разочарование Ваальди при виде столь неприступной цитадели было весьма сильно, но при всем том он понял, что для того, чтобы достигнуть вершины, нужно было прибегнуть к помощи каких-либо искусственных мер. Тем не менее у него хватило благоразумия отозвать своих воинов, запрятавшихся среди скал, где они действительно были хорошо укрыты от неприятельского огня, но вместе с тем были обречены и на полное бездействие.

Жажда наживы не давала покоя Ваальди, и он решился сделать попытку достигнуть вершины снаружи; с этою целью он приказал кучке своих воинов взобраться туда, подсаживая друг друга на плечи. Этот план, казалось, должен был бы удасться, но едва только голова первого индейца показалась над скалами, как меткий выстрел раздробил ему череп, и он, падая, увлек за собою, еще нескольких человек, ломавших себе ребра, руки и ноги во время падения.

Однако, утомленный продолжительным бездействием, смысленный и находчивый Ваальди решился испытать еще одно отчаянное средство. На верфи, где по временам производились разные починки, оставалось немного разного строевого леса, балок, досок и тому подобное. Ваальди, отобрав сотню решительных и предприимчивых людей, послал их туда с приказанием собрать как можно больше досок, брусьев и всякого другого леса и перетащить все это к подножию кратера.

Боб только этого и ожидал; он тотчас же навел одну из коронад на самую значительную кучу лесного материала, и как только индейцы собрались вокруг нее, хватил по ним картечью; человек десять или двенадцать были убиты и ранены, остальные же, точно пыль, развеянная ветром, разбежались в разные стороны. Вдруг кто-то крикнул: — Парус! — и вслед за тем этот же возглас повторили и часовые на вершине. То был «Ранкокус». Очевидно, выстрел, данный с кратера, был услышан Марком. Он тотчас же отвечал на него, желая ободрить осажденных и давая им знать о своем присутствии. Минуту спустя раздался третий выстрел из орудия с западной стороны, и, оглянувшись в ту сторону, Боб увидел верхушки мачт «Сирены», видневшиеся над вершинами скал.

Надо ли говорить, что раздавшаяся со всех сторон пушечная пальба и появление двух вооруженных судов разрушили все планы предприимчивого Ваальди, который, с трудом подавляя свою ярость, стал отступать. Отступление Ваальди могло быть названо счастливым. По данному им знаку индейцы бросились в

воду и благополучно переплыли пролив. Боб, конечно, мог бы беспрепятственно стрелять в них картечью и перебить большую половину неприятелей, но ему было противно бесполезное кровопролитие, и потому индейцам удалось убраться с Рифа, унося с собою своих убитых и раненых.

Добраться до своих лодок Ваальди и его людям было легко, но теперь являлся вопрос, как выйти из вод кратера? Всякая возможность отступления и с севера и с запада была отрезана; чтобы выйти с южной или восточной стороны, необходимо было пройти под огнем Рифа и затем еще пройти сквозь строй между цитаделью кратера и грозным «Ранкокусом».

Однако, Ваальди сообразил, что если они сделают некоторое усилие и быстро промчатся под скалами Рифа, то в узких и тесных проливчиках его флоту удастся выбраться в открытое море, а большие суда врагов не будут в состоянии преследовать их в этих тесных, извилистых рукавах. Боб предоставил им и здесь пройти беспрепятственно, не дав ни одного выстрела.

Как только «Ранкокус» подошел ближе. Боб отправился навстречу Марку и доложил ему о всех своих действиях. Теперь уже опасность совсем миновала. «Ранкокус» стал на якорь у набережной Рифа, и пассажиры толпою устремились на берега, едва только успели перебросить две-три доски, чтобы облегчить переход с корабля на сушу.

Менее чем в час времени все имевшиеся на судне животные были сведены на берег и пущены на пастбище кратера, и вскоре на «Ранкокусе» не осталось ни одного животного, кроме крыс и мышей, без которых немисливо ни одно судно.

Об индейцах никто не думал. Они бежали и в данный момент были уже очень далеко. Конечно, «Ранкокус» и бриг с успехом могли бы преследовать их, но переселенцы не имели желания пускаться за ними в погоню.

Таким образом, после долгого отсутствия Марк вновь вернулся к себе на Риф. Все тут дышало довольством и изобилием; тут стояло и его судно, нагруженное всем, что только могло способствовать удобству и благосостоянию его и всей его колонии. Если бы здесь была его жена и дети, то, кажется, в этот момент счастьем его не было бы границ. Однако, Бриджит не забыли. Не прошло и получаса с минуты прибытия судна на Риф, как Боб уже успел вскочить на «Нэшамони» и поспешил на Пик с радостной вестью о прибытии «Ранкокуса». Но ему не пришлось даже совершить столь дальнего плавания; едва успел он обогнуть южный мыс, как повстречался с «Авраамом», шедшим к Рифу. На Пике были замечены враждебные намерения Ваальди и потому решено было отправить на Риф «Друга Авраама» с надлежащим экипажем для того, чтобы предупредить тамошних жителей о грозившей опасности и подать им в случае надобности помощь. Бриджит вздумала также ехать на Риф вместе с детьми и Мартой.

Легко представить радость Бриджит, Марты и других пассажиров и экипажа «Друга Авраама» при получении вести о прибытии «Ранкокуса». После первого обмена приветствий и сбивчивых вопросов и ответов решено было, что «Друг Авраам» со своим экипажем, под начальством Билля Броуна, выйдет в море и будет наблюдать за неприятелем. Надо было заставить Ваальди итти на север и воспрепятствовать ему вернуться еще раз на Риф. «Авраам» как раз подходил для такого плавания, так как не требовал большого количества рук и к тому же был прекрасно вооружен, а Билль Броун отлично умел с ним управляться. Между тем Боб, пересадив к себе на «Нэшамони» обеих женщин и детей, отплыл обратно к Рифу.

Так как день этот начался для наших переселенцев очень рано, то к полудню «Нэшамони» уже успела притти обратно. Заметив ее издали, Марк сильно встревожился. Он знал, что за это время невозможно было дойти до Пика, и потому у него явилось предположение, что Ваальди со своим флотом преградил ей путь, и Боб вернулся просить подкрепления. Но когда судно подошло ближе, Марк заметил развевающиеся по ветру женские одежды и затем с помощью подзорной трубы ясно различил знакомый облик своей Бриджит.

Суда, подходившие к Рифу с юга, должны были пройти через тот узкий пролив, который отделял Риф от луговины, и вот в тот момент, когда «Нэшамони» проходила вблизи берега, Марк вскочил на палубу и заключил в свои объятия жену.

Было уже почти темно, когда Марк снова появился среди вновь прибывших переселенцев. Люди эти уже успели немного оглядеться на Рифе; они уже побывали на ближайших островах, и все, даже и наиболее требовательные из них, оказались вполне довольны тем, что здесь нашли; особенно их очаровало обилие плодов и зелени: роскошная апельсиновая роща, где все деревья были разубраны золотистыми плодами; имбиря, смокв, дынь, тыкв, кокосовых орехов здесь было такое множество, что казалось положительно невозможным съесть все это.

К ночи большая часть переселенцев вернулась ночевать в последний раз на «Ранкокус». Около десяти часов утра на другой день прибыл и «Друг Авраам Уайт». Билль Броун доложил Марку, что Ваальди ушел, не сделав даже попытки хоть раз оглянуться назад. Выслушав отчет Билля Броуна, Марк решил, что нет более никаких оснований опасаться вторичного нападения индейцев, а также нет и надобности в дальнейшем преследовании неприятельского флота.

Весь этот, а также и следующий день переселенцы употребили на перетаскивание своих пожитков и большей части груза с судна на берег и вновь на «Друга Авраама», так как сорок семейств должны были поселиться на Пике. Мужчины, женщины и даже дети весело исполняли каждый свою посильную работу, и в данный момент этот кусочек набережной Рифа напоминал своей картиной оживленной работы деятельный муравейник в теплый день. Тем временем Билль Броун, присутствовавший при нагрузке судна, которым он командовал, воспользовался минутой перерыва в работе и, подойдя к Марку, сказал:

— А славных товарищей вы нам привезли, мистер Вульстон, выбор неплохой, уж что и говорить! Ну, а меня-то вы там не забыли, если смею спросить?

— Нет, Билль, я вас не забыл и, мне кажется, исправно исполнил ваше поручение; Фебе здесь и готова к вашим услугам.

— Так что же, за мной остановки не выйдет! — засмеялся Билль. — Но только, пожалуйста, укажите вы мне эту молодую женщину. Я уже начинаю ее любить всем сердцем.

— Ого! Молодую женщину? Да ведь у нас такого уговора не было, Билль! О возрасте у нас ничего не было говорено; вы лишь желали иметь жену добрую и хорошую, и подумайте сами: ведь чем предмет этот моложе, тем на него больше и спроса.

— Ну, ну, не бойтесь, мистер Вульстон, я не оставлю ее у вас на руках, будь она хоть настолько стара, что годилась бы мне в матери; но все же я уверен, что вы по доброте сердечной хоть немножко пожалели вашего бедного товарища и выбрали ему супругу, соответствующую возрасту парня, которому всего тридцать два года отроду.

— Об этом судите сами, Билль! Вон она, ваша Фебе; смотрите, она несет большое зеркало и сама любуется в нем своей рожницей. И если нрав ее столь же привлекателен, как и ее наружность, то вы, наверное, будете довольны ею. К тому же будущая ваша жена приехала сюда не с пустыми руками, а привезла с собою много кое-чего, что вам очень и очень пригодится в вашем новом хозяйстве.

Билль Броун был в восторге от выбора Марка, но что особенно порадовало последнего, так это то, что и хорошенькая Фебе осталась чрезвычайно довольна своим будущим мужем, несмотря на его красный шрам. Счастливая парочка в тот же день сочелась браком в большой каюте » Друга Авраама».

Три дня спустя после прибытия «Ранкокуса» на Риф «Друг Авраам Уайт» вышел в море и направился к Пику, увозя без малого сто человек пассажиров, считая в том числе женщин и детей.

«Нэшамони» вышла несколькими часами раньше вместе с Марком и его семьею. Марк, а в особенности его меньшие братья сгорали от нетерпения увидеть скорее свою сестру Анну. Встреча всех членов семьи Вульстон была поистине трогательная. Молодые братья Вульстоны были приятно поражены благоустройством и удобствами обстановки, в какой жила теперь их сестра. Хитон построил для себя несколько поодаль от других прелестный домик среди фруктовой рощицы и в двух шагах от ручья.

Около полуночи «Друг Авраам Уайт» вошел в Миниатюрную бухту. Так как было уже слишком поздно, то каждый из переселенцев, захватив с собою какую-нибудь не особенно тяжелую ношу, поднялся с нею вдоль оврага в долину Эдема; ночь была ясная и лунная, и большинство из вновь прибывших переселенцев провели эту ночь под открытым небом, в палатках или даже просто под зеленым навесом, где они вскоре и заснули сладким сном, обвеваемые теплым дыханием тихой ароматной ночи.

С раннего утра все уже были на ногах. Только что прибывшие сюда переселенцы не могли дать себе отчета, наяву или во сне они видят все то, что представлялось их взорам.

ГЛАВА XXII

Первым действием Марка, как губернатора новой колонии, было назначение брата его Абрама Вульстона секретарем колонии. Вступив в исполнение своих обязанностей, Абрам начал с того, что составил перепись всего населения колонии, по которой оказалось что численность населения уже возросла за это время до трехсот двадцати душ обоего пола.

Вскоре Марк созвал еще и совет для обсуждения важного вопроса о разделе земли. На этом совете все земли колонии были объявлены общественной собственностью. Однако, Марку и Бобу, как первым пионерам этих стран были единогласно присуждены особые наделы. Остальные же земли бы, и распределены всем поровну: каждый гражданин, достигший двадцати одного года, получал на свою долю восемьдесят десятин земли на Пике и полтораста на Рифе. Вслед за тем приступлено было к размежеванию и раздаче земель.

Как только участки были распределены, каждый колонист принялся за работу.

Предметом особой заботы явились теперь жилища. К сожалению, на островах, принадлежавших к группе Рифа, лес до сих пор был редкостью, и употреблять его для построек было бы неразумно, а потому необходимо было раздобыть лес где-нибудь в другом месте. Напротив, на острове Ранкокусе рос отличный лес, и особенно было много сосен, а потому Биглоу был командирован туда с целью устройства там водяной

лесопи́льни. Заготовленный там строительный материал — бревна, балки и доски — он должен был отправлять на «Друге Аврааме» на Риф и на соседние с ним острова.

С целью облегчения доставки леса с гор к лесопильне Биглоу прорыл искусственный канал, посредством которого без труда сплавлял весь лес вплоть до лесопильни.

Осуществление всех этих предприятий не помешало Марку позаботиться и о внешней безопасности его маленькой колонии. Необходимо было постоянно следить за неугомонным Ваальди, и если можно, то проявить свое покровительство юному сыну Урууни. Таково было мнение и всех колонистов, а потому маленькая колония стала снаряжать военную экспедицию, для которой готовились следующие суда: «Сирена», «Друг Авраам Уайт» и только что вновь построенное судно в пятьдесят тонн, под названием «Анна». Это судно Биглоу строил на берегу одного из маленьких заливчиков на острове Ранкокусе, где он нашел весьма удобное для верфи место. Так как остров этот мог поставлять прекрасный строевой и корабельный лес, то было решено устроить здесь постоянную верфь для починки и постройки судов.

Вообще остров Ранкокус отличался многими преимуществами. Здесь имелась прекрасная кирпичная глина и множество известкового камня, а горы его хранили неисчерпаемые залежи металлов. Только для земледелия он не представлял удобства, и на всем его протяжении едва ли бы нашлось полторы тысячи десятин пахотной земли.

Вблизи берега были устроены две печи: одна — для обжигания кирпичей, другая — для извести; среди переселенцев нашлись люди, привычные к этому делу, и работа закипела.

Таким образом еще до начала похода против Ваальди было заготовлено изрядное количество и кирпичей, и извести, которые немедленно были доставлены на Риф.

Так как в течение двадцатимесячного отсутствия Марка было заготовлено огромное количество сандала, то решено было нагрузить им «Ранкокус» и отправить его в Кантон. На этот раз Марк доверил командование судном Саундерсу, который был вполне способен к исполнению возложенной на него обязанности.

Как только было все готово, «Ранкокус», «Сирена», «Друг Авраам Уайт» и «Анна» отплыли к островам Бэтто. Марк не без умысла провел свой флот мимо большинства островов этой группы, желая блестящим видом своих судов внушить островитянам страх и уважение к себе. После государственного переворота, совершенного Ваальди, те из туземцев, которые ходили (на «Ранкокусе») в дальнее плавание, в Америку, не захотели оставаться под властью этого предводителя и с особенной поспешностью все до единого стали проситься, чтобы их вновь взяли на «Ранкокус». Так как услугами этих туземцев Марк был очень доволен, то он не только согласился взять их на судно, но намеревался привлечь при случае и еще несколько человек.

При появлении столь грозного для этих морей флота хитрый Ваальди тотчас же проявил самые миролюбивые отношения. Объяснялось это его смирение еще и тем, что на возвратном пути с Рифа флот его был застигнут шквалом, благодаря которому около двадцати лодок были оторваны от остальных и пропали без вести. Носились какие-то смутные слухи, будто три или четыре лодки были выброшены на какой-то отдаленный пустынный берег с горстью полуживых от голода индейцев, тогда как остальные безвозвратно погибли в волнах океана. Этот прискорбный случай сильно подорвал авторитет и популярность Ваальди. Друзья и родственники несчастных жертв были возбуждены против него. Но влияние Ваальди, уже значительно подорванное неудачей, окончательно рухнуло с появлением грозных сил вооруженного флота Марка. Умный и проницательный туземец тотчас же понял и осознал свое безвыходное положение и был настолько благоразумен, что решил добровольно покориться своей участи.

Недолго думая, Марк послал к Ваальди посла с пальмовой ветвью, предлагая ему возвратитъ сыну Урууни власть и самому добровольно удалиться в свои прежние владения. Ваальди беспрекословно согласился на все.

Марк законтрактовал около сотни индейцев в качестве платных работников. Увеличение числа рабочих рук в данное время являлось нелишним подспорьем для молодой колонии.

Суда новой колонии простояли у островов Бэтто около двух недель. Затем «Ранкокус» ушел в китайские воды, а «Анна» была отослана на Риф с известием о благополучном исходе экспедиции.

ГЛАВА XXIII

Прошло около года со времени возвращения Марка с экспедиции против островов Бэтто, и за все это время не случилось никаких выдающихся событий. Колония численно росла. В общей сложности число рождений достигло цифры семидесяти восьми душ. Случаев смертности было очень немного: из взрослых умер всего один, и то вследствие несчастной случайности. Состояние здоровья всех переселенцев было прекрасное. По статистическим сведениям, в конце года оказалось в наличности триста семьдесят девять душ, не считая канаков, как называли здесь туземцев.

Постройки шли до того быстро, что несколько месяцев спустя после прибытия новых переселенцев более ста жилищ всякого рода красовались частью на Пике, частью на Рифе и на соседних островах. Все эти домики были невелики и по большей части довольно тесны, но представляли собою надежную защиту от дождей и непогоды. Марк построил два дома: один на Пике, бывший его частным жилищем, и другой на Рифе, предназначенный стать домом губернатора и составлявший собственность колонии. Этот правительственный дом был построен в целях обороны против моста, ведущего на луговину.

Решив энергично взяться за дело и построить город на Рифе, Марк отправил к молодому Урууни своего уполномоченного на «Друге Аврааме» для того, чтобы просить его содействия. Юный Урууни был очень рад случаю оказать Марку требуемую услугу и тотчас же прибыл лично, во главе пятисот индейцев, на Риф. Все это множество людей работало на Рифе в течение двух месяцев, после чего Марк объявил, что все необходимые работы окончены, и что теперь он более не нуждается в помощи своих соседей, которых он отпустил, вознаградив предварительно всевозможными безделушками «в знак своей признательности».

Огромный участок земли был отведен на разведение общественного сада. Этот сад принял вскоре самый привлекательный вид. Его удача породила желание большинства переселенцев развести садики и около своих домов. Но колонисты не ограничились одним лишь разведением общественного сада. Они вырыли более ста глубоких ям в различных местах Рифа, заполнили эти углубления разного рода удобрением и посадили на всех этих местах кокосовые пальмы.

Наружный, вид Рифа совершенно преобразился. Город на Рифе состоял приблизительно из двадцати домов, населенных преимущественно ремесленниками.

Упомянув о работах и улучшениях, произведенных за последнее время на Рифе, следует также сказать и о том, что делалось на острове Ранкокусе. Благодаря тому, что там теперь находились и лесопильня, и кирпичный завод, и печь для обжигания извести, каменоломня, верфь и многое другое, где постоянно работало значительное число людей, колонисты построили здесь небольшую крепость, в которой в случае надобности могло бы укрыться все население острова.

Пик, благодаря своему положению, мог считаться неприступным и потому не нуждался ни в каком подобном рода сооружении, даже и в том случае, если бы неприятелю удалось открыть вход в бухту. О Рифе этого никак нельзя было сказать, потому что к нему со всех сторон был открыт доступ, и хотя правительственный дом в значительной степени облегчал оборону города, все же со стороны моря он сильно нуждался в защите. Четыре прямых широких канала вели к четырем сторонам Рифа. Южный канал оканчивался как раз у маленького мостика, ведущего с луговины на Риф, а потому был достаточно защищен господствовавшим над ним правительственным домом, все же остальные были легко доступными для врага. Однако, расположенные на известных точках вершины, батареи могли защищать входы в эти каналы, а потому колонисты немедленно приступили к постройке батарей, из которых каждая имела по два двенадцатифунтовых орудия.

Ровно год и восемь месяцев спустя после ухода «Ранкокуса» с группы островов Бэтто часовой на Пике оповестил жителей о прибытии судна, которое в данную минуту находилось у входа в северный рейд Рифа, где и готовилось бросить якорь. Узнав об этом, Марк в сопровождении Боба тотчас же отправился на «Анне» к «Ранкокусу», чтобы, в качестве лоцманов, провести судно до самого Рифа, так как только им двоим эти воды были достаточно хорошо знакомы.

В некотором расстоянии от «Ранкокуса» виднелось еще одно судно: то был бриг «Молодая Курочка», приобретенный капитаном Саундерсом за счет колонии и нагруженный всем, что только могло быть нужно или полезно для обитателей Рифа.

К немалому удивлению Марка, на «Ранкокусе» прибыло сто одиннадцать эмигрантов, все родственники и друзья прежних переселенцев. Пассажиры после столь продолжительного плавания были чрезвычайно рады возможности сойти на берег.

Все вновь прибывшие были в восторге от того, что они видели, любясь всходами и зеленью лугов.

ГЛАВА XXIV

«Ранкокус» уже опять готовился к отплытию. Предполагалось отправить его, куда случится, за подходящим грузом, когда один матрос вдруг навел Марка на совершенно новую мысль.

Экипаж «Ранкокуса» во время своих предыдущих плаваний заметил одно место с подветренной стороны от кратера, где держались киты. Уокер, как звали матроса, который первый заговорил на Рифе о китах, когда-то раньше служил помощником командира на китобойном судне, так же как и еще человек шесть из переселенцев. Все они были хорошо знакомы с этим делом и убедили капитана Саундерса тогда же запастись всеми необходимыми для этого дела орудиями и снарядами, состоявшими, главным образом, из троса, гарпунов, острог и бочек.

«Ранкокус» оказался не совсем пригодным для роли китобойного судна и потому должен был служить временно магазином для склада бочек с китовым жиром и другими продуктами этого лова, вплоть до окончания сезона, после чего он должен был отправиться с этим дорогим грузом в Америку.

Новый бриг «Молодая Курочка», будучи небольшим надежным судном, с большою палубой, сильными мачтами и прекраснейшею оснасткой, был снаряжен в качестве китобойного судна. «Анна» также должна была следовать за бригом. При этих судах имелось пять китобойных лодок или шлюпок; из этих две остались на «Анне» и три — на бриге. Кроме своих людей, взято было еще на помощь некоторое число канаков, которые могли быть весьма полезными в этом деле в качестве гребцов.

Предстоящая экспедиция до такой степени возбуждала всеобщий интерес среди переселенцев, что большинство жен, сестер, дочерей и невест предприимчивых китоловов выразили желание присутствовать при первых подвигах своих друзей на этом новом поприще. Это побудило Марка согласиться взять желающих в качестве пассажиров на «Сирену», на которой отправился он сам и вся его семья. Боб на своей «Марте» также присоединился к китоловной флотилии, к которой принадлежал и «Друг Авраам Уайт». «Нэшамони» была отправлена для наблюдений за краснокожими, чтобы они не вздумали воспользоваться отсутствием сотни защитников Рифа для новой попытки нападения.

Когда все было готово, китоловная флотилия в сопровождении «Сирены» вышла в море. По пути она обошла с наветренной стороны Пик, усеянный сотнями любопытных зрителей, желавших полюбоваться этим еще невиданным ими зрелищем. «Марта» опередила «Сирену» и шла впереди всех остальных судов.

В тот момент, когда по счастливой случайности из моря у подводных рифов поднялся фонтан, свидетельствующий о присутствии здесь китов, шлюп более чем на целую милю опередил все остальные китобойные суда. Хотя каждая из шлюпок имела свой отдельный экипаж, но эти люди, все, за исключением экипажа «Молодой Курочки», были новички в этом нелегком деле, и призвать к себе на помощь им было положительно некогда.

Боб был не из тех людей, которые, раз взявшись за дело, соглашаются вскоре признать себя несостоятельными. В одну минуту лодка его была спущена, он и Сократ вскочили в нее и, не теряя времени, решились атаковать громадное животное. Боб был ловкий шкипер, он правил прямо на кита. Сократ, весь бледный от волнения, схватил гарпун и в тот момент, когда нос лодки очутился над спиною гигантского животного, бросил в него гарпун с такою силою, какую только могло ему придать сознание, что от этого удара, быть может, зависит для него и жизнь и смерть. В тот же момент раненое насмерть животное пустило длинную струю крови. У китоловов принято считать за необычайный подвиг смертельную рану от ручного гарпуна; в большинстве случаев гарпун только удерживает и останавливает до некоторой степени кита, которого затем приходится добывать острогой.

Этот случайный счастливый удар положил, однако, начало следующим многочисленным успехам Сократа, так что впоследствии можно было с уверенностью сказать, что раз Боб у руля, а Сократ за гарпуном, то киту наверняка несдобровать.

Раненое животное выпустило обильную струю крови, выбрасывая фонтаном воду и заливая шлюпку, которая уже до половины наполнилась водою. Если бы не сильные мускулистые руки Сократа и не убийственный удар, каким он поразил гиганта, шлюпка неминуемо погибла бы. Марк прибыл на место происшествия тогда, когда Боб подтянулся к убитому животному за прикрепленный к гарпуну трос (канат) и, взяв свою добычу на буксир, готовился направиться к Южному мысу. Все суда, минуя убитого кита, приветствовали победителей радостными возгласами, а подгоняемая попутным ветром «Марта» влекла за собою тушу гиганта прямо к заранее уже намеченному Бобом якорному месту.

Как только убитый кит очутился у берега и затем всплыл над небольшою отмелью в таком месте, где вода была неглубока, Боб и человек двадцать канаков тотчас же принялись разрезать его на части, хотя, быть может, не очень искусно, но все же вполне удовлетворительно. В течение ночи операция эта была окончена, а на другой день с раннего утра все судно было уставлено разного рода жаровнями и таганчиками, на которых на ярком огне вытапливался китовый жир (ворвань), сливавшийся вслед за тем в заранее приготовленные для того бочки. Один этот кит дал сто одиннадцать бочек жиру, что могло считаться вполне блестящим началом в новом промысле. По окончании всех этих операций Боб свез все, что им было добыто от этого кита, на Риф, где «Ранкокус» ожидал свой новый груз.

Неделю спустя «Сирена» крейсеровала вместе с «Молодой Курочкой» и «Другом Авраамом», безуспешно отыскивая китов в ста милях от Пика, когда к ним вернулся Боб на своей «Марте». Зная присущую Бобу способность различать предметы на море на громадном расстоянии, Марк попросил его подняться на марс¹ брига и взглянуть, не видит ли он чего впереди. Не прошло и десяти минут, как Боб, обозревавший вокруг поверхность моря, крикнул сверху:

— Кит! Кит! Я вижу кита!

¹ Марс — круглая площадка вверху мачты. (Прим ред.)

Даны были сигналы «Молодой Курочке» и «Другу Аврааму», и все они пошли в указанном Бобом направлении.

При закате солнца китоловы увидели значительное число китов, собравшихся в одном месте. Уокер заметил, что, вероятно, они здесь принимают пищу, и потому советовал обождать до утра, так как можно было с уверенностью сказать, что они снова все соберутся на этом же месте. С рассветом шесть китобойных шлюпок были готовы к нападению. На этот раз Уокер шел во главе флотилии; час спустя лодка его поравнялась с громаднейшим китом. Раненый гарпуном кит нырнул вглубь, снова всплыл и начал тащить привязанную к тросу лодку с быстротою не менее двадцати узлов в час.

Вообще принято, что во время нападения суда держатся на ветре для того, чтобы иметь возможность во всякое время нагнать шлюпку и притти ей на помощь, когда животное будет убито. Но пока кит еще жив, было бы положительным безумием предпринять что-либо, кроме того, что держаться ветра; раненое животное нередко одним прыжком перекидывается на громадное пространство в сторону, что грозит серьезной опасностью судну.

Иногда же испуганное животное с необычайной быстротою скрывается из виду судна и проплывает по прямой линии расстояние в пятнадцать и двадцать миль; тогда китобойной лодке остается только или отказаться от поимки кита, или рискнуть расстаться надолго со своим судном. Отказавшись от кита, теряешь только один гарпун и несколько сотен саженей троса; в противном случае нередко гибнет шлюпка со шкипером и гарпунщиком.

Гарпун — это род копья или дротика, наконечник которого снабжен еще боковыми загнутыми назад зубцами. Попадая в тело животного, гарпун сам собою отделяется от древка, оставаясь прикрепленным к тонкой, но чрезвычайно крепкой веревке, называемой тросом. Обыкновенно лодка подходит к киту с носа, но лодки эти должны иметь заостренную с обоих концов форму для того, чтобы можно было с одинаковой ловкостью давать и задний и передний ход, так как приближение к киту может быть крайне опасно, в особенности когда он ранен.

Раненый кит тотчас же ныряет, и в этот момент надо успеть размотать и спустить как можно больше трос, иначе животное, погружаясь в воду на очень значительную глубину, может увлечь за собой и лодку, к которой привязывается другой конец веревки. Но и животное, как и человек, требует воздуха, чтобы дышать, и чем быстрее кит ушел вглубь, тем скорее он принужден будет вновь всплывать на поверхность.

Собственно говоря, гарпун и трос служат лишь для того, чтобы только задержать кита, но случается иногда, что этот первый удар бывает и смертельным. Чаще всего раненое животное, нырнув, снова всплывает на поверхность и одну минуту остается неподвижным, а затем уже пускается в бегство; как только кит остановится или умерит ход до более медленного, гарпунщик начинает постепенно подтягиваться к нему со своею лодкой за прикрепленный к гарпуну трос.

Случается, что чудовище нырнет вторично; тогда необходимо опять как можно проворнее отдать трос и затем, выждав, когда кит вновь выплывет, начать к нему подтягиваться. Часто приходится повторить несколько раз этот прием для того, чтобы овладеть китом. Когда лодка подойдет достаточно близко, тогда тот человек, который управляет шлюпкой, метит в какой-нибудь жизненный орган и добывает животное острогою. Если брызнет кровь, то это значит, что удар удачен; если же никакой орган не задет, то кит снова пускается бежать, и в таком случае все дело приходится начинать снова.

На этот раз рулевой Уокер, державший наготове гарпун, закинул его так ловко, что он глубоко вонзился в тело животного и крепко зацепил его. Кит обошел вокруг «Сирены» в столь близком расстоянии от судна, что можно было видеть с палубы каждое движение как самого животного, так и преследовавших его китоловов. Раненый кит подошел довольно близко к судну и вдруг пустил над самой шлюпкой громаднейший фонтан, струя которого была на целых два фута выше кормы брига.

Боб не ограничился своим первым удачным ловом. Он с помощью своего верного приятеля Сократа изловил еще двух китов. На долю шлюпок «Молодой Курочки» также достались два кита, а «Друга Авраама» — только один, но зато очень большой. «Сирена» и «Марта» пробуксировали четырех из них до того залива или бухты в самом начале Южного канала, куда и Боб свез свою первую добычу; и эта бухта получила с тех пор название «Бухты китоловов». Когда Марк лично убедился в удобствах и пригодности этой бухты для предназначенной цели, то решил тотчас же построить здесь завод, чтобы сосредоточить в этом месте китобойный промысел. Вслед за тем «Друг Авраам Уайт» был отправлен на остров Ранкокус за всеми необходимыми для постройки здесь сараев и завода материалами, а после того было немедленно приступлено к постройкам.

За время первой китоловной экспедиции, продолжавшейся два месяца, было добыто в общем две тысячи бочек жира, хранившегося в трюме «Ранкокуса».

ГЛАВА XXV

Подобный успех, конечно, только еще более пристрастил переселенцев к китобойному промыслу. Вскоре наличных судов оказалось недостаточно. «Молодая Курочка» ушла в Гамбург с грузом в тысячу семьсот бочек жира. Суда для ловли оспаривали друг у друга, а потому решено было построить два новых брига, вместимостью по ста восьмидесяти тонн каждый. Шесть месяцев спустя «Драгун» и «Ионас» были торжественно спущены на воду.

Пик, то есть его вершина, стал излюбленным местом прогулок всех обитателей этого острова. Однажды рано утром Марк вместе с женой и детьми поднялся на вершину, чтобы полюбоваться оттуда восходом солнца. Утро было прекрасное. Но едва они достигли высшей точки Пика, как зоркие глаза Бриджит увидели вдаль три паруса. Вглядываясь в них пристальнее, Марк различил большое трехмачтовое судно и два брига. Суда эти находились на полпути между Пиком и Рифом.

До настоящего времени никто из посторонних не подозревал о существовании Миниатюрной бухты. Даже канаки не знали о ней; да и самый Пик являлся для них таинственным местом, внушавшим какой-то суеверный страх.

На вершине Пика постоянно имелось несколько подзорных труб. Марк взял одну из них и направил ее на переднее трехмачтовое судно.

— Что же это за суда, Марк? — спросила его жена, видя, что он не говорит ни слова. — Быть может, это «Ранкокус»?

Нет, он не пошел бы сюда! Это большое судно и, очевидно, сильно вооруженное, но я не могу распознать его флаг. Они как будто держат на Пик, что доказывает, что они, вероятно, не подозревают о существовании здесь колонии.

Но если эти места им не знакомы, то весьма естественно, что они прежде всего направятся сюда, так как Пик — самое выдающееся место и прежде всего обращает на себя внимание.

Да, ты права. Но все же появление этих судов в наших водах кажется мне подозрительным.

Тут же на лужайке играли дети. Марк послал с одним подростком записку Хитону, прося его отдать приказание, чтобы ни одна шлюпка не выходила из Миниатюрной бухты и чтобы никто из жителей не появлялся на тех местах, где их можно видеть с моря, и, наконец, чтобы повсюду были потушены огни.

Вслед за этим посланным Марк отправил другого, который передал приказание немедленно созвать всех защитников Пика и приготовиться к обороне и, кроме того, держать наготове шлюпку, которая по первому сигналу могла бы отправиться на Риф.

Тем временем неизвестные суда не стояли на месте, а на всех парусах шли к Пику. При более внимательном наблюдении Марк убедился, что главное судно — вооруженный фрегат, с исправными батареями и многочисленным экипажем, точно так же, как и оба брига, которые, очевидно, были вместимостью в двести тонн каждый.

Судя по маневрированию маленькой эскадры, можно было предполагать, что она намеревалась пройти у скал. Из этого Марк заключил, что никто из людей эскадры не знал о существовании Миниатюрной бухты.

Но вот, наконец, суда подошли уже настолько близко, что стало возможно направить зрительную трубу на палубу фрегата. При этом Марку вдруг показалось, что он в числе других лиц видит несколько индейцев. Мало того, это были не простые индейцы, а кто-то из вождей в полном боевом наряде и вооружении.

Вглядываясь в них с удвоенным вниманием, он различил в числе их Ваальди, и даже его сына.

Такого рода открытие было чрезвычайно важно. Присутствие на фрегате Ваальди не могло, конечно, предвещать ничего доброго. Если он в продолжение последних пяти лет молча покорялся своей судьбе, то все же не подлежало сомнению, что в душе его жила бессильная злоба и затаенная ненависть к белым.

Выждав время, когда эскадра обогнула северную оконечность острова и стала держать на юг, Марк, не теряя ни минуты, отправил шлюпку на Риф с приказанием спешить на всех парусах для того, чтобы своевременно предупредить Пэннока и других, в данный момент находящихся там, о предстоящей опасности. Шлюпка эта уже успела скрыться из вида, когда Хитон, наблюдавший за флотилией с одной из прибрежных скал, послал от себя гонца к губернатору на вершину Пика с вестью о том, что неизвестные суда достигли южного мыса острова и повернули на юго-восток, повидимому, направляясь к вулкану.

Опасность посещения колонии этою неизвестной флотилией, очевидно, еще не могла считаться миновавшей; флотилия легко могла зайти теперь на остров Ранкокус, так как лесопильня, водяная мельница, завод и главнейшие дома были видны с моря. Надо было предупредить и эту опасность; и потому, как только можно было с уверенностью решить, что эскадра пошла на юго-восток, тотчас же была отправлена другая шлюпка на Ранкокус с тем, чтобы предупредить тамошнее рабочее население о возможности посещения их острова непрошенными гостями.

Между тем с Пика продолжали наблюдать за подозрительной флотилией до той минуты, пока она не подошла к вулкану, после чего суда эти скрылись из виду, вероятно, потому, что убрали паруса.

Весь остальной день и вся следующая за ним ночь прошли в тревожном ожидании. На всех пунктах Пика продолжался самый бдительный надзор в продолжение всего дня, но нигде не появилось ни единого паруса. На следующее утро прибыла небольшая китобойная лодка с тремя или четырьмя здоровыми парнями прямо с острова Ранкоуса. Они выехали еще с вечера, но всю ночь им пришлось бороться с пассатными ветрами, вследствие чего они потеряли очень много времени. Привезенные ими вести настолько же огорчили, насколько и удивили всех присутствующих.

Оказалось, что накануне, с рассветом, три незнакомых судна внезапно появились у берегов острова. Как надо полагать, они избрали это направление, пользуясь темнотою ночи, потому что иначе их бы видели с Пика. Биглоу, находившийся как раз на острове Ранкоусе и пользовавшийся большим уважением среди переселенцев, тотчас же принял на себя роль распорядителя в этом важном деле. Женщины и дети немедленно все удалились в горы, в глубь острова, где были выстроены две-три хижины, предназначавшиеся служить убежищем на случай, подобный настоящему. Туда же были перенесены и наиболее ценные вещи и предметы, между прочим и две лесопильных пилы и всякие другие инструменты.

Отдав все эти распоряжения, Биглоу остался один без товарищей и вышел навстречу незнакомцам, которые только что успели стать на якорь и в большом числе высадились на берег. Достигнув того места берега, где находились тогда эти непрошенные гости, Биглоу очутился среди сотни вооруженных людей; схватив его, они потащили его к своему начальнику, которого, судя по внешнему виду, можно было принять за старого моряка грубого и дикого нрава. Человек этот совершенно не знал английского языка. Биглоу попытался было заговорить с ним по-испански, но и эта попытка оказалась напрасной. Наконец выискался какой-то человек, прекрасно говоривший по-английски, так что его можно было принять за природного англичанина; с помощью этого переводчика начался форменный допрос.

От Биглоу потребовали прежде всего, чтобы он сообщил число жителей на каждом отдельном острове, характер имущества их и прочее. По роду этих вопросов Биглоу смекнул, что имеет дело с пиратами. Морские разбойники были тогда не редкость в восточных морях; зачастую собиралось сообщество нескольких судов для того, чтобы с большей уверенностью совершать крупные грабежи и разбои. Экипаж, который видел перед собою Биглоу, очевидно, принадлежал к различным национальностям, хотя большинство из них были, невидимому, европейцы, во всяком случае европейского происхождения.

Биглоу был до крайности осторожен и осмотрителен в своих ответах, так что даже раздосадовал тех, кто его допрашивал. Когда его стали расспрашивать о Пике, то он принял особенно таинственный вид и сказал, что там обитают только одни птицы, и что порою там раздается страшный гром, который как будто выходит из самых недр этих грозных скал, и что никто еще до сих пор не мог пристать к этому таинственному острову. Все эти сведения, повидимому, не возбудили никакого подозрения, чего так сильно опасался Биглоу. Обнадеженный этим успехом, он вздумал понадобавить еще страхов, когда дело зашло о Рифе. Он уже принялся было рассказывать бесконечно длинную историю всяких чудес, когда его вдруг прервали на полуслове, заявив напрямик, что он лжет. После этого его тотчас отвели немного в сторону, где он очутился лицом к лицу с Ваальди.

Как только Биглоу узнал мрачное лицо этого грозного воина, он тотчас же понял, что скрывать и лгать было бы бесполезно, и, недолго думая, прибегнул как раз к обратному средству. Он принялся усиленно преувеличивать и число, и силы, и вооружение судов, которые он все называл по именам, в большинстве случаев не вымышленным, но с тою только разницею, что все мелкие шлюпки в его рассказе превращались в большие суда-бриги и фрегаты. Судя по его словам, колония во всякое время имела наготове войско в две тысячи человек.

Командир эскадры, называвший себя адмиралом, повидимому, не был особенно доволен этими сведениями. Он обратился к Ваальди за подтверждением слов Биглоу. Но на его вопрос следовал такого рода ответ, что, мол, он, Ваальди, слышал, что теперь число переселенцев значительно увеличилось против прежнего, но что ему неизвестно, какое число воинов они могут выставить. Он знает только одно, что у этих людей несметные богатства, что у них столько всякого материала, что они могут построить столько судов, сколько им вздумается. Эта последняя подробность в особенности возбуждала алчные аппетиты пиратов.

После этого адмирал не счел более нужным заниматься расспросами и, не теряя больше времени, принялся обзирать остров. Как все дома, так и мельницы были разграблены. Лесопильня была сожжена. Одна водяная мельница уцелела только потому, что стояла немного в стороне и осталась незамеченной пиратами. Затем они взорвали одну из печей для обжигания извести. Биглоу никто ничем более не беспокоил, о нем даже как будто все забыли. Поэтому, как только настала ночь, он собрал еще двух-трех человек и вместе с ними поспешил с докладом к Марку.

ГЛАВА XXVI

Выслушав отчет Биглоу, Марк сразу понял, что имеет дело с пиратами. Экипажи этих пиратских эскадр набирались из подонков всех наций и не отступали ни перед чем, если дело шло о наживе. Раз Ваальди находился при них, не было уже надобности спрашивать, каким путем эти люди узнали о существовании колонии. Не подлежало никакому сомнению, что этот алчный вождь вошел с ними в соглашение с тем, чтобы получить свою долю добычи.

Марк нимало не опасался за Пик. Даже и в том случае, если бы незнакомцам удалось открыть вход в Миниатюрную бухту, то и тогда защитники его благодаря необычайно выгодному положению своему на неприступных высотах всегда будут в состоянии с успехом отразить каждое нападение. Но если Риф оказался бы во власти пиратов, то потребовались бы целые годы, чтобы загладить эту потерю. Тотчас после полудня Марк приказал приготовить шлюпку и отправился на Риф.

На полпути со шлюпки заметили судно, которое, казалось, направлялось туда же. То была «Анна», возвращавшаяся после того, как известила всех китоловов о грозящей опасности. На ней находился Боб Бэтс. «Анна» могла быть названа самым быстроходным судном колонии, и потому на ней следовало устроить главную квартиру. Наиболее ходким после нее судном могла считаться «Марта». За ним была послана та шлюпка, на которой выехал Марк, а сам он пересел на «Анну». «Марта» должна была немедленно присоединиться к ним на случай поручения, а сам Марк направился к китобойной бухте.

Там Марк убедился, что все китоловы уже предупреждены и принимают необходимые меры предосторожности. Однако, всего этого было мало, следовало еще знать, можно ли безусловно рассчитывать на преданность канаков. Число их достигало в общей сложности, по меньшей мере, двухсот человек, а колония могла выставить в данный момент всего-навсего не более трехсот шестидесяти воинов. Легко могло случиться, что все эти боевые силы необходимо будет двинуть на один какой-нибудь пункт; тогда придется оставить у себя за спиной толпу канаков в полтора-два человека полновластными хозяевами Рифа. Такого рода перспектива отнюдь не казалась приятной Марку. Он пришел к убеждению, что их следует стянуть всех в одном определенном пункте и занять здесь какой-нибудь спешной, срочной работой. Задача эта была поручена Биглоу, который решил собрать вокруг себя всех индейцев, сформировать из них экипажи для восьми-десяти свободных лодок и отправиться с этой эскадрой в открытое море.

Таким приемом он рассчитывал удалить их на целые сутки с Рифа и лишить возможности сноситься с Ваальди, если бы тот вздумал появиться у берегов Рифа.

Когда все эти меры были приняты, Марк вышел из китоловной бухты, чтобы вернуться на кратер; на высоте южного мыса он встретил Боба, прибывшего на «Марте». Тогда оба эти судна приняли на себя заботу самого тщательного наблюдения за морем по направлению к острову Ранкокусу.

Юго-западный угол группы маленьких островов, примыкавших к Рифу, представлял собою длинную, узкую косу, под ветром которой имелся прекраснейший рейд. Коса эта была известна всем жителям колонии под названием Стрелки острова Ранкокуса, или Ранкокусовой Стрелки, вследствие того, что конец этой косы с математической точностью указывал направление.

Вот эта-то Ранкокусова Стрелка и была избрана Марком местом встречи или, вернее, сходимости для судов его маленькой флотилии. Понятно, что, собирая вокруг себя столь незначительное число судов, Марк не мечтал создать из них силы для сопротивления враждебной эскадре, а намеревался только организовать правильную охрану или, так сказать, сторожевую флотилию. Он был уверен в том, что Ваальди направит своих сотоварищей непременно в западный канал, так как эти места ему были наиболее знакомы, а потому позиция у Стрелки острова Ранкокуса являлась лучшей и удобнейшей для наблюдений.

«Анна» прибыла первая к назначенному месту; затем и остальные суда пришли одно за другим; все сообщили одну и ту же весть, что неприятель нигде не показывается. По приказанию Марка Боб Бэтс продлил свою рекогносцировку до Пика, но и там все было совершенно спокойно, и никто не видал и не слышал о незнакомцах.

Около полуночи Марк решил организовать правильную сторожевую линию; каждое судно должно было, отойдя на расстояние семи миль одно от другого, дожидаться рассвета на своем посту, наблюдая внимательно за своею дистанцией.

Когда солнце уже взошло, прибыла «Нэшамони» с докладом, что в ее районе не показывалось за ночь ни одно судно; затем она получила предписание немедленно отправиться прямым путем на остров Ранкокус. В случае, если там все спокойно, командир должен был сойти на берег и постараться повидать кого-нибудь из жителей этого острова, чтобы получить от них самые точные сведения. Если полученные им известия не принудят его поступить иначе, ему предписывалось зайти на Пик и только после того вернуться вновь на Риф.

Остальные суда также явились с докладом, что никто не видел чужих судов. Обстоятельство это начинало тревожить не на шутку Марка. Что, если пираты задумали направить нападение на какой-либо другой пункт Рифа? Ведь такое нападение на тот пункт группы, где его не ожидали, могло иметь самые роковые

последствия; например, если неприятель подойдет с подветренной стороны, то нападет как раз на ту часть Рифа, которая располагала наименьшими средствами обороны, так как по своему естественному положению менее других нуждалась в них, считаясь в общем смысле самым надежным местом для склада различного имущества колонии.

Под впечатлением этой новой мысли Марк сделал следующие распоряжения: одной из шлюпок было приказано проследовать северным каналом между мелкими островками вплоть до самого Рифа, другой предписывалось остаться и крейсировать вблизи Стрелки. «Анна» и «Марта» вместе отправились на поиски за неприятельской эскадрой. Прошло уже около семи часов с тех пор, как они шли на расстоянии двух миль друг от друга по направлению острова Ранкокуса без всякой пользы для дела. Тогда Марк предложил Бобу Бэтсу продолжать идти далее в том же направлении еще некоторое время, а на следующее утро назначил ему свидание у Стрелки. Сам же он отправился на Пик, чтобы там лично осведомиться, нет ли каких-либо известий о пиратах, и посоветоваться с Хитоном.

Около четырех часов утра «Анна» вошла в Миниатюрную бухту. Здесь все было спокойно, даже и «Нэшамони» еще не показывалась у берегов Пика.

Повидавшись с Хитоном и некоторыми другими, Марк в восемь часов утра снова вышел в море, а к десяти был уже у Ранкокусовой Стрелки. Три шлюпки на известном расстоянии одна от другой зорко сторожили окрестности, и, как только он приблизился к ним, ему немедленно было донесено, что вдали появился парус, и Марк тотчас же узнал «Друга Авраама», который обошел все побережье Рифа для того, чтобы созвать китобойные суда и шлюпки, после чего вернулся обратно и теперь ожидал дальнейших указаний Марка.

Так как «Друг Авраам» не мог считаться легким и быстроходным судном, то Марк не решился посылать его в открытое море на поиски пиратов, но приказал Биглоу, командовавшему этим судном, охранять берега Рифа и не удаляться от них слишком далеко, чтобы ему нельзя было отрезать сообщение с сушей. При этих условиях ни одно судно не могло бы подойти к берегу без того, чтобы его не увидел Биглоу, а этот последний до того хорошо изучил все внутренние каналы, что не только имел возможность во всякое время уйти от неприятеля, но еще успеть сообщить жителям всех островов этой группы о намерениях неприятеля.

Придя к назначенному месту, Марк застал уже все суда на месте сбора, за исключением одной только «Нэшамони», которая все еще не возвращалась; ее ожидали с часу на час.

«Марта» также была уже недалеко, но если что-либо особенно смущало Марка, так это мысль, что среди людей, находившихся в настоящую минуту при Ваальди, могли быть и некоторые из тех канаков, которые употреблялись колонией для различных работ на Рифе. Люди эти хорошо знали все ходы и выходы каналов и проливов, а также и глубину и ширину почти каждого из них. Если так, то пираты могли напасть на Риф одновременно с разных сторон и почти беспрепятственно овладеть всем островом и прилегающей к нему группой островов, несмотря на все те меры предосторожности, которые были приняты Марком. Опасность в подобном случае грозила серьезная.

Но вот наступила минута, когда, казалось, пришел конец томительной неизвестности. Сторожевые шлюпки одновременно дали знать о приближении «Марты» и «Нэшамони», и полчаса спустя командиры этих судов явились с рапортом к Марку. «Нэшамони» только что пришла с острова Ранкокуса; пираты оставались там очень недолго и вскоре после того, как уехали Биглоу и его товарищи, сели на свои суда и покинули остров с очевидным намерением не возвращаться более туда. Судя по избранному ими направлению, можно было предположить, что они пошли к вулкану, но вместе с тем «Марта», которая обошла кругом вулкан, нигде не видела и признаков пиратских судов. Куда же могли они деваться?

Марк уже отдал приказание, чтобы «Марта» отправилась немедленно в этом направлении на розыски пиратов, как вдруг совершенно неожиданно одна из сторожевых шлюпок дала знать о появлении неприятельских судов с подветренной стороны.

Не прошло часа, когда уже на этот счет не оставалось никаких сомнений: то были действительно пираты. Мало того, впереди их шел «Друг Авраам Уайт», спешивший на всех парусах к южному проливу. Неприятельские суда нагоняли его с каждой минутой, и расстояние, отделявшее их от «Друга Авраама», видимо, уменьшалось. Положение злополучного судна было поистине критическое, да притом же и избранное им направление привело бы пиратов как раз к самому Рифу.

Нельзя было медлить ни минуты. Марк смело пошел навстречу пиратам в надежде, что неприятельские суда также погонятся за ним и тогда принуждены будут разделиться. Бэтс тотчас угадал план губернатора и с своей стороны помог ему в его намерении, выйдя тоже навстречу неприятельскому флоту.

Их два брига, державшиеся немного южнее, тотчас же погнались за «Анной» и «Мартой», предоставив фрегату преследование «Друга Авраама».

Марк чрезвычайно обрадовался такому обороту дела, так как знал, что судно с таким водоизмещением не решится войти в столь узкие проливы, в которые, как известно было и всем канакам, никогда не входило ни одно более или менее крупное судно.

Неприятельские суда неслись, как на крыльях. Счастье еще, что, Друг Авраам Уайт» был недалеко от пристани; все-таки в момент, когда он, обогнув мыс, спешил укрыться у берегов, фрегат почти настиг его, так что он едва только успел войти в пролив. Пираты открыли по нем пальбу всем правым бортом, при чем шхуна потеряла свою грот-мачту и одного канака, убитого наповал.

Фрегат не решился следовать далее за «Другом Авраамом», как того и ожидал Марк, но не желая вместе с тем даром терять время, тотчас повернул на другой галс и пустился в погоню за «Анной» и «Мартой», которые в это время уж были на полпути между Рифом и Пиком. Однако, Марк отнюдь не хотел допускать неприятеля ближе, чем того требовала необходимость, ко входу в Миниатюрную бухту и потому, как только убедился, что «Друг Авраам» благополучно успел укрыться между островами, тотчас изменил направление и стал держать на остров Ранкокус.

Все три неприятельских судна последовали за ним и полчаса спустя успели уже настолько удалиться от южного мыса и канала, что, по крайней мере, в настоящее время Марку нечего было опасаться за этот пункт.

До настоящей минуты все предположения Марка осуществились с поразительной точностью. Погоня осталась за ним в целой миле расстояния, и все, казалось, шло как нельзя лучше. Тогда он сам повернул на другой галс и пошел к северо-западу, вследствие чего пираты выиграли значительное расстояние. Но зато Марк имел перед собой мыс Ранкокусовой Стрелки и знал, что неприятель будет принужден держаться в открытом море, чтобы обойти эту косу, тогда как «Анна» и «Марта», как более легкие и мелкие суда, могли держаться берегов.

Им пришлось вытерпеть огонь неприятельских батарей, но он не причинил никаких серьезных аварий ни тому, ни другому судну. Вскоре после того они находились уже под прикрытием берегов. Тем не менее пираты не хотели отказаться от преследования, и минут двадцать спустя, благополучно обогнув косу, продолжали погоню. Этого-то именно и надо было Марку! Теперь он был почти уверен, что Ваальди укажет пиратам единственный известный ему путь к Рифу, а с такого рода шкипером им потребуются целые сутки на то, чтобы добраться до Рифа, притом еще под непрерывным огнем расположенных здесь повсюду батарей.

ГЛАВА XXVII

Марк желал завлечь своих преследователей в запасный канал, и это ему удалось как нельзя лучше. При входе в этот рейд находился маленький островок, близ которого имелось прекрасное якорное место, где обыкновенно приставали суда колонии. Здесь стояли два-три домика и небольшая батарея из двух девятифунтовых орудий. У этого-то островка экипажи обоих судов сделали высадки после того, как самые суда укрылись в надежном месте, в одном из внутренних бассейнов Рифа.

Очевидно, враждебные действия неприятеля должны были начаться именно здесь. Отсюда Марк немедленно отправил шлюпку на Риф с письмом, в котором извещал Пэннока о ходе дел и сообщил ему дальнейшие свои распоряжения.

«Анна» и другие сопутствовавшие ей суда уже около часа стояли на якоре, когда, наконец, неприятельские суда вошли на рейд и легли в дрейф в какой-нибудь полумиле от батарей. Вслед за тем они подняли белый флаг в знак того, что желают вступить в переговоры. Марк, никак не ожидавший этого, не знал, как ему быть. По некотором размышлении он решил сесть на шлюпку с выкинутым белым флагом и, отъехав на известное расстояние от берега, выждать, что будет дальше. Едва успел он достигнуть заранее намеченной им черты и остановиться, как с фрегата спустили шлюпку под тем же белым флагом, и вскоре обе лодки очутились на расстоянии длины весла друг от друга.

В неприятельской шлюпке, кроме шести здоровых гребцов, находились еще три человека; один из них, как оказалось впоследствии, был адмирал, другой — его переводчик, прекрасно говоривший по-английски, а третий был не кто иной, как сам Ваальди.

Переводчик первый вступил в переговоры.

— Есть ли здесь на шлюпке кто-либо, кто был бы уполномочен местными властями говорить с нами от имени всех здешних жителей?

— Да! — отвечал Марк. — Я имею от них полномочие для переговоров.

— К какой нации принадлежит ваша колония?

— Прежде, чем я отвечу на этот вопрос, я желал бы знать, кто меня допрашивает, — спокойно возразил Марк.

— Военное судно признает лишь за военным судном право спрашивать его! — возразил, улыбаясь, переводчик.

— Так вы называете себя военными судами?

— Военные ли мы суда, это вы вскоре увидите, если только вы принудите нас прибегнуть к силе. А впрочем, мы пришли сюда не с тем, чтобы отвечать на какие бы то ни было вопросы, а с тем, чтобы задавать их. Отвечайте! Принадлежит ваша колония к какой-либо нации? Да или нет?

— Мы все родом из Соединенных Штатов Америки! — ответил Марк.

— Из Соединенных Штатов Америки?—повторил переводчик с плохо скрываемым чувством презрения. — Да, ваши суда подчас бывают недурной добычей, как это известно всем воюющим народам Европы. И так как почти все пользуются наживой, то почему бы и нам не пожить здесь! — полушутливо-полунасмешливо добавил он.

Это замечание рассердило Марка, но, тем не менее, он счел за лучшее затаить до поры свой гнев и хладнокровно спросил, что, собственно, от него желают и с какого рода предложениями явились они сюда. На это переводчик изложил ему в кратких словах суть дела: прежде всего от него требовали, чтобы все суда колонии были немедленно переданы адмиралу и снабжены всяким провиантом и запасами на дальнейшее плавание. Раз это главное условие будет исполнено, то остальное все само собой уладится; при этом, разумеется, от колонии будут потребованы заложники впредь до выполнения колонией принятых на себя обязательств. В числе этих заложников обязательно требовалось несколько опытных лоцманов, так как адмирал имел намерение посетить столицу колонии, которая, как ему сообщили, находится милях в двадцати или тридцати отсюда, в центре архипелага.

Прежде чем дать ответ на эти наглые требования, Марк еще раз, все с тем же спокойствием, спросил, с кем он имеет дело. Но переводчик и на этот раз обошел щекотливый вопрос молчанием. Тогда Марк объявил им свой решительный отказ.

Такой ответ, как видно, поразил пиратов. Судя по ровному, невозмутимому тону Марка, они, конечно, ожидали совершенно иного решения и полагали, что им удастся без труда получить все то, чего они желали. Узнав, что представитель колонии отказался удовлетворить его требования, адмирал излил свой гнев в целом потоке проклятий и угроз по адресу всех жителей колонии. Но Марк и его спутники и после того оставались невозмутимыми до конца. Шлюпка пиратов вернулась на свой фрегат, а переселенцы возвратились к своей батарее. Едва лишь адмирал успел войти на палубу своего судна, как с фрегата грянул первый выстрел; то был сигнал начала военных действий. Ядро попало прямо в батарею и перебило руку канаку, который в этот момент прикладывал фитиль к запалу пушки.

Бомбардировка была серьезная. Тридцати орудиям фрегата Марк мог противопоставить лишь свои два орудия; но эта маленькая батарея действовала на славу, снарядов было вволю; земляной вал служил им превосходной защитой, и вскоре всем стало ясно, что бой этот не столь неравный, как бы оно казалось с первого взгляда. Сам Марк и Бэтс лично наводили орудия, и ни один снаряд их не пропал даром: каждый оставлял по себе след в какой-либо из частей корабля; а между тем снаряды, направленные на батарею, или уходили глубоко в насыпь земляного вала, защищавшего батарею, или перелетали через парпеты. Одним словом, после полуторачасовой пальбы с той и другой стороны у переселенцев был всего только один раненый, тот самый канак, которому первое неприятельское ядро раздробило руку, тогда как у пиратов насчитывалось семь человек убитыми и более двадцати ранеными.

Если бы бой этот продолжался еще некоторое время при тех же условиях, то он, очевидно, должен был бы окончиться полнейшим торжеством колонии. Но пираты во-время поняли, что плохо взяли за дело, и по приказу адмирала один из бригав двинулся к северу, уходя из-под выстрелов, и вслед за тем обрушился на северную часть батареи.

Батарея эта была построена таким образом, что огонь ее был обращен только вперед, но в боковых фазах не имелось амбразур, через которые огонь мог бы быть направлен на рейд. Правда, высокие земляные укрепления были воздвигнуты с обоих флангов с целью оградить прислугу, но такого рода пассивное сопротивление не могло оказать делу никакой услуги в случае более продолжительного сражения.

Видя, что нет никакого расчета оставаться здесь долее, и опасаясь, чтобы не был отрезан путь к отступлению, Марк решил вернуться на суда со своими людьми. Это было дело далеко не легкое и не безопасное. Один из жителей колонии был убит наповал во время этого трудного отступления, двое канаков были тяжело ранены, но в конце концов им все-таки удалось добраться до своих судов. Менее чем через четверть часа маленький десант вернулся на «Анну» и «Марту». Батарея, понятно, оказалась в руках пиратов. Строения и дома были сожжены, магазин и пороховой погреб взорваны, орудия заклепаны.

Пиратский фрегат продолжал следовать далее все тем же западным каналом, имея перед собой на расстоянии пушечного выстрела суда колонии. Канал этот был чрезвычайно извилист, не говоря уже о том, что его пересекало бесчисленное множество мелких проливчиков и каналов; в них нелегко было разобраться даже и людям, уже давно знакомым с их расположением и направлением. Это обстоятельство внушило Марку одну счастливую мысль, которая тотчас же заслужила полное одобрение Боба.

На расстоянии приблизительно одной мили в глубь архипелага между мелкими островами находился один из многочисленных здесь ложных проливов, весьма заманчивого вида; немного далее он вдруг круто сворачивал и уходил на север, в сторону от всех населенных местностей Рифа, суживаясь до такой степени, что там едва ли возможно провести даже «Анну» и «Марту». Боб уверял, что их суда пройдут благополучно и смело выйдут в залив, и что, во всяком случае, необходимо сюда завлечь врага, чтобы отвести его в сторону от

кратера и от столицы Рифа и окончательно сбить с пути. Марк, конечно, не мог не согласиться с этими доводами Боба и последовал его примеру.

«Нэшамони» Марк отослал окольным путем на Риф с письмом к Пенноку, в котором он просил его прислать ему немедленно на тот пункт, где пролив суживается до крайней степени, одно двенадцатифунтовое орудие с лафетом и возможно большее количество снарядов. После того он смело вошел в канал, который был ему очень знаком. Воды здесь было всюду более чем достаточно даже и для большого судна, за исключением, впрочем, только одного места, где находилась весьма значительная по своим размерам и протяжению мель. Над нею было не более пяти метров воды; это было вполне достаточно для судов Марка и даже, может быть, и для обоих бригов, но что касается фрегата, то в случае, если бы нашим друзьям удалось залучить его в этот пролив, можно было сказать с уверенностью, что ему никоим образом не выбраться отсюда.

Солнце уже клонилось к закату, когда Марк достиг мели. Он принялся лавировать вокруг и около нее, надеясь завлечь сюда в ночной темноте адмиральский фрегат. Но осторожный адмирал был не так прост, чтобы даться в ловушку; едва только стемнело, как он приказал убрать все паруса и бросил якорь. Вероятно, он думал, что находится на пути к Рифу, и потому не видел никакой надобности торопиться, уверенный в том, что добыча не уйдет от него.

Обе враждующие стороны готовились провести ночь на якоре. В этот момент «Анна» и «Марта» находились менее чем в полумиле расстояния от того места, где пролив суживался до размеров широкой канавы, и где этим судам во что бы то ни стало следовало пройти, так как в этом для них было одно спасение. Пользуясь темнотою ночи, Марк незаметно перешел с «Анны» на «Марту», потому что эта последняя была шире в своей килевой части, и если бы ей удалось пройти через ущелье, то «Анна» вслед за ней прошла бы без труда.

Без шума, почти крадучись, тайком двинулся шлюп по направлению к скалистому ущелью. Первое время все шло хорошо. «Марта» осторожно подвигалась вперед, но вскоре попала вдруг в такое место, что очутилась, как в клещах. Но обстоятельства не допускали промедления, пройти было необходимо во что бы то ни стало; и вот все бывшие на судне люди дружно принялись за работу. Все имевшиеся под рукой орудия были с большой энергией пущены в дело, и, наконец, после упорного и долгого тяжелого труда им удалось общими силами удалить ту часть утеса или скалы, которая, непомерно выдаваясь вперед, мешала пройти судну. Вскоре после полуночи работа эта была окончена, и «Марта», пройдя победоносно через ущелье, вышла в залив и стала там на якоре в нескольких сажнях от опасной теснины.

Немного отдохнув после того, как эта трудная задача была благополучно выполнена, Марк вернулся назад на свое судно и тайно отвел его подальше от неприятельских судов из опасения, что пираты, пользуясь темнотою ночи, вышлют против «Анны» свои шлюпки.

Предосторожность эта, как оказалось впоследствии, была совсем не лишней, потому что поутру, когда уже рассвело, со шхуны видели более семи шлюпок, возвращавшихся на пиратские суда после напрасных поисков шлюпа и шхуны, которых они нигде не нашли.

Вскоре после того пираты возобновили враждебные действия, но перерыв в течение ночи дал нашим переселенцам значительные стратегические преимущества: то крупное полевое орудие, которое требовал Марк, прибыло с Рифа ночью и теперь было уже установлено на своем лафете, вполне готовое к бою.

С рассветом все суда тронулись с места, продолжая идти по разветвляющемуся во все стороны каналу. Удивленный отсутствием одного из колониальных судов, то есть «Марты», адмирал предполагал, что, вероятно, оно успело уйти вперед, и теперь очень затруднялся относительно того пути, по которому ему надлежало следовать. Из разумной предосторожности фрегат держался все время середины канала, зорко наблюдая за «Анной», которая все еще кружилась около мели. Но вот адмиральское судно, стараясь настигнуть шхуну, повернуло на такой галс, что сразу очутилось по ту сторону мели, которая теперь оказалась у него с подветренной стороны. После того, как этот маневр был счастливо исполнен, адмирал вздумал попытаться подойти ближе к «Анне», которая в то время шла вдоль противоположной стороны мели.

Воспользовавшись удобною минутой, Марк вдруг совершенно неожиданно повернул на другой галс, делая вид, что хочет вернуться назад. Адмиральское судно повторило за ним его маневр, не желая дать уйти «Анне». При исполнении этой эволюции адмиральский фрегат, как и рассчитывал Марк, вдруг сразу всем корпусом врезался в мель и крепко засел там. Тогда Марк, не теряя времени, еще раз переменял курс и смело прошел мимо фрегата, зная, что экипаж его в данный момент был слишком занят своей бедой, чтобы думать о возможности вредить теперь неприятельскому судну.

Фрегат засел всего в какой-нибудь полумиле от того места, где было установлено прибывшее в ночь с Рифа орудие, которое тотчас же открыло по нем губительный огонь.

Тем временем Марк сошел на берег, отдав приказание вывести «Анну» из канала, чтобы обезопасить и ее от враждебных действий двух неприятельских бригов, а сам усердно принялся за дело. На его судне имелась небольшая переносная жаровня, которую он приказал спустить на берег с намерением применить ее для накаливания ядер.

Между тем один из бригов сделал вид, будто намеревается притти на помощь адмиралу, тогда как другой не переставал палить всем бортом с целью принудить замолчать батарею. Но вскоре ядро колонистов пробило его корпус и тем принудило удалиться. Как с той, так и с другой стороны все внимание сосредоточивалось на фрегате.

Не подлежало, конечно, сомнению, что адмирал находится теперь в весьма критическом положении. Ему оставалось только стараться сняться с мели под непрерывным огнем неприятельской батареи. А дело это было нелегкое, потому что грунт был илистый. Следовало прежде всего облегчить судно, удалив по возможности большую часть груза, вследствие чего пираты немедленно принялись работать насосами и заводить якоря. В это время бриги, находившиеся, очевидно, под управлением довольно плохих командиров, держались в стороне и совершенно бездействовали. Они не попытались даже хоть сколько-нибудь помочь адмиралу. Люди экипажа без толку суетились и бегали взад и вперед по палубе, не замечалось не только никакого порядка, но и дисциплина, необходимая на судах, здесь совершенно отсутствовала.

После двухчасовой канонады, имевшей весьма печальные результаты для пиратов и не причинившей ни малейшего вреда переселенцам, Марк, наконец, вытащил из огня докрасна раскаленное ядро и лично зарядил им свое орудие; затем он сам навел его и приложил фитиль к запалу. Весь заряд проник в корпус фрегата, вслед за тем последовал небольшой взрыв, произведший страшный переполох на судне. Второе такое же ядро тоже попало в цель; видя, что пираты окончательно обезумели, Марк не стал более дожидаться раскаленных снарядов, а хватал первый попавшийся под руку и посылал их в неприятеля один за другим непрерывно, не давая ему времени очнуться.

Не прошло и четверти часа с того момента, как Марк выпустил из своего орудия первое раскаленное ядро, когда с левого борта адмиральского судна показался сперва легкий дымок, а затем и пламя.

После того уже не оставалось ни малейшего сомнения относительно исхода сражения.

С этой минуты пираты забыли всякую дисциплину и, не внимая никаким приказам, распоряжениям и даже увещаниям своего начальства, стали заботиться и хлопотать лишь каждый о себе, стараясь по возможности захватить и спасти свою долю добычи.

В это время «Марта» и «Анна» снова вошли в канал, благополучно пройдя сквозь тесное ущелье, и подошли к месту сражения. Марк приказал поднять свое полевое орудие на шлюп, на который взошел и сам, решившись в свою очередь гнаться за обоими бригами, которые предусмотрительно удалились более чем на целую милю от злополучного фрегата с целью избежать опасных последствий взрыва, который, казалось, должен был разразиться с минуты на минуту.

Адмирал и все уцелевшие люди его экипажа кинулись к шлюпкам и, побросав все свои сокровища и богатства, спасали только свою жизнь. После того, как они покинули фрегат, на судне оставалось еще немалое число пиратов в опьяненном состоянии, доходившем до полнейшего бесчувствия, не сознававших и даже не подозревавших грозившей им опасности. Все эти люди, равно как и раненые, были безжалостно предоставлены своей участи, и никто и не подумал позаботиться о них. В числе раненых находился также и Ваальди, которому оторвало ядром руку.

Хорошо, что Марк, минуя уже охваченный пламенем фрегат, проходил стороною, стараясь держаться от него как можно дальше. Не успел он отойти от него на четверть мили, как злополучное судно взлетело на воздух с невероятным треском и шумом. Ближе других от места катастрофы в роковой момент находилась «Марта». Среди обломков всякого рода, переброшенных силою взрыва на ее палубу, оказался обезображенный труп Ваальди, который тут же был признан всеми присутствующими жителями колонии.

Пираты ни о чем другом не думали теперь, как только об отступлении. Но Марк не давал им времени очнуться; его полевое орудие не переставало осыпать неприятеля градом ядер. Обезумевшие пираты и их адмирал, вместо того, чтобы преследовать свои прежние цели, принуждены были заботиться лишь о том, как бы спасти свои два брига и благополучно вывести их вновь из тесного пролива в открытое море.

Адмиралу, конечно, нетрудно было выйти теперь на настоящую дорогу, придерживаясь того самого пути, каким он шел сюда, что он и сделал. Но тут ему совершенно неожиданно представлялось другого рода печальное осложнение. Очевидно, между адмиралом и офицерами одного из его бригов существовали какие-то давнишние недоразумения.

Вследствие этого адмирал, чтобы обеспечить себе содействие брига в этом деле, взял к себе на фрегат значительную сумму денег, представлявших собою часть добычи, приходившейся на долю этих офицеров.

Деньги эти должны были, так сказать, служить залогом или ручательством в том, что эти недовольные не покинут своего адмирала в наиболее важный или критический для его предприятия момент.

Понятно, что такого рода поступок возбудил лишь еще в большей мере гнев и неудовольствие этих людей. Только надежда на крупную наживу, на что рассчитывали все, отправляясь на Риф, еще отсрочила на некоторое время полный разрыв между адмиралом и командирами этих бригов. Но когда эта надежда их обманула, то злоба на «адмирала-неудачника» разразилась с удвоенной силой, и все время отступления своего перед следовавшими за ним по пятам «Анной» и «Мартой» один из бригов готовился принять грозные меры с

целью заставить адмирала возвратить забранную у них сумму, а другой, подозревая намерения собрата по ремеслу, готовился с не меньшей энергией к отчаянной обороне.

И едва только бриги очутились в открытом море, как между ними начался бой. Недовольный бриг открыл огонь по адмиралу, а этот немедленно отвечал ему тем же. Бой разгорался с каждой минутой, и неприятели сходились все ближе и ближе, до того, что вскоре облака дыма от пальбы обоих судов слились в одно громадное белое облако.

Сражение продолжалось несколько часов. Наконец, перекрестный огонь прекратился, и оба брига занялись каждый починкою своих аварий и уборкою раненых. Но перерыв этот длился недолго, и пальба целым бортом с того и другого судна возобновилась еще с большим ожесточением.

Марк, видя, что ему здесь делать нечего, и убежденный в том, что всякая опасность миновала, решил вернуться, наконец, на Риф. Между тем оба неприятельские брига продолжали удаляться, не прекращая канонады. Вскоре даже и облака дыма, обозначавшего на горизонте путь этих судов, не стало видно. Колонисты поняли, что, наконец, избавились от этих опасных врагов.

ГЛАВА XXVIII

После благополучного окончания того, что жители колонии называли «пиратской войной», колония долгое время наслаждалась полнейшей тишиной и спокойствием. Китобойный промысел продолжал процветать по-прежнему и стал для многих колонистов источником больших доходов.

В последнее время Марк Вульстон и Бриджит начали подумывать о возвращении в Америку. Нельзя не сознаться, что этому решению много содействовало и оскорбленное мелкое самолюбие Марка, мало подготовленного к свободной общественной жизни. Он не мог помириться с тем, что когда колония развилась и численно увеличилась, колонисты не захотели подчиняться исключительно деспотической власти «губернатора», а после истечения пятилетнего срока даже решили переизбрать своего губернатора. Была принята новая конституция и состоялись выборы. На них был избран губернатором на два года Пэннок. Семья Вульстонов, претендовавшая на первенство в колонии, оказалась устранившею.

Так произошла незаметно в колонии Кратера та революция, которая Марку казалась совершенно невозможной и была для него неожиданностью. Волей-неволей Марку пришлось подчиниться и стать простым гражданином там, где он надеялся всегда быть первым лицом.

Марк Вульстон занялся приведением в порядок всех своих частных дел, намереваясь вслед за тем предпринять продолжительное путешествие.

Когда вернулся «Ранкокус», возивший в Америку полный груз китового жира, Марк объявил о своем намерении вскоре отплыть на этом судне. Братья его, Хитон с женою и детьми. Боб Бэтс с семьей выразили также желание отправиться в Америку вместе с Марком и его семьей, чтобы еще раз повидать берега Делавара. Скупив все оставшиеся еще запасы китового жира и приобретя за дешевую цену громадную коллекцию великолепнейших раковин, Марк собрал почти все свое движимое имущество, состоявшее из множества очень ценных предметов, при чем оказалось, что даже «Ранкокус» не в состоянии вместить всего «губернаторского» имущества, и потому Бэтс решил отозвать с китоловного промысла свой бриг. Месяц спустя по прибытии «Ранкуса» оба судна были готовы к отплытию, и Марк двинулся в путь вместе с Бобом Бэтсом, следовавшим за ним на своем бриге.

Возвращение семьи Вульстон, уехавшей, по слухам, бог весть в какие страны на неопределенный срок, явилось настоящим событием для такого маленького городка, как Бристоль. А в семьях Анны и Бриджит этот совершенно неожиданный приезд внес радость и ликование.

Благодаря прекраснейшему воздуху и климату тех островов, где они жили, обе молодые женщины казались такими же свежими и молодожавыми, как в то время, когда обе они были еще молоденькими девушками.

Когда «Ранкокус» вновь пустился в обратный путь, то уж на судне, кроме людей экипажа, не было никого из бывших жителей колонии Кратера, кроме Марка Вульстона и Боба Бэтса да еще капитана Саундерса, командовавшего «Ранкокусом».

Рейс между Вальпарайзо и Кратером совершался обыкновенно в течение пяти недель, но иногда на это требовался и более продолжительный срок, что главным образом зависело от состояния пассатных ветров. На этот раз Марк вздумал избрать иной путь к Рифу; ему хотелось попытаться держать больше на юг, чтобы, минуя группу островов Бэтто, подойти прямо к Пику.

И вот в одно прекраснейшее утро, когда уже, по его расчетам, «Ранкокус» должен был находиться не более как милях в двадцати от Пика, Марк, выйдя поутру на палубу, был крайне удивлен, что гигантских скал все еще нигде не было видно. Окликнув того матроса, который стоял на вахте, Марк осведомился у него, не видно ли ему впереди Пика. На это последовал ответ, что на всем громадном видимом пространстве океана нигде не появлялось берега даже вдаль.

Прошло еще несколько времени. «Ранкокус» продолжал идти все в том же направлении, как вдруг на горизонте показался какой-то остров. Когда же к нему подошли на более близкое расстояние, то, к немалому удивлению всего экипажа, оказалось, что этот остров им совершенно незнаком и даже, очевидно, необитаем. Спустили шлюпку для того, чтобы обозреть его вблизи, и вдруг Марку показалось, что он узнает какие-то знакомые контуры и очертания скал. Когда же лодка подошла к северной стороне острова, или, вернее, утеса, он с ужасом увидел, что на скале, как часовой, стояла одна высокая и одинокая сосна. Невольный крик, крик ужаса и горя вырвался из груди моряков. Страшная истина стала им понятной. То, что они сейчас видели перед собой, было не чем иным, как вершиной Пика, а дерево, одиноко торчащее над голой скалой, было то самое, которое Марк использовал для сигнала в случае приближения грозного Ваальди к Пику. Не могло быть сомнения, что весь Пик со своим сказочным, прекрасным архипелагом вулканических островов был снова поглощен волнами океана.

МОРСКИЕ ЛЬВЫ

ГЛАВА I

В американских нравах заметно какое-то однообразие, которого не встречаешь в Старом Свете. Только внимательный наблюдатель отличит американца восточного от американца западного, жителя северного — от южного, жителя побережья — от обитателя центра Соединенных Штатов. Однако, несмотря на общий характер американского общества, есть исключение из этого однообразия; в некоторых частях Соединенных Штатов замечаем не только различие, но даже оригинальность нравов и особенности быта.

В то время как соседние графства почти потеряли совершенно свой отличительный характер, Сюффолк, одно из трех графств, протянувшихся через Лонг-Айленд¹ и составляющих самые старинные части Штата Нью-Йорка, нисколько не изменился. Сюффолк остался Сюффолком. Население этого графства происходило от английских пуритан², которые эмигрировали в Америку.

Прибавим, что Сюффолк имел только один приморский порт, хотя его берега имеют гораздо большее протяжение, чем остальная часть Нью-йоркского штата. Это даже не был порт для общей торговли, так как он оживлялся только китоловными судами, и ловля китов составляла промысел его жителей.

Для китоловного судна необходимо, чтобы на нем был такой же порядок, как в полку или на военном корабле. Этот дух порядка существовал во всех гаванях, где преимущественно останавливались китобойные суда. В 1810 году, время, с которого начинается эта повесть, в Саг-Гарбуре не было ни одного человека, посвятившего себя этому занятию, которого не знали бы не только товарищи по промыслу, но и все окрестные женщины и девушки.

Лонг-Айленд на востоке раздваивается и представляет, так сказать, две оконечности, из которых одна носит название Ойстер-Понда, тогда как другая составляет мыс Монтаук. Между двумя концами вил, которые образует Лонг-Айлендский остров, находится Шельтер-Айленд, остров, лежащий между единственным в графстве Сюффолк портом Саг-Гарбурским и берегом Ойстер-Понда. В начале прошлого столетия было очень трудно найти более глухой округ, чем Ойстер-Понд.

Стоял прекрасный сентябрьский день. Было воскресенье. Возле одной из набережных Ойстер-Понда можно было заметить шхуну¹, которую спустили очень недавно и оснастка которой еще не была закончена. Работа по случаю праздника была отложена, тем более, что шхуна принадлежала приходскому диакону Пратту, который жил в доме, находившемся в полмиле от берега, и владел несколькими угольями, от которых получал довольно хороший доход.

Мелочная расчетливость и скупость Пратта были всем известны. Пратт наружно был святоша, но с ним боялись иметь дела. Скарред, эксплуататор, не имевший жалости к своим жертвам, он был недоступен какому-либо благородному порыву и чувству.

Пратт был стар. С ним жила племянница, единственная дочь и сирота его брата Израиля Пратта. Девушка была настолько же бескорытна, насколько был скуп ее дядя, и часто Пратт упрекал ее за благотворительность или за услужливость по отношению к соседям, называя такое добросердечие расточительностью. Но Мария, казалось, не обращала внимания на замечания своего дяди. Окрестные кумушки поэтому были уверены, что Пратт не оставит своего богатства бедной Марии, но отдаст его церкви.

Сюффолк первоначально был заселен эмигрантами из Новой Англии², и в нем остались те же нравы, как и в Коннектикуте. Там небольшие услуги, за которые в других местах ничего не берут, очень тщательно вносятся в счетную книгу.

Самые выражения местного наречия отражают это корыстолюбие. Пробыть несколько месяцев у друга, это, по обычному американскому выражению, не посещение, а найм: считают самым естественным платить другу так же, как в гостинице. Даже было бы очень неблагоприятным остановиться на некоторое время в доме Новой Англии и, если, уезжая, не можешь заплатить за свои расходы, не дать расписки в виде обеспечения. Обычай дружбы и близких отношений, которые существуют везде между друзьями и родственниками, здесь совершенно не известны. Здесь каждое движение — на вес золота.

Мария не подозревала того, что привычка, скупость и надежда на то, что молодая девушка может вступить в выгодный брак, который когда-нибудь позволит возратить расходы, заставила Пратта затраченные

¹ Лонг-Айленд — остров на южном побережье с.-а. штата Нью-Йорк, занимает пространство в 2.643 кв. километра.

² Пуритане — религиозная секта, отличавшаяся своей показной набожностью в фанатизмом.

(Прим. ред.)

¹ Шхуна — парусное судно с двумя или тремя мачтами, имеющее косые паруса.

² Новая Англия — под этим именем известны шесть северо-восточных приатлантических штатов Северо-Американского союза: Мэн, Нью-Гампшир, Род-Айленд, Вермонт, Массачусетс в Коннектикут. (Прим. ред.)

на ее воспитание, содержание или удовольствие деньги вносить в расходную книгу, которую он вел с особенной точностью. Родственное чувство было ему совершенно чуждо.

К тому времени, с которого начинается эта повесть, тайный счет дяди, приготовленный для его «обожаемой» племянницы, достиг тысячи долларов, фактически израсходованных им на воспитание, содержание и квартиру воспитанницы. Пратт был подло и гнусно скуп, но он был точен; в счете не было ни одной лишней копейки.

ГЛАВА II

В воскресенье Пратт отправился, как обыкновенно, в молельню своего прихода, но вместо того, чтобы оставаться там и выслушать проповедь, которую говорят после полудня, сел в тележку и воротился домой.

Довольно красивый двухэтажный дом был выстроен, по обычаям графства Сюффолк, из дерева, на краю луга и обширного плодового сада, в котором тянулись четыре ряда прекрасного орешника.

Мария стояла на крыльце и, казалось, ждала своего дядю с нетерпением. Пратт передал вожжи негру, который уже не был невольником, но согласился работать за половинное вознаграждение.

— Ну, — сказал Пратт, подходя к своей племяннице, — каково ему теперь?

— Дядюшка, я считаю невозможным, чтобы он выздоровел, и прошу вас послать в порт за доктором Сэджем.

Мария хотела сказать: «к Саг-Гарбурскому порту», в котором жил названный ею и пользовавшийся заслуженной известностью доктор.

Несколько недель назад судно, которое, без сомнения, плыло в Нью-Йорк, высадило на Ойстер-Пондский берег старого и страдающего неизлечимой болезнью матроса.

Этот матрос родился на острове, который назывался Мартас-Виньярдом, виноградником Марты. Покинув остров еще двенадцатилетним юношей, Томас Дагге почти пятьдесят лет не был на родине. Сейчас Томас, чувствуя неизлечимую болезнь, возвращался умереть на родину и высадились на Ойстер-Пондском берегу, в ста милях от его родного острова, до которого он еще надеялся доехать.

Дагге, по его признанию, был беден и не имел друзей. Однако, у него был довольно тяжелый чемодан, похожий на те, которыми пользуются матросы на купеческих кораблях. Казалось, что чемодан этот сделал столько же путешествий, как и его владелец, успевший спасти его во время трех кораблекрушений, несмотря на его особенно ценное содержимое.

Высадившись на берег, этот матрос условился с одною вдовою, близкою соседкою Пратта, и нанял у нее себе квартиру до тех пор, пока будет в состоянии, возвратиться в Виньярд. Дагге часто прогуливался, стараясь восстановить здоровье. Случайно он встретился с Праттом и, как это ни казалось странным его племяннице, между Праттом и этим чужеземцем завязалась дружба. Ведь Пратт обыкновенно старался не заводить тесной связи с бедняками, а вдова Уайт говорила всем, что у ее жильца нет и медного гроша. Но у него были вещи, необходимые для моряков, и Томас Дагге как-то обратился с просьбою к Росвелю Гардинеру, или Гарнеру, известному в Ойстер-Понде молодому моряку, бывавшему не только на китовой ловле, но и на охотах за тюленями, помочь ему распродать их. Этот Гарнер в настоящее время служил на шхуне Пратта в качестве капитана. Благодаря посредничеству Гарнера вещи Томаса, которые уже не могли быть полезны хозяину, были отосланы и выгодно проданы в Саг-Гарбуре.

Неожиданно для всех Пратт купил и спустил на воду новое судно.

Соседи терялись в догадках о причине, заставившей Пратта в его годы сделаться арматором¹. Мария приписывала этот факт тайному влиянию больного моряка. Пратт проводил половину своего времени в разговорах с Дагге, и несколько раз, когда племянница относила ему еду, она находила его рассматривающим вместе с Праттом одну или две старые морские карты. Но лишь только она входила, они меняли разговор. Никогда друзья не позволяли и вдове Уайт присутствовать при этих своих тайных совещаниях.

Пратт не только купил шхуну, но и отдал ее в распоряжение молодого Гарнера. Гарнер, которому было двадцать шесть лет, родился в Ойстер-Понде и происходил от одного из старейших семейств страны, поселившейся там еще в 1639 году. Эта семья очень размножилась и разделилась на множество ветвей, но в новой стране имя Гарнера пользовалось заслуженным уважением. Росвель Гарнер был небогат и сирота, без отца и матери. Окончив в пятнадцать лет провинциальную школу, он поступил на корабль. Можно представить, как он был рад, когда Пратт назначил его капитаном шхуны, которую уже называли «Морским Львом».

Мария Пратт следила за всем происходящим то с печалью, то с удовольствием, но всегда с любопытством. Ей было тяжело смотреть, что жадность к деньгам всецело захватывала ее дядю. Но вместе с тем она гордилась успехом Росвеля Гарнера. Она любила его, но тем не менее не давала ему еще окончательного согласия.

¹ Арматор — владелец промыслового или торгового судна.

Мария была воспитана в догматах слепого суеверия и фанатизма и ее пугало полное отрицание молодым моряком всего того, веру во что ей старались привить с детства.

Мария радовалась, когда Гарнер получил начальство над «Морским Львом», хотя и не знала, к какому берегу должно было отправиться маленькое судно, шхуна в сто сорок тонн².

Пратт не препятствовал отношениям обоих молодых людей, и многие из Ойстер-Понда даже думали, что Пратт верил в будущность Гарнера, и говорили, что он после своей смерти оставит молодому капитану все свое имение и племянницу.

Когда племянница Пратта предложила дяде послать за доктором Сэджем, он не сейчас согласился на это, не столько боясь издержек, сколько по более важным соображениям: ему не хотелось сводить Дагге с кем бы то ни было, потому что матрос открыл ему тайну, которой он придавал большое значение, хотя тот до сих пор скрывал от него первую и самую главную часть ее.

Однако, отдаленное чувство стыда заставило Пратта послушаться племянницы и послать за доктором.

— Надо, Мария, сделать большой путь, чтобы добраться до порта, — нерешительно сказал он после долгого молчания.

— Суда уходят и возвращаются в несколько часов.

— Да, да, суда, но позволено ли, дитя, пользоваться кораблями в субботний день?

— Я думаю, сударь, что всегда подобает делать добро, даже и в праздники.

— Да, если мы уверены, что из этого выйдет что-нибудь хорошее. Всем известно, что Сэдж превосходный доктор, но все половина денег, которые платят людям этой профессии, являются потерянными деньгами.

— Я боюсь, что Дагге не проживет и недели, — сказала Мария, — и я не желала бы, чтобы он имел право сказать, что мы не сделали ничего для его спасения.

— Мы так далеко от порта, что было бы бесполезным посылать туда кого-нибудь: это были бы потерянные деньги.

— Я уверена, что Росвель Гарнер согласится отправиться туда и при этом он не попросит денег.

— Да, это правда; я должен также сказать о Гарнере, что это самый рассудительный из всех известных мне молодых людей. Я с удовольствием возлагаю на него все свои поручения, потому что я люблю иметь с ним дело.

Мария это очень хорошо знала. Пратт много раз пользовался шепетильностью молодого человека и получал от него услуги, за которые следовало бы платить. Мария, вспомнив о молодом капитане, покраснела.

— Итак, сударь, — сказала она через несколько минут, — мы можем послать за Росвелем.

— Те, которых посылают за доктором, спешат, и я уверен, что Гарнер сочтет необходимым нанять сначала лошадей, чтобы переехать Шель-тер-Айленд, и потом бота, чтобы доплыть до порта. Если он не найдет бота, то ему, может быть, нужна будет лошадь. С пятью долларами едва ли это сделаешь!

— Если понадобится пять долларов, Росвель скорее отдаст их из своего кошелька, чем попросит помощи у кого-либо. Но лошадей не понадобится: у берега стоит вельбот¹ и он может воспользоваться им.

— Это правда, я и забыл о вельботе. Так как есть вельбот, то привести доктора можно довольно скоро, и я думаю, что имущества Дагге будет достаточно для оплаты этого посещения.

Мария, сделавшаяся еще более печальной, увидела подходившего Росвеля и вошла в дом. Переговорив с Праттом, капитан поспешно направился к берегу.

ГЛАВА III

Лишь только Гарнер ушел, Пратт отправился к жилищу вдовы Уайт. Дагге был слаб, но не очень страдал. Он сидел в кресле и еще мог говорить. Он не знал всей опасности своего положения и, может быть, в эту минуту надеялся прожить еще много лет. Пратт вошел в то самое время, когда вдова вышла навестить жившую по соседству кумушку. Вдова Уайт увидела Пратта издали и постаралась уйти незаметно, инстинктивно понимая, что ее присутствие при разговоре этих двух людей будет лишним. Что было предметом их тайных разговоров, вдова Уайт не знала. Но из ее разговора с соседкою можно было видеть, что она думала об этом.

— Опять Пратт! — вскричала вдова Уайт, входя в комнату приятельницы. — Он в третий раз приходит ко мне со вчерашнего утра. Это что-нибудь да значит!

— О, Бэтси, он посещает больного! Этим объясняются его частые посещения.

— Вы забыли, что сегодня суббота, — прибавила вдова Уайт.

— Самый лучший день для добрых дел, Бэтси!

— Я это знаю, но для одного человека слишком часто посещать больных три раза в сутки.

² Тонна — 1,189 куб. метра. (Прим, ред.)

¹ Вельбот — длинная, узкая шлюпка. (Прим, ред.)

В это время Пратт сообщил больному, что он послал за доктором.

— Да, я послал Гарнера в порт, и через два или три часа он будет здесь с доктором Сэджером.

— Я уверен, что буду в состоянии заплатить за все эти расходы, — сказал неуверенно Дагге.

Пратт, подумав немного, вернулся к предмету, о котором он обыкновенно говорил во время своих тайных совещаний с Дагге:

— Надо, чтобы вы сами показали мне на карте место, где находятся эти острова. Самое лучшее видеть все своими глазами.

— Вы забыли о моей клятве, Пратт! Все мы поклялись не открывать места, где находятся эти острова, до 1820 года. Тогда мы можем делать, что вам угодно. Карта лежит в моем чемодане, и не только острова, но даже берега на ней ясно обозначены, так что всякий моряк может найти их. Пока жив, я сберегу этот чемодан. Когда поправлюсь, я взойду на палубу «Морского Льва» и скажу вашему капитану Гарнеру все, что ему нужно знать. Благополучие того, кто пристанет к одному из этих островов, будет обеспечено.

— Да, я об этом думал, Дагге! Но как я могу быть уверен, что другой корабль не предупредит меня?

— Потому что моя тайна принадлежит только мне одному. Нас на бриге¹ было семеро. Из семи четверо умерло от горячки на островах, капитан упал в море и утонул во время шквала². Остались только Джек Томсон и я. Думаю, что Джек именно тот самый человек, о котором говорили, что он убит китом с полгода тому назад.

— Джек Томсон — имя настолько обыкновенное, что в этом нельзя быть уверенным. Даже если предположить, что он был убит китом, то еще до своей смерти он мог рассказать тайну дюжине человек.

— Это ему не позволяла клятва. Джек — человек, не способный забыть свое слово. Есть еще основание думать, что Джек не мог нарушить свою клятву, — сказал через несколько минут Дагге, — это то, что он никогда не мог указать на широту и долготу: он не вел журнала. Не имея ясных указаний, его друзья могут искать целый год и не найти ни одного острова...

— Вы думаете, что пират не ошибся, говоря об этой стране и скрытом сокровище? — с тревогой сказал Пратт.

— Я поклялся бы, — отвечал Дагге, — что он сказал правду, как будто я сам видел ящик. Они принуждены были спешно уехать, иначе они никогда не оставили бы столько золота в пустыне. Да, по словам умирающего, они его там оставили.

— Умирающего? Вы хотите сказать: пирата, не так ли?

— Конечно, мы были посажены в одну тюрьму, и у нас было довольно времени, чтобы переговорить более двадцати раз, прежде чем он был сброшен с своих последних качелей. Когда узнали, что у меня ничего нет общего с повешенным пиратом, я получил свободу и возвращался в Виньярд в надежде найти там какой-нибудь корабль, чтобы отправиться отыскивать эти два сокровища. Но меня высадили здесь. Не все ли равно, если корабль отправится из Ойстер-Понда, а не из Виньярда?

— Без сомнения. Чтобы убедить вас и успокоить, — кроме того, и по другим причинам, — я купил «Морского Льва» и пригласил молодого Росвеля Гарнера в капитаны судна. Через восемь дней шхуна будет готова отправиться, и если все случится, как говорите вы, это будет хорошее путешествие. Теперь вам остается только исполнить одно: снабдить меня морскою картою, чтобы я хорошенько ее изучил, прежде чем отплывет шхуна.

— Не хотите ли вы сами отправиться, Пратт? — сказал с удивлением матрос.

— Нет, совсем нет, — отвечал Пратт. — Я стар для такого продолжительного путешествия. Но я рискую частью моего состояния, и потому, естественно, желал бы взглянуть на эту карту.

— Капитан Гарнер, — уклончиво отвечал моряк, — будет иметь довольно времени для изучения этой карты, пока он войдет в какую-нибудь из пристаней. Если же, как я думаю, я сам смогу отправиться вместе с ним, то для меня не будет ничего легче, как показать ему дорогу.

Наступило долгое молчание. Больной Дагге понял характер Пратта и считал за лучшее поддерживать интерес в том, кто мог быть ему полезным.

После долгого молчания Пратт первый нарушил тишину.

— Меня беспокоят, — сказал он, — эти богатства. Если бы Гарнер и успел их открыть, эти деньги могут иметь законных владельцев.

— Им трудно было бы доказать свои права, если то, что говорил мне пират, правда. Это золото, по его словам, собрано по всем странам. И все это было так смешано и так спутано, что даже и молодая девушка не смогла бы отличить тут от других вещей подарка своего возлюбленного. Это была добыча трехлетнего крейсирования. Большую часть ее разменяли в различных портах, чтобы заплатить таможенным досмотрщикам за молчание.

— Обдумайте ваши слова, любезнейший друг, они не совсем благочестивы: сегодня праздник.

Дагге повернул на языке свою жвачку, и в его глазах мелькнула насмешка. Однако, он смолчал.

¹ Бриг — двухмачтовое парусное судно с одним только прямым парусом.

² Шквал — сильный порыв ветра. (Прим. ред.)

Пратт после полудня ходил два раза в домик вдовы Уайт. Когда он пришел во второй раз, то увидел вельбот, возвращавшийся из Шельтер-Айленда, и с помощью зрительной трубки узнал доктора Сэджа. Пратт тотчас же поспешил вернуться в домик, чтобы сказать Дагге нечто, не терпящее промедления.

— Судно плывет, — сказал он, садясь возле него, — и доктор скоро будет здесь. Прежде чем придет доктор Сэдж, я вам, Дагге, дам совет. Если вы будете много говорить, то это вас беспокоит, и вы можете дать ложное понятие о состоянии вашего здоровья; ваш пульс будет ускоренно биться от продолжительного разговора, и кровь бросится в лицо.

— Понимаю вас, господин Пратт! Моя тайна останется моей; никакой доктор не выманит у меня ее более, нежели я сочту нужным сказать.

Вскоре после этого вошел доктор Сэдж. Это был человек образованный, умный и наблюдательный. Как искусный практик, он скоро понял состояние матроса. Пратт же ни на минуту не оставлял его, и ему-то доктор сообщил свое мнение о больном, когда они отправились домой.

— Этот бедный человек близок к своему концу, — сказал холодно доктор, — и медицина не поможет ему. Он проживет еще месяц, хотя я несколько не удивлюсь, если услышу, что он умрет через час.

— Итак, вы думаете, что он так близок к смерти! — воскликнул Пратт. — Я надеялся, что он доживет до отплытия «Морского Льва», и что путешествие поправит его здоровье.

— Уже ничто не поправит его здоровья, можете быть в этом уверены. Он из Ойстер-Понда?

— Он родился где-то на востоке, — отвечал Пратт. — У него нет здесь ни друзей, ни знакомых. Я думаю, что его имущества хватит на покрытие всех издержек.

— Если у него ничего нет, так нечего и говорить об уплате мне сейчас вознаграждения, — отвечал доктор. Он понял, куда гнул Пратт.

— Вы всегда добры, доктор, но Дагге...

— Этот человек называется Дагге? — спросил доктор.

— Так он называет сам себя, хотя никогда нельзя верить словам подобных людей.

— Это правда. Но если имя этого человека действительно Дагге, то он, должно быть, из Виньярда. Там много Дагге.

— Есть Дагге и в Коннектикуте, я уверен.

— Колыбель этого рода — Виньярд. Во взгляде этого человека есть что-то виньярдское. Я уверен, что он давно там не был.

Пратт задыхался. Он видел, что ему предстоит спор, которого он больше всего боялся. Он отпрянул назад, как будто к его груди приставили шпагу.

В это время на крыльцо вышла Мария.

— Ему очень плохо, любезная Мария, — сказал доктор, садясь на одну из скамей, — и я не могу подать никакой надежды. Если у него есть друзья, которых он жаждет видеть, и если есть дела, которые надо кончить, то ему надобно сказать правду, и притом немедленно...

— Он уже давно не слышал о своих друзьях, — прервал Пратт, которым до того овладела жадность, что он позабыл всякую осторожность и не побоялся выдать даже то, что ему было известно, где родился больной. Он прибавил при этом, что моряк уже более пятидесяти лет не был в Виньярде, но что во все это время там о нем также ничего не слышали.

Доктор заметил противоречие в словах Пратта, и это заставило его задуматься; но он был слишком умен, чтобы это обнаружить. Напились чаю, и доктор удалился.

— Надо уведомить его друзей, — сказал он, когда они шли к берегу, возле которого стояло совершенно готовое к отъезду судно; — нельзя терять ни одного часа. Корабль «Бриллиант» (капитан Смит) должен отвезти в Бостон груз деревянного масла и завтра же отправляется. Мне стоит написать только одно слово с этим кораблем, и держу десять против одного, что письмо, адресованное на имя Дагге, не может не дойти к кому-нибудь из его родных.

Предложение доктора бросало Пратта в холодный пот, но он не смел ему противоречить. Он купил «Морского Льва», пригласил Росвеля Гарнера и израсходовал значительную сумму денег в надежде запустить руку в дублоны, уже не говоря о мехах, и вдруг все эти расчеты могли уничтожиться благодаря вмешательству родных. Оставалось только одно средство — терпение, и Пратт постарался им запастись.

Пратт проводил доктора только до границ своего фруктового сада. Члену молельни было неприлично выходить в субботу из дому. Лишь только доктор ушел, Пратт вернулся в жилище вдовы Уайт. Тут он устроил больному новый долгий, утомительный допрос. Бедный Дагге очень устал от этого разговора, но мнение, высказанное доктором Сэджем, что смерть старого матроса близка, и боязнь приезда родных из Виньярда сильно подействовали на ум Пратта. Если бы ему удалось теперь узнать самое главное, «Морской Лев» мог бы выиграть довольно времени у своих противников, даже если бы Дагге открыл тайну другим, и новый корабль отправился бы в экспедицию. Шхуна Пратта готова была отплыть, а для снаряжения другого судна нужно было еще время.

Но Дагге оказался не откровеннее прежнего. Он вернулся к своему первому рассказу об открытии островов, на которых находились тюлени, и много говорил о смирном нраве и большом количестве этих животных. Человек мог ходить среди них, и они не боялись его. Одним словом, экипаж, составленный из отборных моряков, мог бы их перебить, содрать кожу и собрать жир, и это было бы похоже на простое собиранье долларов на дороге.

Этот рассказ еще более возбудил алчность Пратта. Никогда еще любовь к наживе не овладевала так Праттом, как сейчас.

Дагге ничего не скрыл от Пратта, исключая широты и долготы места. Все искусство Пратта, а оно было велико, было бессильно, чтобы выманить у моряка эти данные, а без них и все сведения были бесполезны. Старик, стараясь завладеть тайною, получил такую же сильную лихорадку, как и Дагге, но все было напрасно.

ГЛАВА IV

На другой день в доме Пратта все встали очень рано. Едва солнце выплыло из-за горизонта, Пратт и Мария встретились на крыльце дома.

— Вот вдова Уайт, и она кажется очень озабоченною, — сказала племянница. — Я боюсь, что больному сделалось хуже.

— Вчера вечером, — сказал дядя, — ему было лучше, хотя он от разговора немного устал. Этот Дагге большой болтун, уверяю тебя, Мария!

— Он не будет более болтать, — вскричала вдова Уайт, расслышавшая последние слова Пратта. — Он более ни скажет ни хорошего, ни худого.

Пратт был так поражен этой новостью, что онемел.

Вдова терпеливо передала все подробности происшествия. Оказалось, что Дагге умер ночью. Непосредственной причиной смерти было удушье, как это часто бывает в последней стадии чахотки. Так как в смерти Дагге не было ничего необыкновенного, то не было нужды и в приглашении властей. Оставалось только отдать необходимые приказания относительно погребения и тщательного сбережения имущества умершего.

Пратт велел перенести к себе чемодан Дагге, вынув предварительно ключ из кармана жилета покойного, а потом распорядился погребением.

Тело оставалось в доме вдовы Уайт, и уже на другой день утром его отнесли на кладбище.

И только тогда Пратт успокоился, считая себя единственным обладателем тайны Дагге. В его распоряжении были карты, и Дагге уже более никому не мог показать их. Если друзья умершего узнают об его смерти и приедут за его имуществом, то очень вероятно, что они не найдут никаких сведений об островах, изобилующих тюленями, или богатствах, скрытых пиратом.

Пратт увеличил свою обычную предосторожность и даже уплатил из своего кошелька долг умершего вдове Уайт — десять долларов. Чтобы избежать подозрений, которые могла возбудить такая необычная с его стороны щедрость, он пояснил, что обратится к родственникам матроса, а в том случае, если они не смогут заплатить его издержек, он велит продать имущество покойного. Он также заплатил за гроб и могилу, как и за довольно значительные издержки по погребению.

Чемодан был перенесен в большой кабинет, выходивший в спальню Пратта. Когда он свел все счета, то с ключем в руке отправился туда.

Для Пратта была особенно торжественна та минута, когда он открыл чемодан. То, что осталось в чемодане, было приурочено к теплему климату и носило следы долгого употребления. Кроме того, в нем были две морские карты, испачканные и разорванные, на которые Пратт набросился, как ястреб на свою добычу.

Но в эту минуту он ощутил такую дрожь, что был принужден сесть в кресло и немного отдохнуть.

Развертывая первую карту, Пратт увидал, что это была карта южного полушария. На ней ясно было обозначено несколькими чернильными точками три или четыре острова с широтою и долготою, написанными по краям.

Пратт едва дышал. Его руки тряслись. Успокоившись, он переписал широту и долготу в записную книжку, которую всегда носил с собой, потом сел и тщательно выскоблил перочинным ножиком на морской карте обозначение островов и цифры, которые на ней находились. Окончивши

это, он почувствовал себя облегченным от большой тяжести. Но это было еще не все.

Морские карты, назначенные для шхуны, лежали на столе в его комнате. Он начертил на одной из этих карт, как только мог лучше, острова тюленей, следы которых он уничтожил на карте Дагге. Также написал там те цифры, которые были на карте матроса.

Потом он развернул вторую карту: то была карта Западной Индии с особыми обозначениями на ней некоторых местностей. Одна из этих местностей была так отмечена, что нельзя было сомневаться в том, что она именно и принадлежала пиратам.

Самая местность была обозначена карандашей, который легко было вытереть резинкой. Сверх того, Пратт выскреб ножичком то место, на котором были обозначены цифры. Теперь он мог быть уверен в том, что никакой глаз не откроет того, что он сделал. Начертив эту местность на своей карте Западной Индии, он положил карты Дагге в чемодан и закрыл его. Он уже раньше записал все подробности, которые слышал от самого Дагге, и полагал, что теперь обладает всеми сведениями, которые могли сделать его богатейшим человеком графства Сюффолк.

Когда Пратт встретился со своею племянницею, Мария была даже удивлена веселостью дяди.

Тотчас же Пратт отправился на берег, желая видеть, как Росвель Гарнер доканчивал оснащение «Морского Льва».

Молодой капитан работал вместе с матросами, которых он уже нанял. Шхуна была спущена на воду, и по временам деревенская тележка или двуколка, запряженная быками, перевозила на набережную съестные припасы, которые складывали в камбуз¹. Груза не было, потому что корабль, отправляющийся на охоту за тюленями, нуждается только в соли и съестных припасах. Словом, работа шла быстро, и капитан Гарнер объявил нетерпеливому хозяину, что через неделю шхуна будет готова к отплытию.

— Я пригласил офицера, в котором нуждался, — сказал Росвель Гарнер, — и он теперь в Бонингтоне, где отыскивает недостающих людей для экипажа. Нам нужна полдюжина моряков, на которых мы могли бы положиться, а затем мы возьмем кого-нибудь из наших соседей, еще новичков.

— Ну, — весело сказал Пратт, — у вас будет много юнцов; они стоят дешевле. Вижу, капитан Гарнер, что дела у вас идут очень хорошо, я оставляю вас, а после обеда скажу несколько слов наедине.

Через час или два Пратт и его племянница сидели за столом вместе с двумя гостями.

Гости эти были: Росвель Гарнер и пастор Уитль.

— Я очень жалел, что моя поездка в Коннектикут не позволила мне увидеть бедняка, которого так скоро вынесли из дома вдовы Уайт, — заметил пастор. — Мне говорили, что больной родился на Востоке.

— Так думает доктор Сэдж, — отвечал Пратт. — Капитан Гарнер предложил съездить за доктором в моей шляпке (Пратт сделал ударение на слове моей), но можно ли помочь моряку, у которого страдают легкие?

— Этот бедняк был моряк, а я и не знал, чем он занимался. Он не из Ойстер-Понда?

— Нет, у нас здесь нет никого по фамилии Дагге, часто встречающейся в Виньярде. Большая часть Дагге — моряки, и этот человек занимался тем же, хотя я от него ничего не слышал об этом и заключаю это из некоторых слов, вырвавшихся у него в разговоре.

Пратт думал, что таким образом ему удастся скрыть истину, так как никто не присутствовал при его тайных разговорах с Дагге. Но предполагать, что вдова Уайт не принимала никакого участия в разговоре, происходившем под ее кровлею, значило не знать ее характера. Наоборот, любопытная женщина не только старалась подслушать, но даже провертела дыру, которая служила ей обсерваториею, откуда она могла слушать и видеть все, что происходило между Праттом и ее постояльцем.

— Бетинг Джой пришел с берега и желает видеть хозяина, — сказал появившийся в дверях негр.

— Бетинг Джой! Я надеюсь, что он не пришел за рыбой, которую мы съели, — сказал, смеясь, Пратт. — Я отдал за нее Джою пол-доллара. Вы видели, как я платил, капитан Гарнер?

— Я думаю, сударь, что он пришел не за этим. Джой привел незнакомца, которого высадили на берег. Но вот он, сударь!

— Незнакомец? Что за человек?

ГЛАВА V

— Земноводное! — тихо сказал при виде незнакомца Росвель Гарнер, обращаясь к Марии.

Слово «земноводное» обозначало обыкновенно моряков-китоловов, охотников за тюленями, живущих на восточной стороне Лонг-Айленда, на Виньярде, в окрестностях Бонингтона и, может быть, близ Нью-Бедфорда. Они были матросы, но были моряками в полном смысле этого слова.

Незнакомца пригласили за стол. Он без церемонии принял приглашение. Потом он выпил стакан воды с ромом и выразил намерение приступить к делу, по которому пришел. До сих пор он ничем не объяснил причины своего посещения, заставляя Пратта теряться в догадках.

— Рыба хороша, — холодно сказал незнакомец, считая себя в праве сказать свое мнение по этому поводу, — но и в Виньярде мы не бедны в этом отношении.

— В Виньярде? — прервал Пратт, не слушая того, что незнакомец мог сказать далее.

— Да, сударь, в Виньярде, потому что я принужден был приехать оттуда. Может быть, я должен объявить вам, кто я такой: я прибыл из Виньярда, и зовут меня Дагге.

Пратт, который в это время намазывал масло на хлеб, уронил нож на тарелку.

¹ Камбуз — кладовая судна. (Прим. ред.)

Дагге и Виньярд были два слова, которые неприятно прозвучали в его ушах. Возможно ли, чтобы доктор Сэдж имел время так скоро послать известие в Виньярд? И это «земноводное» соседнего острова не пришло ли похитить у него сокровища? Пратт был смущен. У него явилась даже мысль, что все деньги, потраченные им на оснащение «Морского Льва», потеряны.

Однако, немного подумав, он преодолел свою растерянность и, слегка наклоняя голову, поклонился незнакомцу, как будто хотел сказать ему: «Добро пожаловать!»

Через несколько минут незнакомец объяснил причину своего посещения.

— Дагге очень многочисленны в Виньярде, — сказал он, — и если вы назовете когонибудь, то очень не легко узнать, к какому семейству он принадлежит. Несколько недель тому назад один из наших кораблей воротился из Гольм-Голя и сообщил нам, что встретил бриг, идущий из Нью-Гавена, который его уведомил, что экипаж высадил на Ойстер-Пондский берег моряка, по имени Томаса Дагге, виньярдца, который возвращался после пятидесятилетнего отсутствия. Это известие распространилось по всему острову и наделало много шума между всеми Дагге. Много виньярдецев шатается по свету, и некоторые из них возвращаются на остров умирать. Так как большая часть их приносит с собою что-нибудь, то их возвращение всегда считают хорошим признаком. Поговорив со стариками, мы решили, что Томас Дагге был брат моего отца, который отплыл назад тому около пятидесяти лет, и о котором не было никаких сведений. И вот мои родные послали меня, чтобы разыскать его.

— Я очень жалею, господин Дагге, что вы опоздали, — тихо сказал Пратт, как будто боясь опечалить незнакомца. — Если бы вы приехали на прошлой неделе, то могли бы еще видеть вашего родственника и поговорить с ним, а если бы вы приехали нынче утром, то присутствовали бы при его погребении. Он прибыл к нам неизвестно откуда, и мы старались помочь ему. Я думаю, что для него было сделано все, что мы могли для него сделать в Ойстер-Понде. Его лечил доктор Сэдж из Саг-Гар-бурга. Вы, без сомнения, знаете доктора Сэджа?

— Я знаю его по наслышке и уверен, что он сделал все, что мог. Так как тендер¹, о котором я уже сказал, плыл возле брига во время шторма², то оба капитана долго разговаривали, и виньярдец уведомил нас о близкой смерти нашего родственника. Мы хорошо знали, что ничто не может спасти его. Так как мой дядя приглашал такого известного доктора, живущего довольно далеко, то я предполагаю, что наш родственник должен был оставить кое-что после себя.

Этот вопрос был очень естествен, и, к счастью, у Пратта ответ был готов.

— Моряки, корабли которых приходят из далеких стран и пристают к нашим берегам, — сказал он, улыбаясь, — редко бывают обременены богатствами. Если у человека их ремесла есть состояние, то такой счастливец пристаёт к берегу какого-нибудь большого порта и там берет карету, которая отвозит его в первую гостиницу.

— Я надеюсь, — сказал племянник, — что мой родственник никому не был в тягость.

— Нет, — отвечал Пратт. — Сначала он продавал некоторые принадлежащие ему вещи и таким образом жил. Так как он поселился в жилище бедной вдовы, то я думал, что сделаю угодное друзьям умершего, если разочтусь с ней. Нынче утром я сделал это, и она дала мне квитанцию, как вы видите, — прибавил он, показывая гостю бумагу; — чтобы сколько-нибудь оградить свои издержки, я велел перенести к себе чемодан умершего, и он теперь наверху, готовый к осмотру. Он легок, и я не думаю, чтобы в нем было много золота или серебра.

Виньярдец казался разочарованным. Было так естественно предполагать, что человек, отсутствовавший в течение пятидесяти лет, возвратился с плодами своих трудов, и потому он ждал лучших результатов от своего путешествия в Ойстер-Понд.

Племянник Дагге продолжал делать вопросы и получать не менее уклончивые и сдержанные ответы. Через четверть часа разговора, в котором была рассказана вся история чемодана, решили приступить немедленно к осмотру оставшегося после; Дагге имущества. Все, не исключая и Марии, собрались в комнате Пратта, посредине которой поставили чемодан.

Глаза всех были устремлены на этот чемодан, потому что каждый, исключая Пратта, предполагал, что в нем есть что-нибудь. Только вдова Уайт могла бы сказать, что есть в нем, потому что она раз двенадцать перешарила его, хотя, надобно сказать правду, не вынула из него и иголки. Делала она это не из жадности, а из любопытства. Она не только пересмотрела все вещи, находившиеся в чемодане, но даже перечитала все бумаги, которые были в нем, и полдюжины писем. Из всех этих розысков любознательная женщина ничего не узнала. Только одна вещь ускользнула от ее осмотра, это маленький крепко запертый ящичек. Ей очень хотелось бы посмотреть, что находилось в нем, и даже были минуты, в которые она пожертвовала бы пальцем, чтобы открыть его.

¹ Тендер — одномачтовое грузовое судно, длиной около двадцати пяти метров, в дести тонн водоизмещения.

² Шторм — затишье. (Прим. ред.)

— Вот ключ, — сказал Пратт, вынимая его из ящика стола. — Я думаю, что он отопрет замок. Мне помнится, что я видел, как Дагге сам отпирал им один или два раза.

Росвель Гарнер, самый младший из собравшихся, взял ключ и отпер чемодан. Все, кроме Пратта, были обмануты в своих ожиданиях. Чемодан не только был наполовину пуст, но и предметы, в нем заключавшиеся, были самые простые: то была одежда моряка, видевшего лучшие дни, которая могла принадлежать только матросу.

— В нем нет совершенно ничего, что могло бы вознаградить путешествие из Виньярда в Ойстер-Понд, — сухо сказал Росвель Гарнер. — Что делать со всем этим, господин Пратт?

— Самое лучшее — вынуть из чемодана все вещи одну за другой и порознь пересмотреть их. Так как мы уже начали это, то и будем продолжать.

Молодой человек повиновался и, вынимая каждую вещь из чемодана, называл ее, а потом передавал ее тому, кто считал себя наследником матроса. Новоприбывший бросал испытующий взгляд на каждое платье и, прежде чем откладывать его на пол, благоразумно опускал руку в каждый карман, чтобы увериться, что он был пуст.

Долго он ничего не находил, но в одном кармане, наконец, нашел небольшой ключ.

Так как в чемодане был маленький ящичек, и так как в этом ящике был только один замок, то племянник Дагге, не говоря ни слова, спрятал ключ.

— Ну, — сказал Гарнер, — вот все имущество бедняка Томаса, я не думаю, капитан Дагге, чтобы вы взяли на себя труд перевозить эти вещи а Виньярд.

— Я также не вижу в атом нужды, хотя друзья и родственники могут ценить эти вещи больше, чем посторонние. Но я там вижу две морские карты. Не потрудитесь ли вы передать мне их? Они для моряка могут иметь какую-нибудь ценность, потому что Старые матросы обычно делают на них отметки, которые дороже самих карт.

Хотя это было сказано самым простым и самым естественным тоном, но внушило Пратту большое беспокойство. Дагге разложил карту на постели и начал внимательно ее рассматривать.

Карта была та, на которой находилось южное полушарие, и где Пратт с таким старанием выскоблил острова, изобилующие тюленями. Ясно было, что виньярдец чего-то искал и не мог найти, и что он сильно обманулся в своих ожиданиях. Вместо того, чтобы смотреть на карту, он, можно сказать, изучал все дыры и трещины, которых было много, потому что бумага была стара и разорвана. Так прошло несколько минут, и незнакомец перестал более интересоваться имуществом своего родственника.

— Эта старая карта относится к 1802 году, — сказал Дагге. — Нынче она недорого стоит. Наши охотники за тюленями так далеко заплывают на юг, что у них теперь есть лучшие сведения.

— Ваш дядюшка, — хладнокровно сказал Пратт, — был старый матрос и очень легко мог предпочитать старые карты.

— Тогда, должно быть, он позабыл первоначальное воспитание, которое дают в Виньярде. Там нет ни одной женщины, которая бы не знала, что последняя карта всегда лучше первой. Я признаюсь, что для меня здесь много непонятно, потому что хозяин судна говорил мне, что он слышал от капитана брига, что на Картах старого моряка можно найти довольно важные подробности.

Пратт затрясся, он видел в этом доказательство тому, что умерший говорил о своей тайне другим. Для человека, каков был Дагге, было очень естественно хвалиться своими картами, так что Пратт предвидел, что с этой стороны могут быть затруднения. Однако, он счел за лучшее молчать. Незнакомец, который, казалось, мало думал о старых рубашках и старом платье, принялся опять рассматривать карту и довольно близко от того места, где были обозначены острова тюленей, старательно вычищенные Праттом.

— Я никак не могу понять того, как человек, пользовавшийся столько времени картою, не сделал на ней никаких отметок, — сказал Дагге. Он, казалось, говорил с упреком.

— Вот подводные камни среди моря, — продолжал Дагге, — там, где, я уверен, вода кишит рыбою; тут должны быть и острова. Что вы думаете об этом, капитан Гарнер? — сказал Дагге, кладя палец на то место, где еще утром Пратт так старательно выскоблил острова. — По крайней мере, не заметите ли вы того, что это место было тщательно обозначено, и потому часто к нему возвращались, хотя заметок тут не видно.

— Это мели, — отвечал, смеясь, Гарнер, — посмотрите... Там не может быть земли, потому что сам капитан Кук не заходил так далеко на юг.

— Вы часто бывали в море, капитан Гарнер? — спросил Дагге.

— Я кормлюсь этим ремеслом, — откровенно отвечал молодой человек. — Впрочем, я не занимаюсь морскими картами, они могут служить тогда только, когда корабль в дороге. Что касается китов и тюленей, то желающие найти их должны их теперь искать, как я уже сказал моему хозяину. Говорят, что прежде кораблю стоило только поднять паруса, чтобы бросить гарпун, но это время, капитан Дагге, прошло, и надо искать китов в открытом море.

— Судно, которое я видел у берега, не назначено ли для китовой ловли? Оно немного мало для этого промысла. Корабли подобного размера годятся лишь для ловли у берегов.

— Попробуем и узнаем, к чему оно годно, — уклончиво сказал Гарнер. — Что вы думаете об экспедиции на Новую Землю?

Виньярдец бросил нетерпеливый взгляд, который значил: «Скажите это морякам!» — и развернул вторую карту, которую до того еще не рассматривал.

— Конечно, — прошептал он достаточно громко, так что Пратт мог слышать его, — вот карта Западной Индии и всех местностей, на ней находящихся.

Эти слова, сказанные Дагге, объяснили Пратту, что незнакомец кое-что знал и об этом, и беспокойство скряги увеличилось. Теперь он убедился, что благодаря хозяевам судна и брига родные Дагге имели сведения, на основании которых надеялись составить себе состояние, и что племянник Дагге прибыл из Ойстер-Понда для тщательного изучения морских карт.

Он радовался, что успел во-время вычистить необходимые пометки, находившиеся на картах.

— Капитан Гарнер, — сказал виньярдец, держа карту к свету; — посмотрите, пожалуйста, здесь. Не кажется ли вам, что на этой стороне были какие-то заметки, и что здесь слова, находившиеся на карте, выскоблены?

В это время Пратт смотрел через плечо Росвелю Гарнера и был очень счастлив, видя, что незнакомец положил палец на точку, бывшую на сотни миль от того места, где, по его мнению, находилось сокровище пирата.

— Странно, что такой старый моряк, пользуясь так долго одною картою, не оставил на ней никаких заметок, — вновь повторил с удивлением и досадой незнакомец. — Все мои карты покрыты заметками, как будто я хотел сделать из них книгу для моего собственного употребления.

— Склонности и привычки различны, — равнодушно отвечал Росвель Гарнер. — Есть моряки, которые постоянно отыскивают утесы и не перестают записывать их на своих морских картах; но я никогда не видел, чтобы они получили от этого какую-нибудь выгоду.

— Что вы скажете о заметках охотника за тюленями, обозначившего на своей карте остров, на котором тюлени ходят толпами по берегу, как стадо свиней? Назовете ли вы такие карты сокровищем?

— Это совсем другое дело, — отвечал, смеясь, Гарнер, — хотя я и не думаю, чтобы в этом чемодане можно было найти подобное сокровище.

— Я не вижу, господин Пратт, необходимости более утруждать вас. Мой дядя был не очень богат, это ясно, и если я желал иметь более, чем оказалось, так это потому, что я и сам небогат. Если же умерший оставил какие-нибудь долги, так я готов заплатить их.

Вопрос был сделан очень вяло, так что Пратт сначала не знал, что и ответить. Он подумал о своих десяти долларах, и скупость у него одержала верх над благоразумием.

— Без сомнения, доктору Сэджу надобно бы заплатить, но ваш дядя, пока он жил, сам уплачивал свои расходы, Я думаю, что вдова, заботившаяся о нем, имеет право на что-нибудь лишнее, и еще нынче утром я дал ей десять долларов, которые вы можете, по вашему желанию, отдать мне или нет.

Капитан Дагге тотчас же отдал эту сумму Пратту. Потом он положил карты на место и, не открывая маленького ящичка, находившегося в чемодане, запер этот чемодан и положил ключ в карман, говоря, что увезет все это, чтобы избавить Пратта от всякого беспокойства. Потом он спросил адрес вдовы Уайт, с которой пожелал поговорить, прежде чем оставит Ойстер-Понд.

Вдова Уайт приняла капитана Дагге с явным удовольствием.

— Я уверен, что жизнь с моим дядею была для вас приятна, — сказал племянник. — Виньярдцы люди простые.

— Это правда, капитан Дагге! Но совсем было другое во время посещений Пратта.

— А Пратт часто приходил сюда?

— Часто. Когда они бывали вместе, так все говорили об островах и тюленях.

— В самом деле? — вскричал племянник. — Да что же они могли говорить о подобном предмете? Острова и тюлени совершенно чуждый

разговор для умирающего.

— Я знаю это, — отвечала вдова, — и, слушая их, хорошо это понимала, но что могла сделать тут бедная женщина?

— Этот разговор происходил при вас, в вашем присутствии?

— Совсем нет. Они говорили, а я слушала, что они говорили, как это случается, если бываешь недалеко от разговаривающих.

Незнакомец не удивился. Он сам родился в стране, где жители обладали в совершенстве даром сплетни.

— Да, — сказал Дагге, — есть вещи, которые узнаются сам не знаешь как. Итак, они разговаривали об островах и тюленях?

На этот вопрос вдова отвечала со всеми подробностями, которые могла только припомнить. По мере того, как она рассказывала о тайных совещаниях Пратта со старым матросом, внимание незнакомца увеличивалось. Вдова Уайт ничего не пропустила из того, что слышала, и прибавила еще изрядное количество того, чего не слыхала.

Капитан Дагге привык к подобным рассказам и знал, какого доверия они заслуживали. Он слушал, веря только половине того, что ему рассказывали, и благодаря своей опытности успел определить в рассказе этой женщины вероятное от невероятного. Но то обстоятельство, что вдова Уайт не была при самых главных разговорах, сообщило ее повествованию неясность. Вообще капитан Дагге не сомневался в том, что Пратт знал о существовании островов. Покупка и снаряжение «Морского Льва» могли достаточно убедить человека с его умом, что дело идет об экспедиции за тюленями.

Свидание капитана Дагге и вдовы продолжалось более часа и они расстались друг с другом в самых лучших отношениях. Правда, капитан ничего не дал вдове, но он полагал, что совсем расквитался, отдав Пратту деньги, которые тот израсходовал; зато он слушал с удивительным терпением, а это у больших говорунов составляет примерную заслугу. При прощании они условились писать друг другу.

В этот же день капитан Дагге отослал чемодан своего дяди в Саг-Гарбур, а следом за ним отправился и сам. Он также употребил час или два на расспросы о состоянии оснастки «Морского Льва» и о времени его отплытия.

Об этом снаряжении в Саг-Гарбуре много говорили. Ночью моряк сел на свою китоловную шлюпку и один отправился в Виньярд. Это для него ничего не значило, потому что он в этой шлюпке часто боролся с морем, когда плавал за лоцмана перед кораблями, идущими в порт.

ГЛАВА VI

Посещение капитана Дагге ускорило оснащение «Морского Льва». Пратт знал хорошо характер моряков островитян, а потому не мог не обратить внимания на такой важный случай. Он ничего не знал, что могли сказать виньярдцам об его тайне, но он не сомневался в том, что они довольно знают о ней и что посещение капитана Дагге ускорит их отправление к южным морям.

Филипп Газар, морской офицер, получил приказание не терять времени, и люди, уже набранные для путешествия, начали переплывать пролив и показываться на палубе шхуны. Что касается «Морского Льва», то на нем уже было все необходимое, и Пратт начал волноваться по поводу того, что еще не прибыли самые опытные матросы, которых отыскивал Филипп Газар и которых хотел иметь капитан Гарнер. Их требовалось два-три человека.

Достойный арматор совсем не подозревал того, что виньярдцы подкупили этих людей и мешали им заключить договор с Филиппом Газаром, желая тем выиграть время для оснащения другого «Морского Льва», которого они почти уже с месяц снаряжали. Они купили этот корабль в Нью-Бедфорде, желая воспользоваться теми неполными сведениями, которые они получили от капитанов брига и шхуны. Сходство в имени судов было случайностью или, точнее сказать, оно было внушено общим характером предприятия.

После нескольких дней отсрочки Газар прислал из Бонингтона человека по имени Уотсона, известного в качестве опытного охотника за тюленями. Этот матрос показался прекрасным, и за отсутствием двух своих товарищей, которые занимались наборкою людей, Росвер Гарнер, для которого командование было еще делом новым, часто советовался с этим опытным моряком. Для Пратта было большим счастьем, что он не открыл ни одной из своих двух тайн молодому капитану. Гарнер знал только, что шхуна должна идти на охоту за тюленями, морскими львами и другими подобными животными, но ему еще ничего не было известно о тайне Дагге.

Осторожность Пратта была тем более кстати, что Уотсон не имел никакого намерения отправляться из Ойстер-Понда и уже поступил на службу виньярдского «Морского Льва», которого купили в Нью-Бедфорде и снаряжение которого тогда заканчивали. Одним словом, Уотсон был шпион, подосланный виньярдцами для того, чтобы выпытать намерения арматора шхуны. Его целью было вкрасься в доверие к Гарнеру и точнее разведать о состоянии дел.

В таком положении были дела в Ойстер-Понде в следующую неделю после посещения капитана Дагге. Шхуна была совершенно готова к отплытию, и капитан Гарнер начинал поговаривать об оставлении берега. Опытные люди, которых он ждал, еще не прибыли, и молодой капитан выказывал большое нетерпение.

— Я не знаю, что делают Газар и Грин! — кричал однажды своему арматору Росвелль Гарнер с кормы, на которой стоял. Пратт был на берегу, а Уотсон работал на вахте. — Они так долго живут на земле, что могли бы набрать двенадцать человек, а нам недостает еще только двоих, конечно, в том случае, если вот этот даст обязательство, которого он еще не подписывал. Кстати, Уотсон, скоро мы увидим твой почерк?

— Я неуч, капитан Гарнер, и мне нужно много времени на то, чтобы подписать свое имя.

— Да, да, ты осторожный молодец, и тем ты мне еще более нравишься. Но у тебя было достаточно время для размышления.

— Капитан Гарнер, — сказал Пратт, слышавший весь этот разговор, — надо бы узнать, хочет ли вообще этот человек поступить на шхуну или нет?

— Я наймусь сейчас же, — сказал Уотсон, — но только я должен знать прежде то, на что я пускаюсь. Если бы мне сказали, к каким островам отправится корабль, тогда это могло бы дать мне решимость.

Этот вопрос был предложен искусно, хотя и терял свою силу вследствие осторожности Пратта, который не сообщил своей тайны даже капитану своей шхуны. Если бы Гарнер действительно знал, куда шел, то желание нанять столь опытного человека, как Уотсон, могло бы вынудить его на какое-нибудь безрассудное признание. Ничего не зная сам, он принужден был ответить то, что счел лучшим.

— Ты спрашиваешь, куда мы идем? Мы идем на охоту за тюленями и будем отыскивать их везде, где только их можно найти.

— Да, да, сударь, — сказал, смеясь, Уотсон, — выходит: ни там, ни тут, вот и все.

— Капитан Гарнер, — сказал Пратт, — это похоже на шутку, и надо либо нанять этого человека, либо взять на его место кого-нибудь другого. Сойдите на берег, сударь, я дома хочу поговорить с вами о делах.

Тон Пратта удивил равным образом и капитана и моряка. Что касается Гарнера, то он прежде, чем отправиться в дом Пратта, где ожидал встретить Марию, сошел с кормы и надел черный галстук. В то время, как капитан занимался переменной своего туалета, Уотсон спустился с вант¹, а когда молодой капитан отправился к Пратту, Уотсон подозвал Бетинга Джоя, который ловил недалеко от берега рыбу. Через несколько минут Уотсон сидел в лодке Джоя вместе со своим мешком — он не привез чемодана — и направлялся к порту. В тот же день он отплыл на ожидавшемся его китоловном боте и вез в Гольм-Голь известие, что «Морской Лев» будет готов к отплытию на следующей неделе.

«Морской Лев» из Гольм-Голя кончал уже свои приготовления с неутомимой деятельностью, и не было ничего невероятного в том предположении, что он сможет отправиться в путь одновременно со своим соперником.

Между тем в Ойстер-Понде Пратт взошел на крыльцо своего дома впереди Росвеля Гарнера. Притворив дверь и заперев ее, к великому удивлению Росвеля, на ключ, старик серьезно посмотрел на молодого моряка, давая ему таким образом понять, что будет говорить с ним о предмете большой важности.

Гарнер не знал, что и подумать, но надеялся на то, что Мария будет главным предметом этого разговора.

— Сначала, капитан Гарнер, — сказал старик, — прошу вас произнести клятву.

— Клятву, господин Пратт! Это что-то новое в охоте за тюленями.

— Да, сударь, клятву, которая после произнесения ее должна быть сохраняема ненарушимо. Эту клятву я ставлю условием для всех дел между нами, капитан Гарнер!

— Если нужно, то я дам обещание.

— Хорошо. Я прошу вас, Росвель Гарнер, обещать, что вы никому не сообщите тех тайн, которые я вам открою, иначе как при условиях, которые я сам вам предпишу, а также, что вы не воспользуетесь ими для чьих-либо выгод и останетесь во всем верны принятым обязательствам.

После этого Пратт открыл ящик и вынул из него две карты, те самые, на которые внес заметки Дагге.

— Капитан Гарнер, — сказал Пратт, раскладывая на постели карту Южного Океана, — вы меня знаете очень давно и, наверное, удивляетесь тому, что я в мои лета занялся в первый раз снаряжением корабля.

— Я надеялся, — сказал Росвель Гарнер, — что в том, что вы хотели сказать мне, будет несколько слов о Марии.

— Предмет, о котором я намерен говорить с вами, — сказал Пратт, — будет любопытнее полусотни Марий. Что же касается моей племянницы, Гарнер, то если она согласна, я не имею ничего против. Но посмотрите на эту карту... глядите внимательно и скажите мне, не найдете ли вы на ней чего-нибудь нового или замечательного.

— Она напоминает мне время, давно прошедшее; вот острова, которые я посещал и которые я знаю. Но что это такое? Острова, нарисованные карандашом, с цифрами широты и долготы? Кто сказал, что там есть земля, господин Пратт, если я только могу предложить вам подобный вопрос?

— Я говорю, что это хорошие острова для охотников за тюленями. Эти острова, Гарнер, могут составить ваше счастье, а также и мое. Что за дело до того, почему я отправляю «Морского Льва» именно туда?

Наполните его жиром, костью, кожами и приведите назад как можно скорее.

— О, если в самом деле там есть острова, то я не сомневаюсь в этом. Но это могут быть ложные острова, которые моряку показались только в тумане. Карты океана наполнены подобными островами.

— Нет, это совсем не то, это настоящая земля, как я слышал от человека, который ходил по ней.

¹ Ванты — система снастей на корабле. (Прим ред.)

— Эта широта слишком высока для того, чтобы к ней итти. Сам Кук не заходил так далеко.

— Не говорите о Куке. Он был королевский моряк, а мой охотник за тюленями был американец. Что королевский моряк видел, то американец должен найти! Вот острова, их три. Вы найдете их, и на их берегах будет столько же животных, сколько раковин на берегу.

— Я надеюсь, что если там есть земля и если вы рискуете шхуною, то я постараюсь отыскать ее. Но все-таки я попрошу вас написать мне приказание плыть так далеко.

— У вас будет все, что только человек может требовать. На этот счет между нами не может быть недоразумений; я сам отвечаю за ту опасность, которой подвергаю шхуну, и только частным образом прошу вас поберечь ее. Итак, отправляйтесь к этим островам и наполняйте трюм шхуны. Но, Гарнер, это еще не все. Тотчас же, как шхуна будет полна, вы отправитесь к северу и выйдете из льдов как можно скорее.

— Именно это я сделал бы и в том случае, если бы вы мне этого не говорили.

Пратт развернул вторую карту, которая заняла на постели место первой.

— Вот, — закричал он голосом, в котором было что-то торжественное, — истинная цель путешествия!

— Этот берег! Но, господин Пратт, это северная широта... и вы, говоря, что я должен итти на юг для того, чтобы дойти туда, заставляете меня проделать дальнюю дорогу.

— Хорошо иметь две струны на своем луке, и когда вы узнаете то, что вы должны привезти из этой страны, тогда поймете и то, почему я посылаю вас на юг прежде, чем вы воротитесь сюда с вашей кладью.

— Там можно найти только черепах, — сказал, смеясь, Росвель Гарнер. — На этих берегах не растет ничего, кроме чахлого кустарника; водятся там еще черепахи.

— Гарнер, — сказал торжественным голосом Пратт, — этот остров, кажущийся нам незначительным, содержит сокровище. Много времени назад пираты спрятали его там, и теперь только я один владею этой тайной.

Молодой человек посмотрел на Пратта с удивлением, как будто он сомневался в том, что Пратт был в своем уме.

Он хорошо знал его слабую сторону и был готов предполагать, что Пратт так много думал о деньгах, что, наконец, помешался. Потом он вспомнил умершего матроса, бесчисленные свидания, которые у него были с Праттом, внимание, которое последний всегда ему оказывал, покупку шхуны и неожиданное и внезапное снаряжение ее... и понял все.

— Дагге сказал вам это, господин Пратт, — заметил Гарнер, — и не он ли вам говорил об островах морских тюленей?

— Допустим, что это так! Почему же Дагге не мог этого сказать так же, как и всякий другой человек?

— Я полагаю, господин Пратт, что вы не надеетесь извлечь больших выгод из этой второй части путешествия?

— Тут-то, Гарнер, я и надеюсь на большие выгоды. И вы сами согласитесь с этим, когда узнаете всю историю.

Пратт после этого рассказал все подробности сообщения, сделанного пиратом.

Сначала молодой человек слушал рассказ спокойно, потом с любопытством, наконец, с уверенностью, что все это справедливее, чем он прежде предполагал.

— Необычайно! — вскричал Гарнер. — Это самая необыкновенная история из всех, мною слышанных! Возможно ли, чтобы так долго и давно не вспоминали о таком множестве серебра и золота.

— Три пирата зарыли его, боясь доверить это экипажу своего корабля. Они сказали, что хотят ловить черепах, как и вы сами скажете, и в то время, как матросы занимались охотой, пираты отделились от берега и положили это сокровище в трещину одного прибрежного утеса, как я уже сказал вам.

Росвель видел, что надежды старика были слишком велики, и что им нельзя противиться, потому что здесь заговорила вся его алчность.

— При некоторой опытности можно очень легко придать лжи вид правды. Но сказал ли этот Дагге, как велики те деньги, которые, по его словам, оставлены пиратами на этом берегу?

— Да! — сказал Пратт, я вся его низкая и скупая душа, казалось, заблестала в его глазах при этом ответе. — По рассказу пиратов, в этом сокровище не может быть менее тридцати тысяч долларов в виде дублонов, чеканенных на королевском монетном дворе, дублонов нормального веса, по шестнадцати унций в фунте.

— Груз «Морского Льва», если он будет хорош, будет стоить вдвое, если только найдем животных, за которыми надо охотиться.

— Это возможно, но подумайте, Гарнер, здесь дело идет о золоте, чеканенном и блестящем.

Росвель увидел, что все доводы будут бесполезны.

На следующий день «Морской Лев» отошел от берега, и с шхуною можно было сообщаться только посредством лодки. Внезапное исчезновение Уотсона ускорило отъезд. Через три дня шхуна подняла якорь и поплыла. Она прошла через узкий, но глубокий пролив, отделяющий Шельтер-Айленд от Ойстер-Понда,

оставляя воды Пеконик-Бее. Однако, шхуна была еще не совсем готова и бросила якорь в Гардинер-Бее, на большой дороге ко всем портам страны.

ГЛАВА VII

Едва только «Морской Лев» из Ойстер-Понда бросил якорь в Гардинер-Бее, к нему подошла шлюпка, идущая с запада.

— Это «Морской Лев» из Ойстер-Понда?—спросил командир шлюпки.

— Да, — отвечал Гардинер.

— Нет ли на этом корабле Уотсона, виньярдца?

— Он был на палубе целую неделю, потом вдруг исчез. Так как он еще не подписал с нами обязательства, то я не имею права сказать, что он бежал.

— Так он переменял свое намерение? — сказал человек из шлюпки, как будто удивленный неожиданной новостью. — Ваша шхуна отправится завтра, капитан Гарнер?

— Послезавтра, — отвечал Росвель со своею обычной откровенностью, не подозревая, что говорил с человеком, принадлежавшим к экипажу его соперников. — Если бы Уотсон остался со мною, то я бы показал ему море, в которое никогда еще судно не кидало лота¹.

— Да, да, он ветрен, но надежный охотник за морскими животными. Итак, вы думаете отправиться послезавтра?

— Если мои товарищи воротятся с берега. Они писали мне вчера, что набрали людей и ожидают судна для отправки. Я здесь подожду их и возьму на борт, чтобы им не плыть напрасно до самого порта.

— Это намного сократит их дорогу. Может быть, это они плывут в лодке?

Росвель Гарнер тотчас же поднялся на верхние ванты и в самом деле увидел, что какое-то судно направляется по прямой линии к кораблю и находится не более, как в полумиле. Ему подали зрительную трубку, и он скоро уведомил свой экипаж, что Газар и второй офицер находились на судне с двумя моряками, и что он полагает, что теперь у него есть все необходимые ему люди. Командир шлюпки не проронил ни одного слова.

— Вы скоро отправитесь к югу, капитан Гарнер, — проговорил незнакомец, как будто для того, чтобы поздравить Росвеля, — вот охотники, которые помогут вам.

— Я очень рад этому, потому что нет ничего неприятнее, как ждать, если сам готов отплыть. Мой хозяин также торопится.

— Желая вам, капитан Гарнер, счастливого пути! Это дальнейшее путешествие, особенно если судно отправляется так далеко на юг.

— А почему вы, мой друг, знаете, что таково мое назначение? Вы меня не спрашивали, куда я отправлюсь на охоту за тюленями, а у людей, занимающихся этим промыслом, нет обыкновения разглашать свои планы.

— Все это так, но у меня есть на все это свои соображения. Теперь, когда вы уже в скором времени отправляетесь, я дам вам один совет; если вы встретите во время путешествия товарища, то не ссорьтесь с ним, а наоборот, старайтесь подружиться и считайте за счастье то, чему вы не можете воспрепятствовать.

Люди, сидевшие в шлюпке, засмеялись, а находившиеся на шхуне были удивлены этими словами. Это была загадка для Росвеля Гарнера и его людей, и он, сходя с вант и отдавая приказание принять людей на судно, прошептал сквозь зубы, что незнакомец, повидимому, глупец.

— Этот малый из Гольм-Голя, — сказал командир шхуны, — а виньярдцы воображают, что они лучшие матросы в свете, может быть, потому, что их остров самый отдаленный из всех, виденных мною по его сторону Монтаука.

Скоро шлюпка исчезла. Командир ее был родственник людей, заинтересованных вооружением «Морского Льва», — соперника, и он решил собрать сведения, важные для виньярдцев, потому что в Виньярде занимались не только островами, изобилующими тюленями, но и таинственными сокровищами пиратов.

Повидимому, у них были более определенные сведения, чем это можно было предполагать.

Как известно, в чемодане был небольшой ящичек, которого Пратт не осмотрел. Этот ящичек заключал в себе старый разорванный журнал не только последнего путешествия, но даже одного или двух предшествующих переездов умершего. С помощью изучения подробностей различных переездов, которые, казалось, не имели никакого между собою соотношения, владелец маленького ящика понял обе тайны своего дяди. В чемодане было также много клочков бумаги, на которых было нарисовано несколько грубых карт островов и стран, о которых шла речь, с обозначением их отношения к соседним островам, но без указания долготы и широты.

¹ Лот — прибор для измерения глубины. (Прим. ред.)

В добавление к этим ясным доказательствам того, что слух, достигший до Виньярда, имел основание, там было еще неоконченное письмо, писанное умершим и адресованное в виде завещания ко всем лицам, носящим фамилию Дагге, которые могли найтись только в Виньярде. Человек, в руки которого попало это письмо и называвшийся Дагге, сначала его прочел, потом тщательно перечитал и положил его в записную карманную книжку, которую имел обыкновение носить с собою. По какому праву это письмо, содержание которого относилось ко многим, сделалось собственностью одного лица, этого мы не будем рассказывать. Однако, это было так, и никто из принявших участие в оснащении «Морского Льва» из Гольм-Голя не знал о существовании этого документа, кроме его владельца. Он несколько раз его рассматривал, и сведения, там находившиеся, показались ему важными.

Росвель Гарнер не обманулся относительно людей, находившихся на отходившем к шхуне судне. Это были Филипп Газар, первый его офицер, и Тим Грин, второй помощник, также два охотника за тюленями, которых они наняли с большим трудом.

Экипаж Росвеля Гарнера был полон, и он был почти готов к отплытию. Росвелю только оставалось вернуться в порт, получить путевку, поговорить немного с своим хозяином, больше — с Марию и отправиться к полюсу, если льды позволят ему идти на юг.

Экипаж «Морского Льва» состоял теперь из шестнадцати человек, числа, достаточного для задуманного путешествия. Все люди были природные американцы, и большей частью они были уроженцами старого графства Сюффолк. Почти все они были молоды, деятельны, и от них можно было ожидать самого добросовестного выполнения своих обязанностей.

ГЛАВА VIII

Солнце уже зашло, когда Росвель Гарнер воротился на корабль, простившись с Марию.

По мере того, как приближалось время поднятия якоря, нервное беспокойство Пратта передавалось молодому капитану. Каждую минуту он приходил к Росвелю, чтобы дать какой-нибудь совет и спросить о чем-нибудь.

— Вы не позабудьте островов, капитан Гарнер, — говорил старик, — и не подходите к ним слишком близко! Говорят, что в этих широтах прилив бывает ужасен; уверяют, что моряки садятся на мель прежде, чем узнают, где находятся.

— Да, да, сударь, я припомню это, — отвечал Гарнер, наскучив слушать приказание того, что знал и сам. — Я хорошо знаю приливы и отливы и плавал в этих морях. Ну, господин Газар, скоро мы поднимем якорь?

— Мы готовы, сударь, отправиться и ожидаем только приказа.

— Отправимся, сударь, и прощай, Америка, по крайней мере, эта часть Америки!

— Возле этих берегов, — проговорил опять Пратт, — плавание опасно, и надо смотреть в оба, чтобы избежать опасностей, угрожающих кораблю; поберегите корабль, Гарнер!

— Везде есть опасности для моряка, который спит; но кто смотрит во все глаза, тому нечего бояться.

Едва только шхуна оставила берег, как ее паруса надулись, и она прошла мимо низкой и песчаной полосы земли под небольшим юго-западным ветром. Начинался отлив.

Пратт оставался на борту шхуны до тех пор, пока Бетинг Джой, который должен для служить ему гребцом, не напомнил ему, что при возвращении придется бороться с ветром и отливом, и что понадобится вся его опытность, чтобы довести китоловный бот до Ойстер-Понда.

Арматор, наконец, расстался с своим кораблем, надавав молодому Гарнеру столько последних приказаний, как будто тот шел на явную смерть. У Росвеля также к нему была просьба, и она касалась Марии.

— Повторите Марии, господин Пратт, — сказал молодой человек, отводя его в сторону, — что я верю ее обещанию и буду думать о ней под знойным солнцем экватора и посреди льдов южного полюса.

— Да, да, это так должно быть, — сказал Пратт с какой-то кротостью. — Мне нравится ваше постоянство, Гарнер, и я надеюсь, что молодая девушка, наконец, уступит, и вы будете моим драгоценным племянником. Женщин более всего пленяют деньги. Наполните шхуну кожами и жиром и привезите клад, и будьте уверены в том, что Мария будет вашею женою.

«Морской Лев» порвал последнюю связь с землею. На нем не было лоцмана, совершенно не нужного в этих морях; кораблю только надо было как можно ближе держаться к Лонг-Айленду, огибая восточную сторону острова. Скоро пропал из виду Гардинер-Айленд, для смельчаков единственной связью с родиной остались их чувства к оставшимся на материке. Правда, что Коннектикут, потом Род-Айленд были еще видны с одной стороны, а небольшая часть Нью-Йорка — с другой; но с наступлением сумерек и эти последние признаки земли исчезли. Монтаукский маяк в продолжение многих часов был единственной путеводной звездой моряков, которые прошли мимо него около полуночи. Они находились теперь уже на открытых волнах Атлантического океана.

«Морской Лев» хорошо маневрировал. Он был выстроен с намерением сделать его удобным для экипажа и легким на ходу.

Так как ветер был юго-западный, то шхуна, миновав Монтаукский маяк, поплыла на юго-восток. Погода казалась постоянной, и ничто не предвещало его перемены. Гардинер сошел в каюту, передав начальство вахтенному офицеру с приказанием позвать его при восходе солнца. Скоро усталость оказала свое влияние на молодого человека, и он заснул так крепко, как будто бы не оставлял на целые два года любимую девушку.

Капитан «Морского Льва» был разбужен в назначенный им час. За ночь его корабль сделал почти сорок миль. Земли уже не было видно, берег Америки был очень низок, и не на чем было задержаться взглядом.

Росвель Гарнер посмотрел на юг, потом на запад и увидал, что ветер обещал усилиться. Он, взглянув вверх, остался доволен ходом корабля. Затем он обратился к младшему офицеру, которому передал начальство.

— Славная погода, сударь! — сказал он. — Нам предстоит большая дорога, господин Грин, но зато у нас и надежный корабль. Мы теперь совершенно в открытом море. На западе не видно ничего, даже каботажного судна. Время слишком раннее для судна, отправившегося с последним отливом, и слишком позднее для поднявшего якорь в предшествующий отлив. Никогда я еще не видал эти воды такими пустынными, без одинокого паруса на горизонте.

— Да, да, сударь, можно сказать, что нет ничего на горизонте. Однако, вон там судно под ветром, которое, кажется, хочет поспорить с нами в скорости... Там, сударь, немного назад... и мне кажется, что это шхуна, и почти одних размеров с нашею, и если вы, капитан Гарнер, возьмете зрительную трубку, то увидите, что у него не только наша оснастка, но даже и одинаковые паруса.

— Вы правы, господин Грин, — отвечал Росвель, — это шхуна и почти в столько же тонн, как наша, и даже с такими же совершенно парусами. Давно ли она идет так?

— Назад тому несколько часов она показалась из-за Блок-Айленда. Весь вопрос для меня состоит в том, чтобы узнать, откуда идет она? Корабль из Бонингтона, естественно, прошел бы под ветром Блок-Айленда, а из Нью-Порта или с острова Провидения не шел бы так далеко по ветру. Эта шхуна интересовала меня с самого рассвета, и я совсем не понимаю, как она очутилась в этих водах.

— Можно подумать, что она сбилась с дороги.

— Нет, нет, капитан Гарнер, этот «гуляка» идет на юг, как и мы. Если бы он направился к юго-востоку из какого-нибудь соседнего порта, то остановился бы возле Но-Манс-Ленда, а он на прямой линии с Блок-Айлендом.

— Может быть, он идет из Нью-Лондона и, отправляясь в Западную Индию, пожелал обогнуть остров. Но все эти предположения ничуть не разъясняют дела.

— Это равносильно тому, капитан Гарнер, чтобы ходить вокруг дома и не входить в дверь, которая перед нами. Но кораблей подобного рода не было ни в Бонингтоне, ни в Нью-Лондоне, как мне это известно, потому что не более двух суток назад я был в обоих этих местах.

— В таком случае и для меня этот корабль становится столь же непонятным, как и для вас, но его не трудно увидеть поближе.

Росвель тотчас же отдал приказание, чтобы маневрировали в другом направлении.

В полдень корабли были один от другого так близко, что можно было разговаривать, и на этом расстоянии экипажи обоих кораблей могли молча наблюдать друг друга. По размеру между двумя кораблями не было никакого различия, а в подробностях было замечательное сходство.

— Этот корабль, — сказал Росвель Гарнер, когда он был на расстоянии мили от неизвестного судна, — не пойдет в Западную Индию; у него на палубе находится один бот, а назади два. Не назначен ли он, как и наш, на охоту за тюленями?

— Я думаю, что вы правы, сударь, — отвечал Газар, первый морской офицер, вышедший в эту минуту на палубу. — Капитан, если я не ошибаюсь, он похож на охотника за тюленями. Однако, довольно странно, что два корабля, идущие к другому концу света, встречаются таким образом на море.

— Напротив, все нам станет ясным, если мы вспомним, что теперь самое подходящее время для отъезда кораблей, имеющих намерение еще нынешним летом дойти до мыса Горна¹. Мы будем там в декабре, и я полагаю, что капитан той шхуны знает это так же хорошо, как и я.

— Капитан, — сказал Стимсон, старый моряк, — на носу этого корабля виднеется голова животного, если я не ошибаюсь на этом расстоянии.

— Ты прав, Стефан, — вскричал Росвель Гарнер, — и это животное тюлень, близнец «Морского Льва» который у нас на бушприте². Кстати, что сделалось со шхуною, которую ты видел?

— Я слышал, сударь, что ее купили какие-то виньярдцы и отвели в Гольм-Голь. Мне хотелось посмотреть, что с нею будет, но я встретился с господином Грином и нанялся к вам.

¹ Мыс Горн — южная оконечность Южной Америки.

² Бушприт — выдающаяся часть носа корабля. (Прим. ред.)

— И надеюсь, что ты ничего не потеряешь, мой друг, — сказал капитан. — Так ты думаешь, что это судно выстроено в Нью-Бедфорде и снаряжено виньярдцами?

— Точно так, сударь, я его теперь узнал.

— Дайте мне рупор, господин Грин, мы скоро будем близко и можем его окликнуть.

Росвель Гарнер подождал несколько минут. Когда шхуны подошли ближе одна к другой, он хотел было окликнуть чужое судно, но вновь прибывший первый приветствовал «Морского Льва». Во время разговора оба корабля сошлись так близко, что с обеих сторон оставили рупоры.

— Ого, шхуна!

— Голя! — отвечал Гарнер.

— Что за шхуна?

— «Морской Лев» из Ойстер-Понда, отправляется к югу и снаряжен для охоты за тюленями, как вы можете судить по нашему экипажу.

— Когда вы оставили Ойстер-Понд, и здоров ли господин Пратт?

— Мы подняли паруса вчера после полудня, с первым отливом, а господин Пратт оставил вас в ту минуту, как только мы подняли якорь. Он был здоров и полон надежды на успех экспедиции. Что это за шхуна?

— «Морской Лев» из Гольм-Голя, идет на юг и снаряжен для охоты за тюленями, как вы можете это видеть по нашему экипажу. Кто капитан вашей шхуны?

— Капитан Росвель Гарнер. А вашей?

— Капитан Дагге.

В эту минуту показался и сам капитан Дагге.

— Я имел удовольствие, — сказал он, — видеть вас в Ойстер-Понде в то время, как приезжал туда за наследством моего дяди; вы, вероятно, это помните, капитан Гарнер! Это было так недавно, и вы не могли забыть моего посещения.

— Конечно, нет, капитан Дагге, хотя тогда я и не думал, что всю также собираетесь совершить путешествие на юг. Когда вы оставили Гольм-Голь, сударь?

— Третьего дня, после полудня. Мы отправились около пяти часов.

— Каков был ветер, сударь?

— Юго-западный и юго-восточный; вот уже три дня как не было в нем перемены.

Росвель Гарнер прошептал что-то сквозь зубы, но не счел нужным высказать подозрения, родившегося в его уме.

— Да, да, — продолжал он через несколько минут, — ветер целую неделю был один и тот же, но я думаю, что скоро он переменится. В воздухе есть что-то, предвещающее восточный ветер.

— Что же, пусть будет и так. Идя по тому же направлению, по какому мы теперь идем, мы можем пройти перед мысом Гаттерас¹ с восточным ветром. А там около берегов дуют южные ветры, которые обычно следуют за вами в продолжение двухсот или трехсот миль.

— Юго-восточный ветер, если он очень силен, может отбросить нас к песчаным мелям, что мне очень не нравится, сударь! Лишь только я покидаю землю, я люблю придерживаться восточного течения.

— Это правильно, капитан Гарнер!

— Весьма справедливо, сударь! Было бы лучше держаться, если это можно, вне течения.

— Знаете, сударь, так как у нас одинаковая цель путешествия, то я считаю себя счастливым, что встретился с вами, и не вижу причины, почему бы нам не сделаться добрыми соседями. Ваша шхуна мне так понравилась, что я постарался, насколько возможно, построить свою по ее образцу, и вы видите, что моя совершенно одинаково раскрашена.

— Я это заметил, капитан Дагге, и вы можете прибавить, что и носы наших кораблей одинаковы.

— Да, да, когда я был в Ойстер-Понде, то мне сказали имя резчика, сделавшего вашего «Льва», и я приказал ему сделать такого же. Если бы два корабля находились на одном рейде, то я не думаю, чтобы их можно было различить.

— Это правда, сударь! Нет ли у вас на палубе человека, по имени Уотсона?

— Да, да, сударь, это мой второй морской офицер. Я вас понимаю капитан Гарнер, вы правы; вот тот, который был на вашей палубе; но мне нужен был второй морской офицер, и он согласился перейти с повышением на мой корабль.

— Вы нам ничего не говорили о снаряжении этой шхуны, — сказал. Росвель Гарнер, — когда вы были в Ойстер-Понде.

— Я был занят делами моего бедного дяди, капитан Гарнер! Смерть — общее назначение, но она нам кажется гораздо печальнее, если поражает наших друзей.

¹ Мыс Гаттерас — самая восточная часть Соединенных Штатов. (Прим. ред.)

Несмотря на естественный тон капитана Дагге, у Росвеля Гарнера вновь шевельнулось подозрение. Снаряжение этой шхуны заставило его задуматься, и он готов был верить тому, что Дагге кое-что знал о цели экспедиции.

Сначала Гарнер не очень верил сведениям, сообщенным старым моряком, приписывая большую часть его рассказов матросской тактике и желанию придать себе большое значение. Но теперь, видя, что один из родни этого матроса отправляется в подобное же плавание, он изменил свое мнение.

В продолжение нескольких часов обе шхуны шли вместе и с равной скоростью. Не было ничего необыкновенного в том, что два корабля, выстроенные для одной и той же цели, имели большое сходство; но очень редко можно видеть два корабля почти с одинаковым ходом. Если и было некоторое различие, то в пользу «Морского Льва» из Виньярда, который после полудня обогнал своего противника.

К вечеру ветер стих, и Росвель Гарнер велел спустить в море шлюпку и отправился посетить капитана другой шхуны.

Капитан Дагге принял своего гостя с замечательным радушием. Подали грог, и оба выпили по стакану. Оба капитана пили за взаимный успех. Гарнер даже дружески пожал руку Уотсона, хотя этот последний и был почти беглецом, а его прощание с ним было столь же дружественно и столь же искренно, как и с самим капитаном Дагге.

ГЛАВА IX

В этот вечер солнце зашло за облака, хотя на востоке горизонт был относительно ясный.

Росвель вышел на другой день утром на палубу и нашел погоду совершенно изменившеюся. Буря, так долго собиравшаяся, наконец, приближалась. Ветер был юго-восточный.

Газар маневрировал. «Морской Лев» из Виньярда подражал каждому движению своего соперника и плыл под теми же парусами. В это время расстояние между кораблями было еще меньше, и только ойстерпондский корабль находился немного под ветром.

Ветер постепенно увеличивался и заставил убрать часть парусов.

Раз или два корабли были готовы разлучиться; расстояние между ними делалось таким значительным, что для них казалось невозможным идти вместе; потом вследствие искусного маневра обе шхуны меняли галс и приближались одна к другой. Росвель Гарнер скоро убедился в том, что капитан Дагге умышленно держится около него.

Вечером третьего дня после усиленного ветра Росвель Гарнер полагал, что он находится в тридцати двух-трех морских милях¹ от берега.

— Я хотел бы знать мнение самого Дагге, — сказал молодой капитан тогда, когда день кончался и начинался бурный вечер. — Мне не нравится погода, а потому я не хотел бы оставаться в открытом море, но я не подойду к берегу и не укроюсь от опасности, если другая шхуна не сделает того же.

А погода была настолько бурная, что ветер рвал паруса, и надо было по возможности убавить их. Когда наступил день, и туман исчез, показалась земля. Ориентировавшись по своим морским картам и взглянув на берег, Росвель Гарнер убедился, что он был под ветром острова Курритука, и таким образом находился на расстоянии около шести градусов¹ к юго-востоку от порта, из которого он вышел, и почти около четырех к западу.

Молодой капитан понял, какую он сделал ошибку, позволяя овладеть собою глупой страсти соперничества, и жалел, что прошедшим вечером не пошел по другой дороге. Теперь он не знал, на что ему решиться.

Около десяти часов ветер, постоянно дуя с востока немного к северу, еще усилился. Утром офицеры, находившиеся на палубе обоих шхун, воспользовались несколькими минутами затишья и могли дать себе ясный отчет в своем взаимном положении. Всякая мысль о соперничестве исчезла. Каждый корабль маневрировал с единственной целью спасения. Большие паруса были ослаблены, и экипажи обоих кораблей, напрягая силы, боролись с ветром и волнением.

— Большая мачта гнется, как китовый ус, — сказал Газар. — Она прыгает, как лягушка, которая спешит броситься в лужу.

— Надо, чтобы шхуна выдержала эту борьбу, — спокойно ответил Гарнер, хотя сам очень беспокоился. — Даже если бы Пратт простил мне гибель своей шхуны, то я никогда не прошу этого самому себе.

¹ Морская миля (американская) — 1,85 километра. (Прим. ред.)

¹ Все пространство земного шара к западу и к востоку от Гринвича делится на 360 частей или градусов, при чем считают 180 градусов к востоку (градусы восточной долготы) и 180 градусов к западу (градусы западной долготы).

— Если шхуна погибнет, капитан Гарнер, то останется очень мало людей из экипажа, которые могли бы чувствовать угрызения совести или радости. Посмотрите на этот берег, сударь! Я никогда не видел земли, около которой было бы легче погибнуть.

Берег был низок, и виднелась непрерывная линия подводных камней. Целые столбы воды поднимались в воздух. Лица моряков стали угрюмыми, потому что они очень хорошо поняли степень угрожавшей им опасности.

Гарнер втайне надеялся найти проход, ведущий в Карритук. Этот проход был тогда еще свободным и лишь после был занесен песком.

Гарнер знал, что плыл у опаснейшей части берегов Америки. Большие проливы, лежащие между образованными песком отмелями, делали плавание столь же трудным, как мели, находившиеся на севере. Однако, от счел за лучшее плыть по одному из этих проливов, чем попасть на подводные камни, которые выдавались наружу. Виньярдское судно оказывалось в лучшем положении, потому что шло по ветру и находилось на длину кабельтова ²от камней, а следовательно, и дальше от опасности. Скоро глаза всех устремились на пролив.

Теперь очень хорошо была видна линия подводных камней, и с каждой минутой она приближалась все больше и больше. Все старались отыскать место для якорной стоянки.

Вдруг шхуна глубоко нырнула в волны и встретила снизу какое-то сопротивление, которое ее оттолкнуло, как будто она ударилась об утес.

Большая мачта была крепка, но не была достаточно толста; один или два лишних дюйма в диаметре могли бы спасти ее, но Пратт купил из экономии потоньше, несмотря на все делаемые ему указания. Дерево переломилось на две части и упало в нескольких метрах от палубы под ветром, увлекая верхнюю часть передней мачты. Таким образом «Морской Лев» из Ойстер-Понда остался в гораздо худшем положении, чем если бы он был совершенно без мачт. Надо было бросить якорь. К счастью, Гарнер все предвидел в этом отношении. Если бы не приняли всех предосторожностей, то, наверное, через десять минут шхуна была бы брошена на подводные камни, и для экипажа не было бы никакого спасения. Бросили два небольших якоря и вытравили канаты во всю их длину; корабль поднялся и тотчас же повернулся носом к морю.

Бросили лот, чтобы узнать, держат ли якоря. Оказалось, что шхуна каждые две минуты подавалась вперед на длину своего корпуса. Оставалась единственная надежда на то, что лапы якоря вонзятся в лучшую почву, нежели какую он встречал до сих пор. По вычислениям Росвеля, шхуна могла достичь подводных камней самое большее через час.

«Морской Лев» из Гольм-Голя был под ветром в полумиле к югу. Находившиеся впереди судна подводные камни принуждали его свернуть с прямого пути. Он повернул на юг и направился с большим трудом к своему товарищу.

Росвель Гарнер стоял на корме своего корабля, следя с беспокойством за ходом другой шхуны. Она приближалась, борясь с волнами, почти столь же белыми, как подводные камни, неизбежно угрожавшие кораблям. «Морской Лев», стоявший на якоре, хотя и подвигался, но так медленно, что его собственный ход еще яснее подчеркивал быстроту приближения «Морского Льва» из Виньярда. Сначала Гарнер боялся, чтобы Дагге не столкнулся с его кораблем, и трепетал за свои канаты, которые по временам, как железные прутья, показывались поверх воды. Шхуна виньярдцев бежала с такою скоростью под ветром, что не могла принести этой новой опасности своему товарищу.

Когда между двумя кораблями оставалось менее кабельтова расстояния, оба капитана, опираясь одной рукой на борт, а другой придерживая свои шляпы на голове, могли с минуту перекинуться словами.

— Ваши якоря держат? — крикнул Дагге, начавший первый говорить, как будто его судьба зависела от ответа на его вопрос.

— К сожалению, нет. Каждые две минуты мы двигаемся на всю длину корабля. Это отдалит критическую минуту на час или на два. Виньярдская шхуна описывала кривую линию.

— Пережившие известят о смерти погибших! — вскричал Росвель Гарнер, делая Дагге знак рукою. — Когда наступит кризис, я прикажу, если будет можно, спустить шлюпки.

Дагге не отвечал. Всякий ответ был бесполезен, потому что никакой человеческий голос не мог на этом, сделавшемся довольно значительным, расстоянии осилить шума сильного ветра.

— Его шхуна разобьется о камни через полчаса, — сказал Газар, находившийся возле Гарнера. Отчего он не бросает якоря?

— Он спасется! — вскричал Росвель. — Посмотрите, господин Газар!

Ветер утих так внезапно, что полотнища парусов другой шхуны повисли во всю длину мачт. Затем ветер опять задул с прежнею яростью, но потом снова стих. Гарнер бросился к лоту. Шхуна более не тащила своего якоря.

² Кабельтов — длина якорного каната, принятая за единицу для измерения небольших расстояний на море, около 220 метров. (Прим. ред.)

— Я думаю, сударь, — вскричал Газар, — что ветер переменится. Часто случается даже возле наших берегов, что юго-восточный ветер вдруг переменяется на северо-восточный. Я надеюсь, что эта перемена не придет слишком поздно для спасения виньярдской шхуны, хотя она бежит к подводным камням с ужасной скоростью.

— Посмотрите на ее фоковый парус...

— Опять затишье! — сказал Гарнер. — Говорю вам, Газар, что ветер переменится, а это только и может спасти нас от подводных камней.

Ветер стих, хотя волнение еще угрожало другой шхуне, увлекая ее к подводным камням, хотя уже с меньшей скоростью.

— Почему она не бросает якоря? — вскричал Гарнер, беспокоясь за другой корабль, потому что он уже не боялся за свой. — Если он не бросит якорь, то сядет на мель или разобьется о подводные камни.

— Он, кажется, об этом не думает, — отвечал засмеявшийся Газар. — Посмотрите, у него снимают марсель и поднимают большой парус.

В самом деле, Дагге, казалось, был более расположен воспользоваться своими парусами, нежели канатами. Через несколько минут он поднял все паруса и старался отплыть от земли. Ветер совершенно утих, и на пространстве полумили Гарнер и его товарищи слышали шум бившихся о мачты парусов. Потом паруса надулись с другой стороны, и ветер подул с земли. Нос шхуны тотчас же повернулся к морю. Эта внезапная перемена погоды, иногда пагубная, иногда спасительная, всегда ведет за собою столкновение двух противоположных течений воздуха.

— Теперь, — сказал Газар, — будет, наверное, северо-западный ветер.

Через десять минут подул довольно сильный ветер по направлению, почти совершенно противоположному тому, по которому он дул до сих пор. «Морской Лев» из Виньярда удалился от земли, рассекая волны, идущие со стороны океана.

Гарнер думал, что шхуна уйдет, но вместо того капитан Дагге подошел к потерявшему мачты судну и бросил якорь. Этот знак братства не нуждался в объяснениях. В самом деле, виньярдцы имели видимое намерение остаться возле своего товарища до тех пор, пока он будет в опасности. Северо-западный ветер не позволял никаких сношений между экипажами до следующего утра. Сила ветра была невелика, и волны едва виднелись у берегов.

На подводных камнях кипела белая пена, но она уже более не была страшна. Поправили мачты и с помощью шлюпок отыскивали все паруса и большое число снастей.

ГЛАВА X

На другой день утром, лишь только можно было спустить шлюпки в море, капитан Дагге подошел к «Морскому Льву» из Ойстер-Понда.

Дагге не без причины предложил свои услуги Гарнеру. Он опасался того, что этот корабль один найдет остров, о котором и сам Дагге имел несколько любопытных сведений, не достаточных, однако, для полной уверенности в том, что он его отыщет.

Шлюпки Дагге помогли спасти паруса и снасти. Потом его люди помогли привести в надлежащее состояние часть мачт, и в полдень обе шхуны находились уже далеко от берега на юго-восток.

В эту ночь они прошли мимо мыса Гаттераса. В следующую ночь они обогнули мыс Лук-Оут и на другой день утром при восходе солнца пришли в Порт-Бофор. В это время стих северо-западный ветер, и обе шхуны, при небольшом южном ветре, вошли в этот порт.

Этот порт был единственным местом, где они могли остановиться и получить материалы, в которых нуждалась шхуна Росвеля Гарнера.

Росвель отправился на борт другого корабля, чтобы отблагодарить Дагге и его офицеров.

— По моей милости, — сказал Росвель, — вы и так долго простояли. Если я найду мачты, о которых мне говорил лоцман, то через двое суток буду в море, и мы встретимся через несколько месяцев возле мыса Горна.

— Гарнер, я вам вот что скажу, — отвечал виньярдец, предлагая ром своему сотоварищу, — я человек простой и никогда не стараюсь делать шума, но люблю собратство. Мы оба избежали большую опасность и спаслись от кораблекрушения. После подобных испытаний, право, кажется ужасным покинуть товарища. Таково мое мнение, Гарнер, и я не берусь сказать утвердительно, хорошо ли оно. Решайте сами.

— Это хороший взгляд, капитан Дагге, вы правы, и благодарю вас за этот знак дружбы. Но вы не должны забывать арматоров. Я должен буду отдать отчет в своих действиях моему хозяину, и вам тоже необходимо отдать отчет вашим. Теперь прекрасный попутный ветер, который гонит нас в открытое море, и, пройдя к югу от Бермудских островов, вы можете сократить ваш путь.

— Я пришел сюда, Гарнер, чтобы не лишиться вашего общества; кроме того, мы были не совсем свободны в выборе, в чем вы признаетесь, потому что мы не могли миновать отмели того берега. Я не считал бы нашего положения очень дурным, если бы вы не потеряли мачт. Это будет стоить двести или триста долларов и заставит вашего арматора поворчать, но от этого человек не умирает. Я остаюсь с вами, и вы можете сообщить об этом Пратту в письме, которое вы напишете ему отсюда.

— Я очень благодарен вам за вашу доброту и постараюсь припомнить ее, когда представится случай за нее отблагодарить.

Росвель Гарнер по душевной простоте думал, что никогда еще не встречал столь великодушного экипажа, как экипаж «Морского Льва» из Гольм-Голя.

Китоловные суда и охотники за тюленями ничего не платили своим экипажам деньгами, как другие корабли. Успех экспедиций настолько зависел от состава экипажей, что обыкновенно старались непосредственно заинтересовать их в прибылях. Вследствие этого все люди, находившиеся на палубе, занимались за известную часть, которую они получали в будущем грузе. Арматор оплачивался таким же образом, то есть за корабль и его оснащение обыкновенно ему полагалось две трети прибыли, а офицеры и экипаж получали остальное. Эти условия изменялись, смотря по увеличению цены на продукты от китовой ловли или охоты за тюленями, а также от увеличения издержек на вооружение судна. Таким образом капитан Дагге и его экипаж, теряя время около чужого корабля, упустили, казалось, свою собственную прибыль.

Как бы то ни было, Гарнер с помощью виньярдского экипажа немедленно сделал необходимые для его судна исправления, и после полудня второго дня он уже мог поднять паруса. Шхуна его была теперь в лучшем состоянии, чем когда она оставляла Ойстер-Понд.

Телеграфов в то время не существовало. Если бы Морзе ¹сделал свое великое открытие ранее тридцатью годами, то Росвель Гарнер мог бы снестись с своим арматором и получить от него ответ прежде, нежели поднял бы паруса. Теперь же он принужден был ограничиться только письмом, которое через неделю Мария отдала своему дяде, только что вернувшемуся из небольшого путешествия.

— Вот вам письмо, дядюшка! — сказала Мария.

— Письмо с почтовым клеймом: Бофор. От кого может быть это письмо? Пятьдесят центов за провоз!

— Это служит доказательством, сударь, что Бофор очень далеко, а письмо страховое. Я думаю, что оно от Росвеля.

Если бы племянница выстрелила из пушки над ухом своего дяди, то Пратт не смутился бы более. Он побледнел и вместо того, чтобы сорвать печать, что уже хотел сделать, колебался, боясь развернуть письмо.

— Что это значит? — закричал Пратт, останавливаясь, чтобы передохнуть. — Почерк Гарнера. Да, это правда. Если этот неблагоразумный молодой человек разбил мою шхуну, то я никогда не прошу ему этого.

— Дядюшка, нет надобности думать обо всех дурно. На море часто посылают письма со встречными кораблями, и я уверена, что Росвель так и сделал.

— Только не он, не он, беспечный мальчишка! Он разбил мою шхуну, и все мое богатство в руках грабителей, живущих кораблекрушениями и которые вреднее крыс, живущих в лабазах. Бофор. Н. С. Да, там находится один из Багамских островов; а «Н. С.» значит остров Нового Провидения. Ах!

— Но «Н. С.» не может означать остров Нового Провидения, в таком случае было бы Н. П., дядюшка!

— Н. С. или Н. П. так похожи по звуку, что я не знаю, что и подумать об этом. Возьми письмо и читай. Как оно велико! В нем должен быть какой-нибудь протест или какой-нибудь акт.

Мария взяла письмо и, волнуясь, развернула его. Она скоро увидела, что письмо написано ей.

— Что в нем, Мария? Что в нем, дитя мое? Не опасайся сказать мне, — прибавил Пратт тихим и ослабевшим голосом. — Я надеюсь, что сумею снести несчастье с мужеством христианина. Нет ли в письме одной из тех штемпелеванных бумаг пагубного значения, которые употребляют нотариусы, если требуют деньги?

Мария покраснела и в это время казалась прекрасною.

— Это письмо ко мне, я уверяю вас, дядюшка, и ничего больше; также есть и к вам, и оно в моем.

— Ну, ну, к счастью, что тут нет ничего худшего. Откуда было послано это письмо? Обозначены ли широта и долгота?

Мария побледнела, когда пробежала первые строки письма; потом она вооружилась всею своею решительностью и начала рассказывать дяде содержание письма.

— Несчастье случилось с бедным Росвелем, — сказала она с сильным смущением, — хотя это несчастье и не было вполнину таким великим, каким могло быть. Письмо писано в Бофоре, в Северной Каролине, где остановилась шхуна, чтобы запастись новыми мачтами, утраченными при мысе Гаттерасе.

— Гаттерас! — со стоном прервал Пратт. — Что там делает мой корабль?

¹ Морзе Самуил (1791 — 1872) — изобретатель аппарата для телеграфирования при помощи тока, приводящего в действие электромагнит. (Прим ред.)

— По правде, я этого не знаю, но я лучше прочту вам содержание письма Росвеля, и вы узнаете подробности.

Мария прочла письмо своему дяде. Гарнер ничего не скрыл и откровенно признался в ошибке, сделанной им. Он подробно говорил о «Морском Льве» из Гольм-Голя и выражал свое мнение, что капитан Дагге знал о существовании островов морских тюленей, не зная, впрочем, их широты и долготы. Что же касается берега, где было скрыто сокровище пиратов, то Росвель об этом умалчивал, потому что ему казалось, что Дагге ничего не знал об этой части экспедиции. Наконец, Гарнер выражал глубокую благодарность за добровольную услугу, которую оказали ему Дагге и его экипаж.

— Добровольная услуга! — вскричал Пратт. — Как будто подобный человек может работать даром!

— Росвель, дядюшка, пишет нам, что капитан Дагге вел себя вполне бескорыстно, и что он согласился ничего не требовать за то, что пришел с Росвелем в Бофор, и за все то, что сделал в бытность свою там. Повидимому, корабли подобным образом оказывают друг другу взаимную помощь.

— Но не без платы за спасение груза при кораблекрушении; не без платы за спасение груза! Любовь к ближнему — дело прекрасное, и наша обязанность оказывать ее во всех случаях, но плата за спасение груза при кораблекрушении имеет свою долю в любви к ближнему. Я боюсь, что эта шхуна разорит меня, и в старости я буду принужден питаться милостынею.

— Этого не может быть, дядюшка, потому что вы ничего никому не деланы за ваш корабль; все ваши фермы, все ваше другое имущество чисто от долгов. Я не понимаю, каким образом шхуна может разорить вас?

— Да, я погиб, — сказал Пратт, ударяя ногой на полу в состоянии нервного раздражения, — погиб так же, как покойный отец Росвеля Гарнера, который мог быть самым богатым человеком между Ойстер-Пондом и Райвер-Хелом, если бы он не был одержим духом спекуляции! Мне помнится, что я видел его более богатым, чем я, а он умер почти в нищете. Да, да, я это вижу: шхуна разорит меня!

— Но Росвель прислал счет всему издержанному и сделал на вас перевод уплаты. Весь итог равняется ста шестидесяти долларам и десяти центам.

— Но это не плата за спасение груза при кораблекрушении! Дальше будет требование платы за спасение груза арматорам и экипажу «Морского Льва» из Гольм-Голя. Я это знаю, дитя мое, знаю, что это будет. Гарнер разорил меня, и я сойду в могилу нищим, как умер его отец!

— Если бы это и было так, дядюшка, так я страдала бы вместе с вами и употребила бы все мои усилия, чтобы не предаваться отчаянию. Но вот еще бумага, которую Росвель, без сомнения, по ошибке вложил в мое письмо. Посмотрите, дядюшка; это свидетельство, подписанное капитаном Дагге и его экипажем и удостоверяющее, что они, по чувству доброго расположения, пришли в Бофор и не требуют никакой платы за спасение груза при кораблекрушении. Вот бумага, дядюшка, вы можете прочесть ее сами.

Пратт схватил бумагу. Это свидетельство так его успокоило, что он не только сам с большим вниманием прочел письмо Гарнера, но даже простил ему издержки, которые причинили исправления, требуемые авариею корабля.

Между тем оба «Морские Льва» подняли паруса. Гарнер и Дагге были не совсем одинакового мнения о направлении, которого следовало держаться.

Гарнер советовал идти на юг к Бермудским островам, а Дагге думал, что нужно отправиться к северо-востоку от этих островов. Гарнер нетерпеливо желал загладить свою ошибку и сократить дорогу; Дагге рассуждал гораздо хладнокровнее и принимал в расчет ветер и главную цель путешествия.

ГЛАВА XI

Росвель Гарнер почувствовал, что он дышит гораздо свободнее, когда потерял из виду Сьюмерскую группу. Теперь он совершенно оставлял Америку и надеялся не видеть ее, пока не встретит хорошо известного утеса, показывающего дорогу к порту Рио-де-Жанейро.

С обоими Морскими Львами» не случилось никаких событий до пересечения ими экватора. На шестнадцатый день после отплытия из Монтауко они встретили китоловное судно, оставившее Рио на прошедшей неделе; оно было там для продажи сала. Гарнер послал с этим кораблем письма, а так как он теперь уже мог сказать Пратту, что будет в Рио-де-Жанейро даже прежде назначенного срока, то надеялся этим успокоить старика.

В то время, как обе шхуны шли на расстоянии кабельтова, Газар заметил внезапное и необыкновенное волнение на палубе «Морского Льва» из Виньярда.

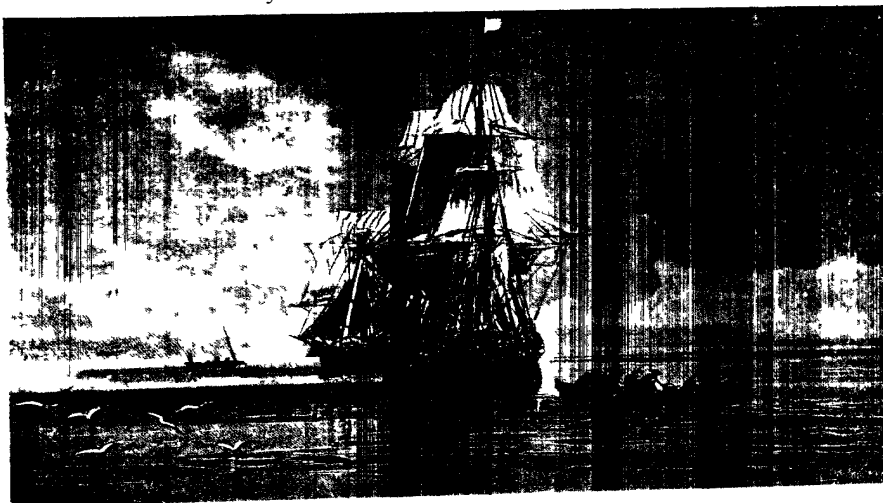
— Смерч! — закричал Газар Стимсону.

— А сверх того и кит! — вскричал в ответ Стимсон. Это было так. Находившиеся в каютах выбежали на палубу, а бывшие на мачтах спустились с быстротою молнии. Капитан Гарнер выскочил из своей каюты и в одну минуту был в китоловной шлюпке.

Хотя ни одна из шхун не была совершенно оснащена, как китоловное судно, однако, обе были снабжены пиками и гарпунами¹.

Четыре шлюпки, по две с каждой шхуны, одновременно отошли от судов. Дагге стоял на руле одной, а Росвель — на руле другой.

Скоро шлюпки обоих капитанов находились рядом и так близко, что можно было говорить. На всех лицах можно было заметить стремление победить. Эта была борьба «на смерть», и ни на одном лице не было видно ни малейшей улыбки. Лида всех были важны, решительны; руки гребцов усиленно налегали на весла. Матросы гребли превосходно, привыкнув к употреблению в море длинных весел, и через десять минут уже находились в миле от обеих шхун.

Шлюпки отошли от судов

— Как устроить, Гарнер? — кричал капитан виньярдцев. — Будем ли работать сообща, или каждая шхуна займется для себя?

Это было сказано дружеским тоном, но с большою хитростью.

— Я думаю, — отвечал Росвель Гарнер, — что будет лучше, если каждый корабль станет работать для своих арматоров.

Волны вздымались вокруг них, ничего не было видно, кроме шхун, шедших против пассатного² ветра. Много раз китоловам казалось, что они видят черноватую спину или голову кита, но вскоре же убеждались в своей ошибке.

Наконец, Гарнер заметил то, что он хорошо знал; это был хвост или скорее конец хвоста огромного кита, находившегося от него не более, как на четверть мили, и, по месту, занимаемому этим животным, на равном расстоянии от Дагге.

Казалось, оба моряка заметили свою жертву в одно и то же время, потому что обе шлюпки кинулись вперед, как будто они сами были одушевлены; щука или акула не могли бы броситься на свою добычу с большею скоростью, как эти две шлюпки. Скоро увидели все стадо, плывшее против ветра: огромный кит с полдюжиною молодых китов, столпившихся около их матери и игравших на воде. Скоро самка беспечно подплыла к детенышам и дала сосать одному, при чем и другие последовали этому примеру, а самец, сопровождавший все стадо, перестал плыть по ветру и стал кружиться около своей семьи. В эту минуту шлюпки ворвались в середину стада.

Если бы у моряков не было так сильно чувство соперничества, они были бы осторожнее. На кита, который должен защищать своих детенышей, так же опасно нападать, как и на других животных. Но здесь никто не думал об опасности, которой подвергался; виньярдская шхуна спорила со шхуною из Ойстер-Понда, один «Морской Лев» — с другим.

Росвель бросился в середину стада и направил свою шлюпку к боку кита, который мог дать, по крайней мере, сто боченков жира. Лишь только это огромное животное почувствовало гарпун, брошенный в заднюю часть его тела, у хвоста, оно бросилось вглубь с такою быстротою, что на поверхности волн поднялся столб воды и брызг.

Кит, на которого напал Гарнер, опустившись на глубину трехсот или четырехсот саженей, выплыл на поверхность, вздохнул и тихо возвратился к стаду. Лишь только кормчий или гарпунщик бросил свое оружие, он поменялся местом с Росвелем, который оставил руль и схватил пик, — оружие, которое употребляют для

¹ Гарпун — железный стержень с копьевидным, заостренным в виде двойного крючка концом с деревянной ручкой.

² Пассаты — периодические ветры, имеющие определенное направление (Прим ред.)

довершения победы. Экипаж вложил рукоятки своих весел в уключины, подняв весла на воздух так, что он» находились совершенно вне воды.

Видеть, что животное возвращается к тому месту, где его ранили, было делом столь необыкновенным, что Росвель не мог дать себе отчета в действиях кита. Сначала он предполагал, что животное хочет напасть на них, но оказалось, что это движение происходило или от каприза, или от страха, потому что, подойдя на сто метров к шлюпке, кит повернулся и поплыл по ветру, ударяя по волнам своим мощным хвостом.

Кит при погоне не уходил еще с тою скоростью, на которую был способен, хотя его скорость превосходила шесть узлов¹.

Иногда скорость его уменьшалась почти наполовину. Во время одного из таких отдыхов шлюпка начала подходить все более и более к киту и, наконец, находилась в пятидесяти футах от его хвоста. Дожидались только благоприятного случая, чтобы бросить копьё.

Стимсон, самый опытный и старый моряк шхуны, исполнял теперь должность кормчего. Перед тем он был гарпунщиком. Теперь к нему-то, преследуя кита в течение двух часов, и обращал Гарнер свои замечания.

— Этот гуляка, — сказал капитан, говоря о морском чудовище, — без сомнения, еще долго протащит нас. — Гарнер потрясал копьём в руке, стоя в шлюпке. — Я нанес бы ему удар, если бы не боялся получить удар хвостом.

В эту минуту кит перестал плыть и, подняв огромный хвост, ударил пять или шесть раз по воде и произвел такой шум, который был слышен на полумиле, не говоря уже о брызгах, наполнивших все вокруг.

Моряки отпустили канат, державший гарпун, что увеличило пространство между шлюпкою и китом до тридцати метров. Кит все еще ударял по воде, как вдруг среди экипажа лодки поднялся крик. Росвель обернулся и увидел Дагге, занятого преследованием небольшого кита, плывшего с большою скоростью и влекшего за собой шлюпку Дагге.

Сначала Росвель думал, что он будет принужден отказаться от своего кита, потому что другое животное плыло прямо к его лодке. Но, вероятно, испуганное сильными ударами, которыми большой кит продолжал волновать океан, животное во-время отскочило и этим избежало столкновения. Небольшой кит сделал обширный круг вокруг того места, где находился великан его же породы. Эти движения животного возбудили тревогу. Если бы небольшой кит продолжал делать круги, то можно было опасаться того, что шнур от гарпуна Дагге заденет лодку Гарнера и произведет толчок, который мог быть пагубным для всего экипажа. Для отвращения опасности Росвель приказал людям своей шлюпки держать наготове ножи.

Нельзя было предвидеть, какой будет результат для обеих лодок от этого кругообразного движения, потому что, прежде чем лодки охотников могли сблизиться, бечевка Дагге попала в рот кита, преследуемого Гарнером, и заставила чудовище сделать движение с такою силою, что он вырвал гарпун из тела маленького кита. Снова возобновился бег, и Росвель был принужден вытравить канат, к которому был прикреплен его гарпун, а его кит опустился на неизмеримую глубину. Однако, Дагге решил, по-видимому, возможно дольше не резать своего каната.

Через пять минут большой кит выплыл на поверхность океана, чтобы вздохнуть.

Так как обе шлюпки, пока кит плыл, вытравили много каната, то находились теперь в четверти мили от животного и в пятидесяти футах одна за другою. Если соперничество уже и раньше захватило оба экипажа, то теперь оно дошло до того, что могло окончиться побоищем.

— Вы, без сомнения, знаете, капитан Дагге, что этот кит мой, — сказал Гарнер. — Я его гарпунил и преследовал, дожидаясь только благоприятного случая для нападения на него с копьём. Ваш кит бросился между мною и этим животным, и вы загарпунили моего кита непонятным образом и вопреки всем правилам китовой ловли.

— Я ничего не знаю. Я гарпунил его, капитан Гарнер, и держу сам кита. Надо доказать, что я на него не имею никакого права, прежде чем я откажусь от этой твари.

Гарнер очень хорошо знал, с каким человеком имел дело, а потому не стал терять времени в пустых препирательствах. Решившись в случае чего поддержать свое право силой, он приказал своим людям тащить к себе канат, потому что движение кита стало так тихо, что позволяло этот маневр. Экипаж Дагге сделал то же самое.

Лодка Гарнера находилась возле левой стороны животного, в которого он вонзил свой гарпун, а Дагге — с противоположной стороны. Оба капитана стояли на своих шлюпках, потрясая своим копьём и ожидая только минуты, чтобы стать поближе и поразить кита.

В это время люди экипажа нетерпеливо ударили веслами и поспешили напасть на кита. Может быть, из двух капитанов Дагге показал более хладнокровия, а Росвель был более горяч и смел. Шлюпка его коснулась бока кита в то время, как молодой капитан вонзил свое копьё сквозь жир в тело животного.

В ту же минуту Дагге вонзил и свое копьё с удивительным навыком и нанес животному глубокую рану. Одновременно раздался крик: «назад!» Обе шлюпки отпрянули с невероятной быстротой: животное билось

среди волн, и оба экипажа ощутили большую радость при виде крови, окрасившей волны моря. Минут через десять животное перевернулось и издохло.

ГЛАВА XII

Гарнер и Дагге встретились лицом к лицу на туше кита. Оба вонзили свои копыя в тело животного и, опершись на древко оружия, смотрели друг на друга, как люди, решившиеся защищать до конца свои права.

— Капитан Дагге, — сказал Росвель, — вы уже давно занимаетесь китовой ловлей, а потому должны знать ее правила. Я первый загарпунил кита и не оставлял его с тех пор, пока мое копые не убило его. Поэтому я удивляюсь, что человек, знающий освященные обычаем традиции китоловов, полагает, что он имеет право оспаривать животное, как это делаете вы.

— Это в моем характере, Гарнер! Я стеснял себя для вас в то время, когда ваша шхуна была обезмачтована у мыса Гаттераса, и никогда не оставляю того, что однажды задумал. Таков характер виньярдцев!

— Это пустые слова! Вы знаете очень хорошо, что ни законодательство Виньярда, ни законодательство Америки не решают вопросы подобным образом. Если бы вы пожелали завладеть моим китом, то по вашем возвращении вы ответили бы за подобное самоуправства и вас заставили бы раскаяться в нем.

Дагге задумался и, вероятно, понемногу успокаиваясь, признал справедливость замечания Росвеля и неправоту своих требований. Однако, он продолжал упорствовать в своей ошибке с такой настойчивостью, как будто имел к атому какое-нибудь основание.

— Если вы загарпунили кита, то и я также гарпунил его. Я не очень считаюсь с вашим законом. Если человек вонзает железо в кита, то кит обыкновенно принадлежит ему. Этот кит заставил меня потерять моего, и поэтому я требую вознаграждения.

— Вы потеряли вашего кита потому, что он кружил вокруг моего и не только вырвал свой собственный гарпун, но едва не принудил и меня отказаться от моей собственной добычи. Если кто-либо на подобный поступок имеет право на вознаграждение, то это я.

— Я думаю, что мое копые убило «гуляку». Я нанес удар этому киту раньше и могу утверждать, что первый пустил кровь из этой твари.

Но послушайте, Гарнер, вот моя рука! Мы до сих пор были друзьями, и я хочу, чтобы мы остались ими, а потому предлагаю вам согласиться все считать общим: китов и тюленей, а при возвращении все разделим поровну.

Надо отдать справедливость Росвелю: он тотчас же понял все лукавство этого предложения.

— Вы отчасти владелец вашей шхуны, капитан Дагге, — сказал Росвель, — а я пользуюсь своею только как капитан. Вы, может быть, уполномочены заключить подобную сделку, а я нет. Моя обязанность заполучить возможно больше груза и скорее доставить его Пратту. Я уверен, что ваши виньярдцы позволили вам плавать сколько угодно, и что относительно возможной для них прибыли они положились всецело на вас.

— Этот ответ справедлив, и он мне нравится. Сорок или пятьдесят боченков жира не расперят нас. Я помог вам в порту Бофор и отказался от платы за спасение груза во время кораблекрушения, а теперь я помогу вам буксировать вашего кита и покончить с ним. Может быть, мое великодушие даст мне удачу.

В решении Дагге было столько же благоразумия, сколько и опытности. Несмотря на хитроумные притязания, которые он предъявил относительно кита, он хорошо знал, что законы решат дело не в его пользу, хотя бы здесь он и одержал верх. Кроме того, он имел действительно надежду, что его уверенность принесет ему «счастье в будущем». До какой степени оправдались его надежды в атом отношении, можно видеть из письма, которое Пратт получил позже от капитана своей шхуны.

«Морской Лев» оставил Ойстер-Понд в конце сентября. Третьего-марта следующего года Мария стояла у окна, бросая взгляд на ту часть рейда, в которой шесть месяцев назад она видала корабль Росвеля исчезающим за деревьями острова, носящего имя его семейства. Погода переменилась, и подул тихий южный ветер; появились все признаки весны. В первый раз за три месяца она открыла окно, и воздух, проникший в комнату, говорил о возвращении тепла.

— Дядюшка, — сказала Мария (Пратт писал возле небольшого камина, в котором был только один пепел), — как велико расстояние между антарктическим морем и Ойстер-Пондом?

— Вы могли бы вычислить это сами, дитя моё, а иначе чему же послужила плата за ваше воспитание?

— Я не знаю, как взяться за это, дядюшка, — сказала Мария, — хотя очень бы желала знать это... Ах! Вот Бетанг Джой, он несет письмо. Может быть, тайная надежда воодушевила Марию, потому что она побежала навстречу старому моряку.

— Вот оно, дядюшка! — вскричала молодая девушка. — Письмо, письма от Росвеля!..

— Посмотри, Мария, это письмо с клеймом антарктических стран? — сказал дрожащим голосом Пратт.

Он спросил с явной тревогой. Он очень хорошо знал, что острова, которые должен быть посетить «Морской Лев», необитаемы, и что там не было почтовой конторы.

— Дядюшка! — вскричала племянница. — Невозможно, чтобы Росвель нашел почтовую контору там, где он теперь.

— Но должен же быть какой-нибудь штемпель на письме, дитя мое! Бетинг Джой не сам же привез его сюда!

— Оно штемпелевано только в Нью-Йорке... но оно шло через Кан, Спригс и Бютон из Рио-де-Жанейро. Должно быть, в этом городе его отдали на почту. Не лучше ли будет, если я распечатаю письмо и прочту его?

— Да, распечатай письмо, дитя мое! — отвечал Пратт. Мария тотчас же сорвала печать. Развертывая письмо, она отвернулась к окну и незаметно сунула письмо на ее собственное имя в складки своего платья. Лишь только она спрятала свое письмо, как тотчас же отдала другое своему дяде.

— Прочти его, Мария, сама, — сказал Пратт упавшим голосом. — Глаза мои так плохи, что я не могу читать.

— «Рио-де-Жанейро, Бразильская провинция, Южная Америка, 14 ноября 1819 года...»

— Читай, Мария, милая дочь моя, читай письмо так скоро, как только ты можешь, читай скороговоркой!

— «Господину Израилу Пратту. Милостивый государь, обе шхуны отправились из Бофора, что в Северной Каролине, как я уже уведомил вас в письме, которое вы должны были получить. Погода была всегда хорошая, пока мы не прибыли к южным широтам, где были задержаны почти на неделю. Восемнадцатого октября мы очутились недалеко от китов. Обе шхуны спустили свои шлюпки в море, и я начал преследовать прекрасного кита, который довольно долго буксировал нас, пока я не нанес ему удара пикой и не пустил ему кровь. Сначала капитан Дагге выразил несколько требований на это животное, потому что его канат попал в челюсти кита, но скоро он отказался от этих требований и помог нам буксировать кита до самого корабля. Капитан Дагге со своим экипажем успел убить из этих рыб трех, а господин Газар убил нам еще одного, довольно большого.

Я счастлив тем, что даже маленький кит дал пятьдесят восемь боченков жира, из которых двадцать — лучшего качества. Дагге из своих трех китов получил сто тридцать три боченка, из которых большая часть — первого качества, но все же у него добыча не так велика, как у нас. Имея этот жир на палубе, мы после довольно долгого плавания пришли сюда, и я отослал, как вы можете видеть это из препровождаемой накладной, сто семьдесят боченков китового жира к вам через Фиша и Гренниля из Нью-Йорка, на палубе брига «Джаксон», капитан Вильям, который отправится двадцатого числа следующего месяца, и которому я передаю это письмо...»

— Остановись, милая Мария, эта новость смущает меня: она слишком хороша, чтобы быть правдивой, — прервал Пратт, почти столько же взволнованный своим счастьем, как был смущен своими опасениями, — перечитай, пожалуйста, Мария, перечитай по слогам.

Мария исполнила желание дяди, желая сама подробнее выяснить успех Росвеля.

— Моя часть составляет две трети и дает мне круглую цифру в четыре тысячи долларов.

Пратт радостно потер руки. Его племянница была даже удивлена такой веселостью, необычайной для ее дяди.

— Четыре тысячи долларов, Мария, покроют первые издержки на покупку шхуны, разумеется, не включая сюда. оснащения, для которого капитан израсходовал вдвое более, чем нужно. Гарнер славный молодой человек, и будет тебе прекрасным мужем, как я всегда говорил, дитя мое! Может быть, он немного расточителен, но, в сущности, очень честный молодой человек.

— Росвель прекрасный молодой человек! — отвечала девушка, с глазами, полными слез, в то время как ее дядя расточал похвалы молодому капитану. — Никто не знает его более меня, дядюшка, и никто более меня его не уважает. Но не лучше ли дочитать письмо? Его осталось еще довольно много.

— Продолжай, дитя мое, продолжай, но перечти опять ту часть письма, где говорится о количестве жира, которое он отослал к Фишу и Греннилю.

Мария исполнила то, что просил у нее дядя, а потом продолжала читать письмо.

— «Я сильно беспокоюсь насчет того, как мне держать себя Относительно капитана Дагге. Он выказал мне столько преданности у мыса Гаттераса, что я не хотел разлучаться с ним ни на ночь, ни в дурную погоду; это казалось мне неблагодарным с моей стороны. Я также боюсь показать ему, что избегаю его, Я опасюсь, что он знает о существовании наших островов, хотя сомневаюсь в том, чтобы он точно знал их широту и долготу. Мне часто приходит мысль, что Дагге идет с нами только для того, чтобы узнать то, что ему еще не известно»...

— Остановись, Мария, остановись немного и дай мне время подумать!

Не ужасно ли это, дитя мое?

Слабым голосом Пратт попросил свою племянницу передать ему письмо, конец которого он постарается прочесть сам. Мария должна была прочесть еще свое письмо, которое Росвель написал ей и которого она еще не развертывала. Она отдала дяде письмо, которое тот просил, и ушла в свою комнату.

Через несколько дней Пратт, к своей великой радости, получил письмо от Фиша и Гренниля, которое уведомляло его о прибытии жира.

Жир был продан, и старый Пратт положил часть прибыли в карман. Тянулись длинные для Марии месяцы. Весна следовала за зимою, лето сменило весну, а осень собрала плоды всех предшествующих времен года. Потом зима наступила во второй раз с того времени, как «Морской Лев» поднял паруса.

Пратт уже совершенно потерял всякую надежду на возвращение шхуны.

Здоровье его расстроилось. Мария страдала, думая о долгом, необъяснимом отсутствии Росвелля.

ГЛАВА XIII

Последнее письмо Росвелля Гарнера было от десятого декабря 1819 года, то - есть спустя пятнадцать дней после отплытия его из Рио-де-Жанейро. Мы встречаем шхуну Пратта восемнадцатого числа того же месяца или через три недели и один день после того, как он оставил столицу Бразилии.

«Морские Лвы» подняли паруса и направились к Штатен-Ланду. Оба судна держались довольно близко одно от другого, так что их капитаны могли разговаривать. Дагге не соглашался с тем, чтобы пройти Лемеров пролив. Один из его родственников потерпел там кораблекрушение, и он считал этот проход самым опасным, какой только он когда-нибудь встречал. Но Росвель верил благоприятным приметам Стимсона, который несколько раз огибал этот мыс. Было безветренно, но ожидалась буря.

Дагге настаивал на необходимости держаться вне Штатен-Ланда, что заставляло шхуны сделать большой крюк и идти навстречу переменчивым ветрам, господствующим здесь. Росвель с своей стороны думал о том, что ему представляется случай избавиться от общества Дагге. Пospорив несколько времени, он попросил Дагге идти вперед, обещая ему плыть за ним.

Погода была туманная, и были минуты, когда ветер превращался в шквал. Буря увеличилась, когда шхуны были около Штатен-Ланда. Дагге, который был почти на полмили впереди, вытерпел всю силу одного из этих шквалов, выходявшего из оврагов, и удалился еще более от земли. В это же время туман разделил оба корабля. Солнце зашло, и наступила ночь. Дагге ссылаясь на это обстоятельство как на одну из причин, по которым он советовал миновать Штатен-Ланд. Воспользовавшись всем этим, Росвель направился к высотам Огненной Земли.

Штиль возвестил ему прилив, и он надеялся на силу потока, чтобы пройти проливом. Когда Росвель почти находился среди канала, то увидел, что его влечет в проход, и лишь только вошел в него, как очень быстро поплыл к югу. Шквалы мало беспокоили его и даже помогли ему достичь цели. На другой день утром он находился в водах мыса Горна.

Пройденный пролив Лемер давал большое преимущество, и Росвель был уверен, что не встретит в этот день своего спутника, если бы даже желал этого, чего, впрочем, он и не думал желать. Отделавшись от пивяки, Он не имел ни малейшего желания позволить ей еще раз укусьить себя.

Сделав несколько шагов по палубе, Росвель пошел к своему экипажу.

— Ты уверен, Стимсон, — сказал он, — что это мыс Горн?

— Уверен, сударь! Нельзя никак обмануться в подобном месте. Этот мыс никогда не позабудешь, если хотя однажды видел его.

— Стимсон, я хочу бросить якорь и поручаю тебе найти бухту, где бы мы были в безопасности.

— Постараюсь, капитан Гарнер, если позволит погода, — отвечал моряк.

Начали делать необходимые приготовления, чтобы причалить к берегу. Предосторожность эта оказалась принятой во-время, потому что ветер усиливался, и шхуна быстро приближалась к земле. Через полчаса «Морской Лев» тянулся под небольшим ветром и взял на гитовы свои паруса¹

Море волновалось. В воздухе было туманно, и чувствовалось, что не должно терять времени. Надо много отважности, чтобы в подобное время года подойти к такому берегу, как мыс Горн.

По мере того, как шхуна подходила к мысу, вид моря, разбивавшегося об утес с глухим шумом, внушал тревогу. Моряки были задумчивы и обеспокоены. Если бы шхуна пристала к подобному месту, то одной минуты было бы достаточно, чтобы разбить ее в щепы, и нельзя было надеяться на то, чтобы спасся хотя бы один человек из всего экипажа. Росвель сильно тревожился, хотя внешне и сохранял свое хладнокровие.

— Приливы у этих берегов и под столь высокими широтами разбивают и большие корабли, — сказал он первому своему офицеру.

— Все зависит от хорошего маневра, — отвечал тот. — Посмотрите на эту, находящуюся перед нами, точку, капитан! Хотя мы не совсем под ветром, но нас страшно влечет к этой части берега. Скорость, с которою море стремится к югу-западу, ужасная. Ни один корабль не может идти так по ветру, как оно.

Это замечание Газара было справедливо. Маленькая шхуна взлетала на верхушки волн, как морская птица, или падала в пропасть между ними, и то для того только, чтобы снова появиться на вершине новой

¹ Взять на гитовы паруса — уменьшить их площадь. (Прим. ред.)

волны. Самую большую опасностью угрожало шхуне течение, увлекавшее небольшой корабль под ветер и по направлению к утесам.

Опасности мыса Гаттераса, о которых столько говорят, можно было считать пустяками в сравнении с тем критическим положением, в котором находились моряки шхуны. Мычание десяти тысяч быков не сравнилось бы с глухим ревом моря в то время, когда оно бросалось в щели утесов. Брызги пены наполняли воздух, и были минуты, в которые мыс, хотя он был близок, скрывался среди их тумана. Благоприятствовало только одно обстоятельство: знали, что это место моря глубоко, а берег очень редко таил скрытые опасности. Рассказы Стимсона и других моряков разъяснили Росвелю это обстоятельство, которое он считал очень важным.

Росвель Гарнер занял свое место на носу корабля и сделал знак Стимсону, чтобы тот подошел к нему.

— Ты припоминаешь это место? — спросил молодой капитан старого матроса.

— Да, сударь, и если мы успеем обогнуть эти утесы, я введу вас в такую якорную стоянку, что вы будете в совершенной безопасности. Мы плывем с ужасающей скоростью, и поток уносит нас.

— Ничего, — спокойно отвечал Росвель. — Однако, мы приближаемся к этому утесу ужасающе быстро.

— Вперед, сударь, вперед! В этом единственное наше спасение! Может случиться, что мы разобьемся об эти утесы, но можем и проскользнуть мимо них.

— Если это случится с нами, то мы погибнем, в этом нельзя и сомневаться. Если мы и обогнем этот выступ, то немного подальше есть другой, которого мы не можем избежать. Я боюсь этого. Посмотрите, пролив открывается перед нами по мере нашего приближения.

Стимсон видел эту новую опасность и понимал ее размеры. Однако, он ничего не говорил, потому что, говоря правду, в эту минуту отказался от всякой надежды на спасение. Весь экипаж ясно понимал ужас положения и, казалось, забыл опасность, которую представлял выступ утеса, к которому они стремились с такой бешеной скоростью. Можно было обогнуть этот выступ, и тогда еще оставалась какая-нибудь надежда; но что касается до другого, находившегося в четверти мили далее, то и самый неопытный моряк видел, как трудно было избежать его.

Все молчали на палубе шхуны в то время, как она проходила мимо первых утесов. Росвель устремил глаза на предметы, находившиеся против него, чтобы дать себе отчет в скорости движения.

— Шхуна чувствует противное течение, Стефан, — сказал он тихим голосом, — а судно под ветром.

— Что может обозначать этот внезапный поворот, сударь? Пусть господин Газар подымет полные паруса, иначе нам ничего не останется делать.

Гарнер посмотрел на Газара и увидел, что он висел на руле, потому что чувствовал большое сопротивление. Тогда он понял истину и вскричал:

— Ребята, все идет хорошо! Мы встретили противное течение.

Эти немногие слова объяснили свойство перемены.

Спустя десять минут после встречи противного течения шхуна прошла пролив. Стимсон показал себя человеком, на которого можно было надеяться. Он искусно провел корабль позади острова, на котором подымается мыс, ввел его в небольшую губу и бросил якорь. В этом месте было шестнадцать метров воды; дно было илистое.

Итак, «Морской Лев» из Ойстер-Понда бросил якорь среди утесистого бассейна позади мыса Горна.

Здесь шхуна наслаждалась совершенным спокойствием.

Ветер продолжался три дня и три ночи. На четвертый день все изменилось, потому что ветер подул с востока. Росвель воспользовался бы удобным временем для выхода из губы, если бы не боялся встретить Дагге. Разлучившись с назойливым товарищем, он считал, что было бы с его стороны большою неосторожностью опять итти ему навстречу.

На всякий случай решились остаться в заливе одним днем дольше, тем более, что Газар открыл некоторые признаки, доказывавшие, что морские слоны¹ часто посещали ближайший остров. Спустили шлюпки на море, и первый морской офицер отправился по этому направлению, а капитан вышел на берег острова, справедливо заслуживающего название «Эрмита» или Пустынника, потому что он был последним из группы.

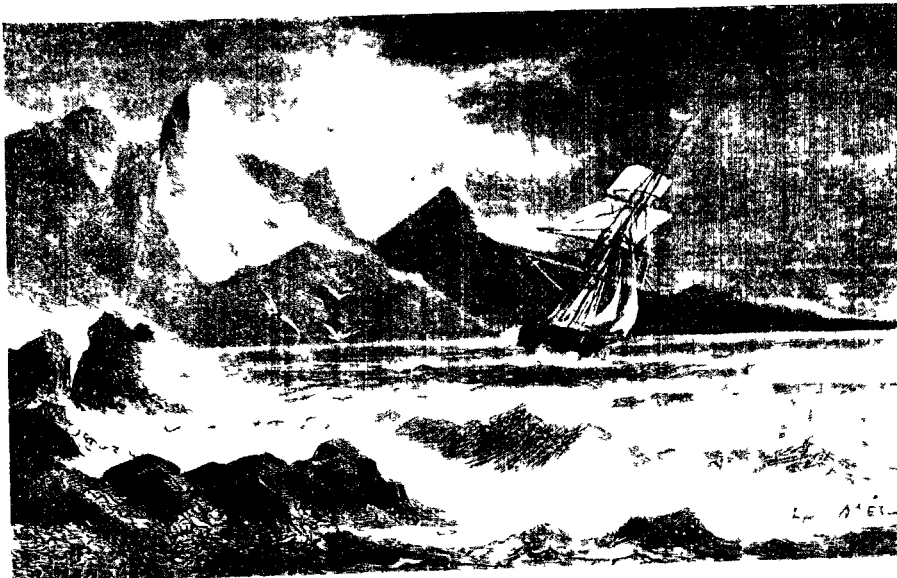
Гарнер взял с собою Стимсона, который нес зрительную трубку. Вооруженный багром, Росвель начал влезать на утес.

Этот утес был как будто разрушен и представлял тысячу препятствий. После нескольких минут постоянной борьбы и трудного восхождения, в котором моряки помогали друг другу, Росвель и Стимсон успели взойти на вершину пирамиды. Высота утеса была довольно значительна, и с него открывался обширный вид на соседние острова и океан, казавшийся на юге печальным и унылым. Может быть, земля ни на одной из своих крайних границ не имеет такого великана сторожа, как эта пирамида. Можно сказать, что она составляет последнюю возвышенность этого обширного материка.

¹ Морские слоны внешним видом напоминают тюленей, но значительно превосходят их ростом. У самцов нос удлинен в хобот (Прим. ред.)

С вершины пирамиды видны были: направо — Тихий океан, напротив — Южный или Антарктический океан, налево — Атлантический океан. Несколько минут Росвель и Стефан молча созерцали этот обширный вид. Пирамида, на которой находились Росвель и Стимсон, потеряла свою белую одежду и грозно возвышалась черной массой.

Лишь только капитан охватил взором этот величественный пейзаж, его глаза стали искать «Морского Льва» из Виньярда. Он заметил его в двух милях впереди мыса. Было ли возможно, чтобы Дагге подозревал его маневр и пришел его отыскивать даже в то место, где он скрылся? Что касается корабля, то в нем нельзя было обмануться. Росвель с возвышения, на котором находился с зрительной трубкой, без труда узнал его. Стимсон посмотрел на него и подтвердил, что это шхуна. На этом обширном и уединенном море она походила на черную точку.

Шхуна прошла пролив...

— Если бы мы вспомнили о них, капитан Гарнер, — сказал Стефан, — мы могли бы принести флаг, который водрузили бы на этих утесах, чтобы показать виньярдцам, где мы находимся. Но если ветер продержится, мы всегда можем им идти навстречу.

— Этого я не имею желания делать, Стефан! Я пришел сюда, чтобы нарочно избавиться от этой шхуны.

— Вы меня удивляете, сударь! Всегда хорошо иметь товарища, когда корабль находится под такими широтами. Лды подвергают иногда стольким испытаниям, что я считаю за счастье, если имею товарища на случай кораблекрушения.

— Все это вполне справедливо, но есть причины, которые заставляют меня поступить наоборот. Я слышал об островах, на которых изобилуют тюлени, а для дележа добычи едва ли так же необходим товарищ, как на случай кораблекрушения.

— Это другое дело, капитан Гарнер, никто не обязан показывать берег, на котором хочет охотиться.

— Течение должно быть очень благоприятно для этой шхуны; она идет очень скоро. Через полчаса она будет против мыса Горна. Подождем, чтобы видеть направление, которое она возьмет.

Предсказание Гарнера сбылось. Через полчаса «Морской Лев» из Гольм-Голя прошел мимо утесистой пирамиды мыса Горна, держась от него на расстоянии не более мили.

Дагге искал своего товарища по путешествию, которого надеялся найти около мыса. Он так далеко проплыл на запад, что мог убедиться в том, что с той стороны никого не видно, а потому он отправился к югу.

Росвель, увидя шхуну, догадался, что Дагге ничего не знает о положении островов, которых он искал. Они лежали гораздо далее на запад.

Убедившись в направлении, которого держалась другая шхуна, он поспешил сойти в свою шлюпку, чтобы повернуть свой корабль и воспользоваться попутным ветром.

Через два часа «Морской Лев» из Ойстер-Понда пошел по проливу, ведущему в океан. Другой же «Морской Лев» исчез на юге, и Гарнер, зная дорогу, которой должен был следовать, поплыл на всех парусах в открытое море.

Небольшой корабль скользил по волнам со скоростью птицы. Скоро мыс Горн начал скрываться вдали по мере того, как шхуна удалялась. С наступлением ночи его уже не было видно, и корабль вошел в Антарктический океан.

ГЛАВА XIV

Росвель Гарнер, углубляясь в обширное пространство Южного океана, далеко не был спокоен. Когда он увидел мыс Горн, исчезающий, так сказать, шаг за шагом в океане и потом совсем пропавший, он ясно осознал все ожидающие его трудности.

Росвель не думал, чтобы он мог опять встретить я «Морского Льва» из Виньярда. Острова, которые он искал, не были в соседстве с какой-либо землей и, следовательно, лежали вне обычной дороги охотников за тюленями. Все это давало ему надежду на то, что он будет один при захвате сокровищ этих островов, если он отыщет их там, где их скрыла сама природа.

Лишь только наступила ночь, Росвель приказал рулевому повернуть корабль на юг. Это была существенная перемена в направлении корабля, и если бы ветер, дувший до сих пор, продолжался, то шхуна при рассвете должна была значительно углубиться на юг.

Теперь, когда наступила ночь и прошло довольно времени с тех пор, как он не видал другой шхуны, он думал, что может идти по истинному направлению. Хорошая погода в этих странах так непродолжительна, что каждый час дорог, и без крайних причин нельзя пренебрегать главной целью путешествия. Все поняли, что корабль направился по прямой линии к островам, где будет происходить охота за тюленями. «Морской Лев» плыл к Южному полюсу.

На третий день подул сильный северо-восточный ветер. Приметили блеск льдов, и скоро появились льды в форме небольших гор. Эти «айсберги»¹ таяли от волн и уже наполовину уменьшились. Теперь непременно надо было бодрствовать ночью, потому что плавать здесь было очень опасно. Спокойствие воды ясно говорило о близости льдов; об этом говорили не только вычисления Гарнера, но и его глаза убеждали в этом.

На пятый день, когда погода немного прояснилась, увидели лед в роде гор, очень похожих на хребты Альп, хотя они тихо колебались на волнующихся водах океана. По временам густой туман закрывал весь горизонт, и шхуна в этот день была принуждена несколько раз останавливаться, чтобы не натолкнуться на льдины или ледяные поля, которые начали в большом количестве появляться на море.

Морские птицы летали во множестве, альбатросы оживляли окрестности, киты фыркали в соседних водах. По многим признакам Гарнер узнал, что приближались к земле, и начал надеяться на открытие островов, обозначенных на карте Дагге.

В это время шхуна находилась от льдов на расстоянии не более одного кабельтова. Гарнер думал, что он отплыл на запад сколько было необходимо, и старался найти проход в расстилавшемся перед ним вдали плавающем ледяном хаосе.

Так как ветер гнал массы льда к северу, то льдины начали мало-помалу отделяться одна от другой, и, наконец, Гарнер с радостью увидел проход, в который мог ввести свою шхуну. Не теряя ни минуты, он ввел свою небольшую шхуну в пролив.

Через четыре часа шхуна открыла себе дорогу к юго-востоку на протяжении двадцати пяти миль. Был полдень; воздух был чище обыкновенного. Гарнер влез на большую мачту, чтобы самому видеть положение дел.

На севере и в проливе, в который вошел корабль, лед опять сомкнулся, и легче было идти вперед, нежели возвращаться.

Росвель бросал нетерпеливые взгляды к востоку и особенно к юго-востоку. В этой части океана и по крайней мере в десяти лье² от того места, где он находился теперь, он надеялся открыть острова, предмет своих поисков, если только они действительно существовали. Среди льдов в этом направлении было много проходов. Один или два раза Росвель принимал вершину некоторых ледяных гор за вершины настоящих гор. Но лучи солнца каждый раз его разочаровывали, и вершина, казавшаяся ему темной и тусклою, вдруг освещалась, блистая цветами изумруда или девственною белизною, — вид, очаровывающий зрителя даже среди опасностей, которыми он был окружен.

Был туман, хотя и не такой сильный, чтобы закрыть самые высокие точки. Туман, не перестававший двигаться и клубиться, вдруг расступился, и Росвель заметил гладкую вершину настоящей горы, имевшей до тысячи футов вышины. Нельзя было ошибиться в том, что это была земля и, без всякого сомнения, самый западный из островов, обозначенных умершим матросом. Все подтверждало это заключение.

Дагге говорил, что один высокий, гористый, пустынный, но довольно большой остров находился из всей группы далее на запад, тогда как другие острова были в нескольких милях от этого. Эти последние были ниже, меньше и представляли собою только одни голые утесы. Дагге утверждал, что один из островов был вулканом, который по временам извергал пламя. Но, по его рассказам, экипаж, к которому он принадлежал, никогда не посещал этот вулканический остров и только издали дивился его ужасам.

¹ Айсберги — ледяные горы.

² Лье (морское) — 5557 метров. (Прим. ред.)

Сердце Росвеля Гарнера забилося от радости, когда он уверился, что он открыл землю — главную цель своего путешествия. У него было теперь только одно желание: пристать к ней. В это время ветер подул к юго-востоку и усилился, толкая шхуну к горе и принуждая ледяные горы отплыть от земли и образовать непреодолимую преграду перед ее западным берегом. Молодой капитан вспомнил, что Дагге указал на рейд возле северо-восточной стороны острова, где, по его рассказам, должен был находиться порт, в котором дюжина небольших кораблей могла стоять весьма удобно. Гарнер старался направиться к этой стороне.

На севере не было никакого прохода, но довольно хороший канал открывался на юге группы. «Морской Лев» поплыл по этому направлению и к четырем часам после полудня обогнул другие острова; к бесконечному удовольствию находившихся на палубе, открылось большое пространство воды, свободной от льда, между большим островом и его маленькими соседями. Ледяные горы, подходя к этой группе, разбивались, и эта большая бухта, невидимому, почти совершенно была свободна от льда, за исключением некоторых незначительных его масс, плававших по поверхности. Избежать их было очень легко, и шхуна поплыла по большому бассейну, образованному различными островами этой группы. Как бы для придания еще большего веса указаниям Дагге, увидели на востоке подымавшийся дым вулкана, который имел три или четыре мили в окружности и находился на востоке большого бассейна, примерно, в четырех милях от Земли Тюленей, как Дагге называл однажды главный остров.

Находясь в центре островов и в достаточном расстоянии от льдов, шхуна легко прошла бассейн или большую бухту и достигла северо-восточной оконечности Земли Тюленей. Так как день должен был еще продолжиться несколько часов, потому что в этих высоких широтах декабрьские ночи очень коротки и соответствуют нашим июньским, Росвель велел спустить в море шлюпку и тотчас же отправился к тому месту, где надеялся открыть порт, если только он существовал. Все было так, как описывал Дагге, и молодой капитан был рад, когда вошел в бухту, имевшую не больше двухсот метров в диаметре и так хорошо окруженную землею, что в ней не чувствовалось никакого влияния моря.

Вся бухта была очень удобна для плавания. Этот внутренний бассейн с севера на юг имел, по крайней мере, шесть миль длины и не менее четырех миль ширины. Но он был открыт ветрам и волнам более, нежели маленький порт, хотя Росвель был поражен его различными преимуществами. Он был почти совершенно свободен от льда, несмотря на то, что довольно значительная его масса плавала вокруг островов. Причина атому была та, что самый большой из островов имел два длинные мыса, далеко простиравшиеся; один — по направлению к северо-востоку, другой — по направлению к юго-западу, и вся его западная сторона имела вид только что народившейся луны. Рейд, который мы описываем, лежал на юге, и молодой капитан назвал его в честь своего лейтенанта «Мысом Газара», так как тот первый указал удобное место для якоря.

Хотя берег был утесист и неровен, однако, было нетрудно взойти на северный берег порта, и Гарнер влез на него в сопровождении Стимсона, который с некоторого времени очень привязался к своему начальнику. Высота этой преграды, лежащей против волн океана, была тридцати трех метров, а когда они поднялись на вершину, у них вырвался крик удивления, чтобы не сказать — радости. До сих пор они не видели здесь ни одного тюленя, и Гарнер ощущал какую-то боязнь за прибыль, на которую можно было надеяться после перенесенных трудностей. Но все сомнения рассеялись с того момента, как он открыл северный берег острова, простиравшийся на несколько миль и представлявший взгляду такое множество морских животных, что от них и самый берег казался оживленным. Они тысячами лежали на низких утесах, расположенных на этой стороне острова, и грелись на солнце. Никак нельзя было обмануться в том, что это были они: морские львы и слоны, огромные животные неуклюжего и отвратительного вида, не принадлежащие, так сказать, ни к земле, ни к морю. Эти животные ходили и проходили постоянно стадами; некоторые из них, став на край утесов, бросались в океан, чтобы отыскать там себе пищу, тогда как другие ползком выходили из воды и выбирали уступы, чтобы на них улечься и насладиться дневным светом.

— Вот славная для нас жатва, дядя Стефан! — сказал Росвель своему товарищу, ударяя в ладоши. — Один месяц работы наполнит шхуну, и мы отправимся отсюда раньше равноденствия. Но не кажется ли тебе, что там, внизу, есть кости морских львов или тюленей различных видов?

Как будто уже охотились на этих берегах.

— В этом нет никакого сомнения, капитан Гарнер! Как ни отдаленно место, — я никогда не слышал об этих островах даже от самых старых матросов, — но, без сомнения, не мы первые их открыли, кто-нибудь да был здесь назад тому один или два года и увез отсюда груз. Я вам ручаюсь за это!

Так как все это соответствовало рассказам Дагге, то Росвель несколько не удивился, напротив, он видел подтверждение всему, что говорил Дагге, и тем более надеялся на самый счастливый результат своего путешествия. Шхуна уже подошла к острову, осторожно подвигаясь вперед, и второй морской офицер направил корабль к выходу в маленький порт. Еще капитан не сошел с вершины утесов, а корабль уже вошел в порт, подгоняемый попутным ветром, бросил два якоря и прикрепился канатом к берегу.

Лица всех светились радостью; ввести шхуну в такой надежный порт, где ее экипаж мог целую ночь спать спокойно, не ощущая никакой боязни быть раздавленным и поглощенным льдом, составляло большое

преимущество. Но весь экипаж ощущал не одно только чувство безопасности: он нашел источник богатства, которого искал. Все сошли на берег и взобрались на вершину утеса, чтобы насладиться видом животных, растянувшихся на низких утесах северной стороны острова.

Так как еще оставалось несколько часов дня, то Росвель, сопровождаемый Стимсоном, оба вооруженные палками, вскарабкались на самый возвышенный центр острова. Однако, они обманулись в расстоянии и скоро убедились, что им нужен для достижения своей цели целый день. Росвель только достиг подошвы центральной горы, откуда ему открылось огромное пространство острова на север и восток. Они могли составить себе довольно точное понятие об общем составе этого уединенного обломка земли и утесов, как и об островах и островках. Контур первого острова был похож на большой треугольник неправильной фигуры, три главные точки которого составляли два слегка возвышенных мыса и третий, возвышавшийся на севере.

Почти весь западный или юго-западный берег был похож на стену из почти отвесных утесов, возвышавшихся на двести или триста футов над океаном. Особенно в эту-то сторону ударяли волны и сюда-то бушующее море прибывало льды. Ветер большей частью дул к юго-западу, и так как главный берег острова был перпендикулярен направлению ветра, то и представлял защиту от бурь. Северная сторона острова чаще согревалась солнцем. Восточный и северный берега были защищены группой островов, находившихся перед ними.

Таков был общий вид Острова Тюленей, насколько позволяли убедиться в этом поверхностные наблюдения. Приближающаяся ночь принудила моряков сойти с довольно опасной части горы, на которую они взобрались, и вернуться к своему экипажу на шхуну.

ГЛАВА XV

Охотники за тюленями не теряли времени. Хорошее время было коротко, и проникнуть в середину льдов и выйти из них было делом настолько трудным, что весь экипаж шхуны понимал необходимость усиленной деятельности и разумной поспешности.

Уже на другой день по прибытии судна сделаны были не только все необходимые приготовления, но и убили достаточное число тюленей с мехом самого лучшего качества. Убили двух морских больших слонов почти десятиметровой длины. За перенесенные опасности моряки были хорошо вознаграждены полученным жиром. Росвель считал главной своей целью добычу меха и шкур тюленей и был счастлив тем, что нашел в довольно значительном количестве этих животных, что давало возможность скоро отправиться к северу. Пока били тюленей, сдирали шкуры и сушили их, молодой капитан озаботился вопросами благосостояния груза и экипажа.

Когда снаряжали шхуну в Ойстер-Понде, на берегу был старый деревянный магазин, принадлежащий Пратту, который разбирали с намерением заменить его более прочной постройкой. Росвель убедил своего арматора перенести на палубу материалы этого здания. Пратт не отказал, потому что лес мог быть полезным его экипажу. Росвель приказал теперь спустить в море все эти материалы, и когда их пригнали к берегу и перенесли на вершину утесов, он выбрал место для постройки деревянного дома.

Найти удобное место для этой постройки было не очень трудно. Был выбран уступ утеса на солнечной стороне, защищенный массивом других утесов от самых холодных ветров. На обширном дворе при доме было достаточно места для всех предметов, необходимых для постоянных работ и нужд охотников за тюленями.

Много благоразумия требовалось в предпринятой охоте. Не было ничего легче, как убить большое число тюленей; но добычу надо было тащить по утесам. Стали пользоваться шлюпками, хотя даже летом северный берег острова был часто окружен льдом. Росвель старался не напугать животных слишком большим избиением, а потому и посылал только одних опытных охотников. Следуя этому правилу, выиграли более, нежели если бы напали на тюленей с меньшим благоразумием.

Без большого труда втащили материалы дома на вершину утесов. Среди экипажа нашелся старый плотник, по имени Роберт Смит. Мотт, другой матрос из экипажа, работал когда-то у слесаря, и он сделал печи. Наконец, осталось только внутреннее оборудование дома, и эту работу окончили в конце первой недели. Дом разделили на две комнаты, из которых одна была предназначена для общего зала, а другая — под спальню. В дом перенесли все матрацы, которые были на палубе. Было решено складывать груз на уступах утеса, находящегося на семь метров выше того места, где выстроили дом. С этой стороны было легко достигнуть другого утеса, находившегося на расстоянии не более четырех-пяти метров над палубой корабля.

Таким образом прошли первые десять дней; все работали усердно.

Для окончания всех предварительных работ понадобилось две недели, в которые охота за тюленями продолжалась с большим жаром и успехом. Жертвы были так доверчивы и так мало знали об опасности, которой угрожало им присутствие человека, что экипаж ходил между тюленями, а они, казалось, не замечали его и не оборонялись от нападения. Приняли все меры к тому, чтобы попустому не пугать их, и когда убивали

одно животное, то старались как можно меньше беспокоить других. Однако, через пятнадцать дней охота приняла такие размеры, что должен был заняться ею весь экипаж, и скоро уступ утеса, находившегося под домом, был завален бочонками и кожами. Если бы надо было только убивать, сдирать кожу и сушить, то работа была бы относительно легкая; но надо было переносить продукты всей этой работы на значительное расстояние, а в некоторых случаях — на несколько миль, и притом по утесам. Росвель Гарнер был убежден в том, что «наполнил бы» свою шхуну в один месяц, если бы ему было возможно бросить якорь около утесов, посещаемых тюленями, и тем избежать потери времени, которую вызывал перенос добычи. Но это было невозможно, потому что волны и лед разбили бы корабль, бросивший якорь у северного берега острова. Иногда пользовались шлюпками, чтобы, огибая мыс, перевозить кожи и жир.

К концу третьей недели трюм был полон, и шхуна достигла пределов нагрузки. Для такой далекой широты погода была очень хорошая. На двадцать третий день со времени входа шхуны в эту бухту Росвель был у подошвы горы, недалеко от дома. Он устремил глаза на тот длинный утесистый берег, на котором морские слоны и львы ходили с тою же уверенностью в безопасности, как в то время, когда он увидел их в первый раз. Солнце всходило; тюлени выползали из моря и вылезали на берег, чтобы погреться под солнечными лучами.

— Вот прекрасный случай для охоты за тюленями, капитан Гарнер! — сказал Стимсон, никогда не оставлявший своего начальника. — Я уже двадцать пять лет занимаюсь этим ремеслом и никогда не встречал ни столь удобного порта для купеческого корабля, ни такого огромного стада тюленей, несколько не пугающихся человека.

— Нам посчастливилось, Стефан, и я надеюсь, что мы наполним корабль и отправимся прежде наступления холода.

Они полезли на гору, поднимающуюся на сто метров над уровнем моря. Дорога была трудная. Они остановились на вершине горы. На океане белою точкою выделялась шлюпка, которая при северо-восточном ветре плыла к вулкану, дым которого походил на маяк. Бухта находилась почти под ними, и капитан шхуны был поражен ничтожным размером судна, проникшего так далеко в лабиринт льдов. Океан под плавающими массами льда, покрывавшими его воды, казался белеющим и замерзшим. Воздух был напитан тем холодом, который, по выражению моряков, «убивал лето»; однако, вид был удивительный.

— Вот прекрасный вид, Стефан, — сказал Росвель Гарнер, — но мы видели бы еще лучше, если бы могли взобраться на этот конец горы и быть на той, совершенно голой, вершине. Я жалею, что не принес сюда старого паруса, который водрузил бы здесь в честь Соединенных Штатов. Но что такое там, на востоке?

— Я вижу, что вы хотите показать, сударь! Я думаю, что это похоже на парус, и парус, окруженный льдом.

Нельзя было обмануться. Виднелся белый парус корабля на большой поверхности ледяного поля, немного на северо-восток от острова, находящегося против бухты. Хотя паруса этого судна были подняты, но было видно, что он окружен льдами, если не совершенно затерт ими.

Лишь только Росвель заметил чужой корабль, как тотчас же узнал его. Он убедился, что это был «Морской Лев» из Виньярда, нашедший дорогу к островам. Росвель добился уже такого большого успеха и так был уверен, что «наполнит» свою шхуну во-время, что мало заботился о соперничестве другого корабля. Напротив, на случай опасности он желал бы теперь иметь товарища. Лишь только он увидел шхуну виньярдцев, то уже решился: он хотел возобновить старое знакомство и помочь Дагге собрать груз. Росвель и Стефан сошли с вершины скорее, нежели взошли, и через полчаса шлюпка была уже готова. Росвель сам командовал ею, оставляя своему помощнику начальство над шхуною. Стимсон сопровождал своего капитана. Лишь только они сошли с утесов, как понеслись с возможной скоростью, делая почти по восьми узлов в час.

Для китоловного бота Росвеля надо было более трех часов, чтобы проплыть бухту и достичь края обширной ледяной равнины у первого острова группы. Подойдя к выходу, Гарнер приказал своим людям грести с наибольшей силою, хотя все они были убеждены, что подвергаются опасности. Шлюпка скоро достигла льдов и плыла по воде до тех пор, пока не вошла в проход, до ужаса узкий, такой, в котором едва могла двигаться. Наконец, Росвель достиг места, в котором обе ледяные равнины, образовавшие этот узкий проход, сходились почти вплотную. Он посмотрел вперед и назад, поставил шлюпку в безопасное место и пополз по льду, дав своему рулевому приказание подождать его. Лишь только он поднялся на лед, как вскрикнул: виньярдская шхуна довольно ясно показалась перед ним на расстоянии полумили. Она была окружена льдом и плыла, подвергаясь ежеминутной опасности быть раздавленной.

ГЛАВА XVI

Как только Росвель сошел на льдину, он услышал страшный треск. Гарнер тотчас же увидел, что давление раскололо ледяную равнину на две части, и что эта перемена могла быть спасением или гибелью для шхуны. Он хотел было побежать, чтобы присоединиться к Дагге, но остановился, услышав, что кто-то из шлюпки зовет его.

Океан казался замерзшим.

— Капитан Гарнер, эти льдины скоро сойдутся, и наша шлюпка, если мы не возьмем ее из воды, будет раздавлена.

Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в верности этого предположения. Ледяная равнина, на которой находился Гарнер, тихо подвигалась вперед и почти касалась льда, находившегося против нее. Проход, по которому плыла шлюпка, сужался. Слышался треск. Давление было так сильно, что откалывало куски льда величиной с дом.

Нельзя было терять время, и шлюпку вытащили на лед.

— Стимсон, нам будет очень трудно спустить ее на воду, — Росвель, — и нам придется провести здесь бессонную ночь.

— Не знаю, сударь! Мне кажется, что лед разобьется возле этих утесов, и если это будет так, то шхуна, шлюпка, экипаж, мы все войдем в бухту, потому что я уверен в существовании здесь течения, идущего к нашему острову. Я заметил это во время гребли.

— Может быть, течения идут по всем направлениям. Томсон и Тод, — продолжал Росвель, — останьтесь здесь, а мы все пойдем отыскивать виньярдскую шхуну. Она должна быть там, в проходе, и только разве случайно выйдет невредимой из него.

Росвель был прав. «Морской Лев» из Виньярда старался пройти по проходу, находящемуся между двумя ледяными полями.

Дагге был человек смысленный и смелый. Видя, что лед соединяется со всех сторон, спереди и сзади, и что не было никакой возможности выйти, он ухватился за последнее средство, которое оставалось еще для спасения корабля. Он выбрал углубление, образуемое ледяною равниною, находившееся под ветром и предоставлявшее его кораблю минутное убежище. Он ввел туда свою шхуну и бросил якорь. После того он начал рубить лед топором, потом распиливать пилою в надежде выдолбить прорубь, которая по своей величине и виду соответствовала бы остову корабля. Он надеялся таким образом воспрепятствовать разрушению шхуны.

Экипаж «Морского Льва» работал уже много часов, как вдруг, к их радости и большому удивлению, они увидели Росвеля и его матросов. Дело в том, что виньярдский экипаж так был озабочен угрожавшею ему опасностью и каждый человек был так занят исполнением своей обязанности, что не заметил шлюпки до тех пор, пока Росвель не окликнул Дагге.

— Вот истинное счастье, капитан Гарнер! — сказал Дагге, искренно пожимая руку Росвеля. — Да, счастье! Я надеялся встретить вас возле этой группы островов, на которых можно найти тюленей, ведь недаром же мой покойный дядюшка указывал на это в своих морских картах, но я не рассчитывал встретить вас нынешним утром. Вы видите мое положение, капитан Гарнер! Страшная опасность угрожает мне.

— Вы уже предприняли некоторые предосторожности.

— Э! Нам могло быть и хуже.

— Необходимо разрубить этот лед, и тогда ваша шхуна может подняться. Вы можете продолжать работать вашей пилой и топором, а я постараюсь придать некоторую устойчивость бокам корабля. Покажите мне ваши запасные деревья и доски, без которых вы можете обойтись, и мы увидим, что можно из них сделать.

Хотя американские матросы менее откровенны, чем матросы английские, но и они ценят некоторые услуги. Виньярдцы почувствовали большую признательность и радость при виде помощи, которая подоспела к ним, и с обеих сторон начали работать усердно и поспешно.

Работа Росвеля происходила на палубе виньярдской шхуны, а экипаж Дагге продолжал работать на льду.

— Какой шум! — вскричал Дагге. — Не извержение ли это вулкана? — Но потом сказал поспешно; — Это лед. Я думаю, что его разбило об утесы острова. Если это так, то ледяная равнина, находящаяся под ветром, также уничтожится, лишь только подойдет к ней другая.

— Не думаю, — сказал Росвель, устремив глаза на остров, — потому что равнина, находящаяся дальше под ветром, пойдет с такою же скоростью, как и ледяные горы. Это может уменьшить силу удара, но никак не отвратить его.

После нескольких минут сильного беспокойства, причиненного треском самого остова корабля, шхуна получила от скопившегося под ней льда такой внезапный толчок, что можно было предположить, что судно освободилось из своей тюрьмы. Толчок был ужасен, и многие из экипажа не могли удержаться, чтобы не упасть. В самом деле, шхуна была освобождена; еще одна минута, и она могла бы разлететься вдребезги, а теперь она находилась в бассейне, который ее экипаж долгими часами работы ей приготовил.

— Мы ее спасем, Дагге! Мы ее спасем! — вскричал Росвель, забывая в эту минуту всякое чувство соперничества. — Я знаю, что вы хотите делать, я это тотчас же понял. Эта высокая земля есть то место, которое вы ищете, а на северном берегу этого острова есть морские слоны, львы и другие животные в достаточном количестве, чтобы наполнить всякую шхуну, которая когда-нибудь выходила из Виньярда.

— Вот это я люблю! — сказал Дагге, дружески пожимая руку Росвеля. — Охота за тюленями всегда должна производиться сообща, и один корабль не может проникнуть в столь высокие широты.

Росвель улыбнулся, потому что он был уверен, что виньярдец сохранил бы тайну, если бы владел ею один.

— Ну, — сказал он, — забудем прошлое! Вы помогли мне у Гаттераса, а я здесь оказал вам кое-какие услуги! Вы, Дагге, знаете правила нашего ремесла; первый пришел — первый воспользовался. Я пришел первый и пожал летние ягоды этого дела, хотя не хочу сказать вам, что вы пришли уж совсем поздно.

— Я надеюсь, что нет, Гарнер! Было бы обидно трудиться даром. Сколько вы собрали жира?

— Весь мой трюм полон; но мы более всего берем шкуры.

Эта новость разбудила всю жадность Дагге, что можно было заметить по бросаемым им взглядам.

— Счастье, — сказал он, — а особенно в одно лето! Но эти животные не сделались ли более дикими?

— Не более, как в тот день, когда мы начали охотиться. Я поручал охоту только одним опытным людям и дал им приказание как можно менее пугать животных. Если вы хотите наполнить вашу шхуну, то я советую принять те же предосторожности, потому что приближается конец лета.

— Я проведу здесь зиму, — сказал решительно, но не вполне искренно Дагге. — Мне не легко было открыть эту группу островов, а мы, виньярдцы, не любим быть побежденными!

— Если вы здесь проведете зиму, то это дело другое, — отвечал, смеясь, Росвель. — Не хватит и «Морского Льва» из Виньярда, чтобы отапливать вас, и вы на будущее лето должны будете возвратиться домой на ваших бочках или навсегда остаться здесь.

— Я надеюсь опять увидеть здесь вас, — сказал Дагге, смотря на своего товарища, как будто уже окончательно решил выполнить свое безрассудное намерение. — Очень редко бывает, чтобы охотник за тюленями забывал страну, подобную той, которую вы описываете.

— Я могу опять притти, — сказал Росвель, — но могу и не притти. Это более зависит от других, нежели от меня. Но, капитан Дагге, займемся вашей шхуной. Надо, чтобы она вошла в бухту до ночи.

Обе льдины находились на несколько сажений одна от другой; самая малая или та, на которой находился корабль, быстро проплыла к бухте, а самая большая задержалась у островов. Меньшая льдина потеряла часть своей поверхности, разбиваясь об утесы. Однако, обломок, который от нее остался, имел еще более мили в диаметре, а в толщину — несколько метров.

«Морской Лев» из Виньярда находился как-будто на уступе утеса. Сила напора большой льдины была так велика, что подняла судно над водой.

Гарнер посоветовал употребить пилу, чтоб по концам шхуны сделать во льду две глубокие выемки. В самом деле, другого нечего было делать, а потому и послушались совета Гарнера. После больших усилий успели продолбить лед до воды, после чего послышался треск, и шхуна тихо опустилась на воду.

Она находилась теперь в центре бухты. К закату солнца Гарнер ввел своего товарища в порт, и оба «Морские Льва» стали на якорю один возле другого.

ГЛАВА XVII

На следующий день Дагге начал охоту за тюленями. Убили довольно большое число этих животных, но так осторожно, что очень мало их встревожили. Дагге привез на своей шхуне телегу, сослужившую большую пользу при перевозке жира и тюленьих кож. Эта телега ускорила работу по крайней мере на месяц. Оба экипажа были дружны друг с другом.

Через месяц Дагге сказал Росвелю:

— Вот уже первое февраля, и, без сомнения, вы скоро уедете.

— Нет, капитан Дагге, я не могу оставить кого-нибудь, особенно соотечественников, в этом ужасном крае, не зная, могут ли они когда-либо из него выйти.

Дагге, удивленный великодушием Росвеля, хотел было предложить ему часть своей прибыли, но Росвель отказался от нее, говоря, что посоветуется с людьми ойстер-пондского экипажа.

Дагге принял это предложение Росвеля очень охотно. Они решили в этот день взойти на вершину горы, находящейся посреди острова, и после двухчасовой ходьбы по обломкам утесов, которыми остров был как будто усыпан, достигли основания конуса, который образовывал последнюю вершину горы. Тут они отдохнули и немного закусили. Всюду, за исключением больших бухт, виднелись ледяные горы; группа островов была окружена ими так, как будто была в блокаде. В это время господствовал южный ветер, хотя перемены в температуре были очень часты. Гарнер видел, что проход, по которому он вошел, был почти совершенно заперт, и что можно было выйти только по одному проливу, находящемуся на севере.

Каждая минута, — сказал Дагге, — дорога для людей, находящихся нашем в положении.

Дагге думал о прибыли, которую он мог извлечь из путешествия, Росвель же думал об Ойстер-Понде и Марии.

Они провели целый час на этой почти голой вершине, и только внезапная перемена погоды принудила их сойти с горы.

Всегда не так опасно всходить на гору, как спускаться. Росвель знал это очень хорошо и предложил было подождать, пока прояснится, но боялся, чтобы не пришлось долго ждать.

Наконец, он, хотя и против воли, с возможною осторожностью, пошел за Дагге. Стимсон замыкал шествие.

Дагге пошел вперед.

В продолжение первых десяти минут смельчаки подвигались с большим затруднением

Они заметили дорогу, по которой взойти на гору, и начали сходить по ней Тропинки сделались от снега скользкими Дагге был смел и пошел впереди своих товарищей, говоря, чтобы они шли за ним и ничего не боялись. Наконец, трос достигли того места, где, как им казалось, невозможно было преодолеть встретившиеся препятствия. Перед ними была гладкая поверхность утеса, уже покрытая снегом, и они не могли видеть, куда ведет эта покатая поверхность. Дагге утверждал, что знает местность, и что проведет их. По его мнению, это был утесистый уступ. Он уверял, что надо сделать большой обход, чтобы достигнуть ущелья, которое

представляло собою довольно удобный путь. Они хорошо припомнили утесистый уступ и ущелье; только оставалось узнать, действительно ли этот утес находится под ними. Дагге, увлекаясь излишней смелостью, отказался от каната, предложенного ему Росвелем, сел на снег и покатился вперед. Он скоро исчез.

— Что с ним случилось? — вскричал Росвель, стараясь проникнуть взглядом в пространство. — Его не видно!

— Держите веревку и дайте мне другой конец. Я пойду его отыскивать, — сказал Стимсон.

Росвель согласился на это предложение и спустил Стимсона к подошве утеса. Наконец, он совершенно потерял матроса из виду.

— Держитесь более вправо, сударь, — кричал моряк, — и поддерживайте меня канатом.

Росвель, чувствуя под ногами довольно ровную землю, так и сделал. Через несколько минут Стимсон потянул веревку и сказал Гарнеру:

— Капитан Гарнер, я теперь на уступе, и дорога здесь не очень плоха. Бросьте канат на снег и катитесь как можно тише. Держитесь более этой стороны, я тут и поддержку вас.

Гарнер все это понял и, держась за веревку, достиг того места, где Стимсон был готов подхватить его. Обеспокоенный тою скоростью, с которою Росвель катился по склону, Стимсон бросился навстречу своему офицеру. Благодаря этой предосторожности Росвель остановился во-время; иначе он сорвался бы с утеса, почти перпендикулярно обрывающегося вниз.

— Что случилось с Дагге? — спросил Гарнер, лишь только встал на ноги.

— Я думаю, сударь, что он свалился под утес.

Это было печальное известие и особенно в подобную минуту. Но Росвель не унывал. Он измерил глубину обрыва веревкою: высота утеса была около тринадцати метров. Потом, крепко придерживаемый Стимсоном, он смело спустился вниз.

Шел снег; хлопья были густы и крутились на углах утесов иногда так сильно, что засыпали молодому человеку глаза. Росвель пошел по обломкам утесов.

Вой ветра почти совершенно препятствовал слышать другие звуки, хотя один или два раза он слышал или думал, что слышал, крики Стимсона, находящегося над ним. Вдруг ветер перестал, а солнечные лучи упали на края утесов. Через минуту глаза Росвеля увидели то, что они искали.

Дагге перекатился через тот самый уступ, где Стимсон встал на ноги.

Когда Росвель нашел своего несчастного товарища, тот был уже в памяти.

— Как хорошо, что вы нашли меня, Гарнер! — сказал он. — Я было уже отчаялся.

— Вы живы, мой друг! — отвечал Росвель. — Кажется, вы только ранены?

— Более, нежели кажется, Гарнер! Более, нежели кажется! У меня переломлена левая нога, и одно из моих плеч причиняет мне сильную боль, хотя оно не сломано и не вывихнуто. Это очень неприятный случай в путешествии, предпринятом для охоты за морскими тюленями!

— Не думайте об этом, Дагге, я займусь вашими делами.

— Позаботитесь ли вы о шхуне, Гарнер? Обещайте мне это, и я буду спокоен.

— Я обещаю, что оба корабля останутся один возле другого до тех пор, пока мы будем свободны от льда.

— Да, но это еще не все, надо, чтобы «Морской Лев» имел такой же груз, как и ваш. Обещайте мне это.

— Это уже дело случая. Но вот Стимсон! Прежде всего вас надо вынуть отсюда.

Обещания Росвеля успокоили Дагге, потому что, несмотря на страдания, он думал о корабле и грузе.

Но как перенести Дагге? Нога его была переломлена немного выше лодыжки и ушиблена в нескольких местах. Следовательно, помочь ему на утесе, где он лежал, было совершенно невозможно, и надо было перенести его на другое место. К счастью, до подошвы горы было не очень далеко, и с предосторожностью можно было дойти до низшей части утеса. Росвель и Стимсон подняли Дагге в сидячем положении, приказывая ему держаться за их шеи. Когда Дагге был поднят таким образом, кость ноги вошла в свое место.

Матросы часто исполняют обязанности доктора и хирурга. Росвелю уже два раза случалось вправлять вывихнутые члены, и он немного знал, что надо было делать. Дагге сидел теперь на утесе, у подошвы горы, с опущенными ногами, опершись спиною о другой утес. Лишь только его посадили так, Росвель послал Стимсона как можно скорее позвать на помощь.

Расправляя ногу Дагге, Росвель скоро убедился, что кость вошла в свое место, и связал ее бинтами, а потом заключил ее в лубок.

Сам Дагге взял свой ножик и начал стругать лубки, чтобы придать им необходимую форму и толщину. Через полчаса Росвель кончил операцию.

Прошли четыре ужасных, мучительных часа, прежде чем люди, за которыми пошли, достигли подошвы горы. Они привезли одноколесную тележку, которую употребляли для перевозки тюленьих шкур.

ГЛАВА XVIII

На другой день утром Росвель, занимаясь обычными работами, был очень задумчив. Его не волновало то, что Дагге находился на острове тюленей; но оставалась еще тайна, — тайна скрытого сокровища пиратов. Если обе шхуны более не разлучатся, то как он мог исполнить эту часть своего поручения, не соглашаясь на дележ клада, против которого восстала бы вся нравственная и физическая природа Пратта? А между тем он уже дал слово Дагге и не мог уехать; он решил помочь «Морскому Льву» из Виньярда пополнить его груз. Оставалось отделаться от этого невольного товарища по путешествию позднее, когда оба корабля поплывут на север.

Лейтенант шхуны Дагге, хотя и хороший охотник за тюленями, был пылкого характера и уже несколько раз порицал осторожность Росвеля. Маси, — так звали его, — думал, что надо произвести общее нападение на тюленей, а потом заняться сушкой шкур. «А то в одно прекрасное утро, — говорил он, — капитан Гарнер выйдет и увидит, что его стадо отправилось на другие пастбища». Этого мнения Росвель никогда не разделял. Его благоразумная политика дала прекрасные результаты, и он надеялся, что все это так и будет продолжаться до наполнения грузом обеих шхун.

На другой день утром он, как начальник обеих шхун, возобновил свои советы, и в особенности долго объяснял виньярдцам необходимость не пугать тюленей насколько только это возможно. Ему отвечали: «да, да, сударь», и матросы, повидимому, готовые повиноваться его приказаниям, отправились на утесы.

Маси считал себя законным начальником шхуны во время отсутствия Дагге и решил, что его капитан не имел никакого права подчинить его и виньярдский экипаж власти другого начальника.

— Выгода требует, чтобы с животными обходились осторожно, — сказал, смеясь, Маси, нанося первый удар пикой тюленю; — возьмите, ребята, эту игрушку и положите ее в люльку, а я пока поищу его мать.

Смех был ответом на эту шутку, и матросы, видя, как свободно держат себя офицеры, были и сами расположены к шуму и неповиновению.

— Дитя в своей колыбели, господин Маси! — сказал Джемс, такой же балагур, как и его лейтенант. — Я думаю, что лучшее средство усыпить их — ударить обухом о нахмуренные головы красавцев, расположившихся около нас.

В одну минуту утесы, находившиеся на этой стороне острова, стали театром ожесточенной, шумной, беспорядочной бойни. Газар, бывший недалеко, успел удержать людей своего экипажа, но про виньярдцев можно было сказать, что они сошли с ума,

Правда, убили большое число тюленей, но результаты этой бойни не заставили себя долго ждать. Все животные сделались пугливы. Часто видели, что стада морских львов обращались в бегство без всякой видимой причины, следуя своему инстинкту. То же было и с тюленями. Утесы сделались пусты почти на целую милю от места побоища. Следствием этого было то, что Газару и его людям нечего было более делать.

— Вы, господин Маси, без сомнения, знаете, что ваши действия противоречили данным вам приказаниям. Я принужден заявить об этом, — сказал Газар.

— Пожалуйста, — было ответом. — У меня только один начальник, капитан Дагге, и если вы, Газар, его увидите, то скажите ему, что у нас нынче было прекрасное утро.

— Да, да, нынче у вас руки полны, но что будет завтра?

— То же, что нынче. Тюлени придут на берег, и мы надеемся их встретить. У нас было нынче столько работы, сколько не было в два дня со времени нашего прибытия сюда.

— Это правда, но что вы будете делать завтра? Однако, я скажу капитану Дагге то, что вы поручаете мне сказать ему, а мы увидим, что он подумает обо всем этом.

Газар не ошибся. Дагге, опытный охотник за тюленями, приказал позвать своего лейтенанта. Маси получил выговор, и ему пригрозили отстранением от должности, если хотя один раз он нарушит данные ему приказания.

Но зло было сделано. Охота за тюленями не была уже более правильным занятием, но сделалась чем-то ненадежным, переменчивым.

Через три недели после несчастного случая с Дагге его выздоровление очень подвинулось вперед, и нога через месяц обещала быть столь же крепкою, какою была прежде.

Капитан виньярдской шхуны начал ходить на костылях. С большими предосторожностями он успел взойти на уступ утеса, раскинувшегося в виде террасы над домом. Здесь-то, спустя три недели после их восхождения на гору, поутру в воскресенье встретились Росвель и Дагге.

Они оба сели у подошвы утеса и стали разговаривать о своих планах и состоянии своих шхун. Стефан, по обыкновению, был возле своего офицера.

Росвель объявил капитану Дагге, что его шхуна полна, а виньярдская шхуна загружена наполовину, и что теперь уже нельзя было надеяться пополнить ее груз, потому что нападение, сделанное Маси на тюленей, распугало животных, и они с каждым днем делались более дикими.

— Подумайте, как важно для нас не оставаться дольше под столь высокой широтой, — добавил в заключение Гарнер.

— Я понимаю вас, — спокойно отвечал Дагге, — вы хозяин вашей шхуны, и я уверен, что Пратт был бы очень счастлив, видя вас идущим между Шельтер-Айлендом и Ойстер-Пондом. Я же — калека; иначе виньярдская шхуна не медлила бы так долго.

— Вот что я сделаю, Дагге, — сказал Гарнер, — я останусь еще на двадцать дней и помогу вам дополнить ваш груз, после чего, что бы ни случилось, я отправлюсь.

Росвель сам понимал, что обещает Дагге более того, чем должен был обещать; чувство товарищества было в нем сильно, и он не хотел оставить другого в опасности и в затруднительном положении. Он хорошо знал, что помогал сопернику, и что Дагге, наверное, желал остаться около него, чтобы итти за ним до того берега, где было скрыто сокровище пиратов. Но Росвель уже решил остаться еще на двадцать дней и сделать все, от него зависящее, чтобы помочь виньярдскому экипажу.

Охоту за тюленями продолжали с большой выдержкой: следовали тем же правилам благоразумия, которым руководились при начале. Успех был тот же. Дагге был счастлив, когда Росвель рассказывал ему о том, как виньярдцы убили старого морского льва или слона, или пушистого тюленя.

Росвель радовался, видя приближающийся конец уступленных им двадцати дней.

Март был близок, и уже наступили длинные ночи; однако, виньярдская шхуна не была еще полна. Дагге не мог ходить без костылей. Росвель вечером последнего дня приказал перестать охотиться за тюленями и готовиться к отъезду.

— Вы решились, Гарнер? — сказал умоляющим голосом Дагге. — Еще бы неделю, и моя шхуна была бы полна.

— Ни одного дня более, — ответил Росвель. — Я уже слишком долго оставался здесь и отправлюсь нынешним утром. Если вы хотите следовать моему совету, капитан Дагге, то сделайте то же. Зима под этими широтами наступает почти так же, как у нас весна. Я вовсе не хочу итти на авось среди льдов, когда ночи будут длиннее дней.

— Все это правда, Гарнер, слишком правда, но с какими глазами я приведу в Гольм-Голь неполную шхуну?

— У вас много запасов. Идя к северу, остановитесь и ловите китов у Фалкландских островов. Я лучше соглашусь остаться там целый месяц с вами, нежели здесь еще день.

— Вы меня бесите, когда говорите мне об этой группе островов. Я уверен, что еще несколько недель не будет льда на этом берегу.

— Может быть, но это не сделает длиннее дни и не поможет нам пройти среди ледяных полей и гор, которые приплывут к северу. Несколько миль, которые мне надо сделать по этому океану, беспокоят меня более, нежели все тюлени, оставшиеся на этих островах. Но уговоры бесполезны: я отправляюсь завтра. И если вы рассудительны, то мы отплывем вместе.

Дагге покорился. Он хорошо знал, что было опасно оставаться без помощи Росвеля и его экипажа, потому что уже не мог более доверять Маси.

Все с радостью получили приказание готовиться к отъезду.

Никогда корабли не готовились поспешнее к отъезду, как оба «Морские Льва». Правда, ойстер-пондский был уже готов около пятнадцати дней назад, чего нельзя было сказать про виньярдцев.

Где была Мария в тот день, когда Росвель дал приказание готовиться к отъезду? Она знала, что время его возвращения наступило, и что он должен находиться в дороге, а так как надежда — чувство не менее активное, как и обманчивое, то она воображала, что он скоро приедет.

— Не странно ли, Мария? Если бы он понимал, что чувствует человек, собственность которого находится от него на столько тысяч миль, то я уверен, что он написал бы мне и не оставил бы меня в таком беспокойстве.

— С кем же он мог бы отослать письмо, дядюшка? — отвечала племянница. — В антарктических морях нет ни почтовых контор, ни путешественников, которые могли бы взять его письма...

— Но он писал же однажды, и тогда были прекрасные известия!

— Он писал нам из Рио, потому что это было возможно. По моим вычислениям, Росвель должен был окончить свою ловлю назад тому три или четыре недели и уже сделать несколько тысяч миль на пути в Ойстер-Понд.

— Ты так думаешь, дочь моя, ты так думаешь? — вскричал Пратт с глазами, блестящими от удовольствия. — Это прекрасная мысль! Если он не остановился по пути, то мы можем надеяться увидеть его через три месяца.

Мария улыбнулась, и ее щеки сильно покраснели.

— Я думаю, дядюшка, что Росвель нигде не остановится на возвратном пути в Ойстер-Понд.

— Я хотел бы так думать, но самая главная часть его путешествия — в западную Индию, и я надеюсь, что он не способен пренебречь своими обязанностями.

— Росвель должен будет остановиться возле берегов западной Индии, дядюшка?

— Наверное, если исполнит полученные им приказания, а я надеюсь, что молодой человек не забудет ничего. Но он там недолго останется.

В эту минуту лицо Марии прояснилось.

— Если вы не обманываетесь, то мы можем ожидать его через три месяца.

— Если Гарнер, — сказал Пратт, — возвратится сюда с полным успехом, то я желал бы знать, согласитесь ли вы на его предложение, если, конечно, он сам несколько не переменится?

Хотя Пратт любил Марию более, нежели признавался в этом самому себе, но, однако, не решился еще назначить ее своей наследницею. Мысль разлучиться с богатством была для него ужасна, а потому он не мог и подумать о завещании. Если бы он не сделал никакого акта, Мария не имела бы никакой части в его имуществе. Пратт это знал, а потому очень обеспокоился: в самом деле, с некоторого времени он сам заметил плохие признаки в своем здоровье и однажды все же начал писать завещание.

ГЛАВА XIX

Было около полудня, когда оба «Морские Льва» подняли паруса. Все матросы были на палубе, и ничто на бесплодной земле острова не указывало больше на присутствие человека, исключая пустого дома и четырех куч бревен.

Слышались песни матросов; все были счастливы, веселы и думали о радости возвращения. Дагге был на палубе и принял начальство над своею шхуной, хотя ходил еще с некоторою осторожностью. Росвель поспедал везде.

Ойстер-пондская шхуна первая отчалила от берега. Ветер в этой бухте был несилен, но его было вполне достаточно для движения шхуны. Росвель, сделав в бухте около мили, дождался другой шхуны. Через четверть часа Дагге был на расстоянии голоса.

— Ну, — крикнул Дагге, — вы видите, Гарнер, что я прав: у нас довольно ветра с этой стороны и еще более со стороны земли. Нам только остается плыть среди ледяных гор, пока будет светло, и выбрать место, где бы мы могли провести ночь. Я не думаю, чтобы можно было плыть ночью среди всех этих льдов.

— Я хотел бы, — отвечал Росвель, — чтобы мы плыли как можно скорее и могли бы проплыть сквозь этот лед засветло. Десять часов такого ветра — и мы будем вне льдов.

— Теперь, — сказал Дагге — я тороплюсь так же, как и вы. Оба корабля продолжали плыть к тому месту, которое было под ветром, туда, где виднелся большой проход во льду, которым они надеялись пробраться к северу.

Так как Дагге был более опытный моряк, то оба капитана согласились, чтобы его шхуна шла впереди. Через час оба корабля вышли из большой бухты и удалялись от группы островов, плывя со скоростью около десяти узлов в час. По мере удаления от земли начали подниматься волны, и все предвещало ветер, хотя не очень крепкий.

Наступила ночь. На севере заметили белую цепь ледяных гор, отражавших косвенные лучи заходящего солнца. Вокруг шхун было большое пространство воды, совершенно свободное от сплошного льда, и даже не было видно больших льдин. Дагге думал провести ночь под ветром плавающих гор.

Первые часы этой ночи прошли в ужасной темноте. Дагге направился к цепи гор, не принимая других предосторожностей, кроме уменьшения парусов и деятельной осторожности. Каждые пять минут с вершины задней мачты слышались слова: «Смотри вперед!» Ни один человек не сходил с палубы. Беспокойство было очень сильно, и самый младший из матросов знал, что следующие двадцать четыре часа определяют судьбу путешествия.

Дагге и Росвель были в беспокойстве: должна была взойти луна, но она еще не показывалась. По небу плыли облака, сквозь которые прорывались звезды.

Около девяти часов ночи густой туман, распространившийся над океаном, увеличил темноту. Это сделало Дагге еще более осторожным, и он направился к западу, чтобы не попасть в середину льдов. Росвель следовал за его движениями, и когда луна рассеяла свой свет, обе шхуны были менее, чем на милю, от цепи гор. Скоро увидели, что возле плавучих гор находились ледяные равнины. Они лежали далеко на юг, а потому могли представить препятствие, если не опасное соседство. Эти равнины были похожи на те, которые шхуна уже встречала. Они были прорезаны напором волн, имели не более четверти мили в диаметре, и отдельные льдины были не крупнее обыкновенного речного льда. Соседство этих льдов заметили по шуму, производимому столкновением льдин. Этот шум был слышен, несмотря на свист ветра.

Оба капитана начали сильно беспокоиться. Скоро увидели, что Дагге был очень дерзок и без достаточной предосторожности и предусмотрительности направился к льдам.

По мере того, как всходила луна, легко было понять всю опасность положения. Не было бы ничего величественнее сцены, развернувшейся перед глазами моряков, если бы не была слишком очевидна опасность, которой подвергались обе шхуны, бывшие под ветром ледяного берега. Около десяти часов луна взошла над горизонтом довольно высоко; туман росой оседал на лед, где и замерзал. Океан в эту минуту казался светящимся, и все предметы на нем обозначались ясно. Тогда-то моряки поняли трудность своего положения.

Смелые люди обыкновенно беспечны в темноте, но когда опасность очевидна, их движения выказывают более благоразумия и осторожности, нежели движения людей робких. Лишь только Дагге заметил огромные массы ледяной равнины, которые, плывя по волнам, сталкивались между собою и производили тот же шум, как бурун на морском берегу, он дал почти инстинктивно приказание спустить паруса и поставить корабль против ветра, по крайней мере, насколько позволит это его конструкция.

Росвель заметил эту перемену маневра и, как она ни была незначительна, сделал то же. Большие льдины были так близко, что каждый из кораблей, проходя возле них, получил несколько небольших ударов льдом.

Было ясно, что шхуны зашли в середину льдов, и что Дагге во-время приказал уменьшить паруса.

Следующие полчаса были полны напряженного ожидания. Встречали обломок льда за обломком, и шхуна получала толчок за толчком, пока, наконец, глазам моряков не представилась сплошная ледяная равнина. Она шла на юг насколько мог видеть глаз. Оставалось только поворотить корабль.

Дагге приказал поднять передний парус и спустил задний, треугольный. В это время обе шхуны были под своими фоками, марсеями и гротом с двумя рифами. Эти паруса были недостаточны для поворачивания корабля, потому что для этого были необходимы задние паруса; маневрировали очень старательно, и оба корабля одинаково успешно пробивались среди необозримого ледяного пространства. Слышно было, как лед ударялся в бока кораблей.

Невозможно было принять другое направление, пока шхуны были окружены льдом. Дагге, заметив на небольшом расстоянии открытый проход, пошел к нему; Росвель следовал за виньярдцами. Здесь вода была менее покрыта льдами, хотя волнение океана было еще очень сильно, и удары льда становились угрожающими.

Благодаря смелости, бдительности и опытности Дагге суда успели проплыть этим проходом. Он был похож на канал, проложенный среди льда, и имел с четверть мили в ширину. Этот канал вел к ледяным горам, находившимся менее чем в миле расстояния. Менее чем через десять минут они находились среди массы плавающих в южном море ледяных гор.

Шхуны не сделали среди них еще и одного лье, а уже почувствовали, что сила порывов ветра и движения волн сделалась гораздо менее. Единственное затруднение, которое встречали при плавании, состояло в том, чтобы выбирать проходы во льду, оставшиеся незапертыми. В это время ход обеих шхун был очень медлен, горы перехватывали ветер, хотя иногда слышался его вой в глубине ледяных пропастей.

Так как море было довольно свободно и ветер, исключая некоторых проходов, был несилен, то ничто не препятствовало шхунам сойтись ближе одна к другой. Это было сделано, и оба капитана совещались о своем положении.

— Вы, Дагге, очень смелы, — сказал Росвель, — и я не хотел бы плыть за вами в путешествии вокруг света. Теперь мы среди нескольких сотен ледяных гор, представляющих, признаюсь, прекрасный вид. Но как мы из них выйдем?

— Лучше быть здесь, Гарнер, — сказал Дагге, — чем среди ледяных обломков.

— Вы отчасти правы, но я хотел бы, чтобы каналы были немного пошире. Если какие-нибудь две из этих гор соединятся, то наши шхуны будут раздавлены, как орехи щипцами.

— Надо остерегаться. Вот проход, кажется, довольно длинный и идущий на север. Если нам удастся доплыть до границы льда, то наше возвращение в Америку кажется мне обеспеченным.

— По моему мнению, — отвечал Гарнер, — мы не выйдем из этого льда, пока не сделаем тысячи миль.

— Это очень возможно. Но, Гарнер, что это такое?

За глухим, но очень сильным звуком последовал шум воды, как будто какая-нибудь масса погрузилась в океан.

Все соседние ледяные горы содрогнулись, как от землетрясения. Это было ужасное и в то же время величественное зрелище. Некоторые из льдов поднимались перпендикулярно на двести футов и обнажали поверхность, похожую на стены в полмили длины.

Волна вдруг ворвалась в проход, подняла шхуны на огромную высоту и бросила их, как пробки. Другие волны, хотя менее высокие и менее стремительные, следовали за первой, пока воды не пришли в свое обычное состояние.

— Это землетрясение, — сказал Дагге, — вулканическое извержение. Подземный толчок потряс утесы.

— Нет, сударь, — отвечал Стимсон с носа своей шхуны, — это не так, капитан Дагге! Одна из этих ледяных гор перевернулась и потрясла все другие.

Так как поворотить шхуны назад было уже поздно, то корабли продолжали с тою же смелостью плыть вперед. Проход между горами был совершенно прям, достаточно широк и давал доступ ветру. Шхуны делали три морских мили в час.

«Морской Лев» из Виньярда переменял свой ход и направился к западу. Проход, находившийся перед ними, закрылся и только оставался один открытый выход, к которому тихо и подплыла шхуна. Росвель был на ветре, а Дагге под ветром. Проход, в который Дагге успел направить свою шхуну, был чрезвычайно узок и грозил быстро закрыться, но если бы шхуна успела пройти это опасное ущелье, то далее пролив был гораздо шире. Росвель предостерегал Дагге и говорил ему, что эти горы, наверно, сойдутся.

Лишь только Дагге вошел в канал, как огромная масса льда упала с вершины одной горы, закрывая позади себя проход, что заставило Гарнера как можно скорее удалиться от горы, колебавшейся на своем основании. Следующая сцена была действительно ужасна! Крики, поднявшиеся на палубе судна, находившегося впереди, показали опасность, которой оно подвергалось. Для Росвеля было невозможно идти так далеко с своею шхуною. Он только мог спустить в море шлюпку и плыть к опасному месту.

Он это и сделал. Гарнер провел свою шлюпку под сводом, образованным куском упавшего льда, и скоро появился возле корабля Дагге. Шхуна потерпела большую аварию. Вместе с тем огромной величины глыба разделила две горы, и так как они не могли сблизиться, то мало-по-малу, отделяясь друг от друга, начали тихо поворачивать по течению. Через час путь освободился, и шлюпки пробуксировали шхуну в большой, широкий проход.

ГЛАВА XX

Случай этот произошел с «Морским Львом» из Виньярда в конце марта, что соответствовало в южном полушарии нашему сентябрю.

В то время как моряки находились среди льдов южного моря, в настроении Пратта и его племянницы произошла большая перемена. Когда капитан Гарнер отправлялся в путь, то все думали, что его отсутствие не продолжится более года. Друзья и родные моряков так и рассчитывали, но каково же их было беспокойство, когда первые летние месяцы не возвратили смельчаков. Недели шли за неделями, а шхуна не приходила; беспокойство сменилось страхом. Пратт вздыхал при мысли об угрожавшей ему потере, находя мало утешения в прибыли, полученной от китового жира. Волнение Марии увеличивалось день ото дня.

Здоровье Пратта от беспокойства расстроилось. Силы покидали его, и племянница советовалась по этому поводу с доктором Сэджем. Девушка замечала, что ее дядя делается все более и более алчным, что его страсть к наживе увеличивалась по мере того, как от него уходила жизнь. Пратт не переставал заботиться о своих интересах, получал деньги и продавал лес и все, что мог продать, не упуская возможность обогатиться, но его мысль всегда была со шхуной.

Однажды в конце ноября Пратт и его племянница находились в зале. Их стулья были поставлены так, что взгляды их могли охватить залив.

— Как было бы отлично, — сказала Мария, — если бы мы увидели «Морского Льва» на якоре возле острова Гардинера! Я иногда думаю, что это будет так, но этого никогда не случится! Я получила с Бетин-гом Джоем ответ на письмо, которое писала в Виньярд.

Пратт затрясся.

— Я не смела сказать вам, дядюшка, что не получено никаких известий ни о капитане Дагге, ни о ком-либо из его экипажа. О шхуне нет никаких известий с тех пор, как она отплыла из Рио. Друзья капитана Дагге так же заботятся о нем, как мы о несчастном Росвеле. Они думают, что оба корабля остались вместе и подверглись одинаковой участи.

— Если Гарнер, — вскричал Пратт энергично, насколько позволяла ему его слабость, — позволил Дагге сопровождать себя, то он заслужил кораблекрушение, хотя самая тяжелая потеря всегда падает на арматора!

— Но, дядюшка, лучше думать, что обе шхуны находятся вместе в этих ужасных морях, нежели предполагать, что они разделились и порознь подверглись опасностям.

— Вы говорите с легкостью, свойственною женщинам, и если бы вы знали все, то не говорили бы так!

— Вы часто так говорите об этом, дядюшка, и я боюсь, что у вас есть какая-то тайна. Почему вы не доверитесь мне и не откроете ее?

— Ты, Мария, очень добрая девушка, — отвечал немного успокоенный Пратт, — у тебя прекрасная душа, но ты ничего не знаешь об охоте за тюленями и ничего не знаешь о том, что называется заботой о своем имуществе.

— Я желала бы знать все подробности о путешествии Росвеля, — сказала Мария довольно громко, так как знала, что Пратт еще многого не открыл ей.

Пратт несколько минут молчал.

— Надо, Мария, чтобы ты знала все, — наконец сказал он ей. — Гарнер отправился отыскивать тюленей на островах, указанных мне Дагге, который умер полтора года тому назад, — островах, о которых знает только один он, если верить его словам. Товарищи, с которыми он пристал к этим берегам, почти все умерли, и только мне открыл он свою тайну.

— Я уже давно подозревала это, а также подозревала, что виньярдцы знают кое-что об этих островах, если судить по действиям капитана Дагге.

— Но, Мария, Гарнер, кроме охоты за тюленями, имеет и еще одно поручение.

— Я вас не понимаю, сударь! Ведь Росвель отправился на охоту за тюленями?

— Конечно, в этом нечего сомневаться, но в дороге может быть очень много остановок.

— Вы хотите сказать, сударь, — проговорила Мария с беспокойством, — что Росвель должен где-нибудь остановиться? Вы говорите о Западной Индии?

— Послушай, Мария, посмотри, неотворена ли дверь! И теперь, дитя мое, подойди ко мне, потому что не могу же я кричать о том, что хочу сказать только тебе. Сядь тут и не смотри такими глазами, как будто бы ты ими хочешь съесть меня, потому что в таком случае память мне может изменить, и тогда ты не все узнаешь. Может быть, я сделал бы лучше, если бы сохранил тайну.

— Совсем нет, если она хоть сколько-нибудь касается Росвеля! Вы мне часто советовали выйти за него замуж, и я должна знать о нем все, если вы только хотите, чтоб я была его женою.

— Да, Гарнер будет превосходным мужем, и я советую тебе выйти за него. Ты, Мария, дочь моего брата, и я обращаюсь с тобою так, как будто ты моя дочь.

— Да, сударь, я знаю это. Но что вы хотите сказать о Росвеле и его остановках, которые он может сделать в дороге?

— Ну, надо, Мария, чтобы ты знала, что и это путешествие основано на рассказе того моряка, который умер у нас в прошедшем году. Я был ласков с ним, как ты можешь припомнить, а он был благодарен. Из всех добродетелей благодарность — самая лучшая, дочь моя!

Мария вздохнула, потому что знала, как мало жертвовал Пратт из своих доходов на «благодарность» кому-либо.

— Да, Гарнеру, кроме охоты за тюленями, надо еще кое-что приобрести, еще более важное, нежели весь груз шхуны. Жир всегда будет жиром, дитя мое, я это знаю, но золото всегда есть золото! Что ты думаешь об этом?

— Росвель должен остановиться в Рио, чтобы продать жир и вырученные деньги выслать вам золотом?

— Гораздо лучше этого, гораздо лучше этого, если он в самом деле воротится!

Сердце Марии забилося.

— Да, в этом-то и дело, если он воротится! Если Гарнер воротится, дитя мое, то я ожидаю увидеть его с большим сундуком, почти боченком, полным золота.

Пратт, сообщая это Марии, бросил вокруг себя испуганный взгляд, как будто бы он боялся того, что слишком много сказал. Но около него была его племянница, дочь его родного брата, и эта мысль успокоила его.

— Каким же образом Росвель достанет золото, если не продаст своего груза? — спросила озабоченная Мария.

— Это другой вопрос. Я тебе, дочь моя, скажу все, и ты увидишь необходимость хранить тайну. Дагге, не тот, что снарядил другого «Морского Льва», но его дядя, который умер здесь, у вдовы Уайт, этот Дагге говорил мне о скрытом сокровище.

— О скрытом сокровище! Но кем же оно скрыто, дядюшка?

— Скрыто моряками, которые в открытом море не боятся накладывать руку на имущество других, и которые оставляют свою добычу в безопасном месте до того времени, когда смогут притти и взять его. По рассказу Дагге, оно состоит из самых чистых дублонов, хотя в нем есть и несколько тысяч английских гиней.

— Итак, дядюшка, Дагге был пират? Ведь все, похищающие имущество другого, не что иное, как пираты.

— Нет, совсем не он, но тот, кто сообщил ему тайну, был пират и был в той же тюрьме, в которой сидел сам Дагге.

— Но, я уверена, Росвель знает, что богатство, нажитое воровством, принадлежит тому, у кого оно украдено.

— А кто его законные хозяева? Я вас спрашиваю. Это золото было отнято у того, у другого, и, наверное, у множества людей. Нет, Мария, нельзя предъявить ни одного требования на какую-либо из этих золотых монет. Они все потеряны для их владельцев и будут принадлежать тому человеку, который сумеет овладеть ими и который в свою очередь делается законным их владельцем.

— Мне очень печально, дядюшка, что Росвель обогатится таким образом!

— Ты говоришь, как молодая, легкомысленная женщина, не знающая своих собственных прав. Мы не похищали золота; те, которым оно принадлежало, потеряли его назад много лет, и они теперь, может быть, уже умерли или забыли о нем, к тому же им нельзя будет узнать ни одной из своих монет. Мария, дитя мое, никогда не повторяй того, что я говорю тебе об этом.

— Не бойтесь, сударь, но я надеюсь, что Росвель никогда не дотронется до подобного богатства. Он слишком честен, чтобы обогатиться таким образом.

— Ну, ну, не говори более, дитя мое, твои мысли слишком романтичны. Дай мне несколько укрепляющих капель, потому что я устал от этого разговора. Я уже не тот, что был, Мария, и не проживу долго. Возьми газету и посмотри известия, относящиеся к китовой ловле.

Мария не заставила повторять, и ее глаза скоро упали на следующую заметку:

«С прибытием «Сестер Близнецов» из Стонингтона мы узнали, что судно встретило лед в южном полушарии, очень далеко на севере, где уже несколько лет его не встречали. Охотники за тюленями едва проложили в нем себе дорогу, и даже корабли по направлению к мысу Доброй Надежды окружены льдом.

— Вот что, Мария! — вскричал Пратт. — Ужасный лед! Очень возможно, что этот лед принудил Гарнера податься назад, чтобы выждать более благоприятное время и потом направиться к северу.

— Ах! — сказала Мария. — Зачем мы отправляемся в такие далекие путешествия для приобретения излишних богатств?

— Может быть, в это время, — сказал Пратт, — Гарнер роет землю, чтобы открыть сокровище, и эта-то причина его удерживает! Если это так, то нечего бояться льдов.

— Я слышала от вас, сударь, что это золото скрыто на берегах Западной Индии.

— Не кричи так, Мария, ведь не надо же, чтобы весь Ойстер-Понд знал, где скрыто сокровище. Оно может быть и в Западной Индии, а может и не быть. В мире есть много стран.

— Не думаете ли вы, дядюшка, что Росвель напишет, если долго пробудет в этих странах?

— Ты не хотела, чтобы были почтовые конторы в Антарктическом океане, а теперь хочешь, чтобы они были на песчаных берегах Западной Индии? У женщин все навыворот.

— Я об этом и не подумала, сударь! Ведь корабли проходят же возле берегов Западной Индии, и нет ничего легче, как отдать им письмо, которое Росвель написал бы нам, если бы был уверен, что оно к нам дойдет.

— Нет, Гарнер не таков, чтобы, не кончив дела, открыть кому-нибудь, что хочет делать в Западной Индии. Нет, нет, Мария, мы не будем иметь о нем известий, пока он будет там. Очень возможно, что Гарнеру будет трудно отыскивать это место, потому что в рассказе Дагге были очень темные места.

Мария ничего не отвечала, хотя считала маловероятным, чтобы Росвель проводил целые месяцы в Западной Индии и не нашел способа написать ей о том, где был, и что делал.

Наступила новая зима и привела с собою бури и холода, возбуждающие печальные опасения.

Не проходило ни одной недели без того, чтобы Пратт не получал письма от жены, матери или сестры какого-либо матроса. Все они спрашивали у него о судьбе отправившихся на «Морском Льве» из Ойстер-Понда под начальством капитана Гарнера.

Даже встревоженные виньярдцы прислали к Пратту своего моряка, и их способ расспрашивания уже выдавал их тревогу. Беспокойство же самого Пратта с каждым днем увеличивалось. Для всех, окружающих его, было очевидно, что волнение еще более расстраивало его здоровье и угрожало его жизни.

ГЛАВА XXI

Первым движением моряка, если его корабль приходит в столкновение с твердым телом, является проверка посредством помп, сколько в корабле воды. Дагге сам занимался этим в то время, когда шлюпки Росвеля Гарнера буксировали обезмачтованную шхуну виньярдцев к месту, свободному от льдов. Все, бывшие на палубе, как понял Росвель, с беспокойством ожидали результата этого испытания. Дагге держал фонарь, при свете которого можно было вычислить высоту воды; света луны было недостаточно для этой работы. Наконец, вытащили палку, которою измеряли глубину воды.

— Ну, Гарнер, что вы об этом скажете? — нетерпеливо сказал Дагге. — Вода в трюме должна быть, потому что нет ни одного корабля, который испытал бы такой сильный толчок и остался бы цел!

— В вашем трюме должно быть около метра воды, — отвечал, качая головою, Гарнер — Если это продолжится, то вашей шхуне трудно будет остаться на воде.

— Она останется на воде, пока помпы могут работать.

— Я думаю, — сказал через несколько минут Росвель, — что ветер повернул к северо-востоку и нам навстречу.

— Он не против нас, Гарнер, по крайней мере, не против меня, — отвечал Дагге. — Я постараюсь вернуться на остров, где попробую пристать к берегу и починить мою шхуну. Вот на что могу я еще надеяться!

— Это вызовет большую задержку, капитан Дагге, — сказал Росвель.

— Я и не говорю, что нет, но я ворочусь на остров, и не прошу вас, Гарнер, сопровождать меня. В две недели заделаем все течи и поспешим за вами. Вы скажете в Ойстер-Понде, что мы плывем, а оттуда известие дойдет до Виньярда.

Говорить так — это значило некоторым образом обратиться к чести Росвеля, и Дагге знал это очень хорошо. Благородный и решительный молодой капитан был чуток к обращенному к нему косвенному приглашению.

— Посмотрим, что скажет нам теперь помпа! — вскричал Росвель нетерпеливо.

— Ну, Гарнер, какие новости? Обгоним ли мы течь, или течь обгонит нас?

— Я думаю, Дагге, что две соединенные помпы совершенно избавят нас от воды.

— Тогда к помпам! — вскричал Дагге. — К помпам, друзья мои!

В это время оба корабля подняли паруса, и под влиянием нового ветра они шли к только что оставленным островам. Шхуна Дагге шла впереди, а Газар следовал за ней на «Морском Льве» из Ойстер-Понда. Росвель оставался еще на поврежденной шхуне.

Так прошло несколько часов. Скоро узнали, что шестичасовая работа помп освободила шхуну от воды. Когда Росвель удостоверился в этом, он согласился вернуться вместе с Дагге на острова.

Счастье покровительствовало морякам в их пути посреди ледяных гор.

Около полудня на следующий день заметили вулкан, и к вечеру показался самый высокий утес, усыпанный снегом.

Утром на четвертый день «Морские Львы» были в большой бухте вне льдов, в расстоянии мили от маленькой губы. Скоро шхуны бросили якоря в старом порту. Росвель смотрел вокруг себя с печалью, ужасом и удивлением. Он жалел, что потерял столько времени.

Все признаки лета исчезли, наступила холодная и морозная осень. Дом остался таким же; кучи бревен и других предметов, оставленные тут, были на месте. К общему удивлению, не заметили тюленей. Все эти животные исчезли, нарушив расчеты Дагге, который надеялся воспользоваться случаем для пополнения своего груза.

— Ну, Маса, — сказал Газар, показывая лейтенанту пустые утесы, — что вы думаете об этом? Нет ни одного животного там, где прежде были их тысячи.

Экипаж Дагге перенес свои матрацы на берег, затем свои кровати; развели огонь в печи и приготовились устроить в доме кухню, как было до оставления острова. Росвель и весь его экипаж остался на палубе. В неделю законопатили много щелей, но когда хотели спустить шхуну на воду, то еще осталась одна довольно значительная, с которою трудно было предпринять далекое путешествие. Росвель упорно высказывал свое мнение о необходимости законопатить и эту течь.

— В таком случае, — сказал Дагге, — нужно шхуну поставить на берег и приняться за работу. Но я вижу, что эта остановка вам не нравится и что вы думаете о Пратте и Ойстер-Понде! Я отнюдь не порицаю вас за это, Гарнер, и никогда не скажу ни одного слова против вас и вашего экипажа, если вы уедете нынче же после полудня.

Был ли искренен Дагге в своих словах? Он хотел казаться справедливым и великодушным, а втайне старался оказывать давление на добрые чувства Росвеля так же, как и на его самолюбие. Дагге еще занимала прибыль; он не отказывался от мысли получить свою часть из клада пиратов.

Росвель хотя очень мало был расположен к тому, чтобы оставаться на этих островах, но согласился подождать, пока не убедится, что поврежденный корабль будет в состоянии отплыть. Это была новая недельная отсрочка.

Когда законопатили течь, и шхуна стала на якорь, Дагге подошел к Росвелю и пожал ему руку.

— Я обязан вам многим, — сказал он, — все виньярдцы узнают это, если мы когда-нибудь воротимся домой.

— Я буду рад, если это сбудется, капитан Дагге, — сказал Росвель, — потому что, говоря правду, две недели, которые мы потеряли, и которые потеряем еще, прежде чем подыдем паруса, произведут большую перемену в погоде.

Дагге старался ободрить своего товарища, но Росвель был очень счастлив, когда через двадцать четыре часа виньярдская шхуна была готова. Гарнер думал, что надо было поднимать паруса, но Дагге возражал. Сначала он указывал на то, что не было никакого ветра, и когда Росвель предложил вывести обе шхуны из бухты, отвечал, что матросы устали и нуждаются в отдыхе. Но Росвель настоял на своём, и когда шхуны отплыли от берега, он чувствовал, что с плеч его свалилась большая тяжесть. Шлюпка тихо буксировала ойстер-пондскую шхуну и помогала ей выйти из губы. Когда шхуна проходила около виньярдской шхуны, Дагге был на палубе. Он пожелал доброго вечера товарищу, обещая последовать за ним утром.

Тогда в уме молодого капитана явилась новая мысль. К чему послужит то, что он выведет свой корабль из льдов, если этот лед на другой день затрет корабль Дагге? Он решился опять войти в губу, чтобы еще раз попробовать уговорить Дагге.

Гарнер нашел всех виньярдцев спящими. Даже сам Дагге не встал, чтобы встретить Росвеля. Было бесполезно спорить с ним. Побыв несколько минут с Дагге, Росвель воротился на свою палубу. Возвращаясь, он заметил, что лед делается все толще, и шлюпка шла к шхуне, ломая ледяную кору.

Росвель сам начал опасаться того, чтобы его не затерло льдом до выхода из губы. К счастью, легкий ветерок подул с севера, и Гарнер успел вывести свою шхуну к такому месту, где этой опасности уже не было. Тогда он позволил своим людям отдохнуть, что для них было необходимо, и офицеры поочередно дежурили на палубе.

За час до начала дня лейтенант вследствие полученного приказанья разбудил Росвеля. Молодой капитан, выйдя на палубу, увидал, что ветра совсем не было, и было очень холодно.

Лед пристал к снастям и бокам шхуны, хотя ночная тишина препятствовала морской пене брызгать на корабль, что было очень благоприятно для моряков. Росвель убедился, что ледяная кора, окружавшая его, была толщиной в треть метра. Это сильно его беспокоило, и он дождался с нетерпением дня, чтобы отдать себе отчет в положении Дагге.

Лишь только рассвело, Гарнер увидал, что лед покрыл всю бухту. Дагге и его экипаж работали пилюю. Вероятно, они спохватились еще до рассвета, потому что шхуна не поднимала якоря, хотя находилась от бухты на расстоянии кабельтова. Гарнер следил за действиями Дагге и его экипажа в зрительную трубу, а потом он вызвал свой экипаж на палубу. Повар получил приказанье приготовить теплый завтрак. Поев, Росвель и Газар сели в две китоловные шлюпки и отплыли. Они остановились около борта шхуны, затертой льдом, привезя с собою большую часть своего экипажа.

Может быть, к счастью Дагге подул ветер с севера, вследствие чего волны, гонимые этим ветром, скоро разорвали лед, и виньярдская шхуна могла около полудня соединиться с ойстер-пондской.

Росвель обрадовался, возвратившись на свой корабль, и решил как можно скорее выйти из этого залива, потому что ночной опыт показал ему, что он слишком долго оставался на якоре. Дагге за ним следовал охотно.

ГЛАВА XXII

— Господин Газар, — сказал Росвель, оставляя палубу, чтобы итти отдохнуть, — поднимите полные паруса и отправляйтесь! Мы запоздали и должны торопиться. Позовите меня, если лед преградит дорогу.

Газар посмотрел с завистью на своего капитана, идущего отдохнуть, так как и сам он нуждался в сне.

Стимсон также находился на палубе.

— Слушай! — кричал часовой. — Держись моря, спереди идет лед.

— Лед здесь! — вскричал Газар. — Этого мы менее всего ожидали...

Где лед, Смит?

— Вот, сударь, ледяная равнина, которая так велика, что отрезала от нас виньярдского «Морского Льва».

Газар с тревогой увидел лед. Он надеялся быть уже в открытом море.

Ледяная равнина так вклинилась в проход, что закрыла все выходы для обеих шхун. Дагге плыл за Росвелем. Этот опытный моряк не видел никакой возможности плыть по ветру. Обе шхуны шли одна за другою и через полчаса вновь увидели северный берег земли, которую так недавно оставили. В это время взошла луна.

Газар окликнул виньярдского «Льва» и спросил, что надо ему делать?

Еще возможно было, следуя как можно ближе по ветру, обогнуть мыс и таким образом уйти от ледяных равнин. По крайней мере, при этом маневре оба корабля могли бы поворотить и нашли бы проход, который вывел бы их на несколько миль по ветру.

— Капитан Гарнер на палубе? — спросил Дагге.

В это время показался Росвель.

— У нас, Гарнер, нет времени совещаться, — сказал Дагге. — Наша дорога перед нами. Надо итти по ней или остаться здесь, где мы теперь, пока ледяная равнина не подойдет ближе к нам. Я пойду вперед, а вы следуйте за мною.

Росвелью было достаточно одного взгляда, чтобы понять свое положение.

Оба корабля продолжали итти вперед. В одну минуту оба экипажа, сознавая опасность, высыпали на палубу, хотя никого не вызвали. Все молчали. Глаза всех были устремлены на предмет, видневшийся впереди их.

Соседство с одной стороны утесов, тайное предчувствие, что далее будет другая ледяная равнина, возбудили всеобщее беспокойство. Оба капитана смотрели во все глаза. Начало холодеть. Два молодые

матроса, которые получили приказание взлезть на мачты, заявили, что приближалась обширная равнина льда, которая раздавит обе шхуны, если они не успеют ее избежать. Это известие в одно время дошло до капитанов. Вследствие маневра, в котором Росвель показал гораздо более опытности, чем Дагге, обе шхуны через десять минут находились одна от другой почти уже на расстоянии мили.

Гарнер сам влез на мачту и, благодаря довольно яркому свету луны и безоблачному небу, увидел лед, лежавший на западе на протяжении двух миль. Ночи были холодные. Лед образовался везде, где была вода, и молодой капитан думал, что обломки, оторванные волнами, соединяются вследствие холода. Росвель сошел с мачты, обледеневшей от ветра. Он позвал лейтенантов и стал советоваться с ними.

— Мне кажется, капитан Гарнер, — сказал ему Газар, — что не из чего выбирать. Мы затерты льдом, и из него нам надо выбиваться до рассвета, а там может представиться удобный случай выбраться отсюда. Этим слушаем мы постараясь воспользоваться, а если нет, тогда придется здесь, зимовать.

Газар говорил тихо и хладнокровно, но было видно, что он говорил обдуманно.

— Вы позабыли, господин Газар, что может быть проход по направлению к западу, и что им мы сможем пройти до открытого моря. Капитан Дагге довольно далеко на западе, и мы, может быть, успеем последовать за ним. Зимовать здесь невозможно; на это есть тысяча причин, и в том числе выгоды нашего арматора. Мы идем быстро вдоль ледяной равнины, но мне кажется, что можно итти еще скорее; так ли вы думаете, господин Газар?

— Это зависит от льда. На нашем носу несколько тонн льда.

Когда замеченная вдали ледяная равнина подошла близко, и все ее рассмотрели, то убедились, что из нее не было выхода. Вдруг открылся канал, но когда вошли в него и поплыли на северо-запад, то оказалось, что этот канал оканчивался «мешком».

Почти в то же самое время лед быстро охватил судно. Росвель тотчас же увидел, что ему нечего было делать. Он стянул все свои паруса, насколько это позволяло замерзшее полотно, поднял остроконечные якоря, которыми пользуются на льдах, и ввел свой корабль в род губы, где ему было безопаснее оставаться при столкновении ледяных полей.

Дагге показал в это время всю энергию, на которую он был способен; он старался обогнуть все утесы и проплыть в свободное море, но обширные ледяные поля, блеск которых давно приметили на палубе другого корабля, вдруг закрыл ему дорогу. Дагге старался воротиться назад. Это было не так легко, как итти впереди ветра, и его шхуна была облеплена льдом более даже, нежели другая шхуна. Он должен был освободиться от всех больших тяжестей, и таким образом потерял дорогое время.

Была полночь, и люди нуждались в отдыхе. Установили дежурство, и матросы получили позволение итти спать. Свет луны не был достаточно силен, и нельзя было решиться на какой-либо смелый шаг.

Утром Росвель увидел опасное положение Дагге, а Дагге — опасность положения Росвеля. Корабли находились друг от друга почти на расстоянии одной мили, но положение виньярдского «Льва» было более критическим. Шхуна Дагге упиралась в ледяную равнину, но эта равнина сама подвергалась сильному давлению. Когда Росвель заметил положение Дагге, он решил помочь ему.

В двадцать минут Росвель провел своих людей по льду; каждый человек нес топор или другой какой-нибудь инструмент, которым намеревался работать. Итти вперед было нетрудно, потому что поверхность ледяной равнины простиралась более чем на одну милю, и лед, образовавший ее, был очень толст и прочен.

— Вода, находящаяся между льдом и утесами, занимает гораздо менее пространства, нежели я думал, — сказал Росвель своему товарищу Стимсону. — Она здесь не более ста метров ширины.

— Правда, сударь! Уф! Когда идешь в таком холодном климате, как этот, то скоро чувствуешь одышку. Но, капитан Гарнер, эта шхуна будет разбита вдвое скорее, нежели мы можем дойти до нее. Посмотрите, сударь, ледяная равнина уже достигала утесов, увлекая шхуну, и это движение льда не остановится.

Росвель не отвечал. Положение виньярдского «Льва» показалось ему более критическим, нежели он думал. Вдали от земли он не мог составить себе никакого понятия о той силе, с какою ледяная равнина ударялась об утесы, на которые ползли куски разбитого льда.

Иногда лед ломался с треском, и движение ледяной равнины делалось гораздо сильнее; потом наступала минута затишья.

— Посмотрите, сударь вскричал Стимсон, — виньярдская шхуна одного толчка перескочила пространство в двадцать сажений! Быть возле утесов очень опасно, сударь!

Все остановились. Они чувствовали, что были бессильны, и ужас, овладевший ими, сделал их неподвижными. Экипаж Росвеля видел, что виньярдская шхуна, находившаяся на расстоянии менее одного кабельтова, была возле утесов, и что первый же удар мог ее уничтожить. Но, к их удивлению, шхуна вместо того, чтоб быть разбитою льдом, поднялась вместе со льдом, который собрался под кораблем, и остановилась почти без повреждения на уступе утеса. Весь экипаж ее спасся. Судно было брошено на берег, в шести метрах над поверхностью воды, на утесы, неровности которых были выровнены волнами. Если лето будет

благоприятно, и если дальнейшие повреждения шхуны на этом и останутся, то можно будет спустить шхуну в море и возвратиться в Америку.

Однако, ледяная равнина еще не остановилась, льдина шла за льдиной, лезла одна на другую, пока вдоль берега не образовалась ледяная стена, — стена, которую Росвель и его товарищи едва перелезли. Когда они добрались до несчастной шхуны, то она была буквально погребена в льдах. Мачты были сломаны, паруса разорваны, снасти разбросаны. «Морской Лев» из Виньярда был не что иное, как разбитый корабль, из которого можно было сделать только небольшое судно, если его не придется сжечь вместо дров.

Все это случилось в течение десяти минут.

— Капитан Гарнер! Капитан Гарнер! — закричал Стимсон. — Нам лучше возвратиться на борт; наш собственный корабль в опасности: он очень быстро дрейфует к мысу и может достичь его прежде, нежели мы возвратимся.

Стимсон не обманулся. Небольшое число матросов Дагге и он сам остались на палубе разбитого корабля, но все прочие отправились к мысу, к которому теперь направлялась ойстер-пондская шхуна. Расстояние было менее одного лье. Идя по уступу верхнего утеса, было легко дойти туда довольно скоро. Росвель так и сделал.

Менее, чем через полчаса, Росвель и все сопровождавшие его достигли дома. Ойстер-пондская шхуна была от этого места менее, чем на полмили. К счастью, небольшой свободный от льда бассейн увеличился вместо того, чтобы закрыться, но из него уже невозможно было выйти: в ледяной равнине не было никакого выхода. Сначала Росвель считал свой корабль погибшим, но, осмотрев местность ближе, он надеялся, что его шхуна может обогнуть утесы.

Положение моряков было безнадежно. В полдень в тени мерзла вода. Яркое солнце еще бросало свои лучи на ледяную равнину, но так косвенно, что едва можно было сносить холод. С вершины мыса виднелся один только лед, исключая той части бухты, куда не проникла еще большая ледяная равнина. К югу виднелись груды огромных гор, поставленных там, как башни, которые закрывали все выходы с этой стороны.

Росвель боялся, что до наступления лета ему уже нельзя будет освободиться от этого льда. Правда, южный ветер мог произвести некоторые перемены и снять ледяную блокаду, но это с каждой минутой делалось более и более невероятным. Зима уже началась, а если лед образовался среди группы этих островов и вне этой группы, то на восемь месяцев надо было отказаться от всякой надежды.

Стимсон дал прекрасный совет для борьбы с холодом, который, естественно, мог увеличиться. Он советовал перенести паруса разбитого корабля и сделать из них большие занавеси в деревянном доме, единственном убежище моряков; воспользоваться кожами тюленей, принадлежащими Дагге, чтобы законопатить изнутри стены этого дома; сберегать дровяной запас, который привезли с собою; ограничиться, если будет возможно, одним огнем; быть как можно опрятнее, что представляет самое лучшее средство против холода; принимать почти холодные ванны и для этого брать воду у самого входа в дом, а бочку, служащую ванной, поставить под шатер; чаще прибегать к упражнениям, чтобы тем сохранить в теле необходимую естественную теплоту.

Гарнер успел ввести свою шхуну в безопасное место у берега, а из разбитого корабля Дагге вынули все запасы и предметы, которые в нем заключались.

Два месяца прошли быстро. Моряки приняли все предосторожности, и дом доставлял более удобств, чем можно было думать. Дни уменьшились, а ночи увеличились так, что солнце было видимо только несколько часов, в которые оно очень низко проходило над северным горизонтом. Холод все более и более увеличивался. Оттепелей не было, и термометр указывал несколько градусов ниже нуля.

Люди обеих экипажей привыкли к климату и признавались, что они были бы в состоянии перенести еще больший холод.

В эту часть года выпало гораздо больше снега, нежели после. Этот снег доставлял большие неудобства, потому что скоро образовал вокруг дома вал и завалил пространство, служившее местом прогулки для моряков. Они были вынуждены прорывать лопатами проходы, и это дало им работу, способствовавшую сохранению здоровья.

Дагге не отказался от своего корабля, и не проходило дня, чтобы он его не посещал. Каждый день ему приходил на ум новый способ поднять весною паруса, хотя все слушавшие его были уверены в невозможности осуществить его планы.

Росвель сильно беспокоил вопрос о топливе. Уже истребили большую часть привезенных с собою дров. Как ни был значителен запас их, но его уже много израсходовали и, по сделанным вычислениям, его оставалось только на половину того времени, которое приходилось провести на острове. Без топлива смерть была неизбежна.

Стимсон несколько раз давал по атому поводу советы:

— Ну, сударь, вы, без сомнения, знаете, что нам остается делать. Без теплого кушанья люди не могут жить, как и вовсе без пищи. Если у виньярдской шхуны нет запаса дров, то нам надо сделать запас для топки из нее самой.

Росвель несколько времени смотрел на Стимсона. Он одобрял эту мысль, предложенную ему во второй раз.

— Без сомнения, — сказал он, — но будет не легко уговорить на это капитана Дагге.

— Если он останется два или три дня без теплого кофе, — отвечал, качая головою, Стимсон, — то будет счастлив согласиться на это. В подобном климате естественно жечь все, что может гореть.

— Я поговорю об этом с капитаном Дагге.

Росвель сделал это, но виньярдский экипаж принял это предложение за обиду. Никогда не было столь сильного спора между обоими капитанами, как в то время, когда Росвель предложил Дагге нарубить дров из остатка его разбитого корабля.

— Человека, который наложит топор или пилу на мой несчастный корабль, я сочту за личного врага, — сказал Дагге.

— Я был бы рад, капитан Дагге, — сказал Росвель, помолчав немного, — если бы мы были в состоянии провести зиму под такую широту, не сжегши от обоих кораблей почти все, что необходимо оставить для спасения нашей жизни. Наверное, лучше будет начать с того судна, который может быть менее полезен нам.

— Пока я в силах, я буду противиться сожжению моего корабля.

Росвель порицал это упрямство, но думал, что самая жестокость зимы восторжествует над ним.

— Холод увеличивается все более и более, — говорил через несколько дней Симеон Росвелю. — Я встал нынче утром, когда еще все спали, и если бы на мне не было колпака и кожаного одеяла, то я не мог бы выдержать холода. Если такая погода продолжится, то одной жаровни будет недостаточно, и их надо будет ставить в спальне две.

— Откуда мы возьмем дров, если капитан Дагге не отдаст нам своего корабля? Мы умрем задолго до начала лета.

Наступил октябрь, соответствующий апрелю северного полушария. В умеренном климате — это весна. Но совсем не то было на тюленьей земле. Зима прошла только наполовину, и суровость холода оставалась та же.

Выпало такое большое количество снега, что покрыло дорожки и прекратило сообщение между разбитым кораблем и домом. Ветер был силен. Холод увеличивался и сделался пронизывающим. Термометр то поднимался выше нуля, то падал ниже. В сентябре и октябре было много ретелей, принесших с собою всю суровость зимы.

Огромные сосульки свисали с кровли дома.

Росвель принужден был срубить концы мачт своей шхуны, чтобы достать дров, без которых его экипаж умер бы от холода. Место, где находилась ойстер-пондская шхуна, можно было узнать только по высокой снеговой горе. Почти все части шхуны, бывшие вне воды, доски, палуба были разобраны по частям и перенесены в дом на топку печи.

Дагге, который переселился с экипажем на разбитую шхуну, принужден был сделать то же. Большая часть его судна исчезла в чулане; но этим не ограничились. Разрушение корабля только увеличило его упорство. Он прицепился к его несчастным развалинам, как к своей последней надежде. Этот корабль, говорил он, принадлежал ему и его экипажу, тогда как другой корабль принадлежал ойстер-пондским морякам. Каждый имеет право только на то, что принадлежит ему.

Дрова истощались. Росвель старался заменить их жиром, а оставшееся дерево перенес в кухню и умудрился таким образом варить еду.

Как-то Маси, первый морской офицер Дагге, пришел в сопровождении одного матроса в дом с предложением, чтобы оба экипажа заняли поврежденный корабль, а дом разобрали бы на топливо.

Но предложение Дагге было неисполнимо. На его корабле было очень мало места, и притом туда надо было перенести много вещей, необходимых для защиты от холода. Это было очень трудно и потому это предложение было отвергнуто.

Маси провел ночь с ойстер-пондцами и оставил дом на другой день утром после завтрака, зная, что Дагге только и дожидался его возвращения с отрицательным ответом, чтобы начать окончательную ломку корабля. Через два дня была оттепель, происшедшая от лучей полуденного солнца, отчего лед в следующую ночь сделался крепче. Росвель и Стимсон отправились отдать визит, сделанный Маси, с целью испытать последнее средство убедить Дагге покинуть разбитый корабль и перейти жить в дом. Когда они достигли половины дороги, то нашли твердое, замерзшее, безжизненное тело матроса. Через четверть мили найден был в таком же состоянии Маси. Оба упали на дороге и замерзли от холода. Гарнер не без труда дошел до разбитого корабля и сообщил, что видел.

Это известие не изменило образа мыслей Дагге. Он начал жечь свой корабль, потому что у него не было дров, и объявил Росвелю, что будет жечь корабль, но так, чтоб из остатков его можно было весною выстроить маленький корабль. Покинуть же шхуну он отказался.

В некоторых отношениях поврежденный корабль как жилище представлял даже выход. В нем было более места для движения; ледяные пещеры, образованные глыбами льда возле корабля, были просторны и защищали от ветра, который был всего опаснее. Без сомнения, этот ветер был причиною смерти Маси и его товарища.

С приближением весны ветры делались сильнее.

Прошел целый месяц со времени посещения Росвеля, и в течение этого месяца не было никакого сообщения между домом и поврежденным кораблем. Наступил сентябрь, соответствующий нашему марту; погода была ужасна.

В октябре, после одного из самых лучших полдней, какого не видали в течение многих месяцев, Росвель и Стимсон стали работать на террасе, которая была свободна от снега и льда. Ночь обещала быть холодной, но не была еще настолько сурова, чтобы принудить Росвеля и Стимсона искать убежища.

— Надо бы, — сказал Росвель, — узнать, что сделалось с виньярдцами. Мы целый месяц не имеем о них никаких известий.

— Разлука — самая печальная вещь, капитан Росвель, — отвечал Стимсон, — и каждый час делает ее печальнее. Подумайте-ка о том, как было бы хорошо, если бы они были с нами.

Несмотря на увеличившийся холод, Росвель остался на террасе даже тогда, когда Стимсон ушел в дом. Была дивная полярная ночь. Звезды горели в глубине темного безоблачного неба.

ГЛАВА XXIII

Стимсон беспокоился при мысли, что его капитан остался снаружи, и вышел его отыскивать.

— Вы хорошо переносите холод, капитан Гарнер, — сказал Стимсон, — но вы, может быть, сделали бы лучше, если бы вошли в дом.

— Мне не холодно, Стимсон, — отвечал Росвель. — Но послушай, не слышится ли тебе голо; со стороны разбитого корабля?

— Теперь очень поздно, — сказал Стимсон, — и едва ли кто-нибудь из виньярдцев еще остается на ногах. К тому же так холодно, что все должны лежать.

— Не понимаю и не нахожу, чтобы было так холодно. Ветер, кажется, повернул к северо-востоку. Будет мороз. Послушай, вот опять кричат!

Среди ночи слышался голос: «Помогите!» Этот крик имел что-то жалкое, как стон умирающего. Росвель почувствовал, что вся кровь его прилила к сердцу.

— Ты слышал?

— Слышал, сударь! Это голос негра Джона, повара капитана Дагге.

— Ты так думаешь, Стимсон? У него хорошие легкие, и, может быть, ему велели звать на помощь.

— У нас еще довольно припасов; но они, может быть, потушили огонь и не могут опять зажечь его.

Последнее мнение показалось Росвелю самым вероятным. Лишь только он уверился в том, что звали на помощь, то решил тотчас же отправиться к разбитому кораблю, несмотря на поздний час и сильный холод.

Росвель взял с собою только одного Стимсона, захватив все, что было нужно, а также и заряженный пистолет для подачи сигнала, если это понадобится.

Гарнер сознавал, что, отправляясь на помощь виньярдцам, он подвергает себя большой опасности.

— Мне кажется, что мы не доберемся до разбитого корабля: делается все холоднее и холоднее, — сказал Стимсон.

Но они продолжали идти. Росвель слышал еще раз крик, но объяснить причину этого крика было довольно трудно. Казалось, что он шел не оттуда, где находился корабль.

— Этот крик, — сказал Стимсон, — совершенно не со стороны моря. Я так уверен в этом, что советую переменить немного дорогу и посмотреть, не находится ли в опасности идущий к нам виньярдец?

Росвель согласился, потому что думал то же самое, хотя он и не предполагал, чтобы для исполнения какого-либо поручения при подобных обстоятельствах выбрали негра.

— Я думаю, — сказал он, — что капитан Дагге скорее пришел бы сам или поручил бы это кому-нибудь из своих офицеров, вместо того, чтобы посылать негра на такой мороз.

— Мы еще не уверены, сударь, что именно негр. Страдание извлекает одинаковые звуки из горла и белого и негра. Подойдемте к горам, сударь! Я вижу, там что-то чернеет на снегу.

Росвель заметил тот же предмет, и смельчаки ближе подошли к этому месту.

— Ты прав, Стимсон! — сказал Гарнер. — Это повар! Бедняжка дошел до половины дороги между кораблем и домом.

— Он еще жив, сударь! Последний крик был минут десять назад. Помогите мне повернуть его, и мы нальем ему в горло водки. Это оживит его.

Росвель исполнил желание Стимсона, потом выстрелил из пистолета, чтобы уведомить людей, оставшихся в доме. Негр еще не умер, но находился в таком состоянии, что достаточно было нескольких минут для его смерти. Растирание, произведенное Росвелем и Стимсоном, возымело свое действие. Глоток водки, наверное, спас бедного малого. Пока помогали, Гарнер нашел возле него кусок мерзлой сырой свинины. По этой находке моряки поняли, что у экипажа разбитой шхуны не было огня.

Они были так заняты попечениями о бедном поваре, что люди из экипажа пришли, казалось, гораздо скорее, чем это можно было ожидать. Они были приведены Газаром и принесли фонарь, над которым был укреплен глиняный сосуд с кофе. Теплое питье произвело прекрасное действие на негра. После одного или двух глотков негр начал оживать.

Теплый кофе был ему очень полезен, и каждый его глоток возвращал ему жизнь. Когда его привели в дом, он уже мог говорить. Гарнер и Стимсон возвратились в дом вместе с ним и могли слышать рассказ негра.

Он рассказал, что в течение протекшего ужасного месяца Дагге принуждал свой экипаж делать много работы. Он очень беспокоился насчет топки и дал самое строгое приказание беречь дрова. За поддержанием огня не следили, как следовало бы. Огонь потух. В золе не было и искорки, а трут вышел весь. Это было самое большое несчастье, которое только могло в это время случиться с виньярдцами. Целый день провели в бесполезных усилиях, чтобы добыть огня. На вторую ночь водка, которую еще не пили, обратилась в кусок льда. Многие из экипажа начали жаловаться на отмороженные уши, носы, ноги и другие конечности, и скоро все были принуждены скрыться в постели. В течение нескольких часов послали трех людей в дом, чтобы запастись огнем или средствами зажечь его, также и за другими предметами, бывшими необходимыми для спасения виньярдцев. Повар был последним из посланных. Он прошел мимо своих товарищей. Все они лежали на снегу мертвыми, по крайней мере, ему казалось так, потому что ни один из них не подавал признаков жизни. При виде этого ужасного зрелища негр стал звать на помощь. Он продолжал звать, пока сам, оледенев от холода и страха, не упал на снег.

Росвель немедленно снова отправился к виньярдцам. Его сопровождали один из его офицеров, матрос и Стимсон.

Холод был так силен, что Росвель был готов возвратиться назад. Но мысль о положении, в котором находился Дагге, заставила его продолжать дорогу.

На месте, указанном негром, нашли одного из лучших людей экипажа Дагге. Он был мертв, а труп его был тверд, как кусок дерева.

Моряки не теряли времени в пустых совещаниях над трупом этого человека, которого любили все оyster-пондцы. Через двадцать минут нашли другое тело; оба трупа находились на дороге между домом и разбитым кораблем.

Росвель остановился только на минуту, чтобы внимательно взглянуть на труп, и спешил далее к разбитому кораблю. Через десять минут они находились уже в ледяных пещерах, вошли в каюту и прежде всего начали разводиться огонь. В чулане было запасено много дров, и было очевидно, что многие старались добыть огня. Холод жестоко проникал под платье. Стимсон первый вошел в чулан, другие следовали за ним, неся факелы, полотно, напитанное жиром, и немного приготовленной бумаги. В каюте сделалось гораздо теплее, однако, когда Росвель посмотрел на термометр, то увидал, что вся ртуть была в шарике.

Гарнер осмотрел каюту. Из виньярдского экипажа виднелись только трое, хотя можно было думать, что многие были закрыты кучею одежд. Один был так близко около факела, что свет падал на его лицо.

Этот человек сидел. Его неморгающие глаза были открыты и устремлены на пришельцев; губы были раскрыты, и Росвель сначала ждал, что он заговорит; но неподвижные черты, одеревеневшие мускулы моряка и странное выражение его взгляда скоро раскрыли истину. Он был мертв. Трясаясь как от холода, так и от страха, молодой капитан повернулся к Стимсону, чтоб посмотреть, успел ли он развести огонь.

Стимсон положил на дрова побольше полотна, напитанного жиром, и поставил в середину лампу. Этот опыт удался. Мало-по-малу дерево, находившееся на очаге, начало отходить; стало показываться пламя.

К счастью, нашли меха и раздули огонь.

Каютка была так мала, так узка и так загромождена, что почти тотчас же заметили перемену атмосферы. Посмотрев на термометр, Росвель увидел, что ртуть значительно расширилась и уже поднялась из шарика вверх по трубке.

В эту-то минуту с одной из постелей послышался слабый голос.

— Гарнер, — говорил этот голос, — если вы имеете жалость к человеческому существу, находящемуся в страшном положении, так дайте мне глоток кофе, чтоб согреться. Ах! Как приятен его запах, и как он должен быть хорош для желудка! Я три дня ничего не ел.

Это был Дагге.

Росвель поспешил к нему на помощь. К счастью, был горячий кофе. Дагге дали два или три глотка этой жидкости, и его голос тотчас же сделался белее бодрым.

— Мне очень плохо, Гарнер, — сказал капитан Дагге, — и я боюсь, что мы все здесь находимся в одинаковом положении. Я боролся с холодом, но мне пришлось уступить.

— Сколько осталось ваших людей, Дагге? Скажите нам, где мы найдем их?

— Я думаю, Росвель, что им больше ничего не нужно. Второй офицер и два матроса сидели в каюте, когда я бросился на постель, и думаю, что они умерли. Я уговаривал их также лечь, но сон уже овладел ими.

— В каюте трое, которые не нуждаются в помощи, потому что замерзли. Но должны же быть еще!.. Я вижу еще двух на постелях. Что ты скажешь об этом малом, Стимсон?

— Он на волосок от смерти.

Это был молодой человек, по имени Лев, один из самых красивых и самых сильных людей экипажа. Осматривая его, нашли, что ни одна часть его тела еще не замерзла совершенно, хотя кровообращение было готово остановиться, и довольно было одного часа подобного холода, чтобы он был мертв. Осматривая Дагге, Росвель ужаснулся от сделанного им открытия: ноги, голени, руки несчастного виньярдского капитана были столь же тверды, как льдины. Росвель тотчас же послал за снегом, чтобы оттереть больных. Мертвых вынесли из каюты и положили на лед.

Экипаж «Морского Льва» из Виньярда состоял из пятнадцати матросов, — одним меньше, чем на другой шхуне. Четверо из них умерли на дороге между разбитым кораблем и домом; трех нашли в каюте и еще двух вытащили мертвыми. Только еще о трех человеках из экипажа ничего не было известно. Когда спросили у Льва, что с ними случилось, то он сказал, что один из трех замерз в пещерах несколько дней назад, а двое остальных отправились в дом во время последней метели, не будучи в состоянии сносить холод на разбитом корабле. А так как эти двое не приходили еще в дом, когда Росвель вышел из него, то нельзя было сомневаться в их смерти. Итак, из пятнадцати человек, отплывших из Виньярда, осталось только трое; на двоих можно было смотреть как на находившихся при смерти. Лев был один из всего экипажа, который был сравнительно в добром здравье.

ГЛАВА XXIV

Когда вынесли больных из каюты, а тело Дагге было обложено льдом, Росвель посмотрел на термометр. Ртуть поднялась на двадцать градусов выше нуля. Это уже была жара по сравнению с той температурой, которая стояла раньше. Вышедшие люди скоро возвратились и объявили, что погода очень улучшилась. Через час термометр, находившийся снаружи, показывал два градуса выше нуля. Моряки сняли шкуры и погасили огонь, разведенный с таким трудом.

Когда встали утром, погода еще больше изменилась. Сильный ветер пригнал дождь. Стояла оттепель. В этой стране перемена погоды приходит всегда очень быстро; от зимы к весне переход бывает столь же внезапен, как и от осени к зиме. Впрочем, эти два времени года почти не существуют в южных морях; обыкновенно зима переходит прямо в лето, — такое лето, какое только может быть там.

Несмотря на благоприятную перемену погоды, Росвель был убежден, что лето еще не наступает. Только через несколько недель мог исчезнуть лед. В одном отношении люди, оставшиеся еще в живых, выиграли от несчастья с Дагге: запасы обоих кораблей могли теперь служить одному.

Между тем снег, находившийся на горах, скоро начал таять и сбегать потоками в долину и, падая с различных высот, образовывать целые водопады. Весь снег, находившийся на утесах, исчез, и ледяные обломки быстро начали уменьшаться в размерах. Сначала Росвель боялся за разбитый корабль, думая, что его снесет водою в море. Вскоре явилось опасение, что он будет разбит огромными ледяными глыбами, среди которых он находился. Росвель решил перенести Дагге в дом, но, увидев потоки воды, стекающей с утесов, отказался от этой мысли, как неисполнимой.

Северо-восточный ветер, дождь и оттепель овладели всем островом. Когда вынесли термометр на воздух, то он показывал шестьдесят два градуса¹, и моряки сняли вторые рубашки и самые тяжелые платья. Снег почти совершенно исчез. Лед таял. Дом был цел, и кругом его уже не было снега.

Росвель, поручив разбитый корабль надзору своего второго офицера, отправился на мыс. Лев, молодой моряк, которого Росвель спас от смерти, сопровождал его, выпросив у него разрешения вступить в ойстер-пондский экипаж. Оба пришли в дом до наступления ночи и нашли Газара и его товарищей в тревоге за судьбу ушедших.

¹ Здесь градусы указаны по термометру Фаренгейта. По Фаренгейту точка кипения воды отмечается не 100 градусами, как по Цельсию, и не 80, как по Реомюру, а 212, а точка замерзания воды, отмечаемая на градусниках Реомюра и Цельсия нулем, на термометре Фаренгейта отмечается 32 градусами. Термометр Фаренгейта употребляется в Англии и Сев. Америке. (Прим. ред.)

На другой день после завтрака Гарнер дошел до губы, чтобы видеть состояние своего собственного корабля или, скорее, того, что от него осталось. На нем лежала большая куча снега, и он дал приказание некоторым из своих людей очистить его. Около полудня весь этот снег исчез.

Лишь только освободили корабль от снега, Росвель велел вынуть из него все, в нем находящееся, остатки груза, бочки с водою и замерзшие припасы. Так как лед наполнял все дно шхуны и был в несколько футов толщиной, то сочли благоразумным прибегнуть к очистке и здесь. Облегченный корабль поднялся на четыре дюйма.

В этот вечер Росвель составил совет из своих офицеров и старейших матросов. Надо было решить, оставить ли остров на шлюпках, или, сделав некоторые исправления в остове корабля и восстановив палубу, воспользоваться этим исправленным кораблем для возвращения на север.

Поспорив, пришли к решению, что благоразумие советует провести еще месяц на острове, и это время посвятить исправлению шхуны.

В продолжение трех недель проделали огромную работу. Дагге перевезли в дом в ручной тележке и ухаживали за ним, как только могли.

Росвель не имел намерения довести шхуну до прежнего состояния. Он решил только немного поправить ее надводную часть и восстановить палубу.

К счастью, трюмовая часть виньярдского «Льва» была все еще цела; доски его были очень полезны и помогли исправить корму шхуны. Но оставалась еще палуба и вся носовая часть. Воспользовались материалами различных частей обоих кораблей и успели починить палубу довольно прочно. Почти бесполезно говорить, что снег, лежавший по прибрежным утесам, скоро растаял. Все пещеры исчезли еще в первую неделю оттепели. Наконец, начали показываться тюлени, что считалось хорошим признаком.

Дальняя часть берега была уже покрыта этими животными. Увы! Этот вид уже не возбуждал более алчности в сердцах охотников за тюленями. Они думали не о прибыли, а о своем спасении.

Это вторичное появление тюленей произвело на Дагге большое впечатление.

— Как жалко, Гарнер, — говорил он, — что у нас нет готового корабля, чтобы принять другой груз; в это время года можно бы наполнить огромный корабль.

— Груз у нас гораздо значительнее, нежели мы можем вынести. Нам надо оставить половину всех наших кож и жира. Трюм шхуны очень узок для помещения всего нашего груза. Балласт корабля я сделаю из воды и провизии, а остальное место наполню самыми лучшими из наших кож: все же другое придется бросить.

— Зачем же бросать? Оставьте здесь одного или двух человек из вашего экипажа, чтобы стеречь его, и после своего возвращения пошлите за ним корабль. Оставьте меня здесь, Гарнер, я готов остаться!

Росвель несколько раз разговаривал с Дагге, не скрывая от него его положения. Дагге, наконец, сознал и сам близость угрожающей ему смерти.

Два или три раза возвращался холод. В конце третьей недели порыв южного ветра принес снег и лед. Буря началась утром, до восхода солнца. Дни тогда были уже длинными. Все пространство, находившееся вокруг дома, было завалено кучами снега. Вся работа была брошена. Опасались, что эта буря может довести до печальной необходимости сжечь еще часть почти уже конченной шхуны, чтобы не умереть от холода.

Испробовали все: зажгли большое число ламп, свет которых напоминал огромные факелы из старого полотна и жира морских слонов,

Дагге умер. Перед смертью он был откровенен с Росвелем.

— Да, я слишком любил деньги! — сказал он Росвелю. — Для нас обоих было бы лучше довольствоваться малым, которое мы имели; теперь мы должны лишиться всего.

ГЛАВА XXV

— Я не вижу никакой перемены, господин Газар, — сказал Росвель, — холод только усиливается.

Посоветовались и решили, что, поужинав, лягут, закрывшись шкурами и одеялами. Таким образом провели тридцать шесть часов, сохраняя животную теплоту и противясь холоду.

На острове началось таяние снегов.

Гарнер не знал, сколько он спал в этот раз. Когда он проснулся, его мысли перенеслись на него самого и на состояние его тела. Желая потереть ногу ладонью, он нашел, что она почти не чувствительна.

Росвель сначала испугался и стал сильно тереть ногу, пока не почувствовал, что кровообращение возобновилось. Страх Росвеля был так силен, что он не обращал никакого внимания на человека, находившегося в чулан, пока тот не стал возле его постели, держа в руках чугунный горшок. Это был Стимсон.

— Вот теплый кофе, капитан Гарнер, — сказал старик. — Ветер переменялся, и пошел дождь. Теперь я думаю, что настанет настоящее лето, по крайней мере, какое оно может быть здесь.

Росвель сделал несколько глотков горячего кофе и тотчас же почувствовал его благотворное влияние.

Он отослал Стимсона к другим постелям. Скоро теплый кофе и растирание подняли всех. Стимсон развел огонь, и в этот раз истребили все дерево, оставшееся в доме, и скоро в комнате стало тепло. Старик роздал кофе, все согрелись и вскоре были на ногах. Было уже не очень холодно, термометр поднялся на двадцать шесть градусов выше нуля, а огонь, разведенный в кухне, и перемена ветра подняли ртуть до сорока шести градусов.

На следующий день дождик перестал, и лето, казалось, возвратилось. Так как снег исчез, все пришли в движение; ни один человек не желал еще раз испытать холод. Росвель думал, что суровость холода, который вынесли, более не возвратится, и что это было последнее усилие зимы. Стимсон думал так же. Подняли паруса, закрывавшие внешние части дома, и перенесли на палубу шхуны вещи, которые хотели увезти. Молодой капитан полез на самую высокую гору, но остановился, не пройдя и половины дороги до вершины.

Он увидел, что последний ливень уничтожил весь лед и унес всех мертвых в море. Утесы были голы, как будто на них никогда не была нога человека.

Но самым важным было состояние льдов.

На третий день с начала оттепели ветер изменился на юго-западный и дул весьма сильно. Около шести часов Газар донес Росвелью, что вода начала течь с гор, и выразил опасение, чтобы канал не был загружен льдом, находившимся вне и внутри глыбы. Нельзя было терять времени, если хотели воспользоваться переменою погоды. Распилили лед на пространстве ста метров. Проход был не шире самой шхуны; ее надо было как можно скорее провести по этому узкому проливу. Все принялись за работу, и через пять часов «Морской Лев» подошел к мысу.

В восемь часов все были на палубе. Шхуна едва могла идти по каналу. Два раза были принуждены пилить лед. В два часа «Морской Лев» находился среди большой бухты, в трех или четырех милях от губы, возле того места, где мыс поворачивал к юго-востоку. Ветер был свежий, и через полчаса появился вдали юго-восточный мыс. Через десять минут «Морской Лев» плыл по направлению к юго-востоку и востоку по свободной от льдов воде.

Встречали осколки льда, которыми океан был полон, но миновали их без всякой опасности. Ветер в продолжение трех дней дул к юго-западу. Когда наступила вторая ночь, то море было уже свободно от льдов. В восемь часов утра четвертого дня заметили на волнах черную точку, и с каждой минутой эта точка делалась все явственнее.

Через час или два «Морской Лев» находился в трех милях от мыса Горна. Сколько воспоминаний скопилось в уме Росвеля, когда он припомнил все, происшедшее с тех пор, как он оставил эти дикие горы! Как

бы ни было здесь бурно море и как бы ни казалось оно страшным, моряки смотрели теперь на него, как на место убежища.

Спустя двадцать дней «Морской Лев» еще раз поднял паруса в Рио-де-Жанейро, продав весь оставшийся у него слоновый жир и купив припасов, в которых нуждалось судно. Он держал курс к западной Индии...

ГЛАВА XXVI

Был апрель. Окна спальни Пратта были открыты, и тихий южный ветер овеивал его бледные и морщинистые щеки.

Пратт умирал. Доктор приказал, чтобы в комнате умирающего не было более двух или трех лиц, и то самых близких. Между ними была Мария. Перед лицом смерти она не думала уже о скупости дяди, об его страсти к прибыли, его болезненном эгоизме. Когда она была у его изголовья, ей сказали, что Бетинг Джой желает ее видеть и что он ждет ее в коридоре, ведущем в спальню. Она вышла к старому рыбаку, стоявшему возле окна, выходящего на восток.

— Вот он, сударыня! — сказал Джой, показывая на окно, и все его лицо выражало радость. — Вот он! Надо тотчас же сказать Пратту и тем усладить его последние минуты. Вот он! Я его тотчас же узнал.

Мария заметила шхуну, плывшую к Ойстер-Понду.

— Что ты мне показываешь, Джой? — спросила она.

— Это корабль «Морской Лев», который вы считали погибшим. Джой мог говорить целый час; он болтал две или три минуты, высунув голову и половину тела за окно. Мария не прерывала его. Она опустилась на стул, чтоб не упасть на пол.

— Джой, — сказала она, — разве ты не видишь, что эта шхуна не похожа на «Морского Льва»?

— Это правда в некотором отношении, тогда как в другом это все тот же корабль. Высокие мачты переменены. Но вот парус, который я сам сделал и который должен был служить сигналом для Пратта! Нет более сомнения: это он!

Через час не оставалось, действительно, никакого сомнения. Шхуна прошла между Ойстер-Пондом и Шелтер-Айлендом и направилась к Ойстер-пондской набережной.

— Это необыкновенно, Мария! — вскричал задыхавшимся голосом Пратт. — Не странно ли, Мария, что Гарнер возвращается? Если он исполнил свою обязанность относительно меня, так это успокоит и осчастливит закат моей жизни. Я благодарю бога за даваемые мне блага, но если эти блага у меня в руках, то я никогда не откажусь от них. Меня просили сделать завещание, но я сказал родственникам, что имею так мало, что не для чего его делать, а теперь, когда моя шхуна воротилась, я не сомневаюсь, что они опять будут приставать ко мне. Если со мною что-нибудь случится, Мария, то можешь вскрыть ту бумагу, которую я дал тебе, и это удовлетворит всех их. Ты припомни, что она адресована Гарнеру. Она не слишком важна, и они немного найдут в ней, но что бы то ни было, это — последняя моя воля, которую я не переменею. Но когда я подумаю, что Росвель воротился, это оживляет меня, — и через неделю я буду на ногах, если только он не позабыл о скрытом сокровище.

Шхуна между тем плыла к берегу, на котором уже собралась толпа людей.

— Это он! — вскричал Джой. — Капитан Гарнер, здравый и невредимый!

Вот он на палубе!

Через час Росвель сжимал Марию в своих объятиях. Эта была самая счастливая минута его жизни.

Новость дошла и до Пратта, и оба они были позваны к изголовью умирающего. Приободренный неожиданной удачей, Пратт почувствовал такой временный подъем сил, что его многочисленные родственники и наследники всерьез обеспокоились, как бы прибытие шхуны не отсрочило долгожданной смерти богатого старика.

— Добро пожаловать, Гарнер, добро пожаловать! — вскричал Пратт так бодро, что молодой человек сначала не мог дать себе отчета в положении больного. — Я никак не мог отказать себе в желании видеть вас и всегда думал, что получу от вас хорошие известия. Фамилия Гарнеров такова, что на нее можно положиться, и вот почему я поручил вам начальство над моею шхуною.

Пратт остановился, чтоб вздохнуть. Он перевел дух и выпил несколько подкрепляющих капель. Затем, указывая рукою на собравшихся вокруг него родственников, он сказал:

— Это друзья, Гарнер, посетившие меня во время болезни, которой я не так давно страдаю, и они будут счастливы, узнав о нашем богатстве. Итак, Гарнер, вы привели шхуну? Что скажут саг-гарбурские арматоры, утверждавшие, что мы ее более не увидим?.. Вы ее привели, Гарнер... привели?..

— Только отчасти, господин Пратт! С тех пор, как мы вас не видели, с нами случилось много и хорошего и дурного, но мы привели только самую лучшую ее часть.

— Лучшую часть! — воскликнул Пратт. — Самую лучшую часть! Что же сделалось с остальной?

— Остальное мы сожгли, сударь, чтобы не умереть от холода. Росвель рассказал в кратких, но ясных словах все случившееся, и о том, как остатки «Морского Льва» из Виньярда были употреблены для исправления его шхуны.

— В таком случае, — сказал Пратт упавшим голосом, — я могу считать свое предприятие прогоревшим. Страховщики откажутся заплатить за корабль, перестроенный таким образом; виньярдцы же заявят свои права на вознаграждение, потому что вы два раза воспользовались им и употребили их материалы. Есть ли у вас груз?

— Нет, господин Пратт, дело не так худо. Мы привезли довольно шкур, чтоб заплатить жалованье всему экипажу, чтобы окупить ваше снаряжение шхуны, не говоря уже о довольно значительной сумме сверх того. Наш меховой груз не может стоить менее двадцати тысяч долларов, кроме того, мы оставили и на острове много ценных мехов, и за ними можем послать другой корабль.

— Это другое дело! — вскричал Пратт. — Хотя шхуну можно считать разбитой и хотя расходы огромны, но я боюсь итти далее, Гарнер! Скажите мне... Я очень слаб! Где вы остановились? Мария, спроси его!

— Я думаю, что дядюшка желает спросить вас, останавливались ли вы возле берегов Западной Индии, как вам приказывали? Мария выговорила эти слова с отвращением.

— Я ничего не позабыл из ваших приказаний, сударь! — сказал Росвель. — Это моя обязанность, — и я думаю, что в точности ее исполнил.

— Подождите, Гарнер, — прервал умирающий, — мне надо спросить вас. Виньярдцы не имеют никакого права на эти кожи?

— Нет, сударь! Эти кожи принадлежат нам. Кожи, принадлежащие виньярдцам, свалены в нашем доме, где мы их и оставили.

— Но, Гарнер, нам надо поговорить о самом важном! Не хотите ли, чтобы все вышли из комнаты на время нашего разговора?

Пратт пытался засмеяться. В комнате остались больной, Мария, Росвель и сиделка, которую нельзя было выгнать, и которая считала себя в праве знать все семейные тайны.

— Дверь затворена? — спросил Пратт. — Мария, притвори хорошенько дверь! Это наша тайна.

Мария уверила его, что они были одни.

— Теперь, Гарнер, — сказал Пратт, — говорите мне все.

Росвель медлил ответом.

— Вы забыли берег? — сказал Пратт с горестью.

— Нет, сударь, нет, я исполнил свою обязанность.

— Вы нашли его? Место хорошо было означено?

— Да, — отвечал Росвель.

— Итак, вы нашли то, о чем говорил Дагге?

— Да, сударь, точно так, как обозначал Дагге.

— Ну, ну! Вы вскопали маленький бугорок?

— Да, сударь, и мы нашли ящик, описанный пиратом.

— Бьюсь об заклад, что большой, укладистый ящик! Пираты редко делают что-нибудь вполнину. Хи, хи, хи!

— Я ничего не могу сказать о величине ящика, но в нем был другой, небольшой стеклянный ящик.

— Но что в нем-то было, об этом вы не говорите?

— Вот что, сударь, — сказал Росвель, вынимая из кармана небольшой мешок, который положил на постель возле Пратта. — Все монеты были золотые, их здесь сто сорок три; это очень тяжелые дублоны, и каждый из них стоит десять долларов.

Пратт жадно схватил кошелек. Он раскрыл рот, чтобы вздохнуть.

Из горла его вылетел хрип. Пратта не стало.

ГЛАВА XXVII

Похороны назначены были в воскресенье. На другой день утром наследники собрались в гостиной и приступили к делу, говоря, что многие из них должны возвращаться довольно далеко, и потому спешат.

— Прежде чем мы расстанемся, нам надо рассмотреть дела Пратта, — сказал Иов Пратт. — Между родными и друзьями должна существовать только одна любовь, и я уверен, что не имею другого чувства. Я предполагаю, — господин Иов Пратт всегда говорил только предположительно, — я предполагаю, что именно мне надо управлять делами, если только на это все согласятся. Если же хотя один будет против этого, тогда я ни за что не возьмусь.

Все согласились, потому что знали, что закон ему присуждает это право.

— Я никогда не думал, чтобы у Пратта было такое богатство, какое ему приписывали, хотя и предполагал, что оно доходит до десяти тысяч долларов.

— Боже мой! — вскричала двоюродная сестра, вдова, рассчитывавшая на завещание. — Я всегда думала, что у Пратта сорок или пятьдесят тысяч долларов! Десять тысяч долларов составляют не очень много для всех нас, если их разделить между всеми.

— Раздел не так велик, как вы думаете, госпожа Мартин, — сказал господин Иов, — потому что ограничится самыми близкими родными и их представителями. Так как нет завещания, то все имущество должно быть разделено на пять частей, и каждая часть, по моим вычислениям, будет равняться двум тысячам долларов. Без сомнения, это небольшое богатство, но все же лучше, чем ничего. Пратт был бережлив. Все Пратты таковы.

— Я хотела бы знать, есть ли завещание? — сказала вдова Мартин. — Я знаю, что Пратт должен подумать обо мне, и не думаю, чтобы он помер, не позаботившись о своей двоюродной сестре Джени и ее вдовстве.

— Опасаюсь этого, сударыня, опасаясь! Я никогда не слыхал о завещании. Доктор сомневается, чтобы Пратт имел мужество написать акт, где бы шло дело о его смерти. Мария тоже никогда не слыхала о завещании, и я не знаю, к кому еще обратиться. Но должен сказать, что пастор Уитль думает, что есть завещание.

— Завещание должно быть непременно, — сказал пастор. — Я говорил ему о нуждах церкви, и он обещал не забыть о нас.

— Пратт вам обещал что-нибудь? — робко спросил Иов.

— Может быть, — отвечал уклончиво пастор Уитль. — Человек может обещать косвенно столь же хорошо, как и прямо.

— Может быть, — отвечал Иов Пратт.

— Я бы хотел, — сказал пастор, — чтобы поискали опять, нет ли завещания.

— Я согласен на все, — сказал Иов Пратт, которого уверенность и мужество с каждой минутой возрастали. — Я соглашаюсь на все и желал бы только знать, к кому мне должно обратиться?

— Кто-нибудь из присутствующих слышал ли о том, что умерший оставил завещание? — спросил, возвышая голос, пастор Уитль. Глубокая тишина последовала за этим вопросом.

— Не будет ли лучше предложить вопрос каждому близкому родственнику, — прибавил пастор. — Господин Иов Пратт, вы никогда не слыхали о завещании?

— Никогда. Были минуты, в которые я думал, что Пратт хотел делать свое завещание, но полагаю, что он переменял свое намерение.

— А вы, госпожа Томас? — сказал он, обращаясь к сестре. — Я предлагаю вам тот же вопрос.

— Я несколько раз говорила об атом с братом, — отвечала эта родственница, — но он никогда не давал мне удовлетворительного ответа.

— Вы никогда не слыхали, Мария, о завещании, сделанном вашим дядею?

Мария покачала головой, но не улыбнулась, потому что эта сцена была для нее отвратительна.

— Итак, — прибавил пастор Уитль, — никто не слыхал о бумаге, оставленной Праттом, чтобы открыть ее после смерти?

— Бумагу! — вскричала Мария. — Да, я слышала: он говорил о бумаге! Я думала, что вы говорите о завещании.

— Завещание обыкновенно пишется на бумаге, госпожа Мария! Бумага у вас?

— Дядюшка отдал мне бумагу и приказал мне беречь ее до возвращения Росвеля Гарнера.

Девушка покраснела и, казалось, говорила нехотя.

— Так как я должна была отдать эту бумагу Росвелю, то думала, что она касается только его. Дядюшка говорил мне о ней даже в самый день своей смерти.

— Без всякого сомнения, это — завещание! — вскричал пастор Уитль с радостью. — Не думаете ли вы, Мария, что это должно быть завещанием Пратта?

Мария об этом ничего не думала. Она знала, что ее дядя желал, чтобы она вышла за Росвеля, и думала, что бумага, адресованная к капитану, содержала подтверждение этого желания.

Мария встала, пошла в свою комнату и тотчас же принесла пакет. Иов Пратт и пастор Уитль хотели его распечатать, и первый с удивительным проворством успел овладеть им. Эти бумаги были сложены, как деловые, плотно запечатаны и адресованы на имя Росвеля Гарнера, капитана шхуны «Морской Лев».

Иов громко прочел адрес. Однако, он хотел хладнокровно распечатать пакет, как будто бы тот был адресован ему самому.

Госпожа Мартин, госпожа Томас, Уитль хотели принять участие в этом, и потому все подошли к нему. Обе женщины бросились к пакету, как будто хотели разорвать его.

— Это письмо адресовано мне, — сказал громко Росвель, — и я один имею право открыть его. Странно видеть, что те, которым не адресовано письмо, хотят его распечатать.

— Но оно от Пратта! — вскричала вдова Мартин. — И может содержать его завещание!

— В подобном случае, смею думать, я имею какое-нибудь право, — сказал Иов Пратт.

— Конечно! — сказала госпожа Томас. — Братья, сестры и даже двоюродные братья должны иметь преимущество перед посторонним. Мы, брат и сестра Пратта, здесь и должны иметь право прочитывать все его письма.

Росвель протянул руку и устремил на Иова Пратта взгляд, который заставил того укротить свое нетерпение.

— Есть закон, налагающий наказание на тех, которые распечатывают чужие письма, — сказал Росвель, — и я обращусь к этому закону, если кто-нибудь осмелится распечатать мое письмо.

Иов Пратт отдал Росвелю письмо.

Гарнер открыл пакет. Потом он развернул акт, написанный на большом листе и скрепленный подписями многих свидетелей.

— Это оно, это оно! — воскликнул Бетинг Джой.

— Ты его знаешь, Джой? — сказала вдова. — Братец Иов, этот человек может служить важным свидетелем.

— Знаю ли я его, сударыня? Я видел, как Пратт писал эту бумагу.

— Он видел, как Пратт писал ее! Братец Иов, этого недостаточно, чтобы подтвердить завещание, если оно сделано в пользу Марии и Гарнера?

— Увидим, увидим! Итак, Джой, ты был свидетелем, когда Пратт писал эту бумагу или, скорее, свое завещание?

— Да, я был свидетелем.

Росвель два раза прочел акт, потом передал его в руки Марии. Молодая девушка прочла его в свою очередь.

— Ах, Росвель! — сказала она тихо. — Не читайте его теперь.

— Отчего же не прочесть его теперь? — сказала вдова Мартин. — Мне кажется, что теперь-то и время его читать. Если я лишена наследства, то хочу знать это.

— Читайте завещание, капитан Гарнер! — сказал решительным тоном Иов Пратт. — Желательно было бы знать, кто назначен исполнителем? Друзья, не замолчите ли вы на минуту?

— «Я, Пратт, из города Сютгольда, графства Сюффолькского, штата Нью-Йорк, объявляю, будучи слабым телом, но в здравом уме, что это есть мое завещание, — среди мертвой тишины читал Росвель.

Я оставляю моей племяннице Марии Пратт, единственной дочери моего покойного брата Израиля Пратта, все мое имение, какое бы оно ни было и в чем бы оно ни заключалось, в вечное и потомственное ее владение.

Я позволяю моему брату, Иову Пратту, выбрать лошадь из всех моих лошадей, которые после меня останутся, в награду за несчастье, случившееся с его лошадью, когда я ею пользовался.

Я оставляю моей сестре Джени Томас большое зеркало, висящее в моей спальне на восточной стороне дома, которое некогда принадлежало нашей матушке.

Я оставляю вдове Катерине Мартин, моей двоюродной сестре, большую подушку, находящуюся в означенной восточной комнате, подушку, которой она так много удивлялась.

Я оставляю моей племяннице Марии Пратт, единственной дочери моего покойного брата Израиля Пратта, все мое имение, которым владею, и на которое имею право, включая сюда деньги, корабли, сельскохозяйственные орудия, мебель, платья и все предметы владения.

Я назначаю Росвеля Гарнера единственным исполнителем моей последней воли.

Я советую моей племяннице Марии Пратт выйти замуж за Росвеля Гарнера, но не ставлю никакого условия для этого, позволяя моей усыновленной дочери быть свободной делать, что она сочтет за лучшее».

На другой день Росвель женился на Марии.

Отремонтированный «Морской Лев» сделал второе путешествие под начальством Газара и привез жир и кожи, оставленные на острове.

Росвель Гарнер не забыл своего друга Стимсона и поручил ему начальство над судном, плававшим между Нью-Йорком и Сютгольдом.

Ключевые слова

Колония на кратере

Марк Вульстон, Боб Бэте, доктор Ярдлей, Бриджит Ярдлей, вожди индейцев Урууни и Ваальди, река Делавар, капитан Кретшли, суда «Ранкокус» и «Нешамони», Трэншон-Бридж, Берлингтон, Рио-Жанейро.

Особенности орфографии

Крейсеровать, чорт, мешёчек, пучёчек, боченок, с багажём, цынга, цыновка, полумиля, эксплуататор, итти...

Морские львы

Графство Сюффокл, острова Лонг-Айленд и Шельтер-Айленд, Ойстер-Понд, Монтаук, Виньярд, капитан Росвель Гарнер, доктор Сэдж, приходской диакон Пратт, умирающий моряк Томас Дагге.

Особенности орфографии

Эксплоататор, с ключём, пол-доллора, полумиля, будьте, полдюжины, бочёнок, караблекрушение, подымается, попустому, полдня...